

Koinon

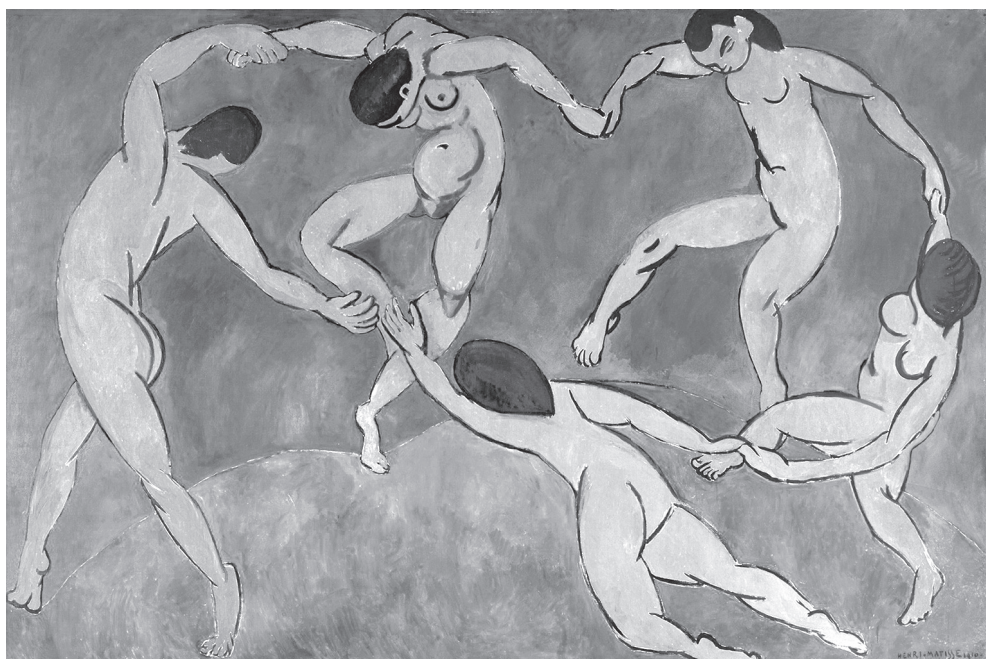
Vol. 2 | No. 1 | 2021

Henri Émile Benoît Matisse La Danse

Koinon

Vol. 2 | No. 1 | 2021

В оформлении обложки использовано изображение панно А. Матисса «Танец»

Матисс, Анри. 1910. Холст; масло. 391×260 см. Инв. № ГЭ-9673

© Succession H. Matisse

© Фото: Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. В. С. Теренин

KOINON

Журнал основан в 2020 г.
Выходит 4 раза в год

Established in 2020
Frequency of publication: quarterly

Учредитель — Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина (УрФУ)
620002, Свердловская обл.,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Publisher: Ural Federal University
named after the first Russian President
B. N. Yeltsin (URFU)
19 Mira St., Yekaterinburg,
Sverdlovsk reg., Russia, 620002

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020

Certificate of Registration
PI No FS77-78124 of 13.03.2020

«Koinon» — рецензируемый научный журнал, обращенный к философским и социально-гуманитарным аспектам феномена человеческой совместности, и свою основную задачу издание видит в объединении усилий российских и иностранных философов, социологов и политологов в области анализа совместной жизни людей. В журнале публикуются соответствующие тематике издания материалы (научные статьи, переводы статей, аналитические обзоры, рецензии) на русском, английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках. Приоритетными для журнала являются статьи, содержащие итоги научных исследований. Подробная информация об издании и требования к оформлению присылаемых рукописей размещены на сайте журнала: <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Koinon is a peer-reviewed scientific journal that addresses philosophical and socio-humanitarian aspects of the phenomenon of human jointness. Its key objective is to promote the synergy of efforts of Russian and foreign philosophers, sociologists and political analysts in the field of analyzing people's life together. The journal publishes materials (scientific articles, translations of articles, analytical surveys, and reviews) within the scope of the publication. The journal prioritizes papers containing the results of scientific research. The detailed information about the publication and requirements for the design of submitted manuscripts can be found on the journal's website <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Редколлегия «Койнона» выражает сердечную признательность ректору Уральского федерального университета Виктору Анатольевичу Кокишарову за сочувственную поддержку и эффективную помощь в издании нашего журнала

Адрес редакции: Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 319
E-mail: koinonjournal@mail.ru

Editorial office address: 51 Lenin Ave.,
room 319, Yekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: koinonjournal@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2021

© Ural Federal University, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор, научный редактор по социологии — **А. В. Меренков**, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Заместитель главного редактора, научный редактор по философии — **Л. А. Закс**, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет, Гуманитарный университет)

Научный редактор по политологии — **В. И. Михайленко**, докт. ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный редактор — **Н. В. Суслов**, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Секретарь редколлегии — **Т. М. Аболина**, канд. филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Члены редколлегии

Н. Л. Антонова, докт. социолог. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Е. В. Грунт, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Я. В. Дидковская, докт. социолог. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. А. Керимов, докт. полит. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Т. Х. Керимов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. Г. Кислов, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. А. Комлева, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем)

Ю. Г. Коргунок, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам)

Т. А. Круглова, докт. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. С. Ладьянец, докт. филос. наук, проф. (Россия, Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Е. Н. Лисанюк, докт. филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

С. Лисица, докт. социологии, проф. (Израиль, Ариэль, Ариэльский университет)

П. Нелье, докт. политологии, проф. (Италия, Триест, Триестский университет)

Э. А. Паин, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

А. В. Перцев, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

В. Н. Руденко, академик Российской академии наук, докт. юрид. наук, канд. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)

М. Шувакович, докт. философии, проф. (Сербия, Белград, Белградский университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. Г. Асмолов, академик Российской академии образования, докт. психол. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Е. В. Борисов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Новосибирск, Институт философии и права СО РАН)

Д. В. Зайцев, докт. филос. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Р. Кампа, докт. социологии, проф. (Польша, Краков, Ягеллонский университет)

М. Липовецкий, докт. филологии, проф. (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет)

И. Б. Микиргумов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

О. В. Попова, докт. полит. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

А. М. Руткевич, докт. филос. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

Г. Саймонс, докт. политологии, проф. (Швеция, Уппсала, Уппсальский университет)

С. Ушакин, докт. философии, проф. (США, Принстон, Принстонский университет)

С. А. Шаронова, докт. социолог. наук, доц. (Россия, Москва, Российский университет дружбы народов)

М. Ямпольский, докт. искусствоведения, проф. (США, Нью-Йорк, Нью-Йоркский университет)

THE EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief, science editor in sociology — **A. V. Merenkov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Deputy Editor-in-chief, science editor in philosophy — **L. A. Zaks**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, University for Humanities, Yekaterinburg, Russia)
- Science editor in political science — **V. I. Mikhailenko**, D. Sci. (History), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Executive editor — **N. V. Suslov**, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Secretary of the editorial board — **T. M. Abolina**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- The editorial board members**
- N. L. Antonova**, D. Sci. (Sociology), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Ya. V. Didkovskaya**, D. Sci. (Sociology), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- E. V. Grunt**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- A. A. Kerimov**, D. Sci. (Political Sciences), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- T. Kh. Kerimov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- A. G. Kislov**, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- N. A. Komleva**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (Geopolitical Analysis Centre of the Academy of Geopolitical Sciences, Yekaterinburg, Russia)
- Yu. G. Korgunyuk**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (Institute of Social Sciences Information, Moscow, Russia)
- T. A. Kruglova**, D. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- N. S. Ladyzhets**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the Udmurt State University, Izhevsk, Russia)
- E. V. Lisanyuk**, D. Sci. (Philosophy), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- S. Lissitsa**, D. Sci. (Sociology), Professor (University of Ariel, Israel)
- P. Neglie**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (the University of Trieste, Italy)
- E. A. Pain**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)
- A. V. Pertsev**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- V. N. Rudenko**, Academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy) (Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia)
- M. Šuvaković**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the University of Belgrade, Serbia)

THE EDITORIAL COUNCIL

- A. G. Asmolov**, Academician of the Russian Academy of Education, D. Sci. (Psychology), Professor (Moscow State University, Moscow, Russia)
- E. V. Borisov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Institute of Philosophy and Law of the Siberian branch of the RAS, Novosibirsk, Russia)
- D. V. Zaitsev**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Moscow State University, Moscow, Russia)
- R. Kampa**, D. Sci. (Sociology), Professor (The Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- M. Lipovetsky**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the University of Columbia, New York, the USA)
- I. B. Mikirtumov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- O. V. Popova**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- A. M. Rutkevich**, D. Sci. (Philosophy), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)
- G. Simons**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (the University of Uppsala, Sweden)
- S. Ushakin**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Princeton University, the USA)
- S. A. Sharonova**, D. Sci. (Sociology), Associate Professor (Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia)
- M. Yampolsky**, D. Sci. (History of Art), Professor (the University of New York, the USA)

СОДЕРЖАНИЕ

Ответы на вопросы журнала о совместности

<i>Асмолов А. Г., Меренков А. В.</i>	7
--	---

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

<i>Эпштейн М. Н.</i> Пандемия: философский диагноз	20
<i>Краснов М. А.</i> О новом смысле института президента	38

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

<i>Паин Э. А.</i> «Этнополитический маятник» и его проявления в политике государственного сталинского антисемитизма в СССР	61
<i>Перцев А. В., Мельникова Е. В.</i> Бог философов: индивидуальная интерпретация трансценденции и проблема взаимовлияния	81
<i>Швиндт У. С.</i> Эстетическая и проблемная ориентация стрит-арта в восприятии городского населения (на примере Екатеринбурга).....	100

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

Из художественного опыта советских 1920-х гг.

<i>Липовецкий М.</i> Трикстер vs. трикстер: «учителя» и «ученики» у Эренбурга, Олещи, Булгакова и Бабея	116
<i>Марголит Е. А.</i> Советский киноавангард: от условной реальности к жизненному материалу	149

В ФОКУСАХ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Социологическая диагностика проблем социального развития

<i>Кудинова О. С., Скульмовская Л. Г.</i> Актуальные проблемы и направления развития вузов Тюменского региона в современных условиях.....	168
<i>Макарова М. Н., Искибаева А. К.</i> Роль Общероссийского общественного движения «Народный фронт “За Россию”» в развитии гражданского общества в регионе.....	182
<i>Хафизова В. Р.</i> Профессиональные ориентации журналистов в условиях медиатизации общества.....	200

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЛАНЕТЫ: ЛЮДИ, СТРАНЫ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В хронотопе Средиземноморья

<i>Attina F.</i> Europe, the Mediterranean Area and the Influence of World Policies	212
<i>Ханин В.</i> «Харедофилы» и «харедофобы» в борьбе за «русскую улицу» на выборах в Кнессет 2019–2021 гг.	233

TABLE OF CONTENTS

Answers to the Journal's Questions about Being-in-Common

<i>Asmolov A. G., Merenkov A. V.</i>	7
--	---

CHALLENGES OF THE PRESENT IN THE OPTICS OF PHILOSOPHY, SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

<i>Epstein M. N.</i> The Pandemic: A Philosophical Diagnosis	20
<i>Krasnov M. A.</i> On the new Meaning of the Institution of the Presidency	38

SOCIOCULTURAL PRACTICES, INSTITUTIONS, DISCOURSES, AND MENTALITIES: DYNAMICS AND EVOLUTION

<i>Pain E. A.</i> The "Ethno-Political Pendulum" and its Manifestations in the Politics of Stalinist Antisemitism in the USSR	61
<i>Pertsev A. V., Melnikova E. V.</i> The God of Philosophers: An Individual Interpretation of Transcendence and the Problem of Interplay.....	81
<i>Shvindt U. S.</i> An Aesthetical and Problem-Plagued Orientation of Street Art in the Perception of the Urban Population (on the Example of Yekaterinburg).....	100

IDEAS OF TIME AND FORMS OF TIME

From the Artistic Experience of the Soviet 1920s

<i>Lipovetsky M.</i> Trickster vs. Trickster: "Teachers" and "Students" in Ehrenburg, Olesha, Bulgakov and Babel Works.....	116
<i>Margolit E. Ya.</i> Soviet Cinema Avant-Garde: from Notional Reality to Life Material	149

IN THE FOCUS OF EMPIRICAL SOCIOLOGY

A Sociological Diagnosis of Social Development Problems

<i>Kudinova O. S., Skulmovskaya L. G.</i> Issues of Concern and Development Directions of Higher Education Institutions of the Tyumen Oblast' in Present- Day Context.....	168
<i>Makarova M. N., Iskibaeva A. K.</i> The Role of the All-Russia "People's Front — for Russia" in Developing Civil Society in the Region.....	182
<i>Khafizova V. P.</i> Professional Orientations of Journalists in the Face of the Mediatization of Society.....	200

THE POLITICAL LIFE OF THE PLANET: PEOPLE, COUNTRIES, INTERNATIONAL RELATIONS

In the Chronotope of the Mediterranean

<i>Attina F.</i> Europe, the Mediterranean Area and the Influence of World Policies	212
<i>Khanin V.</i> "Charedim-philes" and "Charedim-phobes" in their Fight for the "Russian Street" in the 2019–2021 Knesset Elections	233

Ответы на вопросы журнала о совместности

В прошлом выпуске «Койнона» (№ 1–2 за 2020 год) были опубликованы вопросы о состоянии совместности людей в современном мире, месте этой проблемы в социогуманитарных науках наших дней и ответы представителей разных наук. В этом номере мы публикуем мнение по этим вопросам двух членов редколлегии «Койнона».

Корреспондент «Койнона» Лев Закс взял интервью у одного из крупнейших российских психологов, академика Российской академии образования Александра Асмолова.

А. Г. Асмолов

Московский государственный университет
Москва, Россия

A. G. Asmolov

Moscow State University
Moscow, Russia

Л. А. Закс: Мы взяли в качестве названия и главной темы нашего журнала совместность человеческого существования. Закономерность и парадокс, или парадоксальная закономерность, человеческого существования заключаются в том, что, с одной стороны, совместность, или социальность, — это условие, основа, становой хребет, базовая потребность человеческого существования, а с другой — в каждую историческую эпоху, включая нашу, совместность — проблема, трудный вызов и задача, решение которой требует больших усилий людей. Ответы на вопросы журнала о совместности показывают, что представители разных социогуманитарных наук по-разному видят истоки-причины проблематичности совместности человеческого существования. Первый вопрос — в чем наука психология и Вы лично как психолог видите причины извечной и, кажется, неустранимой проблематичности, или трудности достижения, столь желанной совместности?

А. Г. Асмолов: Вечные вопросы потому так и называются, что содержат огромное поле смыслов. И каждый, кто рискнет сказать: «Я понял причины, почему люди живут сообща», вызовет удивление. Один из каверзных вопросов – почему совместное существование дается с таким трудом?

Несмотря на темп обусловленных культурой преобразований, у людей есть базовые потребности, которые цивилизация практически не изменила. К ним относятся две потребности, *одинаково непреодолимые, но противоположно направленные*, т. е., казалось бы, несовместимые — тяготение к жизни в сообществе и одновременно стремление сохранить собственную уникальность. Одно с другим уживается не просто.

Парадокс сосуществования этих противоречивых потребностей тем более интригующий, что обе они вырастают из единого источника. Этим источником являются индивидуальные различия, которые закономерно увеличиваются в ходе развития живой материи. Почему это так? Значение индивидуального разнообразия было определено теоремой великого математика, генетика и эволюциониста Рональда Фишера. Упрощенно она может быть переформулирована следующим образом: увеличение разнообразия индивидов повышает их общую приспособленность. Ту же мысль, но в заостренной форме выразил великий Гёте в беседах со своим секретарем: «...великий закон, проходящий через всю жизнь, более того — являющийся основой всей жизни и всех ее радостей — закон затребованного разнообразия...» Иначе говоря, *мы существуем, пока мы неодинаковы.*

Самоценность индивидуальной уникальности требует механизма ее защиты. Таким механизмом является установка на сохранение собственного «Я». Эта установка особенно сильна у человека, поскольку разнообразие людей определяется не только разнообразием их поведения и физических возможностей, но и разнообразием сложных внутренних миров, не имеющих аналогов в животном царстве. В потребности уберечь свое приватное пространство и не утратить внутреннее достоинство проявляется потребность, препятствующая разрушению «Я».

Наряду с охраной собственного «Я», потребность жить в сообществе также может рассматриваться как неизбежный результат индивидуальной неповторимости. Почему неидентичные индивиды кооперируются? Это предопределено тем, что любой из них, будучи уникален, неминуемо имеет как сильные, так и слабые стороны, а значит, превосходя Других по одним свойствам, неизбежно отстает по иным характеристикам. Ограниченность индивидуальных возможностей делает выгодной кооперацию: дополняя друг друга, мы можем достичь того, что недоступно каждому поодиночке. В такой кооперации неизбежны противоречия, поскольку возможности и интересы нетождественных индивидов никогда не совпадают полностью. Разрешение этих противоречий требует компромиссов. Однако реализация компромиссов возможна только

тогда, когда обоюдно признается, что каждый изначально (в силу непреложного закона) уникален и *вправе иметь собственные представления, но считаясь при этом с представлениями другого*. Такой компромисс укладывается в формулу: «свобода одного кончается там, где начинается свобода другого». Это признается далеко не всеми.

Для меня вопрос о совместности на основе разнообразия индивидуальностей один из значимых. По этому поводу мы с моими коллегами написали статью, которая называется «Родословная жизни сообщца» (Вопросы психологии. 2018. № 4). В ней мы показываем, в чем состоит эволюционный смысл порождения совместности и как она преобразуется при восхождении к сложным социальным отношениям людей. Совместность или, как более грамотно говорит целый ряд современных аналитиков, «жизнь сообщца» являлась одним из мощнейших драйверов перехода от простоты к сложности. Один из классиков биопсихологии В. А. Вагнер еще на заре XX в. показал, как меняется образ жизни сообщца в ходе эволюции. Он раскрыл зависимость, согласно которой критерием эволюционного прогресса сообщества является степень разнообразия членов этого сообщества. Своего рода биогенетический закон совместности В. А. Вагнера проявляется в том, что на уровне простейших живых существ отклонение от видотипичных программ поведения минимально. Но чем выше мы поднимаемся по эволюционной лестнице развития сообществ, тем больше в них проявляется вариативность индивидуальности. У рыб она намного выше; при восхождении через птиц к млекопитающим и приматам нарастает отклонение от типовых программ поведения рефлексивного и инстинктивно-подобного типа за счет увеличения количество программ, готовых к встрече с неопределенностью. И, конечно, когда развитие доходит до приматов, а потом и до человека, выигрыш совместности, как ни парадоксально, возникает в связи с наибольшим простором для непредсказуемого проявления индивидуальных различий. Замечательная формула Сенеки «Не согласись со мной хоть в чем-нибудь, чтобы нас было двое» подчеркивает важность совместности как историко-эволюционного условия нарастания опережающего современность индивидуального потенциала. Такова эволюционная логика, которая приводит сегодня к уникальному парадоксу персонализации. Массовый запрос на персонализацию в современном мире, массовый запрос на индивидуальность, буквально резонансно отвечающий на книгу П. Тейяра де Шардена «Феномен человека», сегодня особенно очевиден. Наше время называют «Эпоха персонализации» и «Эпоха антропоцена». Но мне ближе всего название В. И. Вернадского — «Психозойская эра», потому что в буквальном смысле нарастает роль разума каждого, и нормой является принятие индивидуальных решений, условием успешности которых, однако, является жизнь сообщца, как об этом писали замечательные французские аналитики Л. Тевено и Л. Болтански.

Л. А. Закс: И все же мой вопрос был прежде всего о том, что совместность достаточно непростое явление. Проще говоря, без нее невозможно жить, но и с ней не всегда получается. В чем причина этого, на Ваш взгляд?

А. Г. Асмолов: Трудность, связанная с амбивалентностью совместного существования (уникальное «Я» в сообществе с «Другими») — это константа, характеризующая любой социум, даже стагнирующий, который допускает разнообразие, но только в определенных пределах. Эта трудность многократно увеличивается, если общество претендует на развитие, поскольку в этом случае оно должно принимать и личностей, резко отклоняющихся от общепринятой нормы. Дело в том, что в разных ситуациях, особенно в ситуации потери стабильности и нарастания кризиса, срабатывает моя любимая формула, которая говорит именно о колоссальном труде поиска новаторских индивидуальных стратегий в совместной жизни. И эта стратегия отвечает формуле, что трудность преадаптации индивида есть расплата за благополучие вида. Каждый раз, когда мы с вами исходим из логики индивидуальных действий, каждый раз, когда мы работаем, как Чаадаевы или Дон Кихоты, мы сталкиваемся с тем, что любые наши действия, которые не укладываются в логику социальных типовых программ, вызывают отторжение, хотя именно эти действия могут привести социум к успеху. Поэтому польза от тех, кто в социуме прокладывают свой путь, или, по К. Юнгу, отыскивают необщие пути развития, велика. Неслучайно любое время кризиса иногда называется временем героев, которые до кризиса были не услышаны, а потом вдруг оказывается, что их голоса звучат, несмотря на то что прежде культура их отторгала. Ряд замечательных аналитиков (в частности, математик Ю. И. Манин в своей работе, посвященной трикстеру, и известный филолог и философ В. Н. Топоров в своих исследованиях русской духовной культуры) говорят, что в дилемме «пан или пропал» коллектив всегда выбирает установку «статус-кво» — на сохранение, на гомеостаз, на устойчивость. Трикстер же выбирает не общие пути поведения, он выбирает «пропал», он выбирает опасное поведение и тем самым рискует. Но этот риск, т. е. готовность индивида к изменениям, это в буквальном смысле жизненная цена за адаптацию социума в целом.

Л. А. Закс: В последние годы Вы много размышляли о вызовах неопределенности, сложности и разнообразия как черт современной реальности. Видите ли Вы эти феномены и их влияние в пространстве социальности как таковой? Если да, то в чем они и их влияние сказываются на характере совместности?

А. Г. Асмолов: Мир действительно сложен и непредсказуем. Еще Козьма Прутков знал и изумлялся: «Щелкни кобылу в нос — она махнет хвостом. Почему? Какая связь?» Если говорить серьезно, то неопределенность,

сложность и разнообразие — это данность, которая характеризует социальные отношения в первую очередь. Продуктивные коммуникации требуют доверия и понимания, неоднозначность которого во многом определяется разными возможностями и установками взаимодействующих личностей и зависит от их чувствительности к постоянно и часто непредсказуемо меняющемуся контексту. Человечество в ответ на объективный рост неопределенности, сложности и разнообразия всё более дифференцируется на людей, готовых принимать сложное, и людей, склонных к упрощению реальности. Поэтому цивилизованность социальных взаимодействий может трактоваться как освоение сообществом сложности и неопределенности, а архаика — как тенденция социальных систем к избеганию неопределенности и к жизни в упрощенном мире. Со всей очевидностью это проявилось в ситуации пандемии.

Пандемия стала проверкой человечества на то, что я называю планетарной идентичностью. Она обострила вызовы, прежде всего сложности, а также неопределенности и разнообразия, которые увеличили цену ответной реакции социальных систем. Мы оказались в условиях, когда действия на основе стереотипов прошлого опыта приводят к нарастанию рисков именно социальных субъектов поведения. А в ситуации, когда усиливаются вызовы неопределенности, особенно важной становится готовность к изменениям, к игре разных стратегий. Кто выигрывает в этих играх? Те, кто делает ставку на разнообразие, на расширение поля возможностей. Когда мы видим, как встретила вызовы пандемии и рост неопределенности, например, Ангела Меркель или премьер-министр Канады, то отмечаем, что здесь на первый план вышла программа, которую я мог бы условно назвать «Забота о каждом». Она была персонально ориентирована, и поэтому любые меры, которые принимались в ситуации пандемии и инфодемии, рассматривались не как «жесткие/нежесткие», а как «понимаемые/непонимаемые». Это важно потому, что действия тогда перестают быть пугающими и вызывающими фобии, когда они понимаемы и ясна мотивация, ради которой они совершены. Отвечая на ваш вопрос, еще раз хочу подчеркнуть, что если в ситуации вызовов разнообразия и сложности, с которой мы сегодня в буквальном смысле слова столкнулись, бежать от сложности и вставать в «страусиную» позицию, то расплата откладывается, но наступает неминуемо. Пряча «голову в песок», лидеры многих государств говорили достаточно долго — с декабря 2019 года почти до весны 2020-го — по логике известного героя: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». В результате мы увидели, насколько запоздалой и панической была реакция властей. Последствием игнорирования вызовов сложностей разнообразия являются три великие потери, о которых я все время говорю: потеря доверия, потеря понимания и утрата смысла. Мы расплачиваемся за неприятие оптимальной стратегии поведения в мире сложности, неопределенности и разнообразия тем, что становимся заложниками трендов социальных систем.

Мы «трендим», т. е. опираемся на прошлый опыт и не используем новых возможностей. Поэтому еще раз говорю: персонализированные стили общения в социуме, как ни парадоксально, — и это, в известной мере, смысловая нить к первому блоку нашего обсуждения – оказываются для социального мира выигрышными стратегиями в отличие от стратегий безликих, тоталитарных и движущихся к полному изоляционизму систем.

Л. А. Закс: В свое время Ваш учитель А. Н. Леонтьев говорил, что мы часто выигрываем в значениях и проигрываем в личностных смыслах. Вам не кажется, что в нашей ситуации мы часто проигрываем уже и в значениях тоже, может быть именно потому, что мы теряем смысл? То есть начинается обратное воздействие.

А. Г. Асмолов: Вы подняли вопрос о соотношении двух видов диссонанса — ценностного диссонанса и когнитивного диссонанса. Практически, благодаря работам Л. Фестингера о когнитивном диссонансе, эта проблематика вошла в плоть и кровь многих аналитических исследований. Вместе с тем не учитывается именно то, о чем был поставлен вопрос: когнитивный диссонанс часто оказывается производным от ценностного диссонанса. Приведу следующий пример. В одной из сект США было провозглашено, что 25 октября 2018 года наступит конец света. Этого, как ты понимаешь, не произошло. Тогда сектанты быстро изменили свою когнитивную стратегию и перенесли катастрофу на 2030 год. Иными словами, при столкновении личного смысла со значениями, как правило, игра идет не в сторону аргументации, не в сторону холодной риторики и рассуждений, а именно в сторону прогретых мотиваций личности каждого человека, т. е. личностных смыслов. Я всегда напоминаю, что для утопающего соломинка имеет личностный смысл спасения жизни, но в значении она остается соломинкой. Поэтому мы действительно оказываемся сегодня заложниками того, что, когда на нас обрушиваются потоки равнодушных значений, они проходят мимо души и не меняют смысловых установок личности, но вместе с тем происходит и дискредитация самих значений, происходит трансформация семантических полей, и она происходит самым странным образом. Если раньше, по психосемантическим исследованиям, слова «либерал», «демократ», «гомосексуалист», «еврей» были в разных семантических полях, то сегодня они начинают буквально накладываться друг на друга. Это пример того, что ценностно-мотивационные конфликты приводят к трансформации собственно семантических, «значенческих» полей. Происходит, как говорят лингвисты, агглютинация, слияние тех значений, которые ранее не сливались, и тогда появляется новый смысл. Например, когда мы забываем, слыша слова «мойдодыр» или «айболит», что это вовсе не отдельные герои, когда мы забываем, что, когда в стране Винни-Пуха благодаря ошибке

Кристофера Робина, написавшего на двери в одно слово с большой буквы «Щасвирнус», в его стране начало все делаться магическим Щасвирнусом. То есть со значениями происходят своего рода мутации, в том числе за счет агглютинации, которую мы сейчас обсуждаем. Великолепная история смены значений, когда мы говорим одно, а подразумеваем другое, всегда интересна для аналитики. Пример Л. С. Выготского «пойди же попляши». По значению означает одно, а по личностному смыслу — веселись и погибни. Или совсем простой пример, когда говорим «партия», а подразумеваем «Ленин», и так без конца. За этим стоит трансформация значений, прежде всего под влиянием личностных смыслов, что переводится на английский *personal meaning* или *personal sense*, в зависимости от того, с представителем какой научной школы на Западе ты общаешься.

Л. А. Закс: В чем Вы видите специфику совместности, присущую современной России? Каковы, на Ваш взгляд, сильные и слабые стороны этой специфики?

А. Г. Асмолов: Александр Галич замечательно сказал: «Никого еще опыт не спасал от беды». Когда я думаю об этой фразе и происходящих сегодня событиях в нашей стране, то первая оптимистическая иллюзия состоит в том, что в ситуации пандемии как в России, так и во всем мире на первый план выйдут кооперация, взаимопомощь и логика совместных действий. И действительно, мы видим, что Россия во время кризиса по разным причинам (не буду анализировать мотивы) пыталась и пытается использовать стратегию диалога с другими странами. Общение и договоренности между Путиным и Меркель по поводу совместной разработки вакцины исследователями России и Германии обращают меня к логике философа Федорова — логике общего дела. Тогда казалось, что эта логика «подогреет» продуктивные взаимодействия. Вместе с тем очень часто собственные ошибки политической системы приводят не к совместности, не к поляне поиска общих мотивов и личностных смыслов, а к дезинтеграции разных социальных групп населения. Вся ситуация с «навальнизацией» сознания, созданная, с моей точки зрения, пропагандистской машиной, привела к тому, что в России различные социальные группы еще больше начинают разлетаться в стороны друг от друга. Поэтому можно сказать, что необходимость и опыт совместности мы переживаем достаточно тяжело. Я думаю об этом и всегда вспоминаю фразу замечательного психолога Гордона Олпорта: «Куда легче человечеству будет расщепить атом, чем преодолеть собственные предрассудки». В этом смысле в сложном мире бомбой под совместность является огромное количество предрассудков и интересов различных групп, которые очень часто торпедируют возможности совместной работы по банальной иерархической

логике и продолжают игры в «царя горы». Только сегодня в ситуации неопределенности «царей горы» очень много, и число желающих покататься на этих горках и сбросить остальных, пользуясь ситуацией хаоса и беспредела, все возрастает.

Л. А. Закс: Главное «узкое» направление Вашей исследовательской работы — психология личности. В какой мере в Вашей работе теоретически и методологически значим концепт совместности?

А. Г. Асмолов: Я всегда повторяю простой каламбур: ваш вопрос столь хорош, что его не хочется портить ответом. В данной ситуации скажу, что в основе психологии личности лежат историко-эволюционный и деятельностный подходы, восходящие к работам Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева. Эта методология, прежде всего, наводит на мысль, что *любые индивидуальные проявления человека возникают именно благодаря образу жизни сообщества*. Поэтому для меня психология личности — это вершина психологии совместности. Они немыслимы одна без другой. Если бы не было психологии совместности, исторической психологии, социальной психологии, психологии больших и малых социальных групп, то мы не смогли бы перейти к пониманию роли индивидуальности в истории культуры. Моя любимая формула, которая достаточно известна: «индивидом рождаются — личностью становятся — индивидуальность отстаивают». Индивид выступает как носитель индивидуальнотипической совместной программы, и в движении каждого из нас слышится вой тех динозавров, что когда-то бродили по этой планете. Никто не отменял биогенетический закон Геккеля, согласно которому мы воспроизводим разные этапы эволюции, так же как закон рекапитуляции Стэнли Холла, утверждает, что человечество в «жизни сообщества» проживает разные исторические стадии развития. Здесь, конечно, нет линейной логики, но присутствует эволюционный смысл поэтапного развития культуругенеза и историогенеза. Поэтому психология личности ни в коей мере не может работать без социальной психологии, исторической психологии, но одновременно — делаю особый акцент, именно близкий мне — без эволюционной биологии, биопсихологии и социобиологии. Следовательно, ни один феномен личности, ни один вопрос о смысле возникновения личности в персоногенезе, в биогенезе и социогенезе не может быть понят, если мы не рассматриваем его через призму эволюции. Поэтому я говорю: личность в процессе социализации как раз осваивает типовые программы развития социума. Но если бы она усваивала только социализацию, мы жили бы в Дне сурка. И все бы повторялось, и были бы мы вечными рабами тех или иных традиций. Но что такое традиция? Это вчерашняя инновация. И в этом плане инноваторами являются индивидуальности, которые в ситуациях вызовов неопределенности, сложности, разнообразия свою

индивидуальность отстаивают, т. е. принимают самые необычные решения и ведут себя странным, с традиционной точки зрения, образом. Применительно к психологии развития ребенка это проступает следующим образом: мы радуемся, когда дети с нами совместны — они на нас похожи, они нам подобны, и поэтому мы с ними совместны тоже. Но когда наш ребенок выбирает свой путь, он становится бесподобным, и мы восклицаем: «Ах, какой бесподобный ребенок вырос из нашей совместности!» Психология подобности, или психология совместности, складывается в буквальном смысле в сложных и часто конфликтных отношениях, но является эволюционной необходимостью рождения психологии индивидуальности, отстаивающей в этом мире свое Я.

Л. А. Зак: Огромнейшее спасибо!

Рукопись поступила в редакцию / Received: 20.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторе

Асмолов Александр Григорьевич
академик Российской академии
образования, доктор психологических
наук, профессор
Московский государственный
университет
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1
E-mail: agas@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-2319-398X

Information about the author

Asmolov, Aleksandr Grigor'evich
Academician of the Russian Academy
of Education, D. Sci. (Psychology), Professor
Moscow State University
GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991
Russia
E-mail: agas@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-2319-398X

На вопросы «Койнона» ответил его главный редактор — профессор Анатолий Меренков. Недавно Анатолий Васильевич отметил свое 75-летие. Вся трудовая жизнь, научная и педагогическая деятельность Анатолия Меренкова связана с Уральским федеральным (ранее — Уральским государственным) университетом, где он работает с 1971 года, закончив в том же году его философский факультет, а затем и аспирантуру у профессора Л. М. Архангельского. За эти полвека А. В. Меренков прошел путь от ассистента до профессора, защитил в 1975 г. кандидатскую, а в 1986 г. докторскую диссертацию, стал автором более сорока монографий и 350 статей, им подготовлено 63 кандидата и 7 докторов наук. В годы становления Уральского федерального университета он руководил департаментом политологии и социологии, с 1989 года являясь заведующим кафедрой прикладной социологии. Он возглавляет в УрФУ диссертационный совет по социологическим наукам. Если коротко характеризовать личность А. В. Меренкова, то это: большой труженик, увлеченный разносторонний ученый-социолог, умелый организатор-руководитель, порядочный человек. А теперь — еще и главный редактор нашего «Койнона».

Публикуя ответы Анатолия Васильевича Меренкова, редколлегия «Койнона» поздравляет уважаемого коллегу и главного редактора с юбилеем и желает ему крепкого здоровья и долгой плодотворной творческой жизни.

А. В. Меренков

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

A. V. Merenkov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Как Вы оцениваете состояние (уровень развития и качество) совместности современного человечества в целом, и в частности той сферы его жизни и культуры, которую исследуете Вы? Какие проблемы сегодня, в XXI веке, в наибольшей степени осложняют интеграцию людей и групп, стран, регионов и культур, мешают их объединению, единству, солидарности и сплоченности?

Проблему совместности на уровне человечества я оцениваю на основе теоретических исследований, которыми занимался при разработке теории культуры эгоизма и культуры сотрудничества. Они пока не стали предметом всестороннего философского, социологического, социально-антропологического анализа как отечественных, так и зарубежных исследователей. Причину

вижу в том, что выявление их сущности, форм проявления на уровне отдельных индивидов, малых, больших социальных общностей и всего человечества ведет к пересмотру многих прежних представлений о человеке в целом, факторах, определяющих его деятельность. Она характеризуется как великими достижениями в науке, технике, так и постоянным уничтожением себе подобных при реализации эгоистических интересов личности, группы. В истории всех народов героями считали и считают до сих пор тех, кто уничтожал во время захватнических войн сотни тысяч людей, утверждая свое господство над покоренными народами. Даже новое политическое движение, возникшее в прошлом году в США, выделяет только ценность жизни тех, кто имеет черный цвет кожи, а не значимость жизни каждого человека, независимо от расовой, этнической принадлежности, места жительства. Самовозвышение представителей белой расы заменяется на самовозвышение той расы, которую они веками унижали, что ведет к дальнейшему разобщению, а не совместному поиску способов преодоления существующих различий в условиях жизни населения страны.

Совместность возникает только в процессе формирования и развития культуры сотрудничества. Она строится на общем труде, направленном на решение проблем экономического, политического, духовного развития всех стран и народов. При обязательном ограничении попыток проявления в разных формах эгоизма как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне общностей. Ситуация, возникшая в условиях распространения коронавируса по всему миру, показала, что совместные усилия по созданию вакцины против этой очень опасной болезни так и не были предприняты. Более того, началась борьба между теми странами, которые смогли создать противоядие, за завоевание рынков реализации собственных разработок. В результате торжествует природа, создавшая вирус, а не культура человека, претендующего на установку своей власти над нею.

Политика утверждения однополярного мира ведет к усилению культуры эгоизма, сохраняя возможности для сотрудничества только в тех сферах деятельности человечества, разрыв связей в которых может привести к его гибели. Благодаря совместным усилиям пока удастся избежать мировой войны, ограничивая распространение ядерного оружия, испытания его новых модификаций. Однако активно ведутся исследования, направленные на поиск менее опасных способов сохранения социального неравенства в мире. На мой взгляд, самой актуальной проблемой в XXI веке становится не только защита растений, животных в результате эгоизма транснациональных монополий, негативного влияния промышленного производства на окружающий мир. На первое место выдвигается задача сбережения самого человека как продукта эволюции природы и воздействия культуры. Необходима совместная деятельность всех стран, народов, политических, общественных организаций, ученых, направленная на запрет вмешательства в природу человека, его психическую деятельность,

поведение с целью установления контроля мыслей, чувств, поступков. Все попытки создания искусственного человека направлены на формирование новой системы социального неравенства и установление полного господства культуры эгоизма.

Какую роль в Вашей науке и конкретной исследовательской сфере играют и должны играть реальность и идея совместности людей и обществ, их практик и сознаний? Насколько осознанно и последовательно идея совместности (в ее различных поворотах и модусах) интегрирована в мировидение и методологию Вашей науки и конкретной научной темы?

В монографии «Культура эгоизма или культура сотрудничества: какая побеждает?», выпущенной в феврале этого года в издательстве УрФУ, я попытался выделить основные характеристики и механизмы формирования совместной деятельности людей, возникающей при освоении и реализации принципов и норм культуры сотрудничества. Оказалось, что ее исследования пока ограничены анализом частных форм ее проявления. Не рассматривается сущность совместного умственного, физического труда, анализ которой приводит к пересмотру веками существующих представлений о равенстве, справедливости между людьми. Они традиционно связаны с системой распределения и потребления материальных и иных благ, а не с процессом их создания. Не выделяется природная основа совместной деятельности людей, позволяющая понять причины включения индивидов в общие усилия, направленные как на защиту семьи, воспитание нового поколения, так и на сохранение своего этноса, обеспечение его развития.

К сожалению, социологические исследования, которыми я занимаюсь многие годы, до сих пор строятся на абсолютизации роли культурных факторов в детерминации человеческого поведения. Не используются полученные в последние 40–50 лет данные антропологов, генетиков, социобиологов о влиянии заложенных природой программ поведения на отношения индивидов в малых и больших общностях. Давит страх быть обвиненным в биологизаторстве. Ограниченность в понимании человека как единства биологического, психического, социокультурного не позволяет пересмотреть стереотипы представлений о причинах аморальных поступков, разных видов нарушения норм права, «вечного» существования коррупции, низкой эффективности тюремного наказания преступников, которое как в прошлом, так и в наше время исправляет не многих.

Редко предпринимаются попытки совместных исследований, проводимых социологами с психологами, социобиологами, педагогами, юристами, касающихся актуальных проблем развития экономики, деятельности разных партий, органов федеральной и местной власти, учреждений образования, культуры, системы судопроизводства. Требуется разработка и реализация методологии

совместного подхода разных наук о человеке к пониманию тех закономерностей природного и социокультурного происхождения, которые влияют на его создание и поведение, способность адаптироваться к современному динамично меняющемуся миру.

Думаю, что исследования авторов нашего журнала будут направлены на объединение усилий разных ученых в раскрытии тайн человека, как самого сложного продукта природы и культуры.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 18.04.21

Принята к публикации / Accepted: 11.05.21

Информация об авторе

Меренков Анатолий Васильевич
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083 Россия, Екатеринбург, пр. Ленина,
51
E-mail: anatoly.mer@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-5900-0863

Information about the author

Merenkov, Anatolii Vasil'evich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: anatoly.mer@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-5900-0863

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

DOI 10.15826/koinon.2021.02.1.001

УДК 578.834.1SARS-Cov- 2 + 616-036.2 + 14(091) + 316.42

ПАНДЕМИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ ДИАГНОЗ

М. Н. Эпштейн

Университет Эмори
Атланта, США

Аннотация: Событие пандемии исследуется в трех аспектах: метафора нашей эпохи, проблема этики, новая фаза антропогенеза. Как метафора эпохи пандемия предстает в образе Беликова (А. Чехов «Человек в футляре»): форме биофобии и социофобии, растущей стерильности контактов, общения на расстоянии, закрытости и приоритете упаковок (покрытий) перед процедурами открытости, обнаженности, слияния. Констатируется изменение в жанрах: детектив как жанр, основанный на разоблачении и снятии покровов тайны, наказании преступления, уступает место жанру протектИва (от *protegere*: закрываться, натягивать покров, заслоняться щитом). Протектив — это жанр предотвращения катастрофы, защиты от преступления, уже ставшего нормой, — опыт выживания на пределе. Возникает *homo tegens*, «человек облекающий», набрасывающий покровы на все, в том числе и на самого себя. Пандемия как проблема этики ставит множество этических вопросов и выборов (между утилитаризмом и эгалитаризмом, принципами «не делать плохого» и «делать хорошее»). Пандемия как начало новой фазы антропогенеза демонстрирует превращение человека лазающего и прямоходящего в человека сидящего (перед экраном) — *Homo Sedens*. С развитием цивилизации и с переходом к умственному труду и сидячему образу жизни все больший перевес получают органы зрения и слуха — дистанционные органы восприятия и в этом смысле отвечающие требованиям социальной «дистанции»

© Эпштейн М. Н., 2021

и «самоизоляции», которые благоприятствуют сохранению человека как вида. Физическая чувствительность и тактильность в культуре Нового времени парадоксально связана с изменением понятий «такт» и «тактичность», с умением соблюдать дистанцию, не навязывать другому человеку своих мнений. Следствие пандемии прогнозируется как передвижение фронта цивилизации вглубь виртуальных миров. Глобализация переходит из экстравертной стадии в интровертную. Делается вывод о том, что, столкнувшись с общей опасностью, не делающей национальных, этнических, религиозных различий, человечество становится конкретной реальностью, которая раньше ощущалась смутно.

Ключевые слова: пандемия, биофобия, социофобия, социальная дистанция, утилитаризм в этике, эгалитаризм в этике, интровертная культура.

Для цитирования: Эпштейн М. Н. Пандемия: философский диагноз // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 20–37. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.001

THE PANDEMIC: A PHILOSOPHICAL DIAGNOSIS

M. N. Epstein

Emory University
Atlanta, USA

Abstract: The paper examines the event of the pandemic in three aspects: a metaphor of our age, an issue of ethics, a new phase of anthropogenesis. As the metaphor of the era, the pandemic stars as Belikov (A. Chekhov's The Man in the Case): the form of bio-phobia and socio-phobia, the growing sterility of contacts, socializing over distances, closeness, and the priority of packaging (covers) before the procedures of openness, nudity, fusion. There appears a change in genres: the detective as a genre based on the revelation and removal of a shroud of mystery, the punishment of crime, gives way to the genre of the protectIva (from protegere: to shroud, to pull the veil, to shield). The protective is a genre to avert a catastrophe, protect against crime that has already become a norm, — the experience of survival on edge. There emerges homo tegens, “man who enclothes”, who pulls a veil over everything including himself. The pandemic as an issue of ethics poses a multitude of ethical challenges and choices (between utilitarianism and egalitarianism, the principles of "not doing bad things" and "doing good"). The pandemic as the dawn of a new phase of anthropogenesis demonstrates the transformation of a man climbing and walking upright into a man sitting (in front of the screen) — Homo Sedens. With the development of civilization and the transition to intellectual work and a sedentary lifestyle, sight and hearing gain superiority. These organs are of remote perception, and in this sense, they meet the requirements of social distance and self-isolation that favour the preservation of man as a species. Physical sensitivity and tactility in the culture of Late Modern

times have a paradoxical linkage with a change in the concepts of tact and decorum, with the ability to keep a distance, not to impose their views on another person. The author expects the consequence of the pandemic to be the movement of the frontier of civilization deep into the virtual worlds. Globalization is moving from an extroverted stage to an introverted one. The author concludes that when faced with a common danger that does not make national, ethnic, or religious distinctions, humankind becomes a concrete reality that one used to feel vague.

Keywords: pandemic, biophobia, social phobia, social distance, utilitarianism in ethics, egalitarianism in ethics, introverted culture.

For citation: Epstein, M. N. (2021), "The Pandemic: A Philosophical Diagnosis", *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 20–37 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.001

1. Пандемия как метафора нашей эпохи

Каждой эпохе соответствует определенный тип болезни. Болезнь — явление не только физиологическое, но и моральное и историческое. Вот как пастернаковский доктор Живаго, страдающий от склероза сердечных сосудов и умирающий от инфаркта, объясняет природу этой болезни: «В наше время очень участились микроскопические формы сердечных кровоизлияний... Это болезнь новейшего времени. Я думаю, ее причины нравственного порядка. От огромного большинства из нас требуют постоянного, в систему возведенного кривоизлияния... Наша нервная система не пустой звук, не выдумка. Она — состоящее из волокон физическое тело...»

Среди огромного множества недугов можно выделить эпохальные: болезни-эмблемы, символы. Чума — и Средние века. Сифилис — и Ренессанс. Туберкулез (чахотка) — и XIX в. Рак — и XX в. СПИД — и конец XX в. Например, чума символизирует средневековую культуру и раскрывает ее смысл не менее ярко, чем крестовые походы, трубадуры и карнавалы... Чума — абстрактна, как схоластика, она постигает человека за неведомые ему грехи, тогда как сифилис — ужасающе конкретен, как тяга ренессансного индивида ко всему земному. Все это не просто болезни, но метафоры определенной эпохи и состояния общества¹.

В этом смысле ковид-19 — это метафора нашего времени. Еще задолго до пандемии быстро росло биологическое отчуждение в западном и особенно американском обществе, которое становилось все стерильнее. Все меньше

¹ См., в частности, характерное для Солженицына сравнение коммунистической системы, и особенно ГУЛага, с раком, дающим метастазы. Сьюзен Сонтаг в своих книгах «Болезнь как метафора» (1978) и «СПИД и его метафоры» (1989) приводит множество примеров метафоризации и символизации рака и СПИДа, хотя сама призывает к медицинско-прагматическому пониманию этих болезней.

людей непринужденно и естественно касаются друг друга, разговаривают друг с другом, потому что там, где личности соприкасаются, они нарушают границы частного пространства, что дает повод к обвинениям и подозрениям. Намного легче общаться на расстоянии, через телефоны и компьютерные сети. Впрочем, даже звонок по телефону в наши дни считается уже не вполне приличным вторжением в частную сферу, если он заранее не согласован, — все-таки это живой голос, желательно его предварить или заменить электронным сообщением. Люди окукливаются в своих электронных оболочках. Человек становится подозрителен, опасен, потому что он не так предсказуем и управляем, как механизм. Вообще физическая реальность, по растущему контрасту с виртуальной, где каждый волен сам себе выбирать удобное окружение, все больше воспринимается как зона дискомфорта. Даже если технический разум еще не утвердился целиком в современном обществе, он дает знать о своем торжестве «от обратного» — через неприязнь и подозрительность ко всему живому. Этот комплекс можно назвать *биофобией*. От живого не знаешь, чего ожидать, особенно от самой своенравной и свободолобивой формы жизни — человеческой². Животные и особенно растения в этом смысле гораздо предпочтительней: можно вынести рядом с собой орхидею или кота, но человека — гораздо труднее.

Биофобия проявляется многообразно. Например, растет число асексуалов, предпочитающих вообще избегать этой чересчур интимной стороны жизни или вступать во взаимодействие с механизмами. Среди молодежи во всем мире стал популярен японский термин «хикикомори». Подростки, называющие себя «хикки», стараются максимально изолировать себя от общества, исключить все социальные связи, по возможности не покидая собственной комнаты. Категорический отказ от любых контактов с людьми — тревожный признак биофобии и социофобии. Причем многие «хикки» доживают до среднего возраста, так и оставаясь на попечении своих родителей и замыкаясь в своих квартирах. Всякая инаковость возмущает, приводит к неврозам. Кто-то не готов к общению, а кто-то слишком настойчив. Кто-то слишком хмур, а кто-то слишком много смеется. Кто-то ведет себя манипулятивно, а кто-то абьюзивно. Людям тяжело выносить присутствие друг друга. Они становятся все нарциссичнее, а окружающий мир все непереносимее.

Знаменательно, что рост биофобии и социофобии совпал с распространением электронных способов коммуникации — или дисккоммуникации, когда человек просто погружается в виртуальные миры, игры, сериалы. И не случайно ужесточение правил против харассмента приходится на 1990-е гг., когда стала стремительно расширяться сфера Интернета, где люди благополучно обходятся

² Вспоминается голос из Достоевского: «Мы даже и человеками-то быть тяготимся, — человеками с настоящим, *собственным* телом и кровью» («Записки из подполья»).

без физических контактов, все более трудных и досадных по контрасту со стерильностью экранной среды. Электронный мир стал психологически удобнее, привлекательнее для человека — и общество не замедлило отреагировать устроением этикета.

Нашествие вирусов заострило эту биофобию, хотя сами вирусы, как известно, это не живые организмы — они становятся таковыми, лишь проникая в организм своей жертвы. Но коронавирус в современном восприятии знаменует опасность жизни вообще: опасность человеческого дыхания и прикосновения, опасность воздуха, замкнутых пространств, любых поверхностей, которых касалась рука человека. Нужно держать дистанцию и загоразживаться масками, перчатками, очками или прозрачными щитками, а лучше вообще не выходить из дому.

Сегодня по-новому перечитываются даже до скуки знакомые хрестоматийные тексты. Например, чеховский Беликов, «человек в футляре», всегда воспринимался как воплощение убожества и пошлости, разрушитель живых общественных связей. «У этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой...» Темные очки, фуфайка, вата в ушах, пальто на вате, калоши и зонтик даже в хорошую погоду, и все вещи, включая часы и перочинный ножик, — в чехлах. Но если Беликову добавить маску и резиновые перчатки, то получился бы в высшей степени **биокорректный** гражданин, *положительный представитель коронавирусной эпохи*. Современный Беликов — герой самоизоляции, подающий пример гражданской сознательности и ответственности. Он не вызывает ничего, кроме уважения, ибо, изолируя себя от мира, тем самым изолирует мир от себя.

Или жена деревенского старосты Мавра в зачине того же чеховского рассказа — «в последние десять лет всё сидела за печью и только по ночам выходила на улицу». Заметим: по ночам, когда риск нарушить социальную дистанцию и заразиться от прохожего минимален. Очень предусмотрительная, социально вмняемая женщина. То, что в прежние времена выступало приметой жесточайшей социопатии и мизантропии, сегодня становится чуть ли не образцом разумного эгоизма и достойного служения благу человечества.

Странным образом меняется и даже переворачивается вся иерархия ценностей. Мне кажется, выдыхается жанр детектива, созданный Эдгаром По всего 180 лет назад, не так уж и давно по историческим меркам. Пара «преступник и сыщик» была глубоко значима для эпохи индивидуализма и рационализма, когда силы общества уходили на борьбу со злодеями, втайне подрывающими его устои. Сейчас не до этих частных аномалий, нарушающих сравнительно гладкий ход общественной жизни. Вирусы — порождение нашей же планеты, и не они ли — самые жизнеспособные ее детища, вопреки тому, что мы возомнили о себе? (Страшный вопрос.) Инфекционный агент более опасен и всепроникающ, чем Джеймс Бонд.

Рис. 1. Кукрыниксы. Иллюстрация к «Человеку в футляре».
Fig. 1. Kukryniksy. The Illustration to “The Man in the Case”.

Источник: [Кукрыниксы 1954]

Детектив готов уступить место другому жанру, который можно назвать **протективом**. Если «детектив» — от латинского *detegere*, разоблачать, снимать покров, то «протектив» — от противоположного по смыслу *protegere*: закрываться, натягивать покров, заслоняться щитом. Как защититься от всеобъемлющей опасности, какую маску надеть, какую крепость построить? Если детектив — это расследование совершенного преступления, то протектив — это жанр предотвращения катастрофы, защиты от преступления, уже ставшего нормой, — опыт выживания на пределе.

У этого жанра — почтенная история, гораздо более древняя, чем у детектива, и восходящая к Библии. Ноев ковчег, вообще мотив построения ковчега и спасения в нем, — вот прообраз ситуации, которую мы переживаем сейчас, пытаясь собрать в наши дома все, что нужно для многодневного, а возможно, и многомесячного пребывания в спасительном заточении. Как известно, наводнение длилось 40 дней, после чего воды подняли ковчег, все живое на земле погибло, остался лишь Ной и его спутники, — и только спустя 150 дней вода стала убывать. Похоже, нам приходится рассчитывать на столь же долгую осадку («до конца года», а то и «до лета 2021 г.», как предсказывают эксперты), пока не прилетит голубь с вакциной в остром клюве и не сделает нам укол. Правда, после потопа Ной прожил еще 350 лет и умер в возрасте 950-ти: это дает нам надежду, что наряду с вакциной будет изобретен и какой-нибудь радикальный способ продления жизни.

Протектив может быть экологическим, психологическим, бытовым, апокалиптическим. Там, где появляется защитная оболочка, покров, отчаянная надежда заслониться и укрепиться, заткнуть все прорехи, — там протектив. «Робинзон Крузо» Дефо, «Шинель» Гоголя, «Пещера» Замятина, «Защита Лужина» Набокова, «Цвет из иных миров» Лавкрафта, «Человек-ящик» Кобо Абэ — все это в разном смысле протективы. Защита от стихий, от стужи, от метеорита, от космоса, от агрессии, от революции, от утопии, от таинственных врагов и непостижимых опасностей, от внешнего мира как такового. Этот жанр, по сути, не менее захватывающий, чем детективный или приключенческий. Сумеет ли герой выстроить защиту, спрятаться в нору, забиться в щель?

Как ни грустно, будущее цивилизации в результате коронавирусного испытания — это, скорее всего, умножение слоев и покровов, торжество футлярности. Такой императив, конечно, противоречит романтическим идеалам, революционным и тоталитарным утопиям всеоткрытости, полного обнажения, слияния тел и душ. Но ведь и по сути человек, как создатель и создание культуры, — это существо закрытое, и маска приросла к его лицу, как вторая кожа. Человек не ограничивается покровом, данным ему от природы, но создает многослойную систему «покрывающих друг друга покровов», которую мы и называем цивилизацией. Сюда входят покровы первого уровня — одежда; второго — жилище; третьего — искусственная среда обитания, деревня, город... Этой многослойностью своего цивилизационного кокона человек отличается от других живых существ. У человека много разных определений: *homo sapiens*, *homo faber*, *homo politicus*, *homo ludens* — человек «мыслящий», «общественный», «играющий», «создающий орудия труда». К ним можно добавить и *homo tegens* — «человек облакающий», набрасывающий покровы на всё, в том числе и на самого себя.

Человек — самое «сокровенное» из всех существ, и наслаивание оболочек свидетельствует о глубине тех тайн, которые он в себе скрывает. Вот почему

наибольшее количество одеяний — у служителя «тайного тайных», священника. Для свершения таинства он покрывает себя несколькими слоями одежды, каждый из которых имеет свой символический смысл. В православной церкви священник и дьякон надевают на себя подрясник, рясу, стихарь (подризник), епитрахиль, поручи и фелонь (накидку). Епископ облачается в саккос, палицу, омофор, панагию и митру. Эта традиция восходит к ветхозаветной религии и связана с устройством «тайного тайных», где хранился ковчег со скрижалями завета. «Вот с чем должен входить Аарон во святилище... Священный льняной хитон должен одевать он, нижнее платье льняное да будет на теле его, и льняным поясом пусть опоясывается, и льняной кидар надевает: это священные одежды» (Левит, 16:3–4). В этом широчайшем контексте и Беликов может восприниматься как служитель культа если не Бога, то его подобия, требующего всемерной самоизоляции и упорной аскезы.

Собственно, первым актом после грехопадения человека было его облачение в «одежды кожаные», под которыми часто понимается сама плоть, надетая на душу как знак ее уплотнения и изгнания из рая. Видимо, не случайно и то, что первый город — «одежда каменная» — был построен Каином, первенцем первородного греха, который в свою очередь совершил первый грех человекоубийства и братоубийства («и построил он город» — Бытие, 4:17). Грех отделяет человека от мироздания, вызывая цепную реакцию укрытий и облачений, начиная с кожи и кончая городом и государством.

Как только у человека возникает стыд наготы и потребность покровов, так они начинают множиться и воспроизводиться на все новых уровнях. Эта почти маниакальная страсть — универсальная *беликовщина* — стала одним из мотивов современной культуры, которая придает упаковке самоценность. Например, постмодернизм есть самосознание культуры как бесконечной серии таких полых упаковок, вложенных друг в друга: *пак-культура* (pack-culture). Художник Христо (Явашев), облакающий целые здания в ткани, фольгу, полиэтилен, легкий металл, хорошо имитирует эту безграничную множимость оболочек, присущую культуре как таковой, — точнее, человеку как *одетому* существу (одетому изначально в свое тело, а затем и во все остальное). Христо прославился тем, что в 1985 году упаковал в бежевую ткань парижский мост Пон Неф, а в 1995-м покрыл серебристой металлической оболочкой берлинский Рейхстаг. Он также упаковал здания в Берне, Чикаго и Сполето. Искусство Христо имеет дело с предельным выражением *homo tegens* — с теми ультра-современными оболочками, которые за тысячелетия цивилизации выросли на первую оболочку Адама.

Сейчас пандемия подводит нас к стремительному возрастанию подобной «упаковочности» («искусство — в жизнь!»). Одно из основных занятий в нынешнем обиходе — натягивать маски, перчатки, очки, прозрачные щитки и очищать все поверхности, включая доставленные на дом товары, покрывая

их упаковки дополнительным слоем стерильности, протирая дезинфицирующими растворами, салфетками и т. п.

Проблема упаковки — футляра и футлярности — важна для России, где исторически не выработалось достаточно средств для защиты человека от сурового природного и социального климата и широко распахнутого простора. Более того, сложилась мораль осуждения всяческих чехлов и покровов. Им противопоставляются удаль и раздолье, не терпящие никаких защитных оболочек, «изоляций». Российским архетипом стало «срывание всех и всяческих масок» (Ленин о Л. Толстом) и разоблачительное чеховское понимание «человека в футляре» как душителя своей и чужой свободы. Но у современного читателя, торопящегося натянуть на себя маску, «человек в футляре» может вызвать скорее сочувствие, чем неприязнь. Примечательно, что сам Чехов применил к себе этот образ — уже после публикации рассказа: «Ноябрьские ветры дуют неистово, свистят, рвут крыши. Я сплю в шапочке, в туфлях, под двумя одеялами, с закрытыми ставнями — человек в футляре» (письмо к М. П. Чеховой, 19 ноября 1899 г.).

В наши дни «Человек в футляре» читается как грустная и язвительная притча о человеке, которому вдруг открылась собственная незащищенность. Все, чем современный, технически сверхоснащенный человек привык себя окружать, все линии обороны прорваны ковидом-невидимкой. «Венец всего живущего», как называл человека Гамлет, должен преклониться перед носителем *другой короны*.

Вирусы чаще всего характеризуются как «организмы на границе живого»: у них есть одни признаки жизни и отсутствуют другие. Глубокая ирония состоит в том, что для сопротивления этим «полуживым» нам самим приходится жертвовать своим жизненным пространством. Не есть ли «беликовщина», как ни прискорбно это осознавать, — естественная форма выживания и самосохранения человека в мире микроскопически малых, почти как молекулы, носителей смерти?

Можно предвидеть, что со временем угрюмые маски и тупорылые респираторы сменяются разноцветными и разнофасонными личинами, которые, в дополнение к защитным, приобретут множество других, знаковых функций: коммуникативных, профессиональных, даже эротических. Но вряд ли цивилизация, вобравшая в себя новый протективный слой, совсем он него откажется: скорее, творчески преобразит. И тогда Беликов станет восприниматься не только как сатира на душающую казенщину конца XIX в., но, быть может, и как провозвестник эпохи самоизоляции XXI в., — первопроходец новых путей к спасению человечества.

Таким образом, XXI век психологически и социально подготовил людей к самоизоляции еще до того, как на них набросился коронавирус. Это болезнь эпохальная, символизирующая дух своего времени, точнее, сам дух

времени — дисконтактности, дистанции, аутичности — приобретает форму болезни. В этом смысле ковид-19 — именно та болезнь, которую человечество «выстрадало» за последние десятилетия.

2. Пандемия как проблема этики

Пандемия ставит множество этических проблем, причем не умозрительных, а насущных, которые приходится решать каждый день и даже каждую минуту. Например, медицинская сортировка, или триаж, — отбор тех больных, которым нужно в первую очередь оказывать помощь в условиях дефицита врачей и оборудования. Как решить, кого спасать, кому предоставить прибор искусственного дыхания, а кого обречь на смерть? Моральный долг врача, как он обычно понимается, обращен к каждому отдельному индивиду: сделать все необходимое для его исцеления. Это отношение один на один. Но когда больных сотни и тысячи, как во время войн и эпидемий, начинает действовать другая, *экстремальная* этика, которая кажется чудовищной с точки зрения обычных нравственных норм. Приходится сознательно и целенаправленно предоставлять одних агонии и смерти, чтобы излечить других. Какими критериями руководствоваться?

В нью-йоркских больницах, задыхающихся от наплыва коронавирусных больных, используется система баллов, определяющая приоритетность пациента исходя из того, сколько лет жизни (life years) может подарить ему интенсивная терапия (в соотношении с продолжительностью лечения). Идут в расчет общее состояние, возраст, наличие сопутствующих заболеваний (диабета, астмы и пр.). Если лечение может продлить жизнь одного пациента на 5 лет, а другого — на 3, то ограниченные ресурсы предоставляются только первому. Молодой и в целом здоровый человек оказывается в выигрышном положении по сравнению со старым и больным. Конечно, если молодой человек алкоголик или наркоман, то баллы у него вычитаются. Все происходит по известной евангельской притче: «Кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф, 13:10).

Есть и другая этика. В штате Джорджия и городе Атланте, где я живу, катастрофически не хватает тестов на вирус. Но здесь порядок предпочтений совсем иной. В первую очередь к тестированию, а значит, и к дальнейшим медицинским процедурам допускаются лица из группы наибольшего риска — обитатели домов престарелых, инвалиды, т. е. наиболее слабые, уязвимые категории граждан.

Какая система более справедлива — ориентированная на самых сильных или самых слабых? Первая воплощает *утилитаризм*, направление в этике, для которого высшая ценность — дать наибольшее счастье (а значит, и здоровье) наибольшему числу людей. Одни и те же ресурсы, если распределить их между

самыми «излечимыми», могут продлить жизнь большего числа людей на большее число лет. Вторая система — *эгалитаризм*: предоставить всем равные условия для выживания и благоденствия, а значит, проявить больше заботы о тех, кто больше всего нуждается, т. е. выравнять доступ к благам медицины за счет преимущественной помощи наименее защищенным, компенсируя лечением их физическую недостаточность.

Есть еще ряд критериев, усложняющих эти системы. Например, с точки зрения утилитаристской этики, медицинская полезность, т. е. объем продленной физической жизни на единицу затраченных ресурсов, может дополняться социальной полезностью. В первую очередь помощь должна оказываться тем, кто сам оказывает помощь, — заразившимся врачам, сестрам, санитарам, а также работникам спасательных служб. Поскольку они спасают других людей, они заслуживают приоритетного лечения, которое тем самым умножит благотворное действие медицины: вылечишь врача — вылечишь всех его будущих пациентов. Против такого расширения утилитаризма трудно спорить.

Но что если социальную полезность рассматривать еще шире, не ограничиваясь медициной и физическим выживанием, но имея в виду благо цивилизации и всего человечества? Политик, ученый, инженер, филантроп, артист — люди с огромным социальным капиталом, доказавшие всей жизнью свою полезность обществу. Не должны ли и они попасть в приоритетную группу, поскольку, помогая им, мы помогаем себе, обеспечиваем социальное, экономическое, научно-техническое, художественное развитие цивилизации в поствирусную эру? Кого лечить: молодого человека без образования, водителя или разносчика пиццы, — или всемирно известного деятеля науки или культуры, способного и в дальнейшем принести огромную пользу человечеству?

Очевидно, именно в этом вопросе утилитаризм особенно остро противостоит эгалитаризму, который усваивает некоторые черты и христианской, и марксистской этики, обращенной к бедным и угнетенным как к «соли земли»: именно они наследуют либо царство небесное, либо царство земного изобилия. Потому эгалитаризм и требует в первую очередь спасти слабых, пренебрегая сильными и здоровыми, которые сами о себе позаботятся. Утилитаризм, напротив, исходит из того, что здоровым (в том числе молодым) и сильным (в том числе профессионально полезным и социально значимым) нужно помогать в первую очередь, поскольку от их выживания зависит благополучие и всех остальных. Усилия медиков должны быть направлены на укрепление тех приоритетов, которые обозначились в самом бытии природы и общества, а не опрокидывать их в пользу слабых и бедных. В каком-то смысле здесь проглядывает разница идейных установок американских республиканцев и демократов, хотя однозначно политизировать этику было бы неправильно.

А вот еще одна ситуация. В больницу привозят двадцать молодых людей с тяжелой формой коронавируса, а аппаратов искусственного дыхания — всего

пять. Кого из них спасти? Помощь оказывается по мере поступления больных, даже если разница определяется секундами. Порядок может быть случайным: санитары замешкались у подъезда, скорая застопорилась в потоке машин... Но другого порядка не дано. Случай становится судьбой. Если же несколько пациентов прибыли одновременно, вопрос жизни и смерти, увы, решается бросанием жребия. Это тоже предусмотрено в рекомендациях по медицинской этике.

Эта нравственная дилемма не сегодняшняя, она мучила еще А. П. Чехова как врача во время эпидемии холеры 1892 г. Он писал: «Способ лечения холеры требует от врача прежде всего медлительности, т. е. каждому больному нужно отдавать по 5–10 часов, а то и больше. <...> Положение мое будет глупее дурацкого. Пока я буду возиться с одним больным, успеют заболеть и умереть десять» (А. С. Суворину, Мелихово, 16 августа 1892 г.). Если начать действовать сверхактивно, т. е. лечить всех по несколько минут, то все и умрут. А с должным усердием вылечишь одного — умрут остальные. И кого в первую очередь лечить — самых безнадежных (без помощи точно умрут) или обнадеживающих (а вдруг сами выживут)?

Здесь встает вопрос, далеко выходящий за пределы медицины. Этика, в простейшем определении, — наука о том, что такое хорошо и что такое плохо. Два главных и взаимно дополняющих принципа морали: не делать плохого и делать хорошее. Не причинять вреда и приносить пользу. Но что если эти принципы вступают в противоречие?

Допустим, в распоряжении врача есть доза лекарства, необходимая для излечения одного тяжело больного. Но если ее разделить на пять частей, можно будет вылечить пятерых пациентов, которые находятся на более ранней стадии болезни и нуждаются в меньших дозах. Очевидно, что в данной ситуации этически оправдано использование лекарства для спасения большего числа жизней. При прочих равных условиях лучше помочь пятерым, чем одному.

Но доведем ситуацию до логического предела. Представим пятерых больных, у которых отказали жизненно важные органы: печень, почки, сердце, легкие, поджелудочная железа. Позволено ли убить одного здорового и разъять его тело на органы, чтобы пересадить их пяти больным и тем самым их спасти? Очевидно, это противоречит моральной интуиции большинства людей. Иначе было бы этично создать бизнес по умерщвлению здоровых и использованию их органов для помощи больным. Оказывается, что «не навреди» весомее, чем «помоги».

Почему же этично излечить пятерых больных за счет одного, при этом допуская, что он умрет, — но не этично убить одного ради выживания пятерых? Дать умереть, т. е. передать бытию право решать, — не то же самое, что убить, т. е. самому оборвать чужую жизнь. Действует критерий: лучше

не сделать доброе, чем сделать злое. Предоставить действительности право решать — и не брать на себя ответственности за жизнь, созданную не тобой.

Значит, между этими двумя принципами нет полной симметрии. Не по этой ли причине из десяти библейских заповедей только две сформулированы положительно, как призыв к действию (помнить субботу и почитать родителей), а восемь — отрицательно: «не делай» (не сотвори кумира, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй...)? Почему НЕ делать плохое предписывается чаще, чем делать хорошее, и непричинение вреда важнее, чем принесение пользы?

Я вижу два возможных объяснения: богословское и философское. Первое состоит в том, что на человеке лежит первородный грех и то, что от него исходит стихийно, по инстинкту, — это зло, поэтому главная задача морали — предотвратить вредное воздействие, наложить запрет. Пока человек не согрешил и не был изгнан из рая, заповеди были положительными: плодиться, размножаться и давать имена всему сущему.

Второе объяснение, философское, по сути не противоречит первому. Бытие, как оно складывается независимо от нас, обладает некоторым приоритетом перед нашей волей. То, что уже существует, содержит в себе основание для своего бытия. Поэтому наша первая забота — не ухудшать то, что есть, и только вторая — улучшать. Такова моральная интуиция. Мир создан не нами, мы пришли в него после миллиардов других, и прежде всего нужно уважать ту волю, которая уже действует в нем. И лишь потом прилагать к нему волю, которая действует в нас.

Назовем это *приоритетом бытия в этике*, или *бытийной постоянной*, которая чуть-чуть искривляет пространство этики в пользу «не навреди». Это же дает консерватизму минимальный перевес над реформизмом — подчеркиваю, *минимальный*. Как известно, для Гегеля все действительное было разумным, а все разумное действительным. Но одинаков ли вес этих двух тезисов — или первый весомее второго? Действительность как точка отсчета обладает некоторой привилегией перед действием, даже вполне разумным. Нужно признать действительность чуть более разумной, нежели разум — действительным и, соответственно, требующим действия. Иными словами, деонтология, учение о должном, зависит от онтологии, учения о бытии.

3. Новая фаза антропогенеза.

Как меняется природа человека в период пандемии

Пандемия — это новый, уникальный опыт в истории, когда человечество впервые осознает себя таковым — не абстрактным понятием, а целостным живым организмом, который отчаянно борется с нашествием микроорганизмов. Значимость этого события, на мой взгляд, выходит за рамки истории

и принадлежит более масштабному процессу — антропогенезу, формированию человека как вида. Пока что рано судить об этом с точки зрения строгой науки, поэтому рискну выдвинуть ряд вольных гипотез.

О том, что биологическая эволюция человека уступает место социокультурной, антропологи говорят уже много десятилетий, а в XXI веке обозначился новый вектор этого процесса — электронно-сетевой. Виртуальность в последние годы все больше поглощала реал, и требовался только сильный толчок, смертельная угроза из самого реала, чтобы цивилизация стала стремительно переселяться в онлайн: политика, бизнес, производство, торговля, услуги, культура, образование, даже спорт... Это сильнейший и, возможно, решающий удар по медленной биологической эволюции — и невероятное ускорение технической и интеллектуальной.

По одной из основных версий антропогенеза, в эпоху миоцена глобальное похолодание вытеснило тропические леса саванны и прогнало приматов с деревьев на землю, что, собственно, и поставило их на ноги, освободило руки, позволило изготавливать орудия труда и превратило в «человека разумного». Теперь вирусы прогоняют человека из биосферы, запуская новый виток эволюции в ноосфере. Человек из лазающего и прямоходящего превращается в человека сидящего (перед экраном) — Homo Sedens.

С развитием цивилизации и с переходом к умственному труду и сидячему образу жизни все больший перевес получают органы зрения и слуха. Через них проходит основной информационный поток, что выделяет человека среди других видов, более зависимых от непосредственного контакта с физической средой. Зрение и слух — дистанционные органы восприятия, и в этом смысле они отвечают новейшим требованиям социальной «дистанции» и «самоизоляции», которые, вследствие преимущественного развития этих органов, благоприятствуют сохранению человека как вида. Они не требуют прямого физического контакта и поэтому оказываются эволюционно выигрышными в условиях пандемии. Легко представить такой шуточный, но по сути правильный лозунг: «Глаза и уши — лучшие противовирусные средства». Зрение и слух оперируют условными символами, опосредованными знаками: именно поэтому есть искусства речевые, звуковые, изобразительные (литература, музыка, живопись, кино и т. д.) — и практически нет искусств, основанных на трех других видах ощущений. Собственно, культура, как таковая, отдает приоритет «удаленке» в самом физиологическом аппарате человека.

Да и вкусовые, обонятельные, осязательные ощущения со временем поддадутся трансляции в развитых нейросетях и будут выводиться на терминал. Пока же можно обойтись не слишком необременительной чувственной аскезой. Вот мы собрались на зум-вечеринку, разговариваем, смотрим друг на друга, выпиваем, закусываем... Чего, собственно, не хватает? Рукопожатия при встрече? Аромата духов от собеседниц? Такая ли уж большая потеря?

Вообще, традиционно считается, что тактильность относится к самым примитивным формам коммуникации. «Передача информации посредством осязания становится все менее существенной в ходе человеческого развития — онто- и филогенеза. В культуре прикосновение не только имеет ограниченный коммуникативный потенциал, но также и репрессируется нормами разных обществ» [Nöth 1995, p. 407]. Тактильность глубоко архаична и магична. Издревле прикосновение составляло чувственную основу магии и священных символических действий — клятвы, присяги. Отсюда корневое родство слов «осязание» и «присяга» — оба от праславянского «сягати» (касаться, доставать). Присяга, собственно, и означала прикосновение к предмету клятвы — земле, сердцу, знамени, книге и т. д. Да и сегодня глава государства, вступая в должность, приносит присягу, кладя руку на текст Священного Писания или Конституции.

Дальнейшая судьба осязания в культуре Нового времени парадоксально связана с изменением понятий такта и тактичности. В современном обиходе они означают умение соблюдать дистанцию, не навязывать другому человеку своих мнений или эмоций, искусство обходительного обращения с людьми, т. е. обхождения их на расстоянии. Между тем слово «такт» в европейских языках происходит от латинского «tactus» — «прикосновение»; отсюда и понятие «тактильность». Что общего между «тактичностью» и «тактильностью»? Казалось бы, ничего. Но в том-то и дело, что тактичность изначально предполагает чувствительность, а значит, способность почувствовать другого посредством максимального сближения. Однако постепенно «тактичность» в современном смысле (который в английском языке прослеживается только с начала XIX века) отделилась от тактильности и противопоставила ей себя, как чувство дистанции. Чувствительность проявляется уже не в том, чтобы прикоснуться к ближнему, а в том, чтобы избегать таких прикосновений, держаться на почтительном, деликатном расстоянии. И лишь в любовных или дружеских отношениях тактичность и тактильность заново сближаются, как, например, в письме Генри Джеймса его другу Мортону Фуллеру: «Вы красивы, вы более чем тактичны, — вы нежны, волшебны тактильны...» (цит. по: [Kaplan 1992, p. 409]).

Безусловно, чувство осязания более, чем все остальные, продолжает отвечать за наше представление о физической реальности в противоположность иллюзии, галлюцинации. Можно не поверить своим глазам или ушам, — но трудно не поверить прямому прикосновению. «Неужели мне это не снится? Ущипните меня!» — такова вопросительно-восклицательная фразеология приведения себя в чувство, под которым понимается прежде всего осязание — «щипок». *Tango ergo sum* — осязаю, следовательно, существую. Мыслить (*cogitare*) можно и во сне, и в видениях, а вот щипок — это уже несомненная явь, начало пробуждения. Уход в онлайн — это уход человечества в коллективные сны, в творческие фантазии, в глубину «я» и «мы».

Рис. 2.

Fig. 2.

Источник: [Depositphotos 2021]

Я не говорю, что человечество всё перейдет в онлайн, просто эта среда со временем окажется все более привычной и продуктивной для развития собственно человеческих способностей. Никто ведь не мешает людям лазить по деревьям, но с определенного эволюционного момента им стало привычнее ходить по земле. Вот так со временем, вероятно, человеку естественнее будет входить в онлайн, чем выходить на улицу. Меня эта перспектива совсем не вдохновляет, все мы люди довирусной эпохи, «уличные». Но я не исключаю, что уже наши внуки и правнуки будут воспринимать нас как «допотопных», «старорежимных» — в чем-то завидовать нам, но и посмеиваться, недоумевать.

Я не сомневаюсь, что нынешняя пандемия будет преодолена, человечество застрахует от новых вирусов, сохранит и даже грандиозно расширит свое жизненное пространство (освоение других планет и звездных систем). Но все-таки толчок от нынешней пандемии окажется достаточно мощным, чтобы колонизация и новый фронт цивилизации передвинулись в глубь виртуальных миров. Можно относиться к этому с печалью или сарказмом, можно представить себе грядущих луддитов, разбивающих электронные терминалы, как когда-то они ломали чулочные станки. Но индустриальную революцию они не смогли предотвратить...

Сейчас пришло время интровертов. Исследования показывают, что экстравертам гораздо труднее переходить на дистанционную работу. Преподаватели-экстраверты, например, гораздо больше устают, когда общаются со студентами по зуму, а не в реале. Мне кажется, что «социальное дистанцирование» — на самом деле, оно физическое — способствует новым формам социализации, более тесному сближению людей. Интроверты, как известно, внесли не меньший вклад в развитие цивилизации, чем экстраверты. Перед лицом смертельного врага человечество, разделенное границами, карантинами, стенами, дверями, может внутренне объединиться, углубляясь в себя. Созревая, оно переходит от культуры шумных сборищ к культуре интроспекции и избирательной, точечной коммуникации. Я сейчас гораздо сильнее ощущаю человечество как единый организм, чем в «довирусную» эпоху массовых скоплений,

туристических потоков, спортивных экстазов. Мы все сидим по домам, мы в одинаковых условиях временной «капитуляции» перед общим «врагом рода человеческого», но благодаря этому нам легче почувствовать общность своей судьбы, уязвимость своего вида.

Многие эксперты провозгласили, что пандемия — это конец глобализации. В самом деле, государства отгораживаются друг от друга и даже от самих себя, разделяют карантинами свои территории. Но глобализация — это не только свобода передвижений по поверхности планеты, это и чувство принадлежности ко всему человеческому роду. Глобализация переходит из экстравертной стадии в *интровертную*. Столкнувшись с общей опасностью, не делающей национальных, этнических, религиозных различий, человечество становится *конкретной реальностью*, которая раньше нами ощущалась слабо и смутно. Все мы были членами каких-то организаций: наций, профессий, церквей, клубов; а человечество в целом воспринималось как некая абстракция («абстрактный гуманизм»). Теперь оно становится Организацией № 1 — не только потому, что первая по значимости, но и потому, что к ней можно принадлежать лишь в одиночку: в своих домах, путем самоизоляции.

В последние годы население томилось от «затяжного» мирного времени и жаждало «повторить», в воздухе было разлито ожидание какого-то надрыва. В результате нарастающего ядерного куража и шантажа усиливалось предчувствие неизбежности новой большой войны. И думалось: что может ее предотвратить? Что может сплотить человечество? Только нечто более чуждое всем нам, чем мы — друг другу. Не иначе как пришествие инопланетян...

А вместо них нагрянули вирусы. Они развязали новую мировую войну — первую, которая может объединить, а не расколоть человечество.

Оказывается, иные формы жизни тоже могут способствовать нашему объединению. Все человечество, вопреки физическому разъединению, слилось в одно «соборное» тело, противостоящее нашествию антропофагов, непостижимой форме *иной витальности*. Эти «иновитяне» страшнее инопланетян, ибо они с нами и внутри нас. Вирусы напомнили людям, что все они братья и сестры по легким, по сердцу, по кровеносным сосудам, и то, что нас сближает — сама жизнь в ее простейших основаниях, — несравненно важнее того, что разделяет нас.

Если бы испанка разразилась не в самом конце Первой мировой, а до ее начала, — могла бы она ее предотвратить? Может ли сама пандемия стать **биополитической вакциной**, предотвращающей гибель человечества?

Список литературы

- Кукрыниксы 1954 — Иллюстрации Кукрыниксов к рассказам А. П. Чехова [Электронный ресурс] : альбом / предисл. Н. Соколовой. М. : Изогиз, 1954. 92 с. URL: <https://polny-shkaf.livejournal.com/418954.html> (дата обращения: 11.03.2021).
- Depositphotos 2021 — Depositphotos [Electronic resource] : photobank. URL: https://ru.depositphotos.com/stock-photography.html?utm_source=direct.yandex.ru&utm_medium=cpc&utm_content=1944969194&utm_term=Depositphotos&utm_campaign=YD_RUS_RU_Brand_Search&ymhid=28428659216107941 (access date: 11.03.2021).
- Kaplan 1992 — *Kaplan F. Henry James: The Imagination of Genius*. New York : Morrow, 1992. 620 p.
- Nöth 1995 — *Nöth W. Handbook of Semiotics*. Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1995. 576 p.

References

- Depositphotos, photobank* (2021), available at: https://ru.depositphotos.com/stock-photography.html?utm_source=direct.yandex.ru&utm_medium=cpc&utm_content=1944969194&utm_term=Depositphotos&utm_campaign=YD_RUS_RU_Brand_Search&ymhid=28428659216107941 (accessed 11 March 2021).
- Ilyustratsii Kukryniksov k rasskazam A. P. Chekhova* [Illustrations by the Kukryniksy to the stories of A. P. Chekhov] (1954), Izogiz, Moscow, 92 p., available at: <https://polny-shkaf.livejournal.com/418954.html> (accessed 11 March 2021).
- Kaplan, F. (1992), *Henry James: The Imagination of Genius*, Morrow, New York, 620 p.
- Nöth, W. (1995), *Handbook of Semiotics*, Indiana University Press, Bloomington, Indianapolis, 576 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 16.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторе

Эпштейн Михаил Наумович
профессор культуральной теории и русской
литературы
Университет Эмори
30322 США, Джорджия, Атланта,
ул. Доуман Драйв, 201
E-mail: russmne@emory.edu
Авторский ORCID: 0000-0003-1544-837X

Information about the author

Epstein, Mikhail Naumovich
Professor of Cultural Theory and Russian
Literature
Emory University
201 Dowman Drive, Atlanta, Georgia
30322 USA
E-mail: russmne@emory.edu
Author's ORCID: 0000-0003-1544-837X

О НОВОМ СМЫСЛЕ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТА*

М. А. Краснов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Аннотация: В статье поднимается проблема авторитарного потенциала, коренящегося в современном институте президента. Позиция автора сводится к тому, что институт президента произошел от института монарха и вместе с этим унаследовал его публично-правовой смысл. В то же время монархические свойства не могли быть «переданы» президенту в силу принципиально иной природы этого института. Именно поэтому президент — не республиканская копия монарха, а его эрзац. Занимая высшую позицию в государственной системе — являясь главой государства, президент начинает тяготеть к овладению монархическими свойствами. Не потому, что желает стать монархом, а потому, что хочет сделать свою власть практически неограниченной и бессрочной — установить режим личной власти. Это — онтологическая опасность, хотя для реализации авторитарного перерождения нужны определенные условия. В статье обрисовывается новая модель института президента, которая, по мнению автора, способна существенно снизить вероятность авторитарного тренда президента. Суть предлагаемой модели в принципиальном изменении самого смысла главы государства — в переходе от роли руководителя (неважно, реального или формального/номинального) к роли хранителя конституционного строя. При этом сам конституционный строй понимается широко, т. е. не только как установленная система государственных органов, действующих в рамках своей компетенции, но и как соответствие их деятельности конституционным ценностям (конституционализму). Обретение нового смысла института президента видится не в уменьшении объема власти, а, во-первых, в изменении направленности, характера полномочий и, во-вторых, в обеспечении политической нейтральности главы государства. Последняя может быть обеспечена совокупностью мер, среди которых главной служит полное отстранение президента от процессов текущего государственного управления, но не для наделения президента церемониальной ролью, а для его сосредоточения исключительно на охране и защите конституционного строя. В заключении статьи описываются некоторые конкретные параметры, характеризующие новое понимание института президента.

* В основе статьи лежит аналитическая записка, подготовленная для фонда «Либеральная миссия» в феврале 2021 г

Ключевые слова: президент, монарх, глава государства, смешанная модель, авторитарный потенциал, гарант конституции, конституционализм.

Для цитирования: *Краснов М. А. О новом смысле института президента // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 38–60. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.002*

ON THE NEW MEANING OF THE INSTITUTION OF THE PRESIDENCY

М. А. Krasnov

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Abstract: The article raises the problem of the authoritarian potential rooted in the current institution of the presidency. The author's position is that an institution of the presidency evolved from the institution of the monarch, and along with it, inherited its public law meaning. At the same time, the monarchical properties could not be "delegated" to the president only due to the fundamentally different nature of this institution. That is why President is not a republican copy of the monarch, but a replica. When the president assumes the highest position in the state system, as head of state, he tends to acquire monarchic qualities. Not because he wants to become a monarch, but because he wants to make his power virtually unlimited and indefinite, i.e. to establish a regime of personal power. This is an ontological danger, although certain conditions are necessary to realize an authoritarian rebirth. This paper outlines a new model for the institution of the presidency. In the author's opinion, it can significantly reduce the likelihood of an authoritarian trend. The essence of the proposed model is a fundamental change in the very meaning of the head of state. It involves the transition from his role of a leader (whether actual or formal/nominal) to that of the guardian of the constitutional order. Here, the comprehension of the constitutional order itself is broad. In other words, it is not only an established system of state bodies acting within their competence but also the compliance of their activities with constitutional values (constitutionalism). The author argues that the new meaning of the institution of the presidency is not a reduction in the amount of power. In the author's view, it is, first, a change in the focus and nature of power and, second, ensuring the political neutrality of the head of state. A set of measures can ensure the latter. And among them, the main is the complete removal of the President from the processes of current state administration. It does not mean for President to have only a ceremonial role. It means to focus exclusively on the protection and defense of the constitutional order. The paper concludes by describing some specific parameters that characterize the new understanding of the president.

Keywords: president, monarch, head of state, mixed model, authoritarian potential, guarantor of the constitution, constitutional principles.

For citation: Krasnov, M. A. (2021), “On the new Meaning of the Institution of the Presidency”, *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 38–60 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.002

В 1990 г. вышла статья известного американского политолога Хуана Линца «Опасности президентализма» [Linz 1990]. Главную опасность этой — президентцентричной — системы Линц видел в ее огромном авторитарном потенциале, который обусловлен, прежде всего, убежденностью президента «в том, что он обладает *независимой властью* и пользуется поддержкой народа, может создавать у него *ощущение собственной силы и миссии*, даже если количество проголосовавших за него в совокупности невелико. Проникнутый подобными представлениями о своем положении и своей роли, он начинает *воспринимать неизбежную оппозицию своей политике как раздражающий и деморализующий фактор*, в отличие от премьер-министра (в парламентской системе. — М. К.), который видит в себе всего лишь представителя временной правящей коалиции, а не выразителя интересов нации или народного трибуна» [Линц 2006, с. 117¹].

Действительно, авторитарная опасность президента ощущалась уже в процессе рождения этого института. Многие участники Филадельфийского конвента (май–сентябрь 1787 г.) «опасались, что *наделенный чрезмерной властью президент принесет с собой тиранию*» [Бернам 2006, с. 54] (курсив в цитатах мой. — М. К.). Не было сомнений, кто станет первым президентом, но именно потому, что авторитет Джорджа Вашингтона был огромен, как раз и следовало, по мнению некоторых «отцов-основателей», ограничить prerogatives исполнительной власти.

История подтвердила эти опасения. Не по отношению к Дж. Вашингтону. Он-то как раз показал пример политического благородства, отказавшись баллотироваться в третий раз, когда почувствовал, что теряет авторитет среди своих соратников [Вашингтон 1796]. Опасения подтвердились в другие времена и в других странах. Особенно с появлением полупрезидентской (смешанной) модели², которую взяли на вооружение очень многие постсоциалистические (включая постсоветские) государства, в том числе Россия. Тем не менее, все же хочу кое в чем не согласиться с Х. Линцем.

¹ Ссылка на цитату дается не по оригиналу, а по великолепному переводу выдержек из статьи Линца. Правда, на русском языке название значит как «Опасности президентской формы правления» и в подстрочнике указано название оригинала «The Perils of Presidency», что также неточно. На самом деле в оригинале стоит название «The Perils of Presidentialism». Это важно отметить, так как президентализм нельзя считать ни формой правления, ни президентством (Presidency).

² Эта модель впервые появилась в Веймарской Конституции Германии (1919 г.), но свое название получила после создания Пятой французской Республики, построенной на этой модели.

Во-первых, далеко не все зависит от президента, если он хочет установить режим личной власти³. Опасности, которые несет с собой институт президента, могут быть нейтрализованы развитым конституционным сознанием, политической культурой, демократическим опытом элит и общества (как, например, во Франции, где де Голля подозревали в диктаторских устремлениях). Во-вторых, не всегда парламентская модель является хорошей альтернативой президентализму, так как для парламентской республики нужны определенные условия, которых в данной стране и в данный период может не быть (как, например, в сегодняшней России⁴). Отсюда — в-третьих: свои преимущества есть и у таких разновидностей республиканской формы правления, как президентская и, особенно, полупрезидентская республика. Поэтому стоит не отбрасывать их, а пытаться искать условия, при которых и будут надежно защищены ценности конституционного строя и минимизирована авторитарная опасность. Одному из направлений таких поисков посвящена настоящая статья.

1

Институт президента, каким мы его знаем сегодня, «кровными узами» связан с институтом *монарха* европейского типа. Правда, есть мнение, будто феномен президентства коренится в древнеримских диктатурах. З. М. Черниловский, выдвинувший такое предположение, обосновывал его тем, что *демократический* характер этой должности «подчеркивался официальным наименованием правоуполномоченного лица, которому вверялась высшая и неограниченная власть — “magister populi” — “предводитель народа”, позднее — “диктатор” (от dicto — предписывать, приказывать). Прекрасно отдавая себе отчет в том, что неограниченная власть по самой своей природе тяготеет к авторитаризму, создатели римской республиканской конституции ограничивали диктатуру предельным 6-месячным сроком. Публичное сложение полномочий возвращало диктатора к его прежней роли и восстанавливало в полном объеме полномочия ординарных магистратов. И только со времен Суллы (82 г. до н. э.), объявленного пожизненным диктатором, старый республиканский институт, много послуживший благополучию республики, в корне перерождается, положив начало единовластию Цезаря, Августа и их преемников» [Черниловский 1991, с. 110].

Что-то общее у президента с древнеримским диктатором и вправду есть. Тем более что это была (по Ж. Бодену и К. Шмитту) не «суверенная»,

³ Этот термин я буду здесь применять как синоним авторитарного, персоналистского, авторитарного, вождистского режимов.

⁴ Если кратко, то, как минимум, в силу неразвитости договорной культуры партий, низкой общей политической культуры элит и общества в целом, стереотипного представления о власти как о персонализированной.

а «комиссарская» диктатура, т. е. «диктатор имел только *комиссионное поручение*», и суверен мог его отозвать [Шмитт 2005, с. 45]. И все же «диктаторская родословная» президента — не более чем экзотическая гипотеза. Обстоятельства рождения этого института (а он впервые появился в Конституции США 1787 г.) определенно указывают не просто на монархическое заимствование, но и на то, что его прообразом был *конкретный* монарх — король Великобритании и Ирландии Георг III. Это неудивительно, ибо английская политическая система власти была наиболее знакома «отцам-основателям». Они в некотором смысле даже были ее частью, относясь, в большинстве своем, к либеральной партии вигов⁵. К тому же ответственные политики не стремятся выдумывать нечто абсолютно новое, а, скорее, конструируют из того, что им хорошо известно.

Благодаря своему «монархическому генезису» институт президента стал восприниматься как *республиканский аналог монарха* и потому, казалось бы, вполне естественно, что его стали называть: «конституционный король на время» (А.-П. Батби), «республиканизированный монарх» (К. Шмитт), «республиканский монарх» (М. Дюверже), «выборный король»⁶ (А. Шлезингер-мл.) и т. п. Однако такие метафоры не очень верны. Президент является не «республиканской копией» монарха, а его *эрзацем*. Какие-то свойства эрзаца могут быть даже лучше, чем у оригинала, но эрзац никогда не сможет стать оригиналом, не изменив свою сущность, точнее, свою *природу*. **А природа монарха (имманентные ему свойства) в корне иная.**

Нет какого-то «канонического» перечня монархических свойств, и в прошлом о них (даже об их числе) исследователи спорили. На мой взгляд, имеет смысл выделять *следующие свойства*.

1. Власть монарха не производна ни от народа, ни от какой-то иной земной власти. У монарха *сакральная легитимность*, не исчезающая даже при официальном признании суверенитета народа в конституционной монархии (хотя теоретическая проблема тут есть, но, как заметил Леон Дюги, «ограниченная монархия в Англии естественно вышла из фактов и нисколько не заботилась о теоретическом примирении монархического принципа и национального суверенитета» [Дюги 1908, с. 549]).

2. Монарх не несет ни политической, ни юридической ответственности. Его *не-ответственность* (или, как раньше говорили, безответственность (например, [Чичерин 2006, с. 160])) проистекает именно из сакральности

⁵ В этом можно было бы усмотреть некоторый парадокс: люди с республиканским мировоззрением избрали в качестве образца институт монарха, к тому же олицетворяемого тем, кого они обвиняли в деспотизме. Но парадокса тут нет, ибо республиканское сознание не следует отождествлять с неприятием монархии. По крайней мере, это не было тождественным в период разработки Конституции США.

⁶ Вообще-то это не очень корректно, так как выборные монархи существуют.

монаршей власти. В шекспировском «Ричарде II» епископ Карлейльский восклицает:

«Как может подданный судить монарха?»

А подданные Ричарда — здесь все!

Ведь даже вора осудить нельзя,

Не выслушав, хоть кража очевидна.

Так можно ли судить вам государя,

Носителя, наместника Господня,

Венчанного, помазанного Богом,

И приговор заочно выносить?»

Эта идея получила наибольшее развитие в Средние века, когда появились теории, смысл которых состоял в том, что монарх не является обычным человеком [Канторович 2015].

3. Пожизненность (бессрочность) пребывания в статусе монарха.

Часто бессрочность связывается с принципом наследования. Это не вполне верно, так как выборные монархии были в прошлом и существуют поныне. Однако, даже будучи избираемым (тем более что не на всеобщих выборах), монарх занимает свое место пожизненно. В противном случае мы имели бы полное право называть такого главу государства президентом, пусть даже формально он будет именоваться «король». Так, главу государства в Малайзии принято считать монархом. Однако это неверно. Хотя в ст. 32 Конституции Федерации Малайзии 1957 г. говорится, что «Верховный глава Федерации, именуемый Янг ди-Пертуан Агонг... по рангу стоит выше всех других лиц в Федерации и не несет ответственности перед каким-либо судом», он все же избирается Советом правителей лишь на пять лет и, главное, «может быть отстранен от должности Советом правителей; он прекращает исполнение своих обязанностей, перестав быть Правителем». Таким образом, речь идет о весьма своеобразном институте, совмещающем в себе черты и монарха, и президента.

4. Монарх обладает неограниченной властью. Казалось бы, этому противоречит то обстоятельство, что монаршая власть давно не является неограниченной, а исторический тренд состоит в ее сужении. Это так: социально-политические обстоятельства заставили монархов согласиться с ограничением их власти. Но это было именно **их** согласие (пусть иногда и в страхе перед революцией). И если какой-то европейский монарх возвращал (или вернет) себе неограниченную власть, устраняя или подавляя институты-ограничители, он не менял (не изменит) свою природу монарха, т. е. не станет узурпатором. Совершенно прав был Н. М. Коркунов, когда писал, что «раз существует монархическая власть, как бы она ни была ограничена, получится монархия, а не республика» [Коркунов 2004, с. 315–316].

Между прочим, и Джон Локк не видел противоречия между широкой дискреционной властью короля и принципом разделения властей, он не отрицал возможности предоставления монарху *carte blanche*, если того требует защита общего интереса. В те времена это входило в понятие «*прерогатива*». Локк раскрывал ее как «власть действовать *сообразно собственному разумению* ради общественного блага, *не опираясь на предписания закона, а иногда даже вопреки ему*» [Локк 1988, с. 357]. Такая прерогатива, продолжал он, вручается государю «по доверию» и является «*неограниченной властью в отношении некоторых вещей*», но исключительно «на благо, а не во вред народу» [Там же, с. 384].

5. Монарх — политически нейтральный институт. Правда, многие монархи давнего и недавнего прошлого по-разному относились к разным группам своих подданных. Достаточно вспомнить римских, затем византийских императоров-ариан, монофизитов или иконоборцев, преследовавших тех, кто не разделял эти ереси; французских и английских королей, по-разному относившихся к католикам и протестантам. Однако речь идет не о религиозной или этнической, а именно о *политической* нейтральности⁷ и к тому же института, а не конкретных личностей.

Политическая нейтральность — исторически обусловленное свойство. О ней бессмысленно было говорить при абсолютизме, поскольку не было политикума и самой politics в ее современном понимании. Это свойство «всплыло», когда появились политические партии, а точнее, когда парламенты отвоёвывали у монархов право формировать кабинеты министров (правительства). И дабы не лишиться трона, монархи согласились с этой потерей и стали чем-то наподобие «отцов нации» («отцов отечества»). Германский кайзер Вильгельм II, обращаясь во время Первой мировой войны к избирателям социал-демократов, говорил: «Для меня в Германии нет больше партий, есть только немцы!» (цит. по: [Хряков 2010, с. 20]). Или: норвежский король Хокон VII в 1920-х гг., после вручения мандата на формирование правительства лидеру Рабочей партии, заявил: «Я король и для коммунистов»⁸. Б. Н. Чичерин, хотя и несколько романтизировал причину нейтральности, точно заметил: «Ничто не препятствует конституционному монарху проводить в управлении свои взгляды и убеждения, пока он находит поддержку в стране. Но политика, встречающая постоянный отпор в представительстве, приносит вред государству тем, что производит разлад. Потребность дружной деятельности различных органов верховной власти побуждает монарха вручить управление тем лицам, которые

⁷ Сознательно не применяю слово «нейтралитет», поскольку оно несет в себе значительную долю субъективного, волевого. В русском языке «нейтральность» в большей мере выражает то, что данное свойство существует объективно.

⁸ Кто-то приводит эти слова немного иначе («даже для коммунистов»), да и относит их к 1940-м годам [Кивле, Сомов 2011, с. 44].

в состоянии установить это согласие. Юридически он к этому не обязан; никакая конституция не содержит в себе такого постановления, ибо юридическая зависимость королевской власти от воли большинства противоречит началам конституционной монархии. Но *во имя общественной пользы*, для правильного действия конституционных учреждений, которых он высший хранитель, монарх назначает людей, хотя лично с ним не согласных, но имеющих поддержку в стране и идущих рука об руку с палатами. *Поступая таким образом, он является гораздо высшим полнейшим представителем общих интересов государства, нежели действуя по личным взглядам или внушениям какой-либо партии*. Этим он оказывает уважение своему народу и тому законному порядку, во главе которого стоит» [Чичерин 2016, с. 179].

Понятно, что у института монарха и вообще у монархии есть и другие специфические свойства (например, [Ильин 2019, с. 415]), но я выделил лишь те, которые можно соотнести со свойствами президента. На этом соотношении стоит остановиться.

2

Свойства института президента противоположны монархическим: вместо сакральной легитимности — демократическая, вместо не-ответственности — ответственность (пусть даже где-то ограниченная), вместо пожизненности правления — ограничение сроков пребывания в должности, вместо неограниченной власти — рамки компетенции, вместо политической нейтральности партийная ангажированность. Может поэтому показаться, что метафора «эрзац монарха» неверна. Однако не нужно забывать, что эрзац может создаваться (и, как правило, создается) не для дублирования *свойств* оригинала, а для воспроизведения его *качества*. **Основное качество монарха, его институциональный смысл — главенство, руководство** (неважно, формальное или реальное). Президент же унаследовал как раз это качество, поскольку занял место монарха в системе публичной власти — место *главы государства*.

Строго говоря, древних монархов (тем более восточных деспотов) ошибочно именуют в литературе главами государств. Абсолютный монарх не может быть главой, т. е. *высшим органом*, государства. Он — **государь** (хотя этот термин известен лишь некоторым славянским языкам, например русскому, сербскому), т. е. *тождествен* государству, и известная фраза Людовика XIV «Государство — это я» была совершенно адекватна его реальному положению⁹. Карл Шмитт так раскрывал ее смысл: «Тезис L'État c'est moi означает: "Только я репрезентирую политическое единство нации"» [Шмитт 2010, с. 42].

⁹ Хотя Л. А. Тихомиров считал, что эта формула была высказана, скорее, ради «красного словца» [Тихомиров 1998, с. 201].

Примерно так же характеризовал монарха и выдающийся философ В. С. Соловьев, называя его «верховным представителем национально-политического единства, “отцом отечества”» [Соловьев 2010, с. 127–128].

Понятие «глава государства» начинает распространяться с конца XVIII в. благодаря американской и французской революциям. Георг Еллинек считал, что этот термин позволил создать «*общую категорию* для разного рода законных и революционных властителей. Король, император, президент *объединяются под термином chef d'état*, так что каждый глава государства, власть которого вытекает из какого-либо *нового источника*, тотчас же вступает во все законные функции своего предшественника, за исключением, конечно, видоизмененных или отмененных новой конституцией» [Еллинек 1908, с. 263]. Интересно, что первые официальные употребления термина «глава государства» появились в текстах именно монархических конституций — нескольких немецких княжеств первой четверти XIX в. [Там же, с. 343]. Но что стоит за этим термином?

При всем разнообразии определений понятия главы государства, даваемых в юридических учебниках, словарях, энциклопедиях, а иногда и в самих конституциях, можно обнаружить *три элемента* (хотя в каких-то дефинициях один или даже два из них отсутствуют): 1) *высшее место* в системе органов публичной власти; 2) *высший представитель* государства; 3) *символ* (государства, единства нации и т. п.). Но, соотнося это с действительностью, нетрудно увидеть, что такое восприятие сущности главы государства не только не универсально, но и, главное, является теоретически опасным для конституционного строя.

Прежде всего, такая опасность гнездится в понятии «высшее место», что, в свою очередь, вытекает из смысла термина «глава государства». Ведь интенция, содержащаяся в нем, адресует к *начальствованию, руководству, командованию*. Многие конституционные документы так и раскрывают его. Например, Временное правительство Польши после получения этой страной независимости 22 ноября 1918 г. издало «Декрет о *наивысшей власти* в Польской республике» и создало должность Временного *начальника государства*, соответствовавшую должности президента по месту в системе органов власти и компетенции [Баев, Ковальски 2011, с. 618]. Или: ст. 36 Конституции Республики Кипр гласит: «Президент Республики является *главой государства и первым лицом* Республики». Тут, правда, союзом «и» как бы разграничиваются эти понятия. Но такой оборот, скорее, нужно понимать следующим образом: «является *главой государства и, следовательно, первым лицом*».

Естественно, что и сами президенты, если они обладают мощными управленческими полномочиями, считают себя руководителями страны. Например, второй президент США Дж. Адамс (1797–1801) заявлял, что он «*руководитель государства*» [Инаугурационные речи 2001, с. 42], а президент Ф. Пирс (1853–1857) — что «*призван в течение ограниченного периода времени руководить*

судьбами Республики» [Инаугурационные речи 2001, с. 187]. В подобном ключе рассуждал и Вудро Вильсон, оправдывавший возвышение главы государства¹⁰ над всеми иными институтами тем, что «президент — это не просто *законный глава*, но также *политический лидер нации*» [Wilson 1917, p. 75]. Из этого исходил и основатель Пятой Французской Республики генерал Ш. де Голль, утверждавший: «Президент отнюдь не должен, как прежде, ограничиваться чисто представительной ролью и ролью советчика; теперь Конституция возлагает на него огромную *ответственность за судьбу Франции и судьбу Республики*. В самом деле, по Конституции президент является *гарантом*, — вы понимаете, именно *гарантом* — независимости, целостности страны, а также договоров, которые налагают на нее обязательства. Короче говоря, он *отвечает за Францию*. С другой стороны, ему надлежит обеспечивать преемственность государства и нормальное функционирование властей. Короче говоря, он *отвечает за Республику*» (цит. по: [Крутоголов 1980, с. 50–51]). Так что нет ничего удивительного, что в своей первой инаугурационной речи в 2000 г. и президент РФ В. В. Путин сказал: «Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность, и знаю, в России *глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, что происходит в стране*» [Инаугурационная речь 2000].

Но что значит «руководить страной», «отвечать за нее», «отвечать за ее судьбу» и проч., и проч.? **Каждый понимает это по-своему**, и президент может толковать свои функции и полномочия, перечисленные в национальной конституции, весьма *расширительно*. Причем, в зависимости от характера господствующего политического режима, *до такой степени* расширительно, что иногда перечеркивает принцип разделения властей.

Конечно, в конституционном государстве судебная власть не станет подерживать любое толкование президентом своих функций и полномочий. Например, Верховным судом США была выработана доктрина «скрытых», или «подразумеваемых», полномочий президента (т. е. как раз право расширительно толковать собственные полномочия). В деле *United States v. Nixon* (1974 г.) Суд «признал, что “привилегия исполнительной власти” действительно существует как *подразумеваемое полномочие Президента США*. Несмотря на отсутствие прямых указаний в статье II Конституции США, указал Суд в своем решении по делу, “*определенные полномочия и привилегии проистекают из самой природы перечисленных полномочий*; охрана конфиденциальности информации в распоряжении Президента имеет схожие конституционные основания” в той мере, в какой таковая конфиденциальность “имеет отношение к эффективному

¹⁰ Хотя президент США официально не назван главой государства, исследователи считают его именно таковым, имея в виду, что он является его фактическим *руководителем* (см., например: [Токвиль 2001, с. 112–118 и др.; Бернам 2006, с. 56; Дёгтев 2005, с. 14; Сахаров 1994, с. 9]).

отправлению функций того или иного Президента, *она является конституционно обоснованной*» [Бернам 2006, с. 66]. Но в том же деле Верховный суд США установил, что магнитофонные записи, сделанные в отеле «Уотергейт», не имеют отношения к отправлению функций президента и отказ президентской команды их предоставить не соответствует Конституции.

Вообще судебская независимость служит мощной гарантией от авторитарного перерождения президента. Но эта гарантия *вторична*, ибо саму независимость нужно сначала обеспечить. Джон Маршалл, под чьим руководством Верховный суд США впервые стал рассматривать конституционность законов, мог появиться только в конкурентной политической среде и при сильном парламенте (Конгрессе). Поэтому если персоналистский режим установлен, надежды на судебное ограничение властной экспансии президента уже не остается.

Вот яркий пример: в ст. 80 Конституции РФ содержится полномочие президента определять основные направления внутренней и внешней политики страны. Само по себе это полномочие создает существенный перекосяк в системе сдержек и противовесов в пользу президента и противоречит его роли гаранта Конституции. Но Конституционный Суд РФ еще больше усилил дисбаланс, постановив в 2006 г., что определяемые президентом основные направления внутренней и внешней политики государства *обязательны для всех органов публичной власти* [Постановление 2006]. Среди прочего, это означает, что даже если бы президент согласился формировать правительство из кандидатур, представленных парламентским большинством, этот кабинет *просто не смог бы проводить свой курс* — только президентский.

Для установления персоналистского режима требуется, чтобы налицо были *два фактора*: а) дисбаланс властных полномочий в пользу президента и, соответственно, в ущерб парламенту и б) согласие общества с режимом личной власти, обусловленное неразвитостью конституционного сознания, отсутствием навыков жизни в условиях политической конкуренции, стереотипным восприятием власти как персоналистской, низким качеством политической элиты и т. п. Конечно, второй (социокультурный) фактор невозможно быстро устранить и укоренить в обществе политическую — конкурентную и антиперсоналистскую — культуру. Но нельзя недооценивать и значение первого (институционального) фактора, в формировании которого не последнюю роль играет статус главы государства.

И тут надо обратить внимание еще на одно следствие, вытекающее из понятия «глава государства» и ставшее очевидным в полупрезидентской/смешанной модели (а речь, главным образом, о ней). Такой статус президента побуждает воспринимать его как институт, стоящий *над всеми иными органами и, по сути, над системой разделения властей* (кстати, в России это не просто мнение многих конституционалистов и позиция Конституционного суда, но теперь и отчетливо подтверждено законодательно — в Законе

о Госсовете [Федеральный закон 2020]). И такую возможность предоставляет сама Конституция РФ, над «загадкой» которой давно бьются российские конституционалисты. В ее *ст. 10* сказано, что государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, а *ст. 11* начинается со слов: «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют *Президент Российской Федерации*, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации». «Загадка» (на самом деле — опасное противоречие) состоит в трилемме: президент — либо глава исполнительной власти (но тогда это не будет соответствовать конституционной конструкции смешанной модели), либо олицетворяет отдельную, президентскую, ветвь власти (но о ней Конституция РФ ничего не говорит), либо *стоит над всеми ветвями власти*. Доктрина «возвышения» обосновывается статусом главы государства, из которого вытекает, прежде всего, его функция/роль **гаранта конституции**.

Российская Конституция, раскрывая эту роль, говорит об обязанности а) охранять государственный суверенитет, независимость и государственную целостность и б) обеспечивать «согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти»¹¹. Это результат следования ошибочному, слишком узкому пониманию гарантирования — только как посредничества, медиаторства, координации. Между тем гарантировать конституцию — значит, в первую очередь, охранять и защищать *конституционные ценности и принципы*, в которых, собственно, и отражается дух конституции.

Но даже при узком понимании «гаранта» эта роль естественным образом предполагает его **политическую нейтральность**. Недаром Карл Шмитт яростно доказывал Гансу Кельзену, что нейтральным является президент (Веймарской республики), а не конституционный суд. Однако **ни один из современных президентов не в состоянии «воспроизвести» монархическое свойство нейтральности**.

В некоторых конституционных моделях президент, правда, как бы «приближается» к нейтральности — прежде всего, президент *парламентской республики*. Во-первых, он избирается не на всеобщих выборах, т. е. ему неведомы страсти предвыборной борьбы, выдвижение каких-то программ, лозунгов и т. п. А во-вторых, такой президент институционально настолько слаб, что его участие в процессе принятия политических решений минимально. Это не та должность, за которую ведется острая политическая борьба: один немецкий исследователь назвал такого президента «государственным нотариусом», а другой написал, что в ФРГ президентская должность «воспринимается

¹¹ До 2020 г. в ч. 2 ст. 80 говорилось: «органов государственной власти».

некоторыми политическими партиями настолько слабой, что можно себе позволить не вполне серьезно баллотироваться на нее — “ради развлечения”, как сделал бывший комиссар из телевизионного детективного сериала, который недавними высказываниями впечатляюще продемонстрировал свою явную непригодность» [Stein 2009, s. 250]. Похожая ситуация и в тех *полупрезидентских республиках* (Польша, Словения, Молдова, Болгария и др.), где правительство в большей степени зависит от парламента, а не президента (волнения в Болгарии осенью 2020 г., вызванные конфликтом премьера с президентом, и беспомощность последнего, тому яркое свидетельство. А в марте 2021 г. это подтвердили и события в Армении). Но ведь и гарантами конституций такие президенты не в состоянии быть. У них нет для этого ни авторитета (как у монарха), ни силы заставить политических игроков соблюдать правила.

В *президентской модели* (например, США, многие латиноамериканские государства) президент не в состоянии быть политически нейтральным, поскольку официально возглавляет исполнительную власть. Но показательно, что даже здесь многие президенты предпочитают в инаугурационных речах заявлять о своей нейтральности, желая предстать «президентами всего народа». Вудро Вильсон попытался даже подвести под это теоретическое основание. Он писал, что народ предпочитает выбирать личность, а не партию. Поэтому, по его словам, пользующийся народным доверием президент — «политический лидер нации или хотя бы сделал свой выбор быть таковым» [Wilson 1917, p. 69]. Разумеется, это не соответствует действительности, поскольку здесь президент избирается именно как представитель партии (теоретически может быть избран и независимый кандидат, но это не изменит сути, ибо президент возглавляет исполнительную власть, а значит, проводит вполне определенную политику). Мечты «отцов-основателей» (например, Дж. Вашингтона, Дж. Мэдисона) о надпартийном президенте сразу же разбились о суровую политическую действительность.

Неудивительно, что к позиционированию собственной нейтральности склонен институционально сильный президент в *смешанной модели*, ибо эта модель построена как раз на *презумпции его политической нейтральности*. Не случайно на ее основе появился и концепт «гарант конституции», затем «президент-арбитр». Но проблема состоит в том, что сама эта **презумпция ложная**.

Выдвигая свою институциональную конструкцию, которая легла в основание Пятой Французской Республики, де Голль утверждал: «Единство, сплоченность и внутренняя дисциплина правительства должны признаваться священным достоянием Франции, иначе страна окажется в руках беспомощного и некомпетентного исполнительного органа. Но как можно на длительный срок обеспечить это единство, эту сплоченность и эту дисциплину, если *исполнительная власть исходит из другой власти*, которую, к тому же, ей

надлежит уравнивать, и если каждый из членов правительства, коллективно ответственного перед национальным парламентом, занимает свой пост в качестве уполномоченного своей партией? Иными словами, **исполнительная власть должна назначаться Главой Государства, стоящего над партиями**, избираемого коллегией, в которую несомненно войдет Парламент, но которая по своему составу будет более широкой¹², с тем чтобы иметь право наделить Президента Республики также и полномочиями Президента Французского Союза. Именно Глава Государства должен путем подбора людей соединить общие интересы с доминирующим в Парламенте направлением. Именно ему должно принадлежать *право назначать министров и прежде всего Премьер-министра, который руководит политикой и работой Правительства*. Глава Государства должен утверждать законы и издавать декреты, поскольку они налагают ответственность перед Государством на всех граждан. Он должен председательствовать на заседаниях Правительства, обеспечивая своим влиянием ту преемственность, без которой нация обойтись не может. *Он должен выполнять функции арбитра в случае политических разногласий либо обычным путем в ходе заседаний Совета министров, либо, в моменты серьезных конфликтов, призывая страну высказать путем голосования свое суверенное мнение*. А если над Родиной нависнет угроза, он должен выступить в роли *гаранта* ее национальной независимости и соблюдения заключенных Францией договоров» [Речь генерала де Голля 1946].

Таким образом, арбитр, «стоящий над партиями», оказывается, имеет право формировать правительство, т. е. контролировать исполнительную власть. Во Франции (как и в некоторых других смешанных республиках) эта несуразность микшируется силой нижней палаты парламента — Национального собрания: если большинство в нем принадлежит политическим противникам президента, он вынужден назначить премьера, кандидатуру которого выдвинет парламентское большинство (так бывало при Ф. Миттеране и Ж. Шираке). Впрочем, и тогда президент отнюдь не устраняется от управления государством, хотя и вынужден считаться с «политически чужим» правительством (французские конституционалисты называют этот период *cohabitation*, т. е. сожительство, сосуществование). Если же таких сдержек нет (как в России, например), то президент лишь *имитирует* свою нейтральность и, соответственно, роль гаранта. Ведь на него одновременно возложены функции по управлению страной и мощные полномочия по воздействию на исполнительную власть с ее финансовыми и силовыми ресурсами. Он не в состоянии отключиться от politics и от влияния на разнообразные policy и *остаётся сугубо партийным деятелем*, даже если формально не входит в какую-то партию. **Две роли**

¹² С 1962 г. французский Президент стал избираться на всеобщих выборах.

президента — «правителя» и «гаранта» неизбежно входят в конфликт между собой, и первая вытесняет, подавляет вторую.

Вот маленькая иллюстрация из российской политической практики. В интервью австрийскому телеканалу ORF (июнь 2018 г.) президент РФ сказал: «У вас разве мало — и в Европе в целом, и в Австрии — людей, которые выступают с каких-то крайних позиций, проповедают какие-то крайние точки зрения, пытаются манипулировать сложностями и проблемами в обществе? В частности, вопросами, связанными с коррупцией. На Украине, например, о которой мы с Вами говорили, один из лозунгов оппозиции при приходе к власти был борьба с коррупцией. Что там сейчас происходит с коррупцией? Что в Европе говорят про коррупцию на Украине? Все ругают руководство Украины за то, что они мало делают в этой сфере. *Мы не хотим, чтобы нам подсунули еще одного, второго, третьего или пятого Саакашвили, бывшего президента Грузии. Мы не хотим, чтобы у нас на нашей политической сцене появились Саакашвили во втором, третьем, четвертом издании. Вам нравятся такие фигуранты, якобы политические деятели? Нам, России, нужны люди с позитивной повесткой дня, которые знают, а не просто обозначают проблемы, которых у нас достаточно, так же как и у вас, в Австрии, так же, как и в любой другой стране*» [Интервью 2018].

3

Итак, главная проблема состоит в том, что институционально сильный президент не только не способен быть защитником конституционных ценностей, принципов конституционализма, но и подвержен соблазну установления режима личной власти. На мой взгляд, обе эти опасности можно минимизировать (или вообще преодолеть), если придать институту президента (как минимум, в смешанной модели) новый смысл. Президент должен быть (и восприниматься) *не руководителем государства*, а исключительно **хранителем** (это, кстати, гораздо точнее термина «гарант») конституционного строя. А такой строй основан на *конституционном ограничении государственной власти ради обеспечения равной возможности каждому человеку обладать правами, пользоваться ими и защищать их*. Такое ограничение обеспечивается, не в последнюю очередь, равными условиями для политической конкуренции (в каком-то смысле конституционализм можно редуцировать до *плюрализма*). Следовательно, едва ли не главная задача президента-хранителя состоит в *контроле за условиями равной и свободной политической конкуренции*, хотя это не отменяет задачи отсекающего от участия в «политическом рынке» сил, не приемлющих саму идею конституционализма.

Казалось бы, для преобразования смысла института президента можно воспользоваться **концепцией «нейтральной власти»** Бенджамина (Бенжамена)

Констана¹⁵, согласно которой конституционный монарх *не руководит исполнительной властью* (как это мыслилось основателями теории разделения властей), а сосредоточивается *исключительно на обеспечении государственного спокойствия*. Сама идея самостоятельной ветви власти, отделенной от вульгарной борьбы за власть, безусловно, верна. Как верно и то, что носителем этой — новой — ветви власти должен быть глава государства. ***И все же концепция Констанана не вполне подходит для решения обозначенной выше задачи.***

Во-первых, в ней сужена цель носителя нейтральной власти. Сам Б. Констан определял ее так: «Власть исполнительная, власть законодательная и власть судебная суть три формы власти, каждая из которых в своей области должна содействовать общему развитию; но когда эти ***приведенные в беспорядок власти пересекаются, сталкиваются, мешают друг другу, нужна сила, чтобы вернуть всё на свои места.*** Эта сила не должна быть сосредоточена ни в одной из властей, поскольку в этом случае она служила бы разрушению прочих» [Констан 2000, с. 38]. Иными словами, предметом деятельности короля, по мысли Констанана, является *разрешение межинституциональных конфликтов*, «примирение сторон» (показательно, что одни русские государствоведы, адресуясь к концепции Констанана, называли нейтральную власть «умиряющей» [Лазаревский 1908, с. 33–34], другие — «умеряющей» [Чичерин 2006, с. 192], т. е., в обоих случаях, направленной на сдерживание, улаживание ссоры и т. п.). Улаживание конфликтов (и кстати, не только между госорганами, но и между конкурирующими политическими партиями) — важная функция. Но ее нельзя считать единственной или хотя бы главной задачей хранителя конституции. Глава государства должен, в первую очередь, ***желать и мочь защищать сам дух конституции.***

Во-вторых, само название «нейтральная власть» смещает акценты. Политическая нейтральность есть лишь необходимое условие для института, который призван защищать конституционный строй. А его *суть* новой ветви власти — именно в этой защите (хранении конституционализма). Так что лучше всего дать этой ветви другое название — *охранительная власть*.

В-третьих. Концепция Констанана рассчитана на конституционного монарха. Констан исходил *из силы институционального авторитета короля*. К. Шмитт верно заметил: «Политическое лидерство и руководство находятся в руках министров, ответственных перед народным представительством и зависимых от его доверия. Здесь знаменитая формула гласит: *Le roi règne mais il ne gouverne pas* (король царствует, но не правит. — М. К.). На вопрос, который

¹⁵ Ф. Ф. Кокошкин утверждал, что мысль об умеряющей, уравновешивающей власти «была высказана впервые в 1791 г. членом Национального собрания Клермон-де-Тоннерром и позднее, в 1814 г., подробно развита Бенжаменом Констаном» [Кокошкин 2010, с. 283]. О том же писал и К. Шмитт, говоря, что сам Констан упоминал идеи Клермон-Тоннера, «однако ограничился сообщением о том, что там содержатся “ростки” его учения» [Шмитт 2013, с. 188].

поставил крупный немецкий теоретик государственного права Макс Зайдель: что остается от *règne*, если убрать *gouverne*, можно ответить *различием между potestas¹⁴ и auctoritas¹⁵ и осознанием своеобразного значения авторитета в отношении политической власти*» [Шмитт 2010, с. 169]. Понятно, что для республиканского главы государства такая презумпция не подходит.

Замечу, кстати, что еще и поэтому неверна обобщенная дефиниция главы государства, включающая в себя такой элемент, как *символизация*. Символизировать государство, народное единство может лишь *монарх*. Если же мы признаём символом государства/единства нации президента, то любая критика в его адрес может квалифицироваться (и в авторитарных странах так и происходит) как покушение *на устой* государства. В такой логике закономерно объявление политических противников или хотя бы просто оппонентов президента врагами государства. Не может быть символом должность, за которую ведется борьба и которая регулярно переходит (должна переходить!) из рук в руки, а неизбрание президента на новый срок или отрешение его от должности находятся в рамках правил конституционного государства.

Предлагаемая модель (новый смысл) института президента состоит в том, что **он полностью отстраняется от участия в выработке политического курса и обязан только следить за соблюдением конституционных принципов и ценностей в деятельности политических субъектов, реагировать на их нарушения, обеспечивать политический плюрализм, разрешать конституционно-правовые конфликты, выводить государственную систему из тупиков, кризисов и экстремальных ситуаций.**

Да, нам сегодня трудно представить, чтобы президент с огромными полномочиями (впрочем, надо всегда уточнять, что именно скрывается за «огромными полномочиями») не занимался государственным управлением, даже не приближался к этому. Но требуется именно это.

* * *

В заключение попробую в общих чертах обрисовать основные параметры конституционно-правового статуса президента-хранителя применительно к России.

Во-первых, не стоит недооценивать степень воздействия конституционных характеристик того или иного института, особенно института-личности. На мой взгляд, уже само **конституционно закрепленное предназначение** президента как хранителя конституционного строя должно играть роль сильного мотиватора.

¹⁴ Власть как сила; власть, основанная на приказе.

¹⁵ Власть как влияние, «мягкая» власть.

Во-вторых, поскольку в новой своей роли президент должен быть политически нейтральным, постольку необходимо, чтобы он «не интересовался» своим рейтингом популярности. С этой целью он должен только **однократно замещать свою должность** (возможно, на более длительный, чем обычно, срок, например, на 8–10 лет).

В-третьих, следует подумать **над сужением его электората**. Конечно, тем самым снижается степень его легитимности. Но надо учитывать, что в качестве главы государства будет избираться не его руководитель, не политик, а *страж конституционализма*. Он избирается как своего рода *противовес политической элите* и потому (особенно в чрезвычайных условиях) должен быть уверен, что может опереться на государственный аппарат — гражданский, правоохранительный и военный, который и должен избирать президента-хранителя.

Поясню: под государственным аппаратом здесь понимается не вся совокупность лиц, облеченных властными полномочиями, и тех, кто помогает эти полномочия реализовывать, а только государственные и муниципальные **служащие** — гражданские, правоохранительные, военные. По российскому законодательству президент, премьер, федеральные и региональные министры, депутаты, губернаторы, судьи, некоторые другие должностные лица не считаются состоящими на государственной службе, т. е. *не являются госслужащими*. Это — **лица, замещающие государственные должности** Российской Федерации и субъектов РФ. А госслужащие — это те, кто *обеспечивает полномочия* лиц, замещающих государственные должности.

В-четвертых. У президента-хранителя **не должно быть «партийных» конституционных функций**, таких как определение основных направлений внутренней и внешней политики, руководство внешней политикой. Он **не должен принимать участие в формировании Правительства**. Кандидатуру премьера должна предлагать Госдума президенту, а не президент Думе, как сейчас. И свои полномочия Правительство должно слагать не перед вновь избранным президентом, а перед вновь избранной Думой. Вотум недоверия или отказ в доверии Правительству должен влечь его отставку (сегодня президенту предоставлен выбор между отставкой Правительства и роспуском Госдумы).

В-пятых, у президента появится, так сказать, **резервная (стабилизирующая) роль**. Если думские фракции не смогут договориться о кандидатуре премьера, то *президент сам формирует на один год Правительство*. Если через год такой временный Кабинет *получит доверие* нижней палаты, он станет полноценным Правительством. Если же Дума представит (через год) свою кандидатуру премьера, тогда временное «президентское» Правительство уходит в отставку. Если же по прошествии года Правительство не получит доверия Думы, а последняя не представит согласованную кандидатуру премьера, то президент распускает Думу и назначает новые выборы в нее.

В-шестых. Президент должен иметь возможность играть роль не только резерва в случае отсутствия договоренности между парламентскими фракциями, но и **блокатора против формирования Правительства из представителей антиконституционных партий**. Присутствие в парламенте представителей политических сил, программные установки которых противоречат принципам конституционализма, допустимо. Однако таким силам опасно предоставлять право формировать кабинет, т. е. проводить политику, противоречащую конституционным ценностям. Президент, отвечающий за конституционный строй, должен иметь право не давать согласия на создание подобного кабинета.

В-седьмых, президент-хранитель должен иметь не просто право отклонения законов. У него должно быть право **абсолютного вето**, т. е. не преодолеваемого квалифицированным парламентским большинством. Почему? Ведь вероятность преодоления и отлагательного вето невелика (показательно, что даже когда уровень популярности президента Б. Н. Ельцина к середине 1990-х гг. стал низким, тем не менее его вето было преодолено в отношении только одного федерального закона [Федеральный закон 1998]). Но невелика такая вероятность для «традиционного» президента, поскольку он так или иначе связан хотя бы с одним крупным сегментом политикума и, как правило, имеет достаточно много сторонников в парламенте, по крайней мере в одной из палат. Иное дело — президент-хранитель. У него, возможно, будут единомышленники в парламенте, но вряд ли много, т. е. он не будет «своим» для политической элиты, и тогда вероятность преодоления отлагательного вето резко вырастет.

Наконец, *в-восьмых,* президент, который в какие-то моменты противостоит политической элите, должен иметь **мощные силовые ресурсы**. Я не случайно сказал о целесообразности появления новой ветви власти — охранительной. В ее состав должны входить «силовые» органы. Другое дело, что потребуется решить вопрос, как именно разделить силовые ресурсы между президентом в его новом качестве и исполнительной властью.

Список литературы

- Баев, Ковальски 2011 — *Баев В. Г., Ковальски Е. С.* Ч. Европейский конституционализм Германии и Польши (опыт историко-теоретического анализа) : монография / под ред. С. А. Комарова. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского юридического института, 2011. 690 с.
- Бернам 2006 — *Бернам У.* Правовая система США / науч. ред. В. А. Власихин ; пер. с англ. А. В. Александрова и др. М. : Новая юстиция, 2006. Вып. 3. 1216 с.
- Вашингтон 1796 — *Вашингтон Дж.* Прощальное послание к нации. 19 сентября 1796 г. [Электронный ресурс] // ИНТЕЛРОС — Интеллектуальная Россия : сайт. URL: <http://www.intelros.ru/subject/disco-urses/1879-dzhordzh-vashington.-proshhalnoe.html> (дата обращения: 01.06.2018).
- Дёгтев 2005 — *Дёгтев Г. В.* Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М. : Юрист, 2005. 237 с.

- Дюги 1908 — *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства / пер. с фр. А. С. Ященко, В. А. Краснокутского, Б. И. Сыромятникова ; с предисл. к русскому переводу проф. П. Новгородцева и автора. М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. XL, 957 с.
- Еллинек 1908 — *Еллинек Г.* Право современного государства. Т. 1 : Общее учение о государстве. 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С. И. Гессеном. СПб. : Издание Юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1908. XXIII, 599 с.
- Ильин 2019 — *Ильин И. А.* О монархе // Ильин И. А. Собрание сочинений : Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. / сост., вступ. статья Ю. Т. Лисицы ; подгот. текста О. В. Лисицы ; коммент. Ю. Т. Лисицы и А. Ю. Лисицы. М. : Институт Наследия, 2019. 916 с.
- Инаугурационная речь 2000 — Инаугурационная речь Президента Российской Федерации В. В. Путина 7 мая 2000 года [Электронный ресурс] // История современной России : портал. URL: <http://prohistory.info/ru/documents/434> (дата обращения: 25.12.2016).
- Инаугурационные речи 2001 — Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 гг.) с историческим комментарием / пер. с англ. В. В. Знаменского и др. ; общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. М. : Изд. дом «Стратегия», 2001. 528 с.
- Интервью 2018 — Интервью австрийскому телеканалу ORF [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2018. 4 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57675> (дата обращения: 05.05.2018).
- Канторович 2015 — *Канторович Э. Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. 2-е, испр. / пер. с англ. М. А. Бойцова, А. Ю. Серegiной. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
- Кивле, Сомов 2011 — *Кивле Г. А., Сомов М. Д.* Взаимоотношения парламента с главой государства // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 42–47.
- Кокошкин 2010 — *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву // Кокошкин Ф. Ф. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 594 с.
- Констан 2000 — *Констан Б.* Принципы политики, пригодные для всякого правления // Французский классический либерализм : сборник / пер. с фр. М. М. Федоровой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 592 с.
- Коркунов 2004 — *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права / предисл. проф. И. Козлихина. 2-е изд. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 430 с.
- Крутоголов 1980 — *Крутоголов М. А.* Президент Французской Республики: правовое положение. М. : Наука, 1980. 336 с.
- Лазаревский 1908 — *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1 : Конституционное право. СПб. : Типография акционерного общества «Слово», 1908. 519 с.
- Линц 2006 — *Линц Х.* Опасности президентской формы правления // Теория и практика демократии. Избранные тексты / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М. : Ладомир, 2006. 462 с.
- Локк 1996 — *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3 / ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин ; пер. с англ. А. Н. Савина. М. : Мысль, 1988. 668 с.
- Постановление 2006 — Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2006 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 100 Регламента Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5371.
- Речь генерала де Голля 1946 — Речь генерала де Голля в Байо 16 июня 1946 г. [Электронный ресурс] // PROFILIB : электронная библиотека. URL: <http://profilib.com/chtenie/131017/sharldede-goll-voennye-memuary-tom-3-spasenie-1944-1946-lib-164.php> (дата обращения: 14.11.2016).
- Сахаров 1994 — *Сахаров Н. А.* Институт президентства в современном мире. М. : Юридическая литература, 1994. 176 с.
- Соловьев 2010 — *Соловьев В. С.* Византизм и Россия // Соловьев В. С. Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. Б. Роцинский. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 789 с.

- Тихомиров 1998 — *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М. : Облиздат : Алир, 1998. 671 с.
- Токвиль 2000 — *Токвиль А.* Демократия в Америке / пер. с фр. ; предисл. Г. Дж. Ласки. М. : Весь Мир, 2000. 560 с.
- Федеральный закон 1998 — Федеральный закон от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1799.
- Федеральный закон 2020 — Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.
- Хряков 2010 — *Хряков А.* Психология «особого пути» и немецкие историки (1920–1940-е годы) // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия : сб. ст. / Woodrow Wilson International Center for Scholars, Kennan Institute ; под ред. Э. А. Паина. М. : Три квадрата, 2010. С. 17–48.
- Черниловский 1991 — *Черниловский З. М.* Институт президентуры в свете исторического опыта // Советское государство и право. 1991. № 6. С. 110–116.
- Чичерин 2006 — *Чичерин Б. Н.* Общее государственное право / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2006. 505 с.
- Чичерин 2016 — *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. СПб. : Наука, 2016. 511 с.
- Шмитт 2005 — *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современного суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца ; под ред. Д. В. Кузницына. СПб. : Наука, 2005. 326 с.
- Шмитт 2010 — *Шмитт К.* Учение о конституции (фрагмент) // Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова ; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 33–236.
- Шмитт 2013 — *Шмитт К.* Гарант конституции // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова ; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2013. С. 27–220.
- Linz 1990 — *Linz J. J.* The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. No. 1. Winter. P. 51–69. DOI: 10.1353/jod.1990.0011.
- Stein 2009 — *Stein T.* Der Bundespräsident als «pouvoir neutre»? // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 2009. Bd. 69 (2). S. 249–256.
- Wilson 1917 — *Wilson W.* Constitutional Government in United States. New York : Columbia University Press, 1917. 236 p.

References

- Baev, V. G. and Koval'ski, E. S. Ch. (2011), *Evropeiskii konstitutsionalizm Germanii i Pol'shi (opyt istoriko-teoreticheskogo analiza)* [European constitutionalism in Germany and Poland (experience of historical and theoretical analysis)], Saint Petersburg Law Institute, Saint Petersburg, 690 p. (in Russian).
- Burnham, W. (2006), *Introduction to the Law and Legal System of the United States*, translated by Aleksandrov, A. V. et al., Novaya yustitsiya, Moscow, 1216 p. (in Russian).
- Chernilovskii, Z. M. (1991), “The institution of presidency in the light of historical experience”, *Soviet State and Law*, no. 6, pp. 110–116 (in Russian).
- Chicherin, B. N. (2006), *Obshchee gosudarstvennoe pravo* [General State Law], Zertsalo, Moscow, 505 p. (in Russian).
- Chicherin, B. N. (2016), *O narodnom predstavitel'stve* [On the people's representation], Nauka, Saint Petersburg, 511 p. (in Russian).
- Constant, H.-B. (2000), *Principes de politique applicables à tous les gouvernements représentatives*, translated by Fedorova, M. M., in *Frantsuzskii klassicheskii liberalizm: sbornik* [French

- Classical Liberalism], Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Moscow, 592 p. (in Russian).
- Degtev, G. V. (2005), *Stanovlenie i razvitie instituta prezidentstva v Rossii: teoretiko-pravovye i konstitutsionnye osnovy* [Formation and development of the institution of presidency in Russia: theoretical, legal and constitutional foundations], Yurist, Moscow, 237 p. (in Russian).
- Duguit, L. (1908), *Manuel de droit constitutionnel: théorie générale de l'Etat, organisation politique*, translated by Yashchenko, A. S., Krasnokutskii, V. A. and Syromyatnikov, B. I., Tipografiya Tovarishchestva I. D. Sytina, Moscow, XL, 957 p. (in Russian).
- Federal Law of April 15, 1998 No. 64-FZ "On Cultural Property Displaced to the USSR as a Result of World War II and Located on the Territory of the Russian Federation" (1998), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, vol. 16, item 1799 (in Russian).
- Federal Law of December 8, 2020 No. 394-FZ "On the State Council of the Russian Federation" (2020), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, vol. 50, part 3, item 8039 (in Russian).
- "General de Gaulle's speech at Bayeux on June 16, 1946" (1946), *Profilib*, available at: <http://profilib.com/chtenie/131017/sharl-de-goll-voennye-memuary-tom-3-spasenie-1944-1946-lib-164.php> (accessed 14 November 2016) (in Russian).
- Il'in, I. A. (2019), "About the monarch", in Il'in, I. A., *Sobranie sochinenii: Novaya natsional'naya Rossiya. Publitsistika 1924–1952 gg.* [Collected works: New National Russia. Journalism 1924–1952], Institut Naslediya, Moscow, 916 p. (in Russian).
- "Inaugural speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin on May 7, 2000" (2000), *Istoriya sovremennoi Rossii*, available at: <http://prohistory.info/ru/documents/434> (accessed 25 December 2016) (in Russian).
- Ivanyan, E. A. (ed.) (2001), *Inauguratsionnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha (1789–2001 gg.) s istoricheskim kommentariem* [Inaugural Speeches by US Presidents from George Washington to George W. Bush (1789–2001) with Historical Commentary], translated by Znamenskii, V. V. et al., Strategiya, Moscow, 528 p. (in Russian).
- Jellinek, G. (1908), *Das Recht des Modernen Staates. Vol. 1, Allgemeine Staatslehre*, 2nd ed., Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova, Saint Petersburg, XXIII, 599 p. (in Russian).
- Kantorowicz, E. H. (2015), *The King's Two Bodies. A Study in Mediaeval Political Theology*, 2nd ed., translated by Boitsov, M. A. and Seregina, A. Yu., Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, 752 p. (in Russian).
- Khryakov, A. (2010), "Psychology of the 'special path' and German historians (1920s–1940s)", in Pain, E. A. (ed.), *Ideologiya «osobogo puti» v Rossii i Germanii: istoki, sodержanie, posledstviya: sbornik statei* [Ideology of the "special path" in Russia and Germany: origins, content, consequences: Collection of articles], Tri kvadrata, Moscow, pp. 17–48 (in Russian).
- Kivle, G. A. and Somov, M. D. (2011), "Relationship of Parliament with the Head of State", *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 11, pp. 42–47 (in Russian).
- Kokoshkin, F. F. (2010), "General State Law Lectures", in Kokoshkin, F. F., *Izbrannoe* [Selected Works], Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Moscow, 594 p. (in Russian).
- Korkunov, N. M. (2004), *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on general theory of law], 2nd ed., Yuridicheskii tsentr Press, Saint Petersburg, 430 p. (in Russian).
- Krutogolov, M. A. (1980), *Prezident Frantsuzskoi Respubliki: pravovoe polozhenie* [President of the French Republic: legal status], Nauka, Moscow, 336 p. (in Russian).
- Lazarevskii, N. I. (1908), *Lektsii po russkomu gosudarstvennomu pravu. Tom I: Konstitutsionnoe pravo* [Lectures on Russian state law. Vol. I, Constitutional Law], Tipografiya aktsionernogo obshchestva «Slovo», Saint Petersburg, 519 p. (in Russian).
- Linz, J. (2006), "The Perils of Presidentialism", in *Teoriya i praktika demokratii. Izbrannye teksty* [The Democracy Sourcebook. Selected texts], translated by Inozemtsev, V. L. and Kapustin, B. G. (eds), Ladomir, Moscow, 462 p. (in Russian).
- Linz, J. J. (1990), "The Perils of Presidentialism", *Journal of Democracy*, vol. 1, no. 1, pp. 51–69. DOI: 10.1353/jod.1990.0011.

- Locke, J. (1996), "Two Treatises of Government", in Locke, J., *Sochineniya: v 3 tomakh. Tom 3* [Works, in 3 vols, Vol. 3], translated by Savin, A. N., Mysl', Moscow, 668 p. (in Russian).
- President of Russia (2018), *Interview to the Austrian ORF TV channel*, 4 June, available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57675> (accessed 05 May 2018) (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 29, 2006 No. 9-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 100 of the Rules of the Government of the Russian Federation" (2006), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, vol. 50, item 5371 (in Russian).
- Sakharov, N. A. (1994), *Institut prezidentstva v sovremennoy mire* [The institution of presidency in the modern world], Yuridicheskaya literatura, Moscow, 176 p. (in Russian).
- Schmitt, C. (2005), *Die Diktatur. Von Den Anfängen Des Modernen Souveranitätsgedankens Bis Zum Proletarischen Klassenkampf*, translated by Korinets, Yu. Yu., Nauka, Saint Petersburg, 326 p. (in Russian).
- Schmitt, C. (2010), "Verfassungslehre (Ausschnitt)", in Schmitt, C., *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [State and political form], translated by Kil'dyushov, O. V., Higher School of Economics, Moscow, pp. 33–236 (in Russian).
- Schmitt, C. (2013), "Garant der Verfassung", in Schmitt, C. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [State: Law and Politics], translated by Kil'dyushov, O. V., Territoriya budushchego, Moscow, pp. 27–220 (in Russian).
- Solov'ev, V. S. (2010), "Byzantism and Russia", in Solov'ev, V. S., *Izbrannoe* [Selected Works], Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Moscow, 789 p. (in Russian).
- Stein, T. (2009), "Der Bundespräsident als 'pouvoir neutre'?", *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, bd. 69 (2), ss. 249–256.
- Tikhomirov, L. A. (1998), *Monarkhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchical statehood], Oblizdat, Alir, Moscow, 671 p. (in Russian).
- Tocqueville, A. (2000), *De la démocratie en Amérique*, Ves' Mir, Moscow, 560 p. (in Russian).
- Washington, G. (1796), "Farewell message to the nation. September 19, 1796", *INTELROS, Intellektual'naya Rossiya*, available at: <http://www.intelros.ru/subject/disco-urses/1879-dzhordzh-washington.-proshhalnoe.html> (accessed 01 June 2018) (in Russian).
- Wilson, W. (1917), *Constitutional Government in United States*, Columbia University Press, New York, 236 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 15.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторе

Краснов Михаил Александрович
доктор юридических наук,
ординарный профессор,
профессор-исследователь
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000 Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: mkrasnov@hse.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-5641-4689

Information about the author

Krasnov, Mikhail Aleksandrovich
D. Sci. (Law Sciences),
Tenured Professor,
Professor-Researcher
National Research University
Higher School of Economics National
20 Myasnitskaya St., Moscow,
101000 Russia
E-mail: mkrasnov@hse.ru
Author's ORCID: 0000-0002-5641-4689

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

DOI 10.15826/koinon.2021.01.1.003

УДК 323.1(470) + 332.12(=411.16) + 323.14

«ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ МАЯТНИК» И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАЛИНСКОГО АНТИСЕМИТИЗМА В СССР

Э. А. Паин

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

Аннотация: В статье метафора «маятник» используется для анализа государственного антисемитизма сталинского времени как модели советской национальной политики, направленность которой была подвержена постоянным и радикальным переменам в силу беспрецедентно больших возможностей проявления субъективизма и политического произвола в государственном управлении. Автор проверяет свою гипотезу о том, что такой антисемитизм был не столько проявлением ксенофобии по отношению к определенной этничности (к евреям), сколько инструментом политической технологии, используемой по отношению к разным этническим общностям и политическим персонам. Объясняется сущность понятия «этнополитический маятник». Последовательно раскрываются основные исторические этапы отношения сталинского режима, его политики по отношению к евреям: от в целом нейтрального и даже позитивного отношения до Второй мировой войны к постепенному скрытому нарастанию негативного отношения и дискриминации в период Великой Отечественной войны и все более откровенно и открыто антисемитскому курсу после войны, вылившемуся в жестокие

© Паин Э. А., 2021

репрессии против видных представителей еврейского этноса во всех сферах общественной жизни (армии, промышленности, науке, искусстве). Однако в рамках этой тенденции этнический маятник, руководимый логикой политической целесообразности, продолжал работать, иногда совершая обратные движения в сторону сдерживания антисемитских шагов власти.

Ключевые слова: этничность, национальная политика, государственный антисемитизм, ксенофобия.

Для цитирования: Паин Э. А. «Этнополитический маятник» и его проявления в политике государственного сталинского антисемитизма в СССР // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 1. С. 61–80. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.003

THE “ETHNO-POLITICAL PENDULUM” AND ITS MANIFESTATIONS IN THE POLITICS OF STATE STALINIST ANTISEMITISM IN THE USSR

E. A. Pain

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Abstract: In the article, the author uses the metaphor of the "pendulum" to explore the state antisemitism of the Stalinist period as a model of Soviet national policy, whose direction was subject to constant and radical changes by virtue of the unprecedented opportunities for subjectivism and political arbitrariness in public administration. The author tests his hypothesis that such antisemitism was rather an instrument of political technology, utilized towards different ethnic communities and political personalities than a manifestation of xenophobia towards the established ethnicity (to the Jews). The author explains the essence of the concept of an ethno-political pendulum. He consistently reveals major historical phases of the Stalinist regime's attitude and its policy towards Jews: from a broadly neutral and even positive attitude before the Second World War to the gradually hidden increase in negative attitudes and discrimination during the Great Patriotic War and the increasingly frank and open antisemitic stance after the war. This resulted in brutal repression against prominent representatives of the Jewish ethnic group in all spheres of public life (army, industry, science, art). However, within the framework of this trend, the ethnic pendulum, guided by the logic of political expediency, kept on working, sometimes making return motions towards curbing the antisemitic steps of the authorities.

Keywords: ethnicity, national policy, state anti-Semitism, xenophobia.

For citation: Pain, E. A. (2021), “The “Ethno-Political Pendulum” and its Manifestations in the Politics of Stalinist Antisemitism in the USSR”, *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 61–80 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.003

Вводные замечания

Волнообразный характер этнополитических процессов не раз проявлялся как в мировой, так и в российской истории. Значительные колебания характерны и для одного из фрагментов таких процессов, национальной политики — комплекса доктрин и действий государства по отношению к различным народам (национальностям), проживающим на территории страны. Противоречивость присуща внутренней природе национальной политики любого государства, хотя бы потому, что в этой сфере соединяется неизбежность поддержания универсального законодательства (общего для всех подданных или граждан) и противоположная необходимость — учета, в той или иной мере, культурного многообразия населения. Уже древнейшие государства Месопотамии и Египта вынуждены были время от времени менять свою политику по отношению к меньшинствам и этническому большинству; переходить от политики централизации к политике автономизации; от репрессий к толерантности, от «кнута» к «прянику». Значительные колебания политических стратегий по отношению к многочисленным этническим и религиозным общинам были характерны для классических империй древности (Римская, Персидская, Византийская и др.) и для империй XVIII в. (Австро-Венгерская, Британская, Османская, Российская и др.).

Советская национальная политика была беспримерно противоречива и изменчива, поэтому при ее описании часто использовалась метафора «маятника». Использовал ее и я в своих публикациях [Паин 2004]. При этом образ «маятника» одни авторы применяли как метафору, а другие — в качестве объяснительной модели.

В 2017 г. группа петербургских политологов предложила свою гипотезу для объяснения механизма колебания «маятника национальной политики», понимая под ним следующее: *«“Мягкие” волны в национальной политике СССР (защита интересов меньшинств, своего рода мультикультурализм, или “коренизация”) чередовались с “жесткими” (ставка на русификацию), причем каждая новая волна выглядела как реакция на недостатки и “перегибы” предыдущей»* [Влияние внешней политики 2017, с. 99]. Эта гипотеза опирается на *«геополитическую теорию этничности»* американского социолога Р. Коллинза. *«Согласно этой теории, — пишут А. Щербак и др., — если в мирное время правительства готовы учитывать интересы меньшинств, то в периоды геополитического напряжения они стараются подчинить их интересам большинства, делая упор на национальное единение. Исходя из теории Коллинза, правомерно предположить, что “мягкие” волны национальной политики должны были приходиться на относительно мирные периоды советской истории, а “жесткие” — на периоды войн и конфликтов»* [Там же, с. 99–100].

Не берусь оценивать релевантность и информативность этой теории применительно к условиям каких-то мало известных мне стран, например Китая, который изучал Р. Коллинз [Collins 2004], но уж к истории Советского Союза она, безусловно, неприменима. Здесь задолго до войны завершилась «мягкая волна» (политика коренизации) и начались весьма жесткие, а точнее, жестокие массовые депортации граждан по этническому признаку. Как показывают исследования Павла Поляна, уже в 1928–1933 гг. проводилась массовая депортация финнов и ингерманландцев; в 1936-м — депортация поляков; в 1937 году началась тотальная депортация корейцев с Дальнего Востока и выселение курдов и иранцев из ряда районов Закавказья. Массовыми были и послевоенные депортации народов 1946–1953 гг., а именно: украинцев Западной Украины, венгров и немцев Закарпатья, народов Прибалтийских республик, этнических меньшинств Псковской области, мегрелов из Грузии и др. [Полян 2005]¹. Да и основные проявления «русификации» стали заметными как раз «в относительно мирные периоды советской истории», а в годы Великой Отечественной войны политика депортации народов (1941–1943 гг. и 1944 г.) соседствовала с политикой интернационализма, как низового, так и государственного. Последний проявился, например, в массовом продвижении меньшинств на командные позиции в армии и в оборонной промышленности.

Так, может быть, просто поменять местами периоды «мягких» и «жестких» волн и назвать довоенные и послевоенные времена «жестокими» по отношению к меньшинствам? Но и такая перестановка неадекватна реальной исторической ситуации, потому что каждый отдельный фрагмент истории СССР сочетал в себе политику обоих типов. Например, заметная русификация Казахстана (радикальное изменение этнического состава населения и быстрое вытеснение казахского языка русским) в послевоенный период, особенно во времена освоения Целины, сочеталась в это же время с новым этапом «коренизации» в других республиках, например в сибирских автономиях РСФСР, где проводилось продвижение на руководящие посты представителей национальных меньшинств, литературное оформление их национальных языков и поощрение издания книг, газет и журналов на этих языках.

Советская национальная политика изначально была противоречивой и подверженной значительным колебаниям в силу беспрецедентно больших возможностей проявления субъективизма, политического произвола в государственном управлении в условиях тоталитарного политического режима.

О природе и проявлениях сталинского антисемитизма не прекращаются научные дискуссии, но я ограничусь анализом лишь одной особенности сталинского антисемитизма как государственной политики — прагматизма этой политики, нетипичного для ксенофобии, которая, как правило, опирается

¹ См. также: [Советская национальная политика 2013].

на иррациональные эмоции. Немецкий историк Леонид Люкс отмечает, что в отличие от антисемита-фанатика Гитлера, для которого уничтожение евреев являлось абсолютным приоритетом, «Сталин был прежде всего “техником власти”. Он был способен сдерживать свою ненависть, если это обеспечивало ему сохранение деспотического господства» [Люкс 2008]. Этот прагматизм, на мой взгляд, и вызывал те трудно объяснимые перемены настроений Сталина к евреям в такой же мере, как и ко всем другим национальным меньшинствам.

Типичное меньшинство

Метафора «этнополитического маятника» хорошо отражает, на мой взгляд, перемены отношения Сталина к евреям, впрочем, в такой же мере, как и ко всем другим национальным меньшинствам. В 1920-х годах в СССР проводилась политика поддержки «ранее угнетенных народов», сформулированная Лениным и Сталиным. В период «большого террора» (1937–1938 гг.) этнополитический маятник качнулся в противоположную сторону — к подавлению этнических меньшинств. Проиллюстрирую эти циклы двумя примерами из истории евреев в СССР.

Еврейские национальные районы и сельсоветы. В Российской империи евреи не имели права заниматься сельским хозяйством. Согласно «Временным правилам» 1882 г., действовавшим до 1917 г., евреям запрещалось: селиться в сельской местности; приобретать или арендовать недвижимое имущество и земельные угодья вне местечек и городов в черте оседлости. Скученность населения в местечках-гетто становилась ужасающей, поэтому для евреев была благом открывшаяся возможность их обустройства на селе. В 1924 г. Советским правительством при финансовой помощи еврейской благотворительной организации «Джойнт» были организованы первые еврейские поселения-коммуны в Херсонской области, а в 1926-м — в степной части Крыма, в окрестностях Кривого Рога и Запорожья. В 1927–1930 гг. на этих землях были созданы еврейские национальные районы, в которых не только бытовое общение, но и делопроизводство, а также школьное обучение велось на еврейском языке идиш. В те же годы в СССР образовались десятки других национальных районов — польских, немецких, финских, болгарских и др. Они создавались трудно, годами, а ликвидированы были в одночасье и тотально. 17 декабря 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов», под тем предлогом, что «многие из этих районов были созданы врагами народа с вредительскими целями» [Борисенок 2015, с. 743–744].

Еврейский театр. Ненамного дольше просуществовал другой символ эпохи коренизации — Государственный еврейский театр (ГОСЕТ) — первый в мировой истории театр на языке идиш, субсидированный государством.

Он был создан в 1919 г. в Петрограде, в 1920-м переведен в Москву; прославился в период, когда его возглавлял Соломон Михоэлс (1929–1948 гг.), народный артист СССР и лауреат Сталинской премии, но спустя год после убийства Михоэлса в 1948 г., в результате спецоперации МГБ, были ликвидированы как Московский ГОССЕТ, так и все еврейские театры в СССР — в Киеве, Харькове, Черновцах, Минске и др.

Коренизация, проводившаяся Сталиным, безусловно, не дает оснований для обвинения его в антисемитизме, напротив, в эту эпоху у евреев появилась невиданные возможности для самореализации не только в сфере сугубо еврейской жизни. Евреи как артисты и писатели, советские наркомы и военачальники, врачи, инженеры и ученые — такой массовости и таких возможностей для социальной мобильности евреев, разумеется, никогда не было в Российской империи; не появились подобные возможности и после эпохи коренизации. Репрессии 1937–1938 гг. тоже не свидетельствовали о политике антисемитизма, поскольку они не были этнически избирательными по отношению к евреям (в отличие от репрессий конца 1940-х гг.). Национальные районы и сельсоветы закрыли все без разбора; военачальников репрессировали, невзирая на их национальность, и по тому же принципу расстреливали членов Политбюро: евреев (Зиновьева и Каменева), как и русских (Бухарина и Постышева), поляка Косиора и украинца Чубаря. Историк Г. Костырченко в книге «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм» полагает, что «до конца 1930-х годов никакой политики антисемитизма власть не проводила <...>, а процент среди репрессированных в процессах 1937–1938 года был не выше, чем среди других национальностей».

Большинство экспертов признаёт, что первые проявления сталинской политики антисемитизма проявились в 1939 году.

Сталинский НЭП

В мае 1939 г., готовясь к заключению договора с гитлеровской Германией, Сталин снимает М. Литвинова, многолетнего руководителя внешней политики СССР, с поста наркома по иностранным делам, во-первых как противника сближения Советского Союза с Германией и сторонника противоположной стратегии — «коллективной безопасности» как коалиции СССР с западными демократиями для противодействия гитлеровской агрессии; во-вторых, как еврея. Максим Литвинов (урожденный Меер Валлах) уже и по своей национальности не годился для переговоров с нацистами, открыто проводившими политику фанатичного расового антисемитизма. Место наркома занял В. Молотов, который так вспоминал об этих событиях: «В 1939 г., когда сняли Литвинова и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: ”Убери из наркомата евреев”» [Чуев 1991, с. 274].

Трудно назвать В. Молотова фанатичным антисемитом хотя бы потому, что он был женат на еврейке Полине Жемчужиной, но второй человек в Политбюро хорошо ощущал как веянья политической конъюнктуры, так и перепады настроения «Самого», поэтому чистку дипломатических рядов он начал, а спустя почти полвека оправдывал свои действия в беседе с писателем Ф. Чуевым: «Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно» [Чуев 1991, с. 274]. Вернувшийся из Москвы Риббентроп докладывал Гитлеру, что советское руководство проявило решимость покончить с «еврейским засильем», прежде всего среди интеллигенции.

Пакт с Германией о ненападении побуждал советское руководство в 1939 году начать кадровую чистку по этническому признаку. Поразительно, что и начавшаяся война с Германией породила, в какой-то мере, те же следствия, хотя и совсем по иной причине.

Первые месяцы войны, отступление Красной армии, дезертирство — все это подтолкнуло Верховного главнокомандующего к поиску новых идеологических скреп, взамен интернационализма, для идейной мобилизации войск и населения. К этому времени никакие идеологические ограничения не сдерживали Сталина — оппозиция из числа ленинской гвардии, следившая за соблюдением истинного марксизма, была разгромлена, сложившийся состав Политбюро признавал в качестве святыни любые идеи вождя, а сам он был тотально и глубоко беспринципным. Единственным «божеством», признаваемым диктатором, была «революционная целесообразность», при которой цель всегда оправдывает средства. Во имя такой целесообразности вождь готов был менять свои теоретически и идейные установки. Так или иначе, в 1941 г. Сталин позволил себе в очередной раз круто поменять свою риторику, используя те идеи, с которыми еще недавно сам же и боролся. Если в период «коренизации» Сталин провозглашал необходимость борьбы *«с пережитками великодержавного шовинизма, являющегося отражением бывшего привилегированного положения великорусов»*, то с началом войны он стал опираться и на великодержавие, и на принципы иерархии народов во главе с русским народом как «старшим братом» и «народом-организатором». ***Это был сталинский НЭП — Новая Этническая Политика, ориентированная на популизм в отношении к этническому большинству и на традиционалистскую риторику.***

Эти перемены хорошо известны, и я лишь кратко о них напомним. 3 июля 1941 года, в первом после нападения на СССР фашисткой Германией публичном выступлении вождя по радио, прозвучало необычное для коммунистического лидера обращение: «Братья и сестры!» В ноябре 1941 года Сталин с мавзолея призвал советских людей вдохновляться не только личностью Ленина, но и «мужественным образом наших великих предков» (терминология, как

в нынешней российской Конституции); в 1943 г. воинствующий атеист восстанавливает Московскую патриархию, и для участия в избрании патриарха освобождают из лагерей многих иерархов церкви. В мае 1945-го Сталин произносит знаменитый тост «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза». Довольно скоро диктатор показал, чего в действительности стоит его показное русофильство, инициировав в 1949 г. «Ленинградское дело» всего лишь за идею ленинградских партийцев создать в РСФСР такие же республиканские органы ВКП(б), какие уже были в других республиках.

В годы войны сугубо популистское возвеличивание «государствообразующего народа» (этот термин сегодня появился в российской Конституции) было воспринято партийной номенклатурой как сигнал для очередной этнической чистки кадров. 17 августа 1942 года начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров направил записку в секретариат ЦК, в которой критиковал «еврейское преобладание» в некоторых учреждениях культуры, требовал провести «обширную чистку». Он писал: «В течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии. В управлениях Комитета по делам искусств и во главе многих учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи). <...> Не случайно, что в консерваториях учащимся не прививается любовь к русской музыке, русской народной песне и большинство наших известных музыкантов и вокалистов (Ойстрах, Э. Гилельс, Флиер, Л. Гилельс, Гинзбург, Фихтенгольц, Пантофель-Нечецкая) имеют в своем репертуаре, главным образом, произведения западноевропейских композиторов» [Жданов, Маленков 2012]. Александров предлагал «разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров» и «провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства» [Там же]. Правда, Гилельса с Ойстрахом и прочих, упомянутых начальником Агитпропа музыкантов, так и не удалось заменить, но кадры руководителей творческих организаций основательно почистили, несмотря на военное время. Но не только их. Секретарь ЦК партии по организационным и кадровым вопросам Г. Маленков осенью 1944 г. направил партийным организациям страны директивное письмо, которое тогда в партийных кругах называли «маленковским циркуляром». В нем перечислялись должности, на которые назначение людей еврейской национальности было нежелательным [Там же]. Одновременно вводились ограничения и на прием евреев в вузы [Батыгин, Девятко 1993, с. 65].

Впрочем, в годы войны антисемитизм служил лишь одним из многих инструментов в политике могущественного политического комбинатора. Это было «секретное оружие» (для «служебного пользования» партийных кадровиков и специальных служб), тогда как публично и демонстративно

провозглашалась ведущая роль страны Советов в поддержке евреев, подвергавшихся геноциду со стороны нацистов. Это пропагандистское направление использовалось для укрепления коалиции СССР со своими западными союзниками.

От пакта с Гитлером — к опоре на всемирную еврейскую солидарность

В июне 1941 г. М. Литвинова возвращают в наркомат иностранных дел СССР в качестве заместителя наркома и, одновременно, посла в США. В обязанность ему вменяют дипломатическое обеспечение налаживания взаимоотношений с союзниками. Сталин и на этом направлении радикально меняет свою риторику — он перестает использовать слово «демократия» в сугубо презрительной коннотации («демократия эксплуататоров») и подчеркивает необходимость сотрудничества с демократическими государствами Запада. В знаменитом обращении к советскому народу 3 июля 1941 года Сталин говорит: «Война Советского Союза за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы» (цит. по: [Сталин 1967, с. 9]). Готовность советского руководства опереться на всемирную еврейскую солидарность вступало в противоречие с фундаментальной догмой «великого учителя» о принципиальной невозможности этнической солидарности у евреев. В своей главной теоретической работе «Марксизм и национальный вопрос» Сталин писал: «...о какой общности судьбы и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках?» [Сталин 1946, с. 299]. Но обстоятельства потребовали от вождя отступления от этого тезиса, и он легко отступил, как и во многих других случаях.

24 августа 1941 г. в Москве был проведен митинг видных представителей советского еврейства, который транслировался по радио. Деятели науки и культуры обратились к «братьям-евреям во всем мире» с призывом поддерживать Советский Союз в борьбе с фашизмом, и это послание было услышано, на него откликнулись видные представители еврейских организаций Америки, Великобритании и Палестины. Летом 1941 г. было принято решение создать Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) под эгидой Совинформбюро, один из руководителей которого, С. Лозовский, курировал ЕАК. С сентября 1941-го его председателем и публичным лицом стал Михоэлс.

Комитет был создан для оказания информационного воздействия на общественное мнение западных стран в целях политической и материальной поддержки СССР в войне с Германией. В феврале 1943 было организовано пропагандистское турне представителей ЕАК — Михоэлса и Фефера по США,

Мексике, Канаде и Великобритании. Их восторженно встретили в этих странах, и эта поездка, помимо идеологических дивидендов, позволила собрать 32,8 млн долларов на нужды фронта.

Время Великой Отечественной войны стало еще одним периодом высокой активизации и социальной мобильности советских евреев, разумеется той их части, которая не оказалась на оккупированной территории и в лагерях смерти. «Маленковский циркуляр» и другие секретные распоряжения партийной власти работали, очищали от евреев кадры дипломатического корпуса и спецслужб (кроме внешней разведки), но в военное время почти не затронули армию и оборонку. Министром оборонной промышленности был еврей Ванников, танковой — еврей Зальцман. Евреи были директорами крупнейших военных заводов, главным конструкторами в производстве новых вооружений — самолетов, танков, реактивных минометов и занимали ведущие позиции в «атомном проекте». На фронте представительство евреев в действующей армии было существенно выше их доли в населении страны: 501 тыс. военнослужащих примерно на 3 млн человек (имеются данные только по переписи 1939 г., без учета множества изменений, которые произошли к 1941-му). В годы войны десятки евреев-офицеров стали генералами. К 1945 году в Советской армии на 501 тысячу военнослужащих еврейской национальности насчитывалось 305 евреев в звании генералов и адмиралов [Шнеер 2005]. Для сравнения отмечу, что в армии США на 556 тысяч солдат-евреев приходилось 23 генерала и адмирала этой же национальности [Там же].

После окончания войны ситуация в Советской армии стала быстро меняться. Вот один из примеров. Генерал-лейтенант Арон Карпонос с 1942-го по 1946 г. занимал должность заместителя начальника Генерального штаба, и его коллега, генерал Штеменко, писал о нем так: «Это был настоящий генштабист — умный, очень трудолюбивый и исполнительный, вежливый, но твердый. <...> Но вот Верховный его очень не любил. Мы не раз с А. И. Антоновым слышали от Сталина нелестные отзывы о Карпоносове, хотя ему было известно, что дело свое тот ведет безукоризненно». Во время войны Сталин, не любя, терпел генерала Карпоносова, но сразу после окончания военных действий на Дальнем Востоке приказал убрать его не только из Генштаба, но и из Москвы — перевести в Поволожский округ. В угоду политической целесообразности Сталин умел сдерживать свои негативные эмоции, однако, когда обстоятельства позволяли, он с удовольствием удовлетворял свои прихоти. Вот и от Еврейского антифашистского комитета, изначально чуждого ему, и от его председателя С. Михоэlsa диктатор с удовольствием избавился после войны как от отработанного материала. Михоэlsa в 1948 г. устранили с помощью секретной операции, представив убийство как бытовой инцидент — наезд неизвестной, «тяжелой грузовой автомашины» (ныне информация об этой операции МГБ доступна всем), а ЕАК ликвидировали в 1949 г. демонстративно, показательно.

Великая Отечественная война закончилась, и почти сразу началась «холодная война» — вчерашние союзники быстро превратились во врагов. В таких условиях еврейские организации стали не просто ненужными, но и приобрели статус «пособников врага». 1946–1952 гг. стали временем наиболее полного проявления в СССР политики государственного антисемитизма — *дискриминации евреев в различных сферах жизни; репрессий против еврейских организаций и людей, являвшихся культурными символами советского евреев, а также формирования в массовом сознании негативного образа евреев как коллективного врага народа для запугивания им населения страны*. Вместе с тем, и в новых условиях политика государственного антисемитизма развивалась весьма своеобразно: то нарастая, то затухая. Эта политика продвигалась какими-то зигзагами, галсами, подобно паруснику, приспособляющемуся к перемене ветра.

Демонстративный антисемитизм и его примечательные перерывы

В начале 1946 г. М. А. Суслов, тогда заведующий внешнеполитическим отделом ЦК КПСС, пишет докладную записку своему куратору, секретарю ЦК А. А. Жданову, о Еврейском антифашистском комитете как о националистической организации («Комитет подспудно пропагандировал идею превосходства еврейской нации и был связан с зарубежной подрывной организацией “Джойнт”»). Руководству записка понравилась, через год Сусллова произвели в секретари ЦК, но принятие репрессивных мер к ЕАК, по его доносу, было отложено. Жданов в это время выдвинулся на вторую, вслед за вождем, позицию в Политбюро: с августа 1946-го он вместо Маленкова стал председательствовать на заседаниях Оргбюро ЦК, одновременно возглавив идеологическую работу в партии. В его подчинении (и в каком-то смысле, под его защитой) находилось и «Совинформбюро», внутри которого действовал и ЕАК. Еще важнее то, что в это время не только главному идеологу партии, но и самому генералиссимусу нужны были свежие устрашающе-объединяющие идеи, направленные на все общество, а не на какую-то отдельную этническую общность. Важнейшей из таких идей стала борьба с «космополитизмом». *Первоначально этот термин не имел этнической окраски — космополитами в то время партийные лидеры называли всех инакомыслящих*, точнее, ту часть советской интеллигенции, которая мечтала о либерализации политического режима и о сближении Советского Союза с демократическими государствами. Такие «космополиты» подлежали всеобщему осуждению за «низкопоклонство перед Западом». 14 августа 1946 года было принято Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором обличались «произведения, культивирующие

несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада».

Осуждение «низкопоклонства» было той «новой» идеей, которая рождалась из хорошо забытой старой, традиционной для Российской империи охранительной доктрины «казенного патриотизма», объявлявшего всякое инакомыслие угрозой Отечеству и следствием иноземного влияния. Всегда в России лишь один шаг отделял запугивание соотечественников происками иноземцев от массового притеснения местных инородцев (иноверцев), поэтому эпохи политической реакции сопровождалась подъемом антисемитизма: так было в правление Николая I, Александра III и Николая II. Эта закономерность проявилась и в Советском Союзе, обусловив постепенное соединение в пропагандистской риторике образа «гнилого интеллигента-космополита» со стереотипным образом евреев, сложившимся еще в Российской империи и широко тиражировавшимся до 1917 г. Это образ человека из «чуждого племени», враждебного русскому народу. По свидетельству бывшего заместителя министра МГБ М. Рюмина, в этом ведомстве уже с 1947 г. такой стереотип главенствовал, поэтому было принято считать всех евреев потенциальными «врагами народа». В том же году министр госбезопасности В. С. Абакумов доложил вождю о «сионистском заговоре», возглавляемом артистом Михоэлсом и направленном лично против вождя. Начались аресты среди деятелей еврейской культуры, которые должны были дать показания против Михоэлса и членов ЕАК. В январе 1948 года Жданов на совещании с деятелями культуры заявил: «Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину означает потерять свое лицо, стать безродным космополитом». Уже в это время все было готово идейно и организационно к проведению показательного процесса против «деятелей еврейского буржуазного национализма, наймитов Запада». Но вдруг от «Хозяина» поступил сигнал «снизить обороты». Михоэлса в январе 1948 г. ликвидировали, но тайно, а членов ЕАК еще на год оставили на свободе; в прессе затихла не только антисемитская, но и антиссионистская кампания. Чем была обусловлена эта незапланированная «остановка по требованию»?

Первая остановка: израильский плацдарм

17 мая 1948 года Советский Союз первым в мире признал новое государство Израиль, несмотря на то что оно провозглашало идею сионизма (соединение всех евреев на исторической родине) в качестве государственной идеологии. Ленин считал, что «сионистское движение непосредственно гораздо более грозит развитию классовой организации пролетариата, чем антисемитизм». В Советском Союзе сионизм считался преступлением. Однако Сталин не раз позволял себе пренебрегать любыми идейными принципами в расчете

на конъюнктурные политические выгоды. В 1948 г. вождь надеялся, что новое государство, в котором главенствовала социалистическая Рабочая партия (МАПАЙ), может стать плацдармом СССР на Ближнем Востоке. Когда в мае Арабская лига начала военные действия против нового государства, Сталин решительно и определенно осудил арабскую сторону, и 30 мая 1948 года в редакционной статье в газете «Правда», одобренной накануне Оргбюро ЦК партии и лично вождем, была изложена позиция Кремля по этому вопросу: «Надо ясно сказать, что, ведя войну против молодого израильского государства, арабы не сражаются ни за свои национальные интересы, ни за свою независимость, но против права евреев создать свое собственное независимое государство. Несмотря на всю свою симпатию к движению национального освобождения арабского народа, советский народ осуждает агрессивную политику, вводимую против Израиля».

Выступая за права евреев на национально-государственное самоопределение, Сталин как бы отвергал свою же теоретическую концепцию о том, что евреи, не обладая «национальной связностью», не являются нацией, и в Советском Союзе они не считались нацией, дотягивая только до уровня народности. Однако во внешней политике все эти тонкости сталинской теории наций отбрасывались. Советский Союз поддержал Израиль не только дипломатически, но и вооружением, доставленным в эту страну через Чехословакию. В основном это было трофейное оружие, отремонтированное советскими специалистами, включающее 25 самолетов «Мессершмитт» (цит. по: [Феодосеев 2008]). Поставки оружия во многом помогли Израилю отстоять свою независимость.

В сентябре 1948 г. в Москву в качестве первого посла Израиля прибыла Голда Меир, которая была восторженно встречена советским евреем. Полина Жемчужина, жена Молотова и бабушка нынешнего депутата В. Никонова, в беседе с израильским послом 8 ноября 1948 г. сказала: «Пусть у вас, Израиля, все будет хорошо. Если с вами все будет в порядке, то и у евреев во всем мире все будет хорошо» [Рарпорт 1992, с. 129]. Эта встреча с послом оказалась для Жемчужиной роковой, уже 29 января 1949 г. она была арестована и обвинена в «многолетней связи с еврейскими националистами».

«Безродный космополитизм» обрел национальность

В январе 1949 г. кампания борьбы с космополитами возобновилась с новой силой и теперь уже приобрела исключительно антиеврейскую направленность. 20 января куратор Еврейского антифашистского комитета и член ЦК ВКП(б) С. Лозовский был исключен из партии, а 26 января арестован вместе с 11 другими членами ЕАК.

28 января 1949-го «Правда» опубликовала редакционную статью «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Смысл этой статьи

хорошо передает, на мой взгляд, одна цитата: «А какое представление может быть у А. Гурвича о национальном характере русского советского человека...» Очень похожую мысль о недоступности понимания русской культуры людьми с такими фамилиями, как Ойстрах, Гилельс, Флиер, Фихтенгольц и др., излагал начальник Агитпропа Г. Александров еще в 1942 г. Однако тогда это писалось в закрытом письме, доступном только секретарям ЦК и членам Политбюро, а в январе 1949-го эта старинная антисемитская идея распространялась публично и широко через главную газету страны. В этой статье антипатриотами названы люди преимущественно с явными еврейскими фамилиями, но последней в списке стояла фамилия Холодов. Через пару дней газета «Культура и жизнь», орган ЦК ВКП(б), внесла ясность в список безродных космополитов, поставив после псевдонима Холодов настоящую его фамилию — Меерович. После этого газеты, центральные и городские, в Москве и в республиках, подхватили кампанию раскрытия псевдонимов писателей, журналистов, артистов, режиссеров — евреев по национальности. Фактически началась кампания тотальной травли евреев, сопровождавшаяся изгнанием их не только из редакций газет и журналов, но и из советских и партийных органов, вузов, академий наук и многих других государственных учреждений. Напомню, что в СССР почти все предприятия и учреждения были государственными.

Это было время, когда многие советские евреи ожидали того, о чем впоследствии писал поэт Иосиф Бродский, — своей депортации в Сибирь или в Казахстан, подобно той, которую пережили крымские татары или советские немцы. Не только евреи, но и другие советские граждане, не забывшие процессы 1937–1938 гг., могли ощущать приближение первого после войны крупного судебного процесса. Все было готово для показательного и устрашающего наказания главных космополитов: был написан сценарий процесса, и из большинства арестованных членов ЕАК были выбиты показания против себя. Пресса, от имени народа, требовала строгого наказания националистов-шпионов. Однако диктатор вновь удивил даже ближайших своих сподвижников, взяв второй перерыв в кампании борьбы с «безродными космополитами» — суд над ними был отложен на три года. Возможно, так Сталин подтверждал свой образ «гениального вождя», действия которого недоступны пониманию простых смертных, в том числе и окружающей его серой массы придворных, слепых котят, как он их нередко называл. Чем непонятнее, загадочнее действия вождя, тем больше в него верила масса: «Верую, ибо абсурдно».

Вторая остановка: «Ленинградское дело»

В марте 1949 г., через три месяца после начала кампании разоблачения литературных псевдонимов, руководитель Союза советских писателей А. А. Фадеев сообщил писателю И. Г. Эренбургу о новой директиве Сталина:

«Раскрытие литературных псевдонимов недопустимо. Это пахнет антисемитизмом». Чтобы не пахло, исполнители воли вождя устранили «запах» антисемитизма, а политику антисемитизма сохранили, но она вновь, на какое-то время, перестала быть публичной. С середины 1949-го и до лета 1952 г. вся публичность сосредоточилась вокруг совсем другого процесса — «Ленинградского дела».

Головная часть многолетней и поэтапной чистки партийной номенклатуры Ленинграда, Ленинградской области и Карело-Финской ССР охватывала период с июля 1949-го по октябрь 1950 г. Только эта часть получила в материалах МГБ название «Ленинградское дело». Именно для него в 1950 г. была восстановлена смертная казнь, отмененная в 1947-м. Это было самое жестокое судилище послевоенного времени. По приговору «суда» было осуждено 214 человек, из них расстреляно — 26 человек и еще двое умерли в тюрьме. 69 человек, приговоренных к различным срокам наказания, начиная от 5 лет, были всего лишь родственниками обвиняемых, а среди них много стариков и детей.

Этот судебный процесс по своей абсурдности, на мой взгляд, превосходил все процессы довоенного времени. «Ленинградское дело» было сфабриковано наспех и очень грубо, я приведу только несколько примеров этого. Московских обвиняемых (А. А. Кузнецова, секретаря ЦК ВКП(б), Н. А. Вознесенского, Председателя Госплана и члена Политбюро, М. И. Родионова, председателя Совета Министров РСФСР (все выходцы из Ленинграда)) следствие объединило в общую «антипартийную враждебную группу» с руководителями ленинградской партийной организации, хотя ни одно из обвинений не указывало на какую-либо связь между ними. Первым в списке стоит следующее обвинение: «Проведение в Ленинграде без разрешения ЦК ВКП(б) Всесоюзной оптовой торговой ярмарки», но это мероприятие было связано только с решениями Родионова; другое обвинение — «Занижение планов хозяйственного развития страны в I квартале 1949 г.» — могло быть вменено в вину только Вознесенскому, а якобы сфальсифицированные результаты выборов руководящих партийных органов в ленинградской партийной организации на партийной конференции в декабре 1948 г., если бы оказались правдой, затрагивали только А. Кузнецова, как бывшего первого секретаря обкома, и сменивших его ленинградских партработников и совершенно не бросали тень на Вознесенского или Родионова.

Общим для жертв этого дела могло быть лишь то, что они все, в разное время и в разной форме, поддерживали идею, высказывавшуюся еще их покойным шефом Ждановым. Они все считали, что если в РСФСР есть свой Совет министров и Верховный Совет, то здесь могли бы быть созданы и республиканские органы ВКП(б), как в других республиках, а столицей Российской Федерации мог бы стать Ленинград. Эта идея не нравилась Сталину, и он считал это «русским сепаратизмом» и даже «русским национализмом». В обвинительном

заклучении этот сепаратизм формулировался в закамуфлированной форме как «линия на отрыв ленинградской парторганизации и противопоставление ее ЦК ВКП(б)». Ныне очевидно, что ни открытые, ни зашифрованные обвинения не дотягивали до расстрельной статьи «измена родине». Чем же тогда была вызвана жестокость наказания основных обвиняемых? Понятно, что Сталин не только утвердил, но и инициировал этот процесс. Как отмечает историк-архивист, ответственный секретарь комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий в СССР В. П. Наумов, «в эти годы Сталин перенес центр тяжести в системе руководства партией и страной на органы государственной безопасности. <...> Он решал, кого следует арестовать, готовил вопросы для следствия, определял меру физического воздействия на арестованных» [Наумов 1996, с. 153].

На мой взгляд, «Ленинградское дело» было поручено соорудить министру МГБ Абакумову по той причине, что Сталин, как главный режиссер-постановщик советских репрессий, считал, что мифические «русские сепаратисты» должны были быть расстреляны раньше столь же мифических еврейских националистов из ЕАК.

Последнее «дело» вождя

Судебный процесс над членами ЕАК возобновился в мае 1952 года. Процесс не стал показательным, его проводили тайно в здании Военной коллегии Верховного суда. Большинство подсудимых, выступая на суде, отказались от признательных показаний, но публика этого не услышала, и обреченных наказали жестоко: всего было репрессировано 125 человек, в том числе 13 чел. расстреляли и еще 20 чел. приговорили к максимальному сроку заключения (25 лет); 6 человек погибли до суда в ходе допросов. Тем не менее пропагандистских дивидендов процесс не собрал. Пропагандистская шумиха затевалась вокруг другого процесса в кампании борьбы с космополитами — «дела врачей-убийц».

Всего за два месяца до смерти Сталина (в январе 1953-го) была арестована группа известных московских врачей (М. С. Вовси, Б. Б. Коган, А. И. Фельдман, А. М. Гринштейн, Я. Г. Этингер и др.), евреев по национальности, которые были обречены Сталиным на показательную кару. Еще до суда в Кремле было сформулировано обвинение, одобренное 9 января 1953 г. на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС и изложенное в редакционной статье в «Правде» от 13 января 1953 г. Статья, как и правительственное сообщение, делала акцент на сионистском характере террористической группы, *завербованной «филиалом американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”*». Объявленная народу легенда гласила, что врачи-убийцы, по заданию врага, должны были сводить в могилу

видных деятелей партии и правительства путем неправильного их лечения. Если кампания против театральных критиков вызвала массовый подъем ксенофобии, то не стоит удивляться взрыву ксенофобии, вызванной сообщениями об «убийцах в белых халатах» — это выражение стало популярным мемом в начале 1953 г. Антисемитизм разжигали и массово высыпавшиеся в советской прессе конъюнктурные фельетоны о евреях, и не только о врачах, но и обо всём порочном народе. Самый знаменитый фельетон такой направленности — «Пиня из Жмеринки» писателя Ардаматского — был опубликован в журнале «Крокодил» в марте 1953-го. Последствия это «дела» могли стать еще более трагичными, но крупный показательный процесс по «делу врачей» не состоялся: режиссер-постановщик умер.

О сценарии «управляемой нетерпимости»

Многие считают антисемитизм разновидностью ксенофобии (юдофобией), я же уверен, что такая оценка не всегда верна. Вне зависимости от того, была или не была присуща лично Сталину юдофобия, его национальную политику, в том числе и по отношению к евреям, на мой взгляд нельзя свести к проявлениям ксенофобии, во всяком случае в том понимании этого явления, которое сложилось в социальной психологии. Здесь под ксенофобией понимаются **иррациональные неконтролируемые** страхи и предубеждения по отношению к чужим. Сталинский антисемитизм был совсем другим — осмысленным, контролируемым и прагматично коварным. Диктатор использовал этот инструмент политики в определенные исторические моменты и мог, по своему усмотрению, останавливать и возбуждать антисемитские кампании. Такая политика не была узко направленной на какую-то одну этническую общность и предполагала возможность репрессий против любой этнополитической группы, включая и «русских националистов». В 40–50-х гг. масштабным, массовым репрессиям подверглись балкарцы, калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары, поволжские немцы и многие другие народы. Их образы целенаправленно демонизировались в массовом сознании жителей СССР. При этом нет никаких свидетельств, что Сталин испытывал к этим народам личные чувства ксенофобии, да и вообще какие-либо чувства. Как говорят герои фильмов о гангстерах, «не было ничего личного, только бизнес». Для диктатора — это был политический бизнес, ради которого он мог отступить от любых идейных, не говоря уже об этических, принципов. Другое дело, что политическая прагматика верхов неизбежно оживляла накопившиеся стереотипы, ксенофобию в массовом сознании. В этом случае фобии по отношению к евреям, разжигаемые со времен Российской империи, распространились быстрее и шире, чем другие, в СССР. Как только государственный антисемитизм ослабел в постсоветской России, то и массовая ксенофобия к евреям стала

слабеть. Начиная с 90-х гг. и по сей день евреи входят в группу этнических общностей с наименьшей культурной дистанцией по отношению к русскому большинству населения страны [Паин 2019].

Список литературы

- Батыгин, Девятко 1993 — *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Еврейский вопрос: хроника сороковых годов. Ч. 1 // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 1. С. 61–72.
- Борисенко 2015 — *Борисенко Е. Ю.* Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М. : Институт славяноведения РАН, 2015. 951 с.
- Влияние внешней политики 2017 — Влияние внешней политики на национальную политику СССР // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 3 (86). С. 99–116.
- Жданов, Маленков 2012 — *Жданов А. А., Маленков Г. М.* Сталин и космополиты : сборник документов [Электронный ресурс]. М. : Алгоритм, 2012. 256 с. URL: http://thelib.ru/books/g_m_malenkov/stalin_i_kosmopolity_sbornik-read-2.html (дата обращения: 05.05.2021).
- Люкс 2008 — *Люкс Л.* Антисемитизм в политике Сталина [Электронный ресурс] / пер. с нем. Б. Хавкина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2008. № 2. С. 32–72. URL: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss10/3LuksFR10.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).
- Наумов 1996 — *Наумов В. П.* К истории секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 147–168.
- Паин 2004 — *Паин Э. А.* Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М. : Ин-т социологии РАН, 2004. 328 с.
- Паин 2019 — *Паин Э.* «Чужой» в политике, «свой» в быту: о влиянии социально-культурной дистанции на формирование образа народа-врага [Электронный ресурс] // МБХ медиа. 27.11.2019. URL: <https://mbk-news.appspot.com/sences/chuzhoj-v-politike-svoj-v-bytu/> (дата обращения: 05.05.21).
- Полян 2005 — *Полян П. М.* Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М. : Международный фонд «Демократия» : Материк, 2005. С. 5–19.
- Советская национальная политика 2013 — Советская национальная политика: идеология и практики 1945–1953 / сост. Л. П. Кошелева, О. В. Хлевнюк (отв. сост.), В. Дённингхаус и др. М. : РОССПЭН, 2013. 950 с.
- Сталин 1946 — *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. Т. 2. М. : ОГИЗ ; Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 290–367.
- Сталин 1967 — *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2 (15) : 1941–1945. Stanford (Calif.) : The Hoover institution on war, revolution and peace, Stanford university, 1967. 220 с.
- Феодосеев 2008 — *Феодосеев С.* Оружие для Земли обетованной // Вокруг света. 2008. № 5 (2812). С. 154–168.
- Чуев 1991 — *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М. : Изд. центр «Тerra», 1991. 604 с.
- Шнеер 2005 — *Шнеер А. И.* Евреи-военнослужащие в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] // Шнеер А. И. Плен: советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2005. Т. 2. Ч. 1. Гл. 3. URL: https://netzulim.org/R/OrgR/Library/Shneer/Shneer_Plen/glava3kr_ar%5B2%5D.htm (дата обращения: 05.05.2021).
- Collins 2004 — *Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2004. 439 p.

Rapoport 1992 — *Rapoport L. Hammer, Sichel, Davidstern: Judenverfolgung in der Sowjetunion*. Berlin : Links, 1992. 334 s.

References

- Batygin, G. S. and Devyatko, I. F. (1993), “The Jewish Question: A Chronicle of the Forties. Part 1”, *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 63, no. 1, pp. 61–72 (in Russian).
- Borisenok, E. Yu. (2015), *Kontseptsii «ukrainizatsii» i ikh realizatsiya v natsional'noi politike v gosudarstvakh vostochnoevropetskogo regiona (1918–1941 gg.)* [The concept of “Ukrainianization” and their implementation in national policy in the states of the Eastern European region (1918–1941)], D. Sc. Thesis, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, 951 p. (in Russian).
- Chuev, F. (1991), *Sto sorok besed s Molotovym. Iz dnevnika F. Chueva* [One hundred and forty conversations with Molotov. From the diary of F. Chuev], Terra, Moscow, 604 p. (in Russian).
- Collins, R. (2004), *Interaction Ritual Chains*, Princeton University Press, Princeton, Oxford, 439 p.
- Feodoseev, S. (2008), “Weapon for the Promised Land”, *Vokrug sveta*, no. 5 (2812), pp. 154–168 (in Russian).
- Kosheleva, L. P., Khlevnyuk, O. V., Denningkhaus, V., Kadio, Dzh., Prozumenshchikov, M. Yu., Rogovaya, L. A. et al. (eds.) (2013), *Sovetskaya natsional'naya politika: ideologiya i praktiki 1945–1953* [Soviet National Policy: Ideology and Practices 1945–1953], ROSSPEN, Moscow, 950 p. (in Russian).
- Luks, L. (2008), “Zum Stalinschen Antisemitismus — Brüche und Widersprüche”, translated by Khavkin, B., *Forum noveishei vostochnoevropetskoi istorii i kul'tury. Russian edition*, no. 2, pp. 32–72, available at: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss10/3LuksFR10.pdf> (accessed 05 May 2021) (in Russian).
- Naumov, V. P. (1996), “On the history of the secret report of N. S. Khrushchev at the 20th Congress of the CPSU”, *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 147–168 (in Russian).
- Pain, E. A. (2004), *Etnopoliticheskii mayatnik: dinamika i mekhanizmy etnopoliticheskikh protsessov v postsovetskoi Rossii* [Ethnopolitical pendulum: dynamics and mechanisms of ethnopolitical processes in post-Soviet Russia], Institute of Sociology RAS, Moscow, 328 p. (in Russian).
- Pain, E. (2019), “Chuzhoi” v politike, “svoi” v bytu: o vliyanií sotsial'no-kul'turnoi distantsii na formirovanie obraza naroda-vraga [“Alien” in politics, “own” in everyday life: on the influence of socio-cultural distance on the formation of the image of the enemy people], *MBKh media*, 27 November, available at: <https://mbk-news.appspot.com/sences/chuzhoj-v-politike-svoj-v-bytu/> (accessed 05 May 2021) (in Russian).
- Polyan, P. M. (2005), Deportations and ethnicity, in A. N. Yakovlev (ed.), *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalin's deportations. 1928–1953], International Fund “Democracy”, Materik, Moscow, pp. 5–19 (in Russian).
- Rapoport, L. (1992), *Hammer, Sichel, Davidstern: Judenverfolgung in der Sowjetunion*, Links, Berlin, 334 s.
- Shcherbak, A. N., Gerina, Ya. Ya., Berdyuzhenko, D. A., Mendygaliyeva, A. B. and Zaitseva, A. V. (2017), “Impact of foreign policy on the national policy of the USSR”, *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no. 3 (86), pp. 99–116 (in Russian).
- Shneer, A. I. (2005), “Jewish servicemen during the Great Patriotic War of 1941–1945”, in Shneer, A. I., *Plen: sovetskie voennoplennyye v Germanii, 1941–1945* [Captivity: Soviet prisoners of war in Germany, 1941–1945], Mosty kul'tury, Moscow, Gesharim, Jerusalem, available at: https://netzulim.org/R/OrgR/Library/Shneer/Shneer_Plen/glava3kr_ar%5B2%5D.htm (accessed 05 May 2021) (in Russian).
- Stalin, I. V. (1967), *Sochineniya. Tom 2 (15), 1941–1945* [Works, Vol. 2 (15), 1941–1945], The Hoover institution on war, revolution and peace, Stanford university, Stanford (Calif.), 220 p. (in Russian).
- Stalin, I. V. (1946), “Marxism and the national question”, in Stalin, I. V., *Sochineniya, v 13 tomakh. Tom 2* [Works, in 13 vols, Vol. 2], OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, pp. 290–367 (in Russian).

Zhdanov, A. A. and Malenkov, G. M. (2012), *Stalin i kosmopolity: sbornik dokumentov* [Stalin and the Cosmopolitans: A Collection of Documents], Algoritm, Moscow, 256 p., available at: http://thelib.ru/books/g_m_malenkov/stalin_i_kosmopolity_sbornik-read-2.html (accessed 05 May 2021) (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 11.05.2021

Принята к публикации / Accepted: 25.05.2021

Информация об авторе

Паин Эмиль Абрамович
доктор политических наук, профессор,
профессор-исследователь
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000 Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: epain@hse.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-8796-187X

Information about the author

Pain, Emil Abramovich
D. Sci. (Political Sciences), Professor,
Professor-Researcher
National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow,
101000 Russia
E-mail: epain@hse.ru
Author's ORCID: 0000-0002-8796-187X

БОГ ФИЛОСОФОВ: ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАНСЦЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

А. В. Перцев

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Е. В. Мельникова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье обсуждается понимание Трансцендентного Начала в философских учениях XIX–XX веков, которое выполняет в них функцию замещения божества. Выявляется всякий раз индивидуальная мотивация встречи философа с Трансценденцией, но при этом — не всегда явное, а порой и тщательно скрываемое взаимодействие ведущих философов, которое можно рассматривать как противоречивое сотрудничество в полемике, напоминающее богословские диспуты далекого прошлого. То, что объявляется общечеловеческими ценностями, понимается каждым из философов не как конвенция, а как незыблемые константы, но при этом в философском (равно как и в теологическом) споре даже наивысшие ценности — общечеловеческие или божественные — отстаиваются как единственно возможные для себя лично. Понимание первоисточка мира, полагающего ему начало, рассматривается на материале работ А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона и М. Хайдеггера (авторы статьи показывают как сходство, так и различие в философских представлениях о фундаментально-онтологическом).

Ключевые слова: Первоначало, фундаментальная онтология, трансцендентное, Мировая Воля, Воля-к-мощи, Жизненный порыв, Бытие, философия религии, история философии.

Для цитирования: *Перцев А. В., Мельникова Е. В.* Бог философов: индивидуальная интерпретация трансценденции и проблема взаимодействия // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 1. С. 81–99. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.004

THE GOD OF PHILOSOPHERS: AN INDIVIDUAL INTERPRETATION OF TRANSCENDENCE AND THE PROBLEM OF INTERPLAY

A. V. Pertzev

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

E. V. Melnikova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article discusses the understanding of the Transcendental Beginning in the philosophical teachings of the XIX-XX centuries, which fulfills the function of replacing the deity in them. The authors reveal ad hoc individual motivation for the meeting of a philosopher with the Transcendence. At the same time, it is not always an obvious, sometimes carefully hidden, mutual influence of leading philosophers, which is likely to be contradictory cooperation in polemics reminiscent of theological disputes of the distant past. For every philosopher, what is declared to be universal human values is not conventions, but unshakable constants. At the same time, in a philosophical (as well as in a theological) dispute, they defend even the highest values — universal or divine — as the only possible ones for themselves. The insight into the origin of the world, which gives it a beginning, is considered in the material of the works of A. Schopenhauer, F. Nietzsche, A. Bergson and M. Heidegger (the authors of the article show both similarities and differences in philosophical ideas about the fundamental ontological).

Keywords: Primordium (Origins), fundamental ontology, the transcendental, World Will, Will-to-Power, Life Impulse, Being, Philosophy of Religion, History of Philosophy.

For citation: Pertsev, A. V. and Melnikova, E. V. (2021), “The God of Philosophers: An Individual Interpretation of Transcendence and the Problem of Interplay”, *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 81–99 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.004

Существует ли Всемирная Философия как единый проект человечества — или же есть только несводимые воедино индивидуальные попытки самовыражения в философии, усугубляемые самовыражением по поводу этих самовыражений (т. е. дискурсом)? Вопрос этот далеко не празден. Г. В. Ф. Гегель, впервые сделавший попытку выстроить панораму Единой Всемирной Истории Философии [Гегель 1993–1994], которая была человеческим повторением саморазвития Абсолютного Духа (т. е. квазибожества), был обвинен К. Поппером

в тоталитаризме и протофашизме именно за «наведение порядка» [Поппер 1992], а либеральное понимание истории философии современными студентами сводится к определению: «Это когда один философ по каким-то сугубо личным мотивам излагает учение другого философа».

Вопрос если не о цельности, то хотя бы о совместимости-совместности философского (равно как и теологического) познания относится не только к отдельным философским и теологическим школам. Если поставить его предельно широко, то окажется, что великое единство всей человеческой культуры предстает как грандиозное, совместное по масштабам творчество (только разделенное в пространстве и во времени). При этом импульсы для творчества поступают из самых разнообразнейших областей человеческой культуры, казалось бы предельно далеких друг от друга. Так, А. Шопенгауэра в его учении о Воле вдохновляли не только медицина и кантианство, но также Упанишады и буддизм (бюст И. Канта и фигурка Будды украшали его кабинет). Ф. Ницше, который говорил об индивидуальной воле к мощи у каждого живого существа, проявлял таковую и сам, не только используя идеи других великих мыслителей, но и перетолковывая их — вплоть до полной противоположности:

«Из всех европейцев, живущих и живших — Платон, Вольтер, Гете, — я обладаю душой *самого широкого диапазона*. Это зависит от обстоятельств, связанных не столько со мной, сколько с “сущностью вещей”, — я мог бы стать *Буддой* Европы, что, конечно, было бы антиподом индийского» [Ницше 1990, с. 727–728].

Гиганты мысли не только представляли себя «Буддой, противоположным индийскому», но и вступали в воображаемые диалоги через многие века — например, с библейским Соломоном: «...мы с Соломоном и Шопенгауэром поставили вопрос так верно и истинно, что другого ничего быть не может...» [Толстой 1998, с. 39]; «...ведь не то, что мы с Соломоном и Шопенгауэром не убили себя, не это убедило меня в существовании веры...» [Там же, с. 47]; «...мое положение с Шопенгауэром и Соломоном, несмотря на нашу мудрость, глупо...» [Там же, с. 45].

Для М. Хайдеггера тоже не было никаких авторитетов в философии, которые заставляли бы его смотреть на себя сверху вниз — и не позволять перетолковывать на свой лад сколь угодно произвольно. Вот, к примеру, его суждение из рукописи 1936–1938 годов: «λόγος Гераклита, ιδέα Платона, ἐνέργεια Аристотеля, монада Лейбница, “я мыслю” Канта как “свобода”, “тождественность” Шеллинга, “понятие” Гегеля и “вечное возвращение” Ницше говорят одно и то же: бытие» [Heidegger 1997, s. 299]. Иными словами, если М. Хайдеггер желает говорить о бытии, то он с легкостью заставляет говорить о бытии и всех великих мыслителей различных стран и народов; они, конечно, могут думать при этом, что говорят о другом — о «логосе», «идеях-эйдосах», «монадах», «вечном возвращении», но на самом деле, сами не сознавая того,

говорят именно о бытии, а их понятия на самом деле означают «бытие» именно в хайдеггеровском его понимании.

М. Хайдеггер в своих поисках такого сотрудничества без берегов и вне каких-то согласованных рамок не признавал разделения конфессий (получив теологическое образование на средства католической церкви, он затем отошел от католицизма и проводил семинар совместно с видным лютеранским теологом Рудольфом Бультманом — даже приватно читал с ним Евангелие от Иоанна) [Pöggeler 1992, s. 218]. Затем круг источников, вовлекаемых в обсуждение темы бытия, вообще утратил какую-то видовую и жанровую определенность: они могли принадлежать уже не только к философии и теологии, но и к поэзии, искусствоведению, к восточным культовым книгам, и привлекательность семинаров М. Хайдеггера, их «эвристическая ценность» определялись именно парадоксальностью и неожиданностью сочетаний материалов для совместного обсуждения. Так, на одном из своих семинаров — «Образ и слово» (Бремен, 1960) — Мартин Хайдеггер предложил обсудить пять текстов: две главы из «Исповеди» Августина (Conf. X, 7 и 8), фрагмент 112 Гераклита, сравнение с инструментом из колокольчиков (Glockenspielständer) из «Чжуан Цзы», Иенскую речь Пауля Клее «О современном искусстве» и двустихие самого Хайдеггера «Только образ-изображение хранит облик / Но облик основывается на стихе, созданном поэзией» («Nur Gebild wahrt Gesicht / Doch Gesicht ruht im Gedicht»)» [Pöggeler 1992, s. 397].

И все это «мысленное вхождение в кабинет» (М. А. Волошин) к гениям и великим художникам требовало для оправдания своей произвольности и бесцеремонности ссылки на какую-то высшую волю — волю уже не какого-то конфессионального бога, а волю всех богов всех конфессий, то есть философского Абсолюта, выступающего в роли самого верховного квазибожества. (Так и у Г. В. Ф. Гегеля воля Абсолюта, от имени которой как бы выступал мыслитель, охватывая мыслью все культурные достижения всех наук всех исторических народов мира во все эпохи, была призвана оправдывать его вторжения во все области науки, теологии, философии, во все области человеческого культуры — разумеется, с различной степенью компетентности.)

Известный афоризм о том, что «идеи летают в воздухе», предполагает, что они исходят из некоторого всемогущего и всеохватывающего «первоисточника культурных творений» — некоторого Сверх-ума, нераздельно единого со Сверх-чувством. Служение этому философскому Сверх-Божеству, которое превосходит всех богов, известных теологам, предполагает полную само-отверженность, полный отказ от индивидуальности и субъективности, от личных пристрастий и решения каких-то личных проблем. Но пристальное рассмотрение того, как понимается эта Трансценденция, это Запредельное, призванное заменить человечеству традиционных, «исторических» богов, показывает, что образы такого трансцендентного — Сверх-Обще-Человеческого — чрезвычайно

различны. Еще более пристальное взглядывание-всматривание в них раскрывает национальные черты, «привязку» к определенной эпохе и, наконец, отпечатки индивидуальности создавшего-измыслившего такой Абсолют (Бытие, Все-Жизнь, Всемирный разум) философа.

Создавая образ Абсолюта как философского Сверх-Божества, мыслитель всегда исходит из своих собственных потребностей в самопрезентации и самооправдании. Он хочет поведать человечеству о себе и своей жизненной ситуации. «Философская автобиография» философа — то есть аналог исповеди человека религиозного, в которой тот должен проявить максимальное смирение и преодоление греха гордыни — далеко не всегда полна скромности. Философ, подобно Ф. Ницше в «Ессе homo», просто кричит: «Выслушайте меня! Не путайте меня с другими!» Однако то, что он желает поведать о себе в этой философской квази-исповеди, далеко не всегда правдиво и далеко не всегда отличается скромностью:

В своей последней автобиографии¹, «Ессе homo», Ф. Ницше заявил:

Я — польский дворянин *rig sang*, и к чистой крови моей не примешивается ни капли крови дурной, менее всего — немецкой. <...> Но и как поляк я — чудовищный атавизм. Надо, чтобы время потекло вспять — и тогда, вернувшись на несколько веков, можно было бы найти эту самую благородную национальность из всех, какие только существовали на Земле, во многочисленности и в чистоте инстинктов — такой, какой представляю собой ее я. По отношению ко всему, что сегодня называется знатью, я испытываю суверенное чувство благородной отстраненности, заставляющее меня держать дистанцию, — молодого немецкого кайзера я не удостоил бы чести быть моим кучером [Nietzsche 1999, s. 268f].

Не только такие «философские автобиографии», но и учения философов целиком и полностью, включая их «концепты» Трансценденции, — это способ поведать человечеству о себе, а главное — оправдаться перед ним за реальные или вымышленные (или приписываемые) им недостатки. Если такое оправдание становится популярным среди современников-соотечественников, то в этом нет ничего удивительного. Ведь они живут в подобной же исторической ситуации и ведут сходный образ жизни. Социальный климат, общественная среда у них общие. Бывает также, что сказанное в произведении мыслителя или художника прекрасно выражает мысли целого социального слоя в разных странах, и тогда философское учение обретает всемирную известность.

Здесь-то и возникает та проблема, о которой мы хотим сказать в данной статье. То, что называется сегодня «современной классикой», то есть произведения наиболее известных в разных странах мастеров, становится известным всему культурному человечеству, то есть образованным людям с широким

¹ Первую он написал в 14 лет.

кругозором. Они сравнивают и сопоставляют наивысшие культурные достижения своей эпохи. Сам по себе художник или мыслитель мог бы заниматься исключительно разработкой собственных мотивов, что называется запершись у себя в кабинете, если бы культурная среда не вынуждала его позиционировать себя на фоне остальных «звезд современности». Люди, которых называют культурными критиками, комментаторами, обозревателями, не дают великим мыслителям и художникам современности затвориться в «башне из слоновой кости». Они в прошлые века ограничивались заочными сопоставлениями различных культурных достижений, а в нынешний век не стесняются обращаться с вопросами непосредственно к творцу. Для них — современных комментаторов — не составляло бы проблемы позвонить Льву Николаевичу Толстому в Ясную Поляну и спросить — скажем, для составления тестов по ЕГЭ, — какова основная мысль «Анны Карениной». Но даже если такие дерзостные интерпретаторы, которые всерьез считают, что дискурс вокруг творчества мыслителя или художника значительно важнее, чем само это творчество, не провоцировали выдающихся мастеров культуры на самопрезентации и высказывания собственных оценок чужого творчества, у них все равно существует внутренняя потребность к такому сопоставлению позиций — приятию или неприятию отстаиваемых другими фундаментальных ценностей.

Так называемые общечеловеческие ценности никогда не определялись и не будут определяться как нечто однозначное. Скорее, сам разговор об общечеловеческих ценностях всегда есть провокация, приглашение к спору. Не чужда подобная практика и теологам: вспомним знаменитые 95 тезисов Мартина Лютера, приколотые к воротам церкви (несмотря на всю легендарность этой истории, следует напомнить, что подобная практика вызова на богословские диспуты была рутинной). Подобного рода тезисы вовсе не содержали чего-то, предлагаемого к толерантному обсуждению, по итогам которого еще только должно было быть принято коллегиальное суждение на принципах консенсуса.

Каждый участник диспута заявлял вовсе не гипотезу, а незыблемую аксиому. На Вормсском рейхстаге 1521 года, в присутствии германского императора, в ответ на требование отречения от своего учения тот же Мартин Лютер заявил: «На том стою и не могу иначе». Философы во все времена были ничуть не менее категоричны. Как не устают подчеркивать профессор Г. В. Драч, слово «полемика» означало в Древней Греции суровое боестолкновение, зачастую со смертельным исходом.

Точно так же и в полемике философской и художественной авторы произведений вовсе не собирались искать компромисса и в Средние века, и в начале Нового времени. Напомним, что Данте Алигьери в своей «Божественной комедии» не стеснялся помещать в ад своих еще живых оппонентов, красочно описывая свои встречи с ними в загробном царстве.

Между тем такая ненависть вовсе не исключала прямо противоположного чувства духовного родства и близости, потому что Другой философ (теолог, художник) выступавший в роли Соперника, мучился над теми же неразрешимыми вопросами, и его страдания вызывали у соперника по творческому цеху сострадание. Эти, казалась бы, взаимоисключающие, «амбивалентные» — если использовать фрейдовский термин — чувства, а именно любовь, полную ненависти, прекрасно описал в своем стихотворении «Песня акына» А. А. Вознесенский:

Ни славы, и ни коровы,
ни шаткой короны земной –
пошли мне, Господь, второго, –
чтоб вытянул петь со мной!
Прошу не любви ворованной,
не милостей на денёк –
пошли мне, Господь, второго, –
чтоб не был так одинок.
Чтоб было с кем пасоваться,
аукаться через степь,
для сердца, не для оваций,
на два голоса спеть!
Чтоб кто-нибудь меня понял,
не часто, ну, хоть разок.
Из раненых губ моих поднял
царапнутый пулей рожок.
И пусть мой напарник певчий,
забыв, что мы сила вдвоем,
меня, побледнев от соперничества,
прирежет за общим столом.
Прости ему. Пусть до гроба
одиночеством окружён.
Пошли ему, Бог, второго –
такого, как я и он»

[Вознесенский 2001, с. 102].

Все это «половодье» чувств и разнообразие индивидуальных позиций в понимании «общечеловеческого» или «трансцендентного» как нельзя лучше описывает то, что называется «Κοινων», а именно — со-творчество. Иногда оказывается, что близость теологических, философских, культурологических взглядов сочетается с невозможностью заявить о ней по каким-либо серьезным политическим, конфессиональным и иным причинам. Но даже если соперник и выступает в роли противника, врага, он все равно должен быть упомянут, то есть признан — как противник достойный.

Достаточно привести один красноречивый пример. После авантюрной попытки возглавить переподготовку университетских преподавательских кадров всей Германии в Берлине (ради этого и был предпринят «поход» в ректоры в 1933 году во Фрайбургском университете, еще перед которым было получено приглашение на преподавательскую кафедру в Берлин) М. Хайдеггер удалился в домик, купленный женой для отдыха в Шварцвальде. Его биограф и комментатор О. Пёггелер описывает этот период в жизни М. Хайдеггера так: «Обнаружив себя вновь ввергнутым в свою философскую работу, Хайдеггер написал в 1936–1938 годах свое второе главное произведение — “Доклады к философии” (“Beiträge zur Philosophie”). Он не говорил об этой работе даже в самом тесном кругу своих учеников; без сомнения, он тогда не мог и думать о ее публикации: ведь он, например, отверг в ней господствующую идеологию — расовое безумие — как “чистый идиотизм”» [Pöggeler 1992, s. 11f]. М. Хайдеггер был лишен поста ректора за неспособность подчиняться кому бы то ни было в политике и принимать в готовом виде, без критики, любые программы. Но ему, ректору, который должен был стать «вождем университета», пришлось уже после занятия этого поста вступить в НСДАП. Пусть ректорство закончилось бесславно, но Хайдеггер был фигурой заметной, за ним вели слежку тайные службы Третьего рейха. Выйти из рядов НСДАП до 1945 года было бы равносильно самоубийству. Уединенная жизнь в Шварцвальде стала оптимальным выходом из ситуации. Кухня купленного женой крестьянского домика на склоне горы, поросшей лесом, была переоборудована в рабочий кабинет. Здесь-то и возник целый корпус сочинений, которые так и остались не опубликованными при жизни, но в собрании сочинений мыслителя составили более 2000 страниц. Он и позволяет сегодня говорить о «позднем» Хайдеггере — в отличие от «раннего» Хайдеггера времен публикации «Бытия и времени» (1927).

Итак, «поздний» М. Хайдеггер начинается «Докладами к философии (О событии)» («Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)») (1936–1938)². Эта работа, как написал в 2009 году в послесловии к 71-му тому собрания сочинений М. Хайдеггера его издатель Ф. В. фон Херрманн, открывает «серию из семи больших работ, посвященных истории бытия» [Heidegger 2009, s. 343]. За «Докладами к философии (О событии)» (1936–1938) как главной работой, открывающей серию (т. 65 собрания сочинений), следуют «Besinnung» («Постижение смысла») (1938/1939) (т. 66 собрания сочинений), «Die Überwindung der Metaphysik» («Преодоление метафизики») (1938/1939) (т. 67 собрания сочинений), «Die Geschichte des Seyns» («История пра-бытия») (1938/1940)

² См.: [Heidegger 1989]. Впервые издана в России в переводе в 2020 году: [Хайдеггер 2020]. В этом же году российские исследования «позднего» М. Хайдеггера выходят на фундаментальный уровень благодаря публикации капитального труда: [Паткуль 2020].

(т. 69 собрания сочинений), «Über den Anfang» («О начале») (том 70 собрания сочинений (1941), «Das Ereignis» («Событие») (1941/1942) (том 71 собрания сочинений), («Die Stege des Anfangs») «Причальные-переходные мостки начала» (1944) (том 72 собрания сочинений).

Представим себе обстановку, в которой пишется работа «Besinnung» («Постижение смысла»). Лесное уединение, секретность, слезка со стороны коллег по университету — осведомителей тайных служб. Надо ли делать в ней ссылку на работу «Творческая эволюция», которая принадлежала перу французского (!) еврея (!!) Анри Бергсона, пусть даже и Нобелевского лауреата? Труд М. Хайдеггера «Постижение смысла» создается в 1938–1939 годах. Отношения между Францией и Германией враждебны. Они — накануне войны. В 1940 году Франция капитулирует, в знак протеста А. Бергсон демонстративно вернет правительству все ордена и награды, и в 81 год, будучи слабым и больным, выстоит многочасовую очередь, чтобы зарегистрироваться евреем, хотя правительство освободило его от этой обязанности. (Вдохновляемый философией А. Бергсона генерал де Голль, отец которого преподавал философию и передал сыну любовь к ней, не только сразился в мае 1940 года с войсками Гитлера, возглавляя танковую дивизию, но и отказался принять перемирие, заключенное правительством, за что был объявлен государственным преступником. Он бежал в Англию и 18 июля опубликовал воззвание к французам, потребовав сопротивляться оккупантам. Именно благодаря де Голлю и его соратникам по Сопrotивлению Франция причислена к странам — победительницам нацизма.)

И все же М. Хайдеггер ссылку на Анри Бергсона делает! Он пишет свою книгу «в стол», но продолжает полемику-сотрудничество с автором «Творческой эволюции» для себя, употребляя его термин «длительность» — «durée» — в рукописи на французском языке: «Alles Eingehen auf den “Zeitbegriff” kann nur die beschränkte Aufgabe haben, Jenes zu verdeutlichen, was der ursprünglichen Zeit (die mit der duree z. B. nicht das Mindeste gemein hat) entsprungen ist und so umgekehrt zur Abhebung der ganz anderen “Zeit” dienen kann, ohne freilich einen Übergang zu di eser jemals zuzulassen» [Heidegger 1997, s. 300]⁵.

Как видим, М. Хайдеггер заочно обсуждает с А. Бергсоном именно то, что он обсуждает в цикле своих «поздних» работ — «бытие» как первоисток всего, его отличительные особенности и атрибуты. В А. Бергсоне М. Хайдеггер видит достойного оппонента — в том числе и потому, что он тоже получил богословское образование, а потом, познакомившись с теориями эволюции, стал искать философский «эквивалент» бога, которым и стал Жизненный Порыв,

⁵ «Все и всяческое затрагивание “понятия времени” может иметь только ограниченную задачу — прояснить то, что произошло из изначального времени (которое не имеет ни малейшего общего, например, с “длительностью” [Бергсона]), и потому может служить снятию совсем иного “времени”, конечно не допуская когда-либо перехода на это время».

присутствующий в человеке в виде «жизненного времени» — «длительности». Если М. Хайдеггер начал с католического теологического образования, но затем на протяжении всей жизни уходил от него все дальше и дальше, то А. Бергсон начал с еврейского религиозного образования, а затем через биологию последовательно двигался к католицизму.

В сущности, жизненный порыв А. Бергсона — это именно движущееся бытие. Однако М. Хайдеггер никогда не согласился бы с признанием только одного, а именно творческого аспекта этого движущегося и развивающегося бытия, который и подчеркнут в названии работы «Творческая эволюция». Концепция «творческой эволюции», как мы сказали бы сегодня, чересчур похожа на концепцию некоторой «биологической, генной инженерии», на опыты с живой материей, которые М. Хайдеггер, как сторонник рустикального консерватизма и член Партии виноградарей, однозначно осуждал. К винограду надо относиться с куда большим уважением, которому могли бы научить песни Б. Ш. Окуджавы, представителя народа виноделов. Зарывание косточки винограда сродни ритуалу, а применение генной инженерии к ней — недопустимое покушение на устои бытия.

«Творческая эволюция» А. Бергсона, мыслителя из Франции, заключается в том, что некоторый *Elan vital* — «жизненный порыв» космического масштаба, творящее жизнь начало, своего рода аналог шопенгауэровской мировой воли, вторгается в инертную неживую материю и начинает выстраивать ее в соответствии со своими устремлениями. Однако, как было сказано, понимание Первоначала Всего всякий раз обнаруживает у мыслителя связь с его биографией и образом жизни.

Мировая Воля у А. Шопенгауэра (который испытывал вспышки немотивированной агрессии, наследственной в его роду) едина на весь мир, а именно потому и бессмысленна. Жизнь непрерывно занята самопожиранием. Все ее порождения — живые организмы — производятся на свет с большим запасом именно потому, что предназначены для взаимопожирания. Цель Всемирной Жизни — создать и продолжить всемирное взаимопожирание живого, которое выступает, следовательно, как внутреннее самопожирание единой мировой жизни. Философ, вслед за Буддой, стремился избежать связанного с этим страдания, а потому ратовал за убийство желаний в себе, за аскетизм, и даже оправдывал самоубийство, чтобы прекратить этот бессмысленный процесс всеобщей борьбы порождений жизни друг с другом.

В отличие от А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, который был болен, по его собственному признанию, 200 дней в году, желал не обуздания буйства жизненной энергии в себе, а, наоборот, повышения ее с целью выздоровления. Именно потому ему импонировала желанная (и невозможная для него по состоянию здоровья) стихия честной жизненной борьбы, состязания, сродни спортивному. Потому он и позиционировал себя как «анти-Будду для Европы».

В его книге «Так говорил Заратустра» не только есть призыв продолжить эволюцию и в отдаленнейшей перспективе создать сверх-человека (точнее, «после-человека» — следующий за человеком вид, который будет настолько же отдален от него, насколько человек далек от обезьяны). Несомненно, что до этого события, которое предвещает пророк Заратустра, еще должно смениться несколько поколений. Оно срóдно со Вторым пришествием Христа, после которого и последующего Страшного суда спасшихся ждет новая земля и новое небо, описанные в главах 21 и 22 Откровения Иоанна. Разница состоит только в том, что Ф. Ницше устами Заратустры требует, чтобы человечество не ждало милости с Небес, от Богов, а само создавало эти новое небо и новую землю, что вполне соответствует современному мировоззрению «зеленых», представителей экологических движений.

Есть в этой книге и еще один персонаж, который был не менее важен для Ницше, но почти полностью обойден вниманием читателями прошлого и настоящего. Это — весьма похожий на киника Последний человек, безобразный пьяница, который к тому же еще и поит вином осла. И он... непрерывно восстанавливает бога взамен умершего!

«Заратустра обратился к безобразному человеку, все еще лежавшему на земле и протягивавшему руку к ослу (ибо он поил его вином)» [Ницше 2007, с. 317]. Именно этот босяк (интерес А. М. Горького, поклонника Ф. Ницше, копировавшего своего кумира во всем, вплоть до усов и лечения на Капри, не случаен!) и вызывает повышенное внимание пророка Заратустры, который с удовольствием констатирует, что валяющийся в грязи «панк» воспрял духом и переродился: «Мне кажется, ты преобразился, твой взор горит, плащ возвышенного облакает безобразие твое, — что сделал ты? Правду ли говорят, что ты опять воскресил его? И зачем? Разве не с полным на то основанием убили его, избавились от него?»

Речь идет, разумеется, о воскрешенном Боге, поскольку ницшеанское «Бог умер» всегда дополняется криком последних людей «Да здравствует Бог — новый Бог!». Вечное возвращение Ф. Ницше требует для идеологического воодушевления тех, кто был ничем, но хочет стать всем, вечно новых Богов, которые конструируются-строятся как раз циничными — киничными Последними людьми.

Именно Последний Человек восклицает то, что хотел бы воскликнуть сам Фридрих Ницше: он впадает в экстаз под влиянием проповедей Заратустры и говорит: «Так *это* была — жизнь? — хочу сказать я смерти. — Ну что ж! Еще раз!» [Ницше 2007, с. 320]. Пусть жизнь — это страдание, вызываемое борьбой и взаимными уязвлениями: все это надо выдерживать и мужественно претерпевать, снова и снова бросаясь в эту — пусть бесперспективную — борьбу.

Ницшеанское учение о сверхчеловеке и воле к мощи было создано вовсе не для «общественного потребления», не в виде какой-либо массовой

идеологии, а исключительно для поддержания своей собственной воли к жизни. Философия жизни предельно индивидуалистична. Каждый живой организм — в том числе и Ф. Ницше — заботится о поддержании своего собственного, индивидуального здоровья. То, что у нас переводится как «веселая наука», на самом деле должно переводиться как «жизнерадостная, жизнеутверждающая» наука, которая вовсе не обязательно весела (веселый по-немецки — это *lustig*, а жизнерадостный, задорный — *fröhlich*). Произведение Ф. Ницше называется «*Die fröhliche Wissenschaft*».

Итак, первый вариант философии жизни — шопенгауэровский — не годится для какой-либо мобилизации сил народа, потому что все созданное Волей как Жизнь гибнет в борьбе между собой. Это может быть только основанием для пессимизма. Вся жизнь оказывается только «борьбой борьбы с борьбой» (Ю. Коваль). Звать народ на борьбу борьбы с борьбой бесперспективно.

Но так же не годится для сплочения народа ортодоксальное ницшеанство. Оно предельно индивидуалистично и представляет собой, скорее, немецкий вариант англосаксонского протестантизма, где каждый сам отвечает за свое индивидуальное процветание и бизнес. Ни о каком сплочении народа при помощи своего учения Ф. Ницше и думать не хотел. Нельзя сплотить народ призывом: «Пусть каждый индивидуально развивает в себе волю к мощи», то есть призывом «Каждый сам за себя».

Анри Бергсон предлагает третий вариант «философии жизни», который преодолевает недостатки концепций А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, как бы соединяя их вместе. Его жизненный порыв — это тоже богоподобный субъект-творец, который создает из неживого живое. В отличие от А. Шопенгауэра А. Бергсон предполагает в его деятельности высокий и прекрасный, позитивный смысл. А именно: жизненный порыв стремится организовать из инертной массы неживого, косного материала нечто соответствующее представлениям о достойной и свободной жизни, которая, как предполагается, свойственна самому этому псевдобожеству — жизненному порыву. Его высший принцип — свобода и независимость, причем для всех живых существ. Во-вторых, они реальны, поскольку степень этой свободы-независимости всякий раз соответствует возможностям того или иного рода живых существ.

Вовсе не предполагается, что эта свобода будет одинаковой для всех. Такое допущение означало бы стандартизацию, которая, как и всякая стандартизация, ориентируется на низший уровень (точно так же, как скорость хода эскадры определяет самый тихоходный корабль в ней). В силу того что различные субъекты будущей свободы, которая вносится жизненным порывом, определяется той материей, из которой они состоят, их возможности в свободе существенно различаются, однако она остается, тем не менее, свободой — только в виде ограниченной автономии.

А. Бергсон заявляет, что творческую эволюцию можно сравнить со взрывом снаряда, в котором вместо взрывчатого вещества выступает определенный заряд — квант жизненного порыва. Если представить все по аналогии с артиллерийским ядром, которое начинено взрывчатым веществом, то взрыв этого вещества порождает давление, которое распространяется сразу во все стороны из центра. Далее все зависит от сопротивления материала ядра, от прочности его металла на разных направлениях. В некоторых направлениях давление приведет к незначительному продвижению газов, поскольку металл на этих направлениях прочен. В других направлениях газам удастся продвинуться существенно дальше, но все же не прорвать до конца оболочку ядра и выйти наружу. Наконец, на каком-то из направлений, наиболее податливом по материалу, энергия внутреннего взрыва прорвет оболочку насквозь и выйдет наружу.

Так, по А. Бергсону, и выглядит творческая эволюция в ее порыве к свободе. Жизненный порыв стремится сообщить это свое стремление к свободе всей инертной массе неживого, но этот материал способен воспринять это стремление к свободе в зависимости от меры своей инертности и способности ее преодолеть.

Растения жизненный порыв строит из наиболее «неповоротливых», инертных, громоздких молекул белков. Максимум, чего может добиться жизненный порыв на этом направлении — направлении растительного мира, — это обеспечение автономного, свободного существования растений на месте. Громоздкость «строительного материала» не позволяет будущим живым конструкциям жизненного порыва передвигаться в пространстве. Растения не способны к самопроизвольному перемещению. «Органом свободы» растения является хлорофилл, который позволяет, по замыслу жизненного порыва, накапливать запасы и энергию для свободной жизни на месте, получая ее от стабильного источника — Солнца. Растение может жить на месте, выдерживая в значительной степени неблагоприятные погодные условия: зимние холода, летнюю засуху. Причем запасы его жизнестойкости могут быть весьма значительными: растение может порой переносить самые суровые вызовы окружающей среды. Оно может выживать без посторонней помощи, и только это говорит о его способности к достойной, свободной жизни. Особо обратим внимание на то, что одно растение отнюдь не навязывает свою волю к жизни другому растению, и вообще представления А. Бергсона о жизни вполне индивидуалистичны. Рассуждений о каком-либо симбиозе, «сотрудничестве» растений у него нет.

На другом направлении несущему свободу жизненному порыву удастся продвинуться значительно дальше. Из менее «громоздких» и более «гибких» белковых молекул всемирная жизнь создает животных, которые уже способны к передвижению в пространстве и не прикованы к одному месту. Учитывая эту их способность двигаться, всемирная жизнь дает им для обеспечения свободы другой орган — нервную систему, построенную на инстинктах. Животные

питаются либо растениями, либо другими животными. Следовательно, решающим для обеспечения свободы оказывается эффективность их движений, быстрота, точность, экономность. За все это и «отвечает» нервная система, которая у животных управляется «встроенными» жизненным порывом инстинктами как «программными» алгоритмами действий. Инстинкт программирует деятельность животного как автомата, не допуская разнообразия. Все, что отличается от «стандарта», обречено, как правило, на вымирание.

Инстинктивное оснащение, «запрограммированность» животного позволяет достичь большей степени свободы, однако ее все равно можно считать ограниченной свободой, то есть автономией. Животное может уйти в поисках условий для жизни из одного леса в другой лес, с одного болота на другое, из одной пустыни в другую, однако оно не может сменить своей среды обитания. Белый медведь не выживет в лесу, а тем более в пустыне, а бурый медведь — в полярных льдах.

Третье направление жизненного порыва, на котором он выходит к свободе, представлено человеком. Он может жить в любой среде — в воде и под водой, на полюсе, в пустыне, в воздухе и даже в безвоздушном пространстве, как показывают последние десятилетия. Все это обеспечивается, по А. Бергсону, третьим органом свободы, а именно — интеллектом. Интеллект — это умение проводить аналогии, способность видеть подобное, то есть как бы заранее знать отношения между вещами. Когда школьнику, вызванному к доске, говорят: «Пиши дробь», он, еще не услышав ни одной цифры, уже проводит мелом черту, выше которой будет писать числитель, а ниже — знаменатель. То есть ему врождено — в виде подарка от жизненного порыва — знание того, что дробь есть соотношение чисел. Более того, он, умея проводить аналогии, и «дуть на воду, обжегшись на молоке», способен заранее знать все отношения между вещами и существами в мире.

Это, по А. Бергсону, доказывает наличие тире в языке. Людям достаточно существительных, а глаголы, которые выражают отношения между вещами, они заменяют тире, как бы исходя из того, что собеседник уже знает врожденно, как соотносятся между собой вещи. Легко представить себе такую беседу, которая состоит только из называния предметов и существ. Например, лиса, куры, ружье, охотник. Наоборот, рассказы из одних глаголов представить себе невозможно, если описываются одни только отношения, но не говорится, что именно соотносится.

Можно сказать так: животному инстинктивное знание дает неизмеримо более глубокое, чем человеческое, знание предметов и существ, зато человек обретает неизмеримо больше, чем у животного, свободы за счет проведения аналогий — и в математике, и в философии, и в любом абстрактном мышлении.

Но вершиной свободной жизни, по мнению А. Бергсона, является интеллектуальная интуиция, которой наделены редчайшие из людей. Это соединение

интеллекта и инстинкта, то есть интеллектуального расчета, основанного, в конечном счете, на аналогии, с глубинным, подсознательным вниканием не только в жизнь человеческих и иных существ, но даже и в жизнь животных, растений и предметов, которым обладают художники, мистики.

Социальная концепция А. Бергсона — его концепция о закрытом и открытом обществе — продолжает по смыслу его концепцию творческой эволюции. Человеческая свобода, однажды достигнутая на биологическом уровне — как отличие человека от животного, — может быть снова украдена у человека вторичной инертностью материала, но уже не материала неживой природы, а материала социального. Дело в том, что человеческие общества могут становиться закрытыми — в том случае, если они как бы застывают в какой-то форме надолго, — порой на века. То, что однажды родилось в результате творческой импровизации, превращается в инструкцию, отработанную технологию, методическое указание, стандарт. Творец нового преследуется, на передний план в обществе выступает контролер — техник, технолог, тесня изобретателя и творца. Оригинал произведения отходит на второй план, на передний план выдвигается копирование, тиражирование (на современном российском телевидении это воплощено во всякого рода программах «Точь-в-точь», которые как бы доказывают, что всё обеспечивают новейшие технологии, которые помогают копировать высочайшие образцы человеческого творчества).

Закрытое общество только тиражирует и стандартизирует, причем чисто технологически — как Энди Уорхол тиражировал красоту Мэрилин Монро, изобразив ее два раза по 50 раз, причем просто воспроизведя кадр из фильма «Ниагара» (это произведение было продано за 80 миллионов долларов). Закрытое общество предпочитает стандарт, методику, отработанную технологию, все общепринятое, дресс-код и фейсконтроль.

Открытое общество, наоборот, чтит более всего творца, поэта, самобытного социального импровизатора. Именно такого, каким был Шарль де Голль. По мнению А. Бергсона, социальную рутину единообразия непременно надо ломать, но это вовсе не следует делать бессмысленно и беспощадно. Лишь гениальные политики вроде Шарля де Голя, наделенные интеллектуальной интуицией, а потому не боящиеся всякого рода стандартов поведения, живут достойной жизнью сами и побуждают к этому свои народы.

М. Хайдеггер предлагает иную, четвертую версию видения Бытия как Первоначала — именно потому, что он, в отличие от А. Бергсона, значительно более склонен чтить силу традиции, то есть устоявшееся и сложившееся веками. Мистическая рустикальная — то есть деревенская — культура, которая сродна с русской деревенской прозой, выразилась в его учении о Четверице, вполне пригодном для идеологии его Партии виноградарей, в которой он некогда состоял. В основе всего — четыре начала. Мир (небо) воздействует на Землю, в результате из ее темных глубин рождается виноградная лоза.

Но только забота человека позволит вырастить ее и получить из винограда вино. Проливая во время пира это вино на Землю, человек приносит, тем самым, жертву богам — и они приходят на встречу с людьми.

В результате начинается другая история прабытия. Между этими четырьмя центрами силы — землей, миром (небом), людьми и богами — где-то на середине между ними вспыхивает та распря противоборства, которую вечно будет улаживать философия будущего, которая — в отличие от метафизики — именуется у М. Хайдеггера «Besinnung» — «постижение смысла».

Однако путь к этому желательному состоянию мышления необыкновенно долог. Если предельно кратко изложить его этапы, то эта «дорожная карта» может выглядеть так.

Бытие у М. Хайдеггера имеет первое начало, которое затем повторяется в виде другого начала. При первом начале, однако, сразу же происходит оттеснение наиболее глубокого, тонкого, аристократичного, самостоятельного в импровизациях и творчестве — на задний план. Трудно сказать, почему это происходит. Скорее всего, в этом «повинно» само бытие, которое в равной степени наделено как силой, так и утонченно творческими чертами, необыкновенной глубиной. Задолго до возникновения человека — еще во времена всякого рода великих взрывов и возникновения Вселенной — на передний план в бытии выдвигается то, что наши переводчики М. Хайдеггера называют «сущим», а в диалектическом материализме называлось самодвижущейся материей. Именно тогда, как доказывает этимология, то есть подсказывает сам первый праязык, раскрывающий непотаенно свои истоки, действительностью (Wirklichkeit) начинает считаться то, что действенно, способно wirken, то есть «действовать» — «влиять». У бытия, следовательно, есть действенная, влиятельная, эффективная сторона, которая, естественно, сильнее бросается в глаза. То, что способно оказать влияние, то, что эффективно, казалось бы, само собой, выходит на передний план.

Сущее, конечно, есть сторона бытия — но только одна из этих сторон, отторгающая и третирующая другую. Вся последующая метафизика, в особенности немецкая, становится гимном эффективному менеджеру, который изображается в виде субъекта. Субъект и есть та сторона бытия, которая оборачивается сущим — действительным — действенным — эффективным.

По сути дела, эту сторону бытия, которая выступает как квазибожество (учение М. Хайдеггера не раз называли «теологией без бога»), можно уподобить Богу-творцу, если отделить эту его способность от всех прочих и превратить в некоего Бога-инженера. Если допустить, что Бог всего лишь реализовал некоторый проект мира, творя его, не вкладывая при этом в мир никакой красоты, никакого смысла, причем смысла многослойного, то можно представить себе творение мира по аналогии с любой инженерной деятельностью. В начале его — представление проекта будущего творения у себя в голове,

а затем пред-ставление другим, затем — поставление-постановка производства с хорошо организованным процессом и, наконец, поставки потребителю плодов этого промышленного производства.

Метафизика Европы как раз и описывает такого субъекта-инженера, введенного в ранг Бога. Он пред-ставляет, затем ставит производство, затем обеспечивает по-ставки продуктов. (Вспомним, что Бог, как производитель мира, выступает как его поставщик, объявляя Адаму о том, что этот мир был создан для него и подчинен ему.)

То, что выражено в концепции субъекта — всевластного, навязывающего свои пред-ставления мира, который при этом рассматривается только как сырье, превращается у М. Хайдеггера в *Machenschaft*, что можно перевести как «машинативность». Такой перевод, с одной стороны, указывает на нечто машиноподобное, то есть не имеющее никакой красоты и смысла, равно как и трепетной жизни, а с другой стороны, на сотворимость всего и вся, на принципиальную технологическую возможность изготовления любых вещей — от машины до диплома, живой ткани и семян и т. п., что исключает всякого рода этическую и эстетическую проблематику.

Бытие, отторгшее смысл, красоту, трепетность глубинной интимности, вынуждено терпеть все это торжество техницизма и махинации до тех пор, пока в этот процесс не вмешаются как раз те люди, которые у А. Бергсона объявлялись наделенными интеллектуальной интуицией.

Вторая — тeneвая — сторона бытия говорит с ними из Ничто неслышным голосом в тишине. Поэты и мистики выражают сказанное этим голосом в своих глубинных онтологических стихах (вроде гелдерлиновских). Однако и философия не остается в стороне — при условии, что новые люди окажутся экзистенциально готовыми к ней. Ничто, которое тоже есть составляющее бытия, оттесненное на задний план, предстает у М. Хайдеггера в виде «пропасти». Однако перевод «пропасть» не позволяет донести смысл этой хайдеггеровской идеи. Пропасть напоминает о возможности пропасть, хотя, конечно, при желании в ней можно усмотреть некоторую исходную прото-пасть. В немецком языке слово «*Abgrund*» буквально есть «без-дна», но М. Хайдеггер, разделяя это слово на части — «*Ab-grund*», делает из него, указывая на этимологию, «без-дно». «*Boden*» в то же время переводится как основа, то есть «*Ab-grund*» — это дно, которое обрывается, но все-таки существует. Это есть некоторая «без-дно-основа», которая все-таки существует на дне всякой бездны — например, в виде низшего круга ада у Данте⁴.

Лишь заглянув в эту пропасть, опустившись до самого низа бездны, только и можно испытать на себе всю выталкивающую силу этой бездны, которая

⁴ Первая публикация М. Хайдеггера начиналась эпиграфом из «Божественной комедии» Данте — с надписи над воротами ада: «Оставь надежду всяк, сюда входящий».

может вознести к самым небесам. Лишь испытав тотальное отвращение к махинативности — вплоть до готовности броситься прямо в бездну, — можно обрести основу, которая поднимет тебя, как воплощенная в Беатриче любовь поднимает Данте на вершину небес — но только после спуска в ад.

Лишь исторгнув из себя самого махинативность, склонность к технологиям, то есть копированием самого себя, а то и других, — можно встретить проходящего мимоходом Бога, который даст тебе знак в просвете твоей жизни.

Список литературы

- Вознесенский 2001 — *Вознесенский А. А.* Песнь акына // Вознесенский А. А. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2. М. : Вагриус, 2001. С. 102–103.
- Гегель 1993–1994 — *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по истории философии : в 3 кн. / пер. А. М. Водена. СПб. : Наука, 1993–1994.
- Ницше 1990 — *Ницше Ф.* Злая мудрость. Афоризмы и изречения // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Литературные памятники / сост., ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна ; пер. с нем. Я. Бермана, Г. А. Рачинского, К. А. Свасьяна и др. М. : Мысль, 1990. С. 720–768.
- Ницше 2007 — *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 4 : Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю. М. Антоновского ; пер. коммент. А. Г. Жаворонкова ; науч. ред. Е. В. Ознобкиной. М. : Культурная революция, 2007. 432 с.
- Паткуль 2020 — *Паткуль А. В.* Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. СПб. : Наука, 2020. 810 с.
- Поппер 1992 — *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги : в 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М. : Феникс : Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
- Толстой 1998 — *Толстой Л. Н.* Исповедь // Толстой Л. Н. Избранное. Ростов н/Д : Феникс, 1998. С. 3–70.
- Хайдеггер 2020 — *Хайдеггер М.* К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. 640 с.
- Heidegger 1989 — *Heidegger M.* Gesamtausgabe : in 98 Bd. Bd. 65 : Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) (1936–1938). Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1989. 522 s.
- Heidegger 1997 — *Heidegger M.* Gesamtausgabe : in 98 Bd. Bd. 66 : Besinnung. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1997. 468 s.
- Heidegger 2009 — *Heidegger M.* Gesamtausgabe : in 98 Bd. Bd. 71 : Das Ereignis. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2009. 368 s.
- Nietzsche 1999 — *Nietzsche F.* Ecce homo // Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe : in 15 Bd. Bd. 6. München : Dt. Taschenbuch Verl. ; Berlin : de Gruyter, 1999. S. 253–339.
- Pöggeler 1992 — *Pöggeler O.* Neue Wege mit Heidegger. Freiburg (Breisgau) : München : Alber, 1992. 494 s.

References

- Hegel, G. W. F. (1993–1994), *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, in 3 vols*, translated by Voden, A. M., Nauka, Saint Petersburg (in Russian).
- Heidegger, M. (1989), *Gesamtausgabe, in 98 Bd., Bd. 65, Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) (1936–1938)*, Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 522 s.
- Heidegger, M. (1997), *Gesamtausgabe, in 98 Bd., Bd 66, Besinnung*, Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 468 s.
- Heidegger, M. (2009), *Gesamtausgabe, in 98 Bd., Bd. 71, Das Ereignis*, Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 368 s.

- Heidegger, M. (2020), *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)*, translated by Sagetdinov, E., Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, 640 p. (in Russian).
- Nietzsche, F. (1990), “Wicked wisdom. Aphorisms and sayings”, in Nietzsche, F. *Sochineniya, v 2 tomakh. Tom 1* [Collected Works, in 2 vols, Vol. 1], translated by Berman, Ya., Rachinskii, G. A., Svas’yan, K. A. and Frank, S. L., Mysl’, Moscow, pp. 720–768 (in Russian).
- Nietzsche, F. (1999), “Ecce homo”, in Nietzsche, F., *Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe, in 15 Bd., Bd. 6*, Dt. Taschenbuch Verl., München, de Gruyter, Berlin, ss. 253–339.
- Nietzsche, F. (2007), *Polnoe sobranie sochinenii, v 13 tomakh. Tom 4* [Complete Works, in 13 vols, Vol. 4, Also sprach Zarathustra], translated by Antonovskii, Yu. M. and Zhavoronkov, A. G., Kul’turnaya revolyutsiya, Moscow, 432 p. (in Russian).
- Patkul’, A. V. (2020), *Ideya filosofii kak nauki o bytii v fundamental’noi ontologii Martina Khaideggera* [The idea of philosophy as a science of being in the fundamental ontology of Martin Heidegger], Nauka, Saint Petersburg, 810 p. (in Russian).
- Pöggeler, O. (1992), *Neue Wege mit Heidegger*, Alber, Freiburg (Breisgau), München, 494 s.
- Popper, K. R. (1992), *The Open Society and Its Enemies, in 2 vols*, translated by Sadovskii, V. N. (ed.), Phoenix, Kul’turnaya initsiativa, Moscow (in Russian).
- Tolstoi, L. N. (1998), “Confession”, in Tolstoi, L. N., *Izbrannoe* [Selected Works], Phoenix, Rostov-on-Don, pp. 3–70 (in Russian).
- Voznesenskii, A. A. (2001), “Song of the akyn”, in Voznesenskii, A. A., *Sobranie sochinenii, v 5 tomakh. Tom 2* [Collected Works, in 5 vols, Vol. 2], Vagrius, Moscow, pp. 102–103 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 26.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторах

Перцев Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: apertzev@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-7711-5098

Мельникова Елена Владимировна
кандидат философских наук
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: e.v.melnikova@urfu.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-7711-5098

Information about the authors

Pertsev, Aleksandr Vladimirovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: apertzev@mail.ru
Author’s ORCID: 0000-0002-7711-5098

Melnikova, Elena Vladimirovna
Cand. Sci. (Philosophy)
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: e.v.melnikova@urfu.ru
Author’s ORCID: 0000-0002-7711-5098

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ И ПРОБЛЕМНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ СТРИТ-АРТА В ВОСПРИЯТИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)

У. С. Швиндт

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Стрит-арт представляет собой глобальный социально-культурный феномен, который является неотъемлемой частью многих современных городов. Несмотря на многообразие характерных для феномена признаков, для настоящего исследования наибольшее значение представляет такая его особенность, как сочетание эстетической и содержательной составляющих. Исследователи отмечают, что стрит-арт является одновременно как средством эстетизации и гуманизации городского пространства, так и инструментом трансляции важных общественных проблем и выражения протеста автора-художника посредством своих произведений. Автор статьи на примере уличного искусства г. Екатеринбурга выявляет, как данные две составляющие стрит-арта воспринимаются местным населением. При этом уточняется, что Екатеринбург представляет собой уникальный кейс российского и мирового уличного искусства, что обусловливается активным развитием в городе различных сопряженных со стрит-артом практик и участием в них местного населения. Эмпирические данные, представленные в статье, основаны, во-первых, на результатах онлайн-опроса жителей Екатеринбурга, а во-вторых, на материале проведенной серии интервью с экспертами по вопросам локального уличного искусства. Предпринимается попытка сопоставить данные, отражающие восприятие феномена обычным населением и сообществом экспертов. Автор статьи приходит к выводу, что у экспертов в восприятии стрит-арта как феномена в целом доминируют представления, отражающие проблемную сторону феномена, а у обычных жителей — представления, связанные с эстетической компонентой. Та же тенденция прослеживается и при анализе восприятия стрит-арта Екатеринбурга: если эксперты описывают его как злободневное и актуальное, вообще не выделяя эстетическую сторону, то простые жители больше отмечают его декоративную функцию. Наконец, наиболее острые политические проблемы, поднимаемые в работах местного стрит-арта, также отмечаются жителями как наименее важные, что свидетельствует о довольно низкой ценности для

населения Екатеринбурга одного из важнейших структурных элементов символического капитала феномена — служить средством протеста и отражения политической повестки.

Ключевые слова: стрит-арт, город, городское пространство, уличное искусство Екатеринбурга, эстетическая составляющая стрит-арта, проблемная составляющая стрит-арта.

Для цитирования: Швиндт У. С. Эстетическая и проблемная ориентация стрит-арта в восприятии городского населения (на примере Екатеринбурга) // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 100–115. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005

AN AESTHETIC AND PROBLEM-PLAGUED ORIENTATION OF STREET ART IN THE PERCEPTION OF THE URBAN POPULATION (ON THE EXAMPLE OF YEKATERINBURG)

U. S. Shvindt

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: Street art is a global socio-cultural phenomenon and an integral part of many present-day cities. Despite the variety of characteristics of this phenomenon, such a feature as a combination of esthetic and problem-plagued components is significant for this study. Researchers note that street art is both a means to aestheticize and humanize urban space and a tool to translate urgent social problems and express the protest of the artist through his/her works. On the example of Yekaterinburg street art, the author reveals how the local population perceives these two components of street art. The paper specifies that Yekaterinburg is a unique case of Russian and world street art. It is due to the active development of various practices associated with street art and the participation of the local population in them. Both the results of an online survey with Yekaterinburg residents and the material of a series of interviews with experts on local street art provided the empirical data presented in the article. An author attempts to compare data reflecting the perception of the phenomenon by ordinary residents and the community of experts. The author concludes that in the experts' perceptions of street art, the problem-plagued side of the phenomenon dominate, whereas in city residents' perceptions aesthetic component is of greater importance. The analysis of the perceptions of Yekaterinburg street art also indicates the same trend: If experts describe it as topical and relevant, completely ignoring its aesthetic component, then ordinary residents note its decorative function to a greater extent. Finally, residents note the most acute political problems raised by the works of local street art as being the least important. It indicates quite a low value of one of the essential

structural elements of the symbolic capital of street art — to be a means of protest and reflect the political agenda – for the Yekaterinburg population.

Keywords: street art, city, city space, Yekaterinburg street art, aesthetic component of street art, problem-plagued component of street art.

For citation: Shvindt, U. S. (2021), “An Aesthetical and Problem-Plagued Orientation of Street Art in Perceiving the Urban Population (on the Example of Yekaterinburg)”, *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 100–115 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005

Один из основоположников социологии повседневности Анри Лефевр утверждал: «Пространство содержит в себе вещи, однако само не является вещью, материальным “объектом”. Является ли оно изменчивой “средой”, просто абстракцией, “чистой” формой? Нет. У него есть содержание. Прежде всего, это пространство подразумевает, содержит и скрывает в себе *социальные отношения*» [Лефевр 2015]. Пространство, в том числе городское, представляет собой продукт производства и воспроизводства социальных отношений, а его повседневность конституируют три взаимосвязанных элемента (так называемая «триада Лефевра»): пространственную практику (или воспринимаемое пространство), репрезентации пространства (или задуманное пространство) и пространства репрезентации (или переживаемое пространство).

Пространственная практика относится к маршрутам и сетям, бесчисленным городским потокам и практикам мобильности, которые создают некоторое «секретное» пространство» [Kindynis 2018]. «Секретное» означает в данном случае «свое», то есть относящееся к определенной группе людей. Задуманное пространство – пространство ученых, планировщиков, урбанистов, «кроящих» и «организующих» технократов, всех тех, кто занимает господствующую позицию по отношению к простым жителям города. Наконец, пространства репрезентации — это пространства «жителей», «пользователей». Это пространство подчиненное и претерпеваемое, что обусловлено тем, что оно находится во власти репрезентаций пространства. Социальность городского пространства подразумевает и то, что оно репрезентирует множественные ситуации конфликта, когда происходят столкновения прав на город разных категорий городского населения, преследующих собственные потребности и интересы.

Важный глобальный социально-культурный феномен современного пространства множества городов — стрит-арт (или уличное искусство¹) — представляет собой вид актуального искусства, одной из основных черт которого, помимо прочего, выступает строгая пространственная контекстуальность, «вписанность» в городскую среду и ориентация на взаимодействие

¹ В настоящей работе понятия используются как тождественные и взаимозаменяемые.

с окружающими объектами городской инфраструктуры. Несмотря на «терминологическую запутанность», связанную с понятием стрит-арта, исследователи феномена одинаково видят «список» основных его особенностей, в который, помимо упомянутой пространственной ориентации, входят: санкционирование произведений со стороны самого художника (если же согласование происходит с рядом различных городских институций, то речь идет о таком понятии, как паблик-арт); ориентация на коммуникацию с массовой широкой городской аудиторией (в отличие от граффити, как правило, адресуемых самим же членам субкультуры); «партизанский», протестный характер, обращение к политическим, социальным, философским сюжетам, освещение общественно важных проблем; эфемерность существования; относительная анонимность авторов работ [Blanché 2015].

Протестный характер представляет собой фундаментальную особенность стрит-арта, лежащую в истоках зарождения феномена; он же обладает капиталом по продуцированию потенциально конфликтных ситуаций, причиной которых выступает вышеупомянутое столкновение прав на город разных городских акторов. Уличный художник, создавая свое произведение, бросает вызов установленному архитекторами, планировщиками и градостроителями порядку — репрезентациям пространства. Это происходит, во-первых, потому, что, как правило, он не согласовывает свои действия с властью и свободно переинтерпретирует пространство в соответствии со своим образом в сознании, а во-вторых, потому, что сами произведения уличного искусства часто имеют острополитический и остросоциальный характер, нередко обличают власть или другие общественные институции и их политику. Другими словами, пространственные практики уличных художников всегда сталкиваются и вступают в конфронтацию с доминирующими представлениями о городе. Таким образом, протест уличного художника реализуется на нескольких уровнях системы взаимодействия категорий городского населения.

Многие исследователи отмечают, что стрит-арт представляет собой форму «эстетического протеста», способ подрыва традиционной визуальной культуры города посредством стихийного, свободного творчества художника [Armstrong 2006]. В работах Е. Г. Трубиной [Trubina 2018], В. А. Кузнецовой [Кузнецова 2014], М. Г. Чистяковой [Чистякова 2011], Ю. А. Кузовенковой [Кузовенкова 2015], Н. А. Архиповой [Архипова 2016], А. А. Ильиной, В. А. Борзунова [Ильина, Борзунов 2016], М. Цилимпуниди [Tsilimpounidi 2015], А. Балдини [Baldini 2015], С. Бачарач [Bacharach 2018], К. Дебрас [Debras 2019] и др. уличное искусство понимается как способ, посредством которого уличный художник, как радикальный оппозиционер, преобразует мир своим стремлением донести нечто важное, пролить свет на волнующие его проблемы и «болезни общества» и в том числе оспорить их в своих произведениях. Исследователь А. М. Лернер описывает исконную природу стрит-арта и граффити:

«Художники, создающие (политические) граффити, угрожают существующей цензуре, поскольку их анонимность позволяет им поднимать такие темы, которые не могут затрагивать представители иных медиа без риска столкнуться с негативными последствиями» [Lerner 2019, p. 6]. В этом заключается главный символический капитал уличного искусства.

Актуальный характер стрит-арта, его способность поднимать важные общественные темы репрезентируют его как часть современного концептуального искусства, поднимают важный вопрос о соотношении проблемной, содержательной стороны уличного искусства и его эстетической составляющей. Зачастую данное соотношение приобретает полярный характер: в том случае, когда произведение транслирует актуальную общественно важную проблему, оно лишается капитала, заключающегося в эстетизации городской среды. То же самое характерно и для произведений, выполняющих декоративную функцию: нередко в них отсутствует проблемный код. Практика функционирования института уличного искусства показывает, что когда художник делает акцент на актуальной проблеме в своей работе, чтобы сделать свое послание максимально емким и понятным зрителю, он, как правило, отказывается от сложных технических и эстетических приемов.

Крайне важную роль в вопросе основной ориентации уличного искусства — проблемной или эстетической — играет функция стрит-арт-объекта в каждом отдельном случае. К примеру, в сфере уличного искусства распространены кейсы, когда муниципалитет города обращается к произведениям как к инструменту гуманизации отдельных городских районов (преимущественно спальных), которые, как правило, расположены ближе к периферии и представляют собой довольно мрачные, в первую очередь с точки зрения человеческого комфорта, зоны с однотипной застройкой. В качестве примера можно привести один из спальных районов Рима Tor Marancia, в котором за короткий срок было создано около 20 муралей разного содержания. Район визуально выделяется по сравнению с окружающим пространством. Понятно, что в данном случае произведения, транслирующие общественно-политическую повестку, были бы абсолютно контекстуально неуместны, в том числе по причине санкционирования данной практики городскими властями. В тех же случаях, когда уличный художник стремится высказаться по волнующим его отдельным общественным вопросам, он, как правило, уводит эстетическую составляющую своего произведения на второй, менее важный план. Одним из примеров подобной ориентации уличного искусства, имеющей массовый характер, является современное движение «Партизанинг», созданное на стыке уличного искусства и общественной деятельности. В своем манифесте активисты движения заявляют, что они пытаются своей деятельностью отразить и популяризировать идею свободного высказывания или действия, направленного на переосмысление и перестройку городской среды и общества в целом

[Партизанинг 2020]. «Партизаны» создают на улицах города небольшие стрит-арт-объекты (социального, политического и др. содержания), выкладывают их изображения в Интернет, а также организуют обсуждения и дискуссии с населением.

В уличной среде Екатеринбурга — уникальном кейсе-примере функционирования института стрит-арта² — присутствуют как произведения, ориентированные на «отвоевание» пространства, поднимающие важные проблемы, так и работы, преимущественно выступающие средством эстетизации городской среды, представляющие собой красивое/милое/декоративное изображение и в меньшей степени являющиеся формой социального протеста. Для городского пространства Екатеринбурга, таким образом, характерно большое разнообразие обеих разновидностей работ стрит-арта — как проблемных, содержательных, так и выполняющих исключительно декоративную функцию. Несмотря на данный факт, уличный художник Стас Багс ранжирует эти составляющие по степени их отражения в произведениях стрит-арта Екатеринбурга. Он отмечает, что местный стрит-арт, начиная с фестиваля «Стенография»³, в большей степени — о красоте, а уже потом — про интервенции в городскую среду [Шахов, Янг 2020], про злободневность и актуальную повестку.

«Проблемный» полюс уличного искусства в Екатеринбурге прежде всего представлен произведениями таких художников, как Тимофей Радя, Слава ПТРК, Илья Мозги и команда «Злые», а также деятельностью не санкционированного городскими властями фестиваля стрит-арта «Карт-бланш». В целом следует отметить, что в Екатеринбурге довольно много политизированного стрит-арта: это, например, работы, посвященные кейсу «Сквер наш», когда население активно выходило на митинги против строительства храма в одной из центральных зеленых зон, надписи «НЕТПУТИНАЗАД», «Бесконечных двадцать лет мы с надеждой ждем балет», «Стреляй царей, вали заборы!» и пр. Некоторые подобные произведения существуют несколько недель, а другие — не больше суток. Так, весной 2019 г. активисты «Бессрочного протеста» установили в двух центральных точках города фальшивые «надгробия» Путину [Возле администрации 2019]. Памятники сопровождалась надписями «Деспот. Фашист. Убийца. Вор. В “рай” вне очереди» и «Народ не забудет.

² Специфика стрит-арта Екатеринбурга обусловлена в первую очередь колоссальным интересом местного населения к данной художественной практике, наличием пяти различных по формату и особенностям организации фестивалей уличного искусства (среди них «Стенография», «Карт-бланш», «Не темно», «Паблик-арт» и «ЧО»), развитием разнообразных сопряженных практик — экскурсий по объектам, лекций и семинаров по теме, активным освещением разных произведений стрит-арта местными СМИ и сообществами в социальных сетях и пр.

³ «Стенография» — всероссийский фестиваль уличного искусства, основной площадкой которого является Екатеринбург. Подробнее фестиваль будет рассмотрен далее в работе.

Народ не простит». Оба арт-объекта в течение получаса были уничтожены, а участники акции были подвергнуты административному взысканию.

В эстетическую же составляющую местного стрит-арта в первую очередь «вносит вклад» деятельность фестиваля «Стенография». Фестиваль ежегодно проходит с 2010 г., и основной его площадкой является Екатеринбург; он активно освещается городскими и российскими СМИ (а некоторые работы даже попадали в мировую медиаповестку), обсуждается пользователями в социальных сетях, включает в себя целое многообразие дополнительных проектов и практик. Как правило, художники фестиваля работают с крупными формами — муралами, представляющими собой высокохудожественные монументальные полотна, часто реализуемые на фасадах целых зданий. Таким образом, чаще всего объекты, которые создаются в рамках фестиваля, лишены проблемного кода: в крайнем случае, они транслируют философские «вечные» вопросы, но никогда не касаются острой социальной и тем более политической повестки.

Эксперты в области уличного искусства Екатеринбурга⁴ особенно отмечают его партизанский характер, направленный на освещение актуальных общественных проблем локального и глобального характера. Так, например, экскурсовод по произведениям стрит-арта Екатеринбурга Ирина Костерина считает, что «в Екатеринбурге много работ с информационной повесткой <...> актуализированной. Уличное искусство в Екатеринбурге поднимает постоянно актуальные проблемы. Постоянно в СМИ (в lifestyle-СМИ типа “The Village”, “It’s my city”) пишут: “Появилось вот такое вот граффити”. И там, через два дня, этого граффити уже нет». Дарья Костина, арт-директор галереи современного искусства «Синара-арт», отмечает, что екатеринбургское «уличное искусство нередко работает с такими достаточно яркими болевыми точками. Достаточно вспомнить объект Славы ПТРК в прошлом году в сквере с надписью “В правде сила” и много других вещей, связанных с политическим контекстом в стране». То же самое выделяет и промышленный дизайнер Илья: «В Екатеринбурге стрит-арт очень включен. Включен в дух времени, конкретно отражает запросы общества — со сквером, например. Это очень злободневные попытки высказаться».

Проблема соотношения эстетической и смысловой составляющих уличного искусства в восприятии экспертов разрешается следующим образом: по мнению большинства из них, очень важно, когда художник поднимает своей работой какой-то общественно важный вопрос; однако те работы, которые лишены

⁴ Здесь и далее в тексте работы цитаты приводятся на основе серии экспертных интервью с разными специалистами по стрит-арту Екатеринбурга. Всего нами было проведено восемь интервью в течение июля 2020 г. Все эксперты, с которыми состоялись интервью, проживают в Екатеринбурге, и поэтому в процессе нашей беседы преимущественно ссылались на конкретные примеры и кейсы екатеринбургского уличного искусства.

содержательного кода, а выполняют исключительно декоративную функцию, также не могут быть лишены статуса стрит-арта. Иными словами, по мнению экспертов, транслирование проблемного кода в стрит-арте является важным и желательным, но не обязательным. При этом крайние позиции экспертов охватывают их полярные утверждения. Так, Анна Клец, куратор фестиваля «Стенография», «защищает» эстетическую функцию стрит-арта, что, безусловно, объясняется соответствующей ориентацией данного фестиваля: *«Художники, которые рисуют, они не обязаны вшивать туда глубочайший смысл, потому что в категорию искусства входят и простые декоративные вещи»*. Напротив, Дарья Костина отмечает: *«Конечно, всегда хотелось бы там прочесть какую-то идею. То есть совсем безыдейные какие-то декоративные вещи, да, пожалуй, я к искусству не отношу. Это больше сфера дизайна городского»*.

Эксперты характеризуют уличное искусство Екатеринбурга в первую очередь в таких определениях, как многослойное, самобытное, смелое, думающее, злободневное, «включенное», актуальное и остросоциальное. Позиция информантов акцентирует внимание именно на проблемной составляющей местного стрит-арта: все представленные определения отражают его способность транслировать важные проблемы и выражать протестные настроения. Напротив, ни одно определение не подчеркивает эстетическую составляющую стрит-арта, его декоративную функцию, заключающуюся в украшении окружающего пространства.

Мы видим, что представители экспертного сообщества высоко оценивают содержательную составляющую уличного искусства в целом и считают, что местный стрит-арт поднимает актуальную проблематику и транслирует злободневные темы. В связи с этим возникает вопрос: а как рядовое население определяет обе стороны уличного искусства — содержательную и эстетическую — и какая из них, по их мнению, преобладает в кейсе Екатеринбурга? Ответ на данные вопросы тем более имеет значение, поскольку стрит-арт представляет собой массовый вид современного искусства, ориентированный на всех без исключения городских жителей и предполагающий максимальный коммуникативный охват в масштабе любого отдельно взятого прохожего.

Результаты проведенного онлайн-опроса⁵ жителей Екатеринбурга демонстрируют весьма любопытную тенденцию. В отличие от экспертов,

⁵ Результаты опроса нерепрезентативны. Стихийность выборки обусловлена публикацией опроса в пабликах и сообществах, посвященных культурной жизни Екатеринбурга, в социальных сетях: «ВКонтакте», Facebook, Instagram, «Одноклассники» и Telegram. Кроме того, чтобы охватить тех, кто не прошел опрос по ссылке в группах, была осуществлена рассылка личных сообщений некоторым их участникам. Всего объем выборки составил 1 604 человека, все — жители Екатеринбурга. Опрос был проведен в период с апреля по июнь 2020 г.

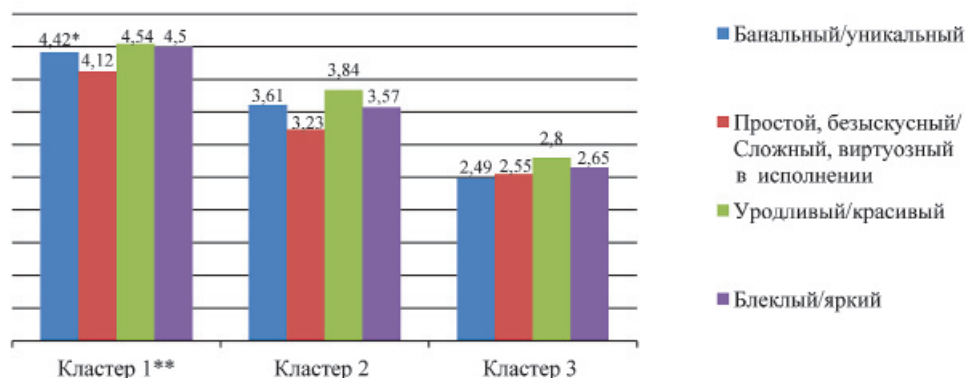
большинство (58,3 %⁶) опрошенных жителей ответили, что стрит-арт в первую очередь представляет собой украшение городской среды. 37,3 % респондентов указали, что стрит-арт является способом самовыражения художника, его творческим порывом. При этом лишь треть (29,6 %) опрошенных отметили, что стрит-арт представляет собой инструмент привлечения внимания к важным проблемам. Таким образом, эстетический фактор восприятия произведений городским населением является преобладающим, тогда как содержательный находится на третьем месте.

Несмотря на приведенные данные, когда респондентам в опросе было предложено выбрать, что для них важнее в произведениях уличного искусства — визуальная составляющая и эстетичность или смысловая нагрузка, — подавляющее большинство (69,9 %) отметило ценность и того и другого фактора в совокупности. Несмотря на отмеченную ранее важность для местного населения декоративной функции стрит-арта, оно признает и его проблемную ориентацию: лучше всего, когда объекты транслируют смысловой код, но при этом не лишены эстетики.

Как и в случае экспертных интервью, одна из задач опроса заключалась не только в выявлении особенностей восприятия населением стрит-арта в целом, но и непосредственно стрит-арта Екатеринбурга и преобладающей там составляющей — эстетической или содержательной. Респондентам (при использовании метода полярных профилей) было предложено оценить местный стрит-арт по нескольким предложенным признакам, относящимся к разным аспектам феномена. По их мнению, стрит-арт Екатеринбурга преимущественно можно описать следующим образом: красивый, яркий, служит украшением городской среды, уникальный, сложный и виртуозный в исполнении, душевный, транслирует активную позицию автора-художника, нужный и полезный. Средние значения по тем признакам, которые относятся к эстетической/содержательной стороне феномена, демонстрируют важную тенденцию: эстетическую составляющую екатеринбургского стрит-арта жители ставят несколько выше содержательной, проблемной. Помимо прочего, это выражается в том, что такие дихотомические характеристики, как «серьезный/легкомысленный» и «глубокий/поверхностный», воспроизводят скорее нейтральную ситуацию. Жители не склонны оценивать местный стрит-арт как исключительно серьезный и/или глубокий. Вместе с тем такие дихотомии, как «красивый/уродливый» и «яркий/блеклый», репрезентируют более однозначную ситуацию: для подавляющего большинства респондентов характерна позитивная направленность в восприятии местного стрит-арта по данным (эстетическим) признакам.

⁶ Процент указан от числа опрошенных (1 604 чел.). Сумма ответов составляет 3 016, поскольку каждый респондент мог дать до двух ответов на данный вопрос.

Проведенный кластерный анализ по каждой группе признаков, отдельно относящихся к эстетической и содержательной сторонам стрит-арта, воспроизводит следующую ситуацию. Что касается эстетической стороны, то большинство опрошенных, составляющих кластер 1, считает местный стрит-арт эстетически привлекательным, о чем свидетельствуют показатели по четырем признакам, входящим в данную группу (рис. 1).

*Указаны средние значения: 1 — это явное преобладание первой характеристики в дихотомии, 5 — явное преобладание второй характеристики. Поскольку в каждой из представленных дихотомий «негативный» признак стоит первым, а «позитивный» — вторым, то чем больше средний показатель, тем выше с точки зрения его присутствия в местном стрит-арте респонденты оценивают каждый из эстетических признаков

** Кластер 1 составляют 46 % опрошенных; кластер 2 — 36,2 % опрошенных; кластер 3 — 17,9 % опрошенных

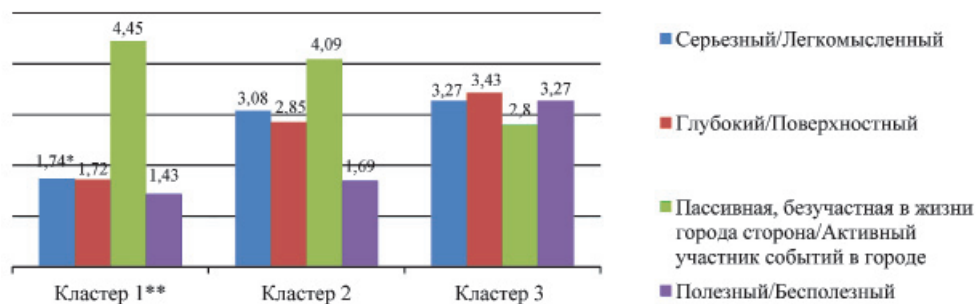
Рис. 1. Кластеры населения Екатеринбурга, сформированные на основе восприятия эстетической составляющей местного уличного искусства

Fig. 1. Clusters of Yekaterinburg population that show different perceptions of the local street art's aesthetic component

Напротив, тех, кто указал, что местный стрит-арт практически лишен характеристик, связанных с декоративной функцией по гуманизации пространства, и технически сложных с художественной точки зрения произведений, меньшинство — всего 17,9 % респондентов, составляющих кластер 3. При этом респонденты кластера 2, хоть и репрезентируют «среднее положение дел», также, как видно из диаграммы, оценивают эстетическую сторону местного стрит-арта ближе к позитивной, в достаточной степени представленной в городском пространстве. Об этом свидетельствуют средние значения в данном кластере, которые больше «стремятся» ко второй, позитивной характеристике в дихотомиях.

Что касается содержательной стороны стрит-арта Екатеринбурга, то и тут большинство жителей в целом определяет местное уличное искусство в таких понятиях, как серьезное, глубокое, активное с точки зрения участия

в городских событиях и полезное (рис. 2). Даже средние значения кластера 2, который составляет большинство опрошенных, «стремятся» к позитивным характеристикам в дихотомиях. Также мы видим, что население практически однозначно оценивает местное уличное искусство как полезное и занимающее активную общественную позицию в городских событиях.

* Указаны средние значения: 1 — это явное преобладание первой характеристики в дихотомии, 5 — явное преобладание второй характеристики. Поскольку во всех дихотомиях (кроме «пассивная... сторона/активный участник...») «позитивный» признак стоит первым, а «негативный» — вторым, то чем меньше средний показатель, тем более высоко с точки зрения его присутствия в местном стрит-арте респонденты оценивают каждый из признаков

** Кластер 1 составляют 31,4 % опрошенных; кластер 2 — 40,7 % опрошенных; кластер 3 — 27,9 % опрошенных

Рис. 2. Кластеры населения Екатеринбурга, сформированные на основе восприятия проблемной составляющей местного уличного искусства

Fig. 2. Clusters of Yekaterinburg population that show different perceptions of the street art's ability to raise significant problems

Данные двух диаграмм показывают, что жители видят в местном стрит-арте одновременно две важные функции, которые мы анализируем в настоящей работе. По их мнению, локальный стрит-арт можно одновременно назвать украшением городской среды, средством эстетизации пространства и инструментом выражения протеста и транслирования значимых общественных проблем. В городском пространстве Екатеринбурга представлено множество произведений, выполняющих и ту и другую функцию. Однако если сравнивать данные по двум диаграммам, то мы видим, что эстетическая компонента в некоторой степени преобладает над содержательной. Об этом свидетельствует общее количество респондентов в кластерах и их распределение. В первом случае подавляющее большинство респондентов составляют кластер 1 и 2; во втором случае — кластер 2, тогда как число опрошенных в 1-м и 3-м кластерах примерно равное. Хотя, как уже было отмечено, кластер 2 отражает скорее «позитивное» восприятие признаков. Таким образом, можно говорить о преобладании эстетической составляющей над содержательной в местном стрит-арте в глазах городского населения.

Отдельное значение в концептуальной составляющей феномена имеет способность некоторых произведений обращаться к городским властям, таким образом поднимая вопросы политического характера. Среди опрошенных только 10,8 % отметили интерес к политической повестке в работах стрит-арта, ответив, что «на месте уличного художника выбрали бы для своих работ политическую тематику». Большинство же (36,4 %) отметило проблемы философского характера (заставляющие задуматься «о вечном» вопросы), как наиболее важные и интересующие их в уличном искусстве. При этом на вопрос о том, какие проблемы, преимущественно, чаще всего поднимаются произведениями уличного искусства в Екатеринбурге, 16,5 % ответили: политические. По данному показателю вновь преобладают философские проблемы: по мнению 23,7 % опрошенных, именно философская тематика доминирует в работах местного уличного искусства.

Таким образом, данные о политической проблематике в произведениях местного стрит-арта показывают, что доля тех, кто считает политические темы важными и актуальными, меньше доли тех, кто считает их достаточно распространенными в местном стрит-арте. Действительно, в сообществе образ Екатеринбурга с точки зрения особенностей стрит-арта сочетает в себе такие черты, как злободневность и нередко провокативность, как правило граничащие с политизированностью. Данная особенность местного уличного искусства была отмечена и некоторыми экспертами. Не все горожане принимают политические работы; в целом мы, скорее, наблюдаем тенденцию, что местное население более позитивно оценивает работы, направленные на гуманистическое и эстетическое взаимодействие с городской средой (политические же работы чаще выполнены в виде емкого, лаконичного текста или небольших схематичных изображений, как правило в трафаретной технике, чтобы сократить время на создание объекта), освещение философских, «вечных» вопросов и юмор, способность вызвать улыбку и поднять настроение.

Один из экспертов нашего исследования, уличная художница Алина, противопоставляя две разновидности уличного искусства — с одной стороны, «работы в лоб», обладающие конкретикой и не вызывающие желания размышлять, задумываться, а также не воздействующие на чувства и эмоции зрителя, и, с другой стороны, «работы, затрагивающие твой чувственный орган, вызывающие у тебя какие-то воспоминания, переживания, какие-то новые мысли», — работы политического характера относит к первому типу. В качестве примера информантка приводит одну из злободневных работ Екатеринбурга «Кирилл-копилка» художника Славы ПТРК, которая из-за своего содержания была немедленно уничтожена (рис. 3).

Алина пояснила, почему подобные политизированные работы нравятся ей меньше работ, относящихся ко второму типу, и, как показывает общая тенденция, данную позицию разделяют многие респонденты — обычное

Рис. 3. Слава ПТРК. Кирилл-копилка.
Екатеринбург, 2010.

Источник: [Slava PTRK 2010]

Fig. 3. Slava PTRK. Street art object
«Kirill-moneybox».

The source: [Slava PTRK 2010]

городское население: «Ну, то есть тут очевидная работа, она очень в лоб, прямо вообще думать не надо. И чувств она вызывает меньше. И как бы в первом случае романтика и ностальгия, а тут больше агрессия. Я меньше про агрессию, ну или про “все плохо, там, они козлы”. Вот я меньше про такое. Я думаю, что такие работы все равно обязаны быть, и это круто, что они есть на улице, круто говорить на такие темы. Просто я сама такие темы не хочу транслировать, и мне меньше интересно об этом разговаривать».

Таким образом, результаты проведенного исследования восприятия двух основных составляющих уличного искусства — эстетической и содержательной — позволяют сделать следующие выводы. Было выявлено, что восприятие экспертов в области уличного искусства отличается от восприятия рядовых городских жителей. Если первые более высоко

оценивают содержательную сторону стрит-арта, то вторые, преимущественно, видят в нем инструмент украшения городской среды и декорирования пространства. То же характерно и для восприятия уличного искусства Екатеринбурга: если эксперты описывают его как злободневное и актуальное, вообще не выделяя эстетическую компоненту, то простые жители отмечают, что признаки, относящиеся к эстетической стороне феномена, представлены в местном стрит-арте несколько больше, чем те признаки, которые позволяют говорить о феномене как о способе выражения протеста и транслирования важных проблем. Наконец, отдельное внимание эксперты обращают на политическую ориентацию произведений местного стрит-арта, их направленность на взаимодействие с городскими властями. Этот «блок» проблем важен, поскольку он отражает протестную, оппозиционную направленность феномена. Население Екатеринбурга скорее не заинтересовано в политической проблематике местного стрит-арта. Явная политизированность и злободневность «отпугивают» жителей и кажутся слишком агрессивными. Вместо этого большую ценность представляют произведения, направленные на гуманистическое и эстетическое взаимодействие с городской средой, освещение «вечных» вопросов, содержащие юмор и вызывающие улыбку.

Список литературы

- Архипова 2016 – *Архипова Н. А.* Восприятие граффити в городском пространстве – китч или искусство? // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 25–27 апреля 2016 г., Москва / под ред. В. С. Белгородского [и др.] : в 8 ч. Ч. 2. М. : Московский государственный университет дизайна и технологии, 2016. С. 30–35.
- Возле администрации 2019 — Возле администрации Екатеринбурга и станции метро поставили «надгробие» Владимира Путина [Электронный ресурс] // 66.ru: современный портал Екатеринбурга. 21.04.2019. URL: <https://66.ru/news/incident/221179/> (дата обращения: 20.01.2021).
- Ильина, Борзунов 2016 — *Ильина А. А., Борзунов В. А.* Стрит-арт как проявление свободы личности: сравнительный анализ России и Европы // Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика : материалы ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 24 сентября 2016 г., Москва / под ред. Н. П. Нарбута, Т. И. Лариной. М. : РУДН, 2016. С. 143–147.
- Кузнецова 2014 – *Кузнецова В. А.* Стрит-арт как форма выражения политического и социального протеста в современной Бразилии // Древняя и Новая Романия. 2014. № 13. С. 601–614.
- Кузовенкова 2015 – *Кузовенкова Ю. А.* Право на город: практики легитимации граффити и стрит-арта // Культура и цивилизация. 2015. № 4–5. С. 31–46.
- Лефевр 2015 — *Лефевр А.* Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М. : Strelka Press, 2015. 630 с.
- Партизанинг 2020 — Партизанинг. Партизанские городские перепланировщики [Электронный ресурс] : сайт. URL: <http://partizaning.org/> (дата обращения: 28.01.2021).
- Чистякова 2011 – *Чистякова М. Г.* Стрит-арт в контексте вызовов современности // Известия АлтГУ. 2011. № 2–1 (70). С. 210–213.
- Шахов, Янг 2020 — *Шахов А., Янг А.* Стас Багс и интимный стрит-арт Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // Росстритартнадзор. 19.08.2020. URL: <https://rosstreetartnadzor.libsyn.com/pkca347ip728> (дата обращения: 02.10.2020).
- Armstrong 2006 – *Armstrong J.* The Contested Gallery: Street Art, Ethnography and the Search for Urban Understandings // *AmeriQuests*. 2006. No. 2 (1). DOI: 10.15695/amqst.v2i1.46.
- Bacharach 2018 – *Bacharach S.* Finding Your Voice in the Streets: Street Art and Epistemic Injustice // *The Monist*. 2018. No. 101 (1). P. 31–43. DOI: 10.1093/monist/onx033.
- Baldini 2015 – *Baldini A.* An Urban Carnival on the City Walls: The Visual Representation of Financial Power in European Street Art // *Journal of Visual Culture*. 2015. No. 14 (2). P. 246–252. DOI: 10.1177/1470412915592883.
- Blanché 2015 – *Blanché U.* Street Art and Related Terms — Discussion and Attempt of a Definition // *Street & Urban Creativity. Scientific Journal*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 32–40.
- Debras 2019 – *Debras C.* Political Graffiti in May 2018 at Nanterre University: A Linguistic Ethnographic Analysis // *Discourse & Society*. 2019. No. 30 (5). P. 441–464. DOI: 10.1177/0957926519855788.
- Kindynis 2018 – *Kindynis T.* Bomb Alert: Graffiti Writing and Urban Space in London // *British Journal of Criminology*. 2018. No. 58 (3). P. 511–528. DOI: 10.1093/bjc/azx040.
- Lerner 2019 – *Lerner A. M.* The Co-optation of Dissent in Hybrid States: Post-Soviet Graffiti in Moscow // *Comparative Political Studies*. 2019. P. 1–29. DOI: 10.1177/0010414019879949.
- Slava PTRK 2010 — Kirill-moneybox [Electronic resource] // Slava PTRK. URL: <http://slavaptrk.art/projects/outdoors/kirillkopolka> (access date: 02.10.2020).
- Trubina 2018 – *Trubina E. G.* Street Art in Non-Capital Urban Centres: Between Exploiting Commercial Appeal and Expressing Social Concerns // *Cultural Studies*. 2018. No. 32 (5). P. 676–703. DOI: 10.1080/09502386.2018.1429002.
- Tsilimpounidi 2015 – *Tsilimpounidi M.* «If These Walls Could Talk»: Street Art and Urban Belonging in the Athens of Crisis // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2015. No. 7 (2). P. 71–91.

References

- “A ‘gravestone’ of Vladimir Putin was erected near the Yekaterinburg administration and the metro station” (2019), *66.ru, sovremennyi portal Ekaterinburga*, 21 April, available at: <https://66.ru/news/incident/221179/> (accessed 20 January 2021) (in Russian).
- Arkhipova, N. A. (2016), “Perception of Graffiti in the City Space – Kitsch or Art?”, in Belgorodskii, V. S., Kashcheev, O. V., Zotov, V. V. and Antonenko, I. V. (eds), *Gumanitarnye osnovaniya sotsial'nogo progressa: Rossiya i sovremennost', sbornik nauchnykh statei i materialov mezhdunarodnoi konferentsii, 25–27 aprelya 2016, Moskva* [Humanitarian Foundations of Social Progress: Russia and Modernity, Proc. of the International Conference, Moscow, Russia, 25–27 April 2016], MSUDT, Moscow, pp. 30–35 (in Russian).
- Armstrong, J. (2006), “The Contested Gallery: Street Art, Ethnography and the Search for Urban Understandings”, *AmeriQuests*, no. 2 (1). DOI: 10.15695/amqst.v2i1.46.
- Bacharach, S. (2018), “Finding Your Voice in the Streets: Street Art and Epistemic Injustice”, *The Monist*, no. 101 (1), pp. 31–43. DOI: 10.1093/monist/onx033.
- Baldini, A. (2015), “An Urban Carnival on the City Walls: The Visual Representation of Financial Power in European Street Art”, *Journal of Visual Culture*, no. 14 (2), pp. 246–252. DOI: 10.1177/1470412915592883.
- Blanché, U. (2015), “Street Art and Related Terms — Discussion and Attempt of a Definition”, *Street & Urban Creativity. Scientific Journal*, no. 1 (1), pp. 32–40.
- Chistyakova, M. G. (2011), “Street-Art in the Context of the Challenges Posed by Modernity”, *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2-1 (70), pp. 210–213 (in Russian).
- Debras, C. (2019), “Political Graffiti in May 2018 at Nanterre University: A Linguistic Ethnographic Analysis”, *Discourse & Society*, no. 30 (5), pp. 441–464. DOI: 10.1177/0957926519855788.
- Il'ina, A. A. and Borzunov, V. A. (2016), “Street Art as a Manifestation of Personal Freedom: a Comparative Analysis of Russia and Europe”, in Narbut, N. P. and Larina, T. I. (eds), *Aktual'nye voprosy sotsiologicheskoi nauki: teoriya, metodologiya, praktika, sbornik nauchnykh statei i materialov mezhdunarodnoi konferentsii, 24 sentyabrya 2016, Moskva* [Topical Issues of Sociological Science: Theory, Methodology, Practice, Proc. of the International Conference, Moscow, Russia, 24 September 2016], RUDN, Moscow, pp. 143–147 (in Russian).
- Kindynis, T. (2018), “Bomb Alert: Graffiti Writing and Urban Space in London”, *British Journal of Criminology*, no. 58 (3), pp. 511–528. DOI: 10.1093/bjc/azx040.
- “Kirill-moneybox” (2010), *Slava PTRK*, available at: <http://slavaptrk.art/projects/outdoors/kirillkopilka> (accessed 02 October 2020).
- Kuznetsova, V. A. (2014), “Street Art as a Form of Expression of Political and Social Protest in Modern Brazil”, *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, no. 13, pp. 601–614 (in Russian).
- Kuzovenkova, Yu. A. (2015), “The ‘Right to The City’: The Practices of Legitimation of Graffiti and Street Art”, *Kul'tura i tsivilizatsiya*, no. 4–5, pp. 31–46 (in Russian).
- Lefevr, A. (2015), *La production de l'espace*, translated by Staf, I., Strelka Press, Moscow, 630 p. (in Russian).
- Lerner, A. M. (2019), “The Co-optation of Dissent in Hybrid States: Post-Soviet Graffiti in Moscow”, *Comparative Political Studies*, pp. 1–29. DOI: 10.1177/0010414019879949.
- Partizaning. Partizanskie gorodskie pereplanirovshchiki* [Partizaning. Participatory urban replanning] (2020), available at: <http://partizaning.org/> (accessed 28 January 2021) (in Russian).
- Shakhov, A. and Yang, A. (2020), “Stas Bugs and the Intimate Street Art of St. Petersburg”, *Rosstritartnadzor*, 19 August, available at: <https://rosstreetartnadzor.libsyn.com/pkca347ip728> (accessed 02 October 2020) (in Russian).
- Trubina, E. G. (2018), “Street Art in Non-Capital Urban Centres: Between Exploiting Commercial Appeal and Expressing Social Concerns”, *Cultural Studies*, no. 32 (5), pp. 676–703. DOI: 10.1080/09502386.2018.1429002.

Tsilimpounidi, M. (2015), “‘If These Walls Could Talk’: Street Art and Urban Belonging in the Athens of Crisis”, *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, no. 7 (2), pp. 71–91.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 12.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторе

Швиндт Ульяна Сергеевна
аспирант
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: uliana_s@list.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-1076-1383

Information about author

Shvindt, Uliana Sergeevna
Postgraduate Student
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: uliana_s@list.ru
Author's ORCID: 0000-0003-1076-1383

Из художественного опыта советских 1920-х гг.

DOI 10.15826/koinon.2021.02.1.006

УДК 130.2/.3 + 141.1(091) + 159.922.32 + 821.161.1

ТРИКСТЕР VS. ТРИКСТЕР: «УЧИТЕЛЯ» И «УЧЕНИКИ» У ЭРЕНБУРГА, ОЛЕШИ, БУЛГАКОВА И БАБЕЛЯ*

М. Липовецкий

Колумбийский университет
Нью-Йорк, США

Аннотация: Исследуется реализация тропа трикстера в советской культуре на материале 4 произведений («Собачье сердце» М. Булгакова, «Зависть» Ю. Олеши, «Хулио Хуренито» И. Эренбурга и «Одесские рассказы» И. Бабеля). Определены особенности советского трикстера: «интегральный» характер, плутовство являются иллюстрацией к его цинической философии, которая лишена свойственного цинизму прагматизма и тяготеет к тому, что П. Слотердаjk называл «кинизмом», — бескорыстному и бесстыдному перформативному низведению и вышучиванию всех авторитетных дискурсов и символов.

* Одним из ключевых принципов политики журнала «Koinon» является публикация оригинальных и никогда ранее не выходивших в свет статей современных авторов. И все же мы решили воспроизвести статью Марка Липовецкого «Трикстер vs. трикстер: “Учителя” и “ученики” у Эренбурга, Олеши, Булгакова и Бабеля», впервые появившуюся в 2018 году в сборнике в честь 80-летия А. К. Жолковского (A/Z: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky / ed. by D. Ioffe, M. Levitt, J. Peschio, I. Pilshchikov. Boston : Academic Studies Press, 2018. P. 327–349). Мы делаем это в порядке исключения из общего правила ввиду выдающейся эвристической ценности статьи М. Липовецкого, сознавая необходимость познакомить с ней русскоязычных читателей, для которых первое издание статьи труднодоступно. Выражаем горячую благодарность первоиздателям статьи Липовецкого в лице Дениса Иоффе, любезно разрешившим ее публикацию в «Koinon»

Выделены три черты советского трикстера как персонажа (Шарикова, Ивана Бабичева, Хулио Хуренито, Бени Крика): амбивалентное, трансгрессивное и лиминальное состояние, благодаря которым трикстер воплощает опасную свободу от социальных норм и границ и в то же время функционирует как медиатор; перформативность, превращающая любой жест и любое высказывание в спектакль; особые отношения с сакральным. Отмечено, что в прозе 1920-х годов сюжет о столкновении «отцов и детей», «учеников и учителя» выдвигает в качестве важной составляющей фигуру трикстера — как одного из центральных участников дебатов о новом человеке и новом мире. Доказано, что все вариации советских трикстеров тесно связаны с рецепцией ницшеанства. Анализ каждого из центральных персонажей произведений построен вокруг ответа на вопрос: что каждая из «ролей» трикстера говорит о становящейся советской модерности? Два типа трикстера трактованы как свидетельство расщепления советской модерности, рождавшейся в 1920-х годах. Хулио Хуренито и Иван Бабичев представляют собой тип трикстеров-учителей, через которых происходило усвоение модернистской концепции личности. Шариков и Бенья Крик интерпретированы как тип «плебейской модерности» (Илья Герасимов). Все анализируемые тексты свидетельствуют о том, что трикстерский цинизм становится социальной нормой нового мира, и именно на этой почве возникает конфликт между трикстерами-отцами/учителями и их последователями в следующем поколении.

Ключевые слова: трикстер, теория кинизма П. Слотердайка, советская литература 1920-х годов, «сверхчеловек» Ф. Ницше, советская модерность.

Для цитирования: Липовецкий М. Трикстер vs. трикстер: «учителя» и «ученики» у Эренбурга, Олеси, Булгакова и Бабеля // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 116–147. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.006

TRICKSTER VS. TRICKSTER: «TEACHERS» AND «STUDENTS» IN EHRENBURG, OLESHA, BULGAKOV AND BABEL WORKS

M. Lipovetsky

University of Columbia
New York, USA

Abstract: The paper explores the fulfillment of the trickster trope in Soviet culture based on four works (The Heart of a Dog by M. Bulgakov, Envy by Yu. Olesha, Julio Jurenito by I. Ehrenburg and The Odessa Tales by I. Babel). The author defines the features of the Soviet trickster: the "integral" character, roguery are an illustration of its cynical philosophy, which is devoid of the pragmatism inherent in cynicism and tends to P. Sloterdijk's estimation of cynicism — the selfless

and shameless performative relegation and ragging of all reputable discourses and symbols. The author has also highlighted three features of the Soviet trickster as a character (Sharikov, Ivan Babichev, Julio Jurenito, Benya Crick): ambivalent, transgressive, and liminal states, thanks to which the trickster embodies dangerous freedom from social norms and boundaries and functions, at the same time, as a mediator; performativity, which turns any gesture and any utterance into a performance; a special bonds with the sacred. Notably, in the prose of the 1920s, the plot portraying the confrontation between fathers- children, students — teachers, puts forward the figure of the trickster as an essential component — as one of the central participants in the debate about a new man and a new world. There is evidence that all variations of the Soviet tricksters have a close linkage with the reception of Nietzscheanism. The analysis of each of the central characters of the works centers around the answer to the question: What does each of the trickster's role say about the emerging Soviet modernity? The author interprets the two types of the trickster as evidence of the Soviet modernity's splitting, that emerged in the 1920s. Julio Jurenito and Ivan Babichev represent the type of trickster teachers via whom the modernist concept of personality was adopted. The author offers the treatment of Sharikov and Benya Creek as a type of "plebeian modernity" (Ilya Gerasimov). All the analyzed texts indicate that trickster cynicism is becoming a social norm of the new world, and it is on this basis that the conflict between trickster fathers/teachers and their followers in the next generation breaks out.

Keywords: trickster, P. Sloterdijk's theory of cynicism, Soviet literature of the 1920s, F. Nietzsche's "superman", Soviet modernity.

For citation: Lipovetsky, M. (2021), "Trickster vs. Trickster: "Teachers" and "Students" in Ehrenburg, Olesha, Bulgakov and Babel Works", *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 116–147 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.006

Предлагаемая статья во многом опирается на идеи А. К. Жолковского, высказанные им в работе «Диалог Булгакова и Олеси о колбасе, параде чувств и Голгофе» (1987). В этой статье убедительно доказывается структурное и композиционное сходство в системе характеров и мотивной структуре между «Завистью» (1927) Юрия Олеси и «Собачьим сердцем» (1925) Михаила Булгакова. И тут и там мощной отцовской фигуре противостоит фигура непокорного «сына» — хотя идеологические аффилиации «отцов» и «детей» у Булгакова и Олеси прямо противоположны. И в той и в другой повести систему характеров образуют две пары, в которых «мудрому» отцу противостоит лже-отец (или лже-учитель): Преображенскому — Швондер, Андрею Бабичеву — Иван Бабичев. Соответственно, нерадивому сыну/ученику (Шариков, Кавалеров) контрастен послушный сын/ученик (Борменталь, Володя Макаров). Причем если одна пара представляет ценности «старого мира», то вторая — нового, создаваемого революцией.

Вместе с тем, как отмечает ученый, в обеих повестях значительную роль приобретают карнавално-провокаторские мотивы. В «Собачем сердце» Жолковский обращает внимание на двойнические отношения Преображенского и Шарикова, где «профессор, пользующийся симпатиями автора, выступает в качестве изощренного философа-провокатора, бросающего вызов господствующей идеологии; но он же — консерватор, сторонник status quo. А Шарикова, персонажу явно отрицательному, достается... выигрышная роль карнавального шута, нарушителя порядка» [Жолковский 1987, с. 96]. А в «Зависти» Иван Бабичев изображен как пародийный Христос и «типичный карнавальный шут — король дураков» [Там же, с. 105].

Отталкиваясь от последних характеристик, нетрудно увидеть в этих повестях реализацию тропа трикстера, который порождает в советской культуре целую плеяду суперпопулярных героев от Остапа Бендера до Сандро из Чегема, служа в то же время продуктивной моделью жизнетворчества (Хармс, Глазков, Синявский, Пригов и др.). В книге «Charms of Cynical Reason» (см.: [Lipovetsky 2011]) я доказывал, что трикстер в советской культуре становится центральным героем модерности — правда, развивающейся подпольно и на полукриминальных основаниях; недаром советский трикстер, как правило, занимает позицию критическую по отношению к «официальной» советской модерности — как говорил Остап Бендер, «я не хочу строить социализм».

От обычного плута советского трикстера отличает его «интегральный» характер — плутовство, если оно и присутствует, является прежде всего иллюстрацией к его цинической философии, которая в то же время лишена свойственного цинизму прагматизма и тяготеет к тому, что П. Слотердаик называл «кинизмом» — то есть бескорыстному и бесстыдному перформативному низведению (часто до уровня «телесного низа») и вышучиванию всех авторитетных дискурсов и символов¹. По крайней мере, три важнейшие черты характеризуют этого персонажа. Во-первых, это его амбивалентное, трансгрессивное и лиминальное состояние, благодаря которым трикстер воплощает опасную свободу от социальных норм и границ и в то же время функционирует как медиатор, соединяющий в себе противоречивые черты. Так, Шариков нарушает традиционные нормы цивилизованного поведения, постоянно медируя между животным и человеческим состояниями. Иван Бабичев амбивалентно соединяет черты шута и пророка, комедию и трагедию.

Во-вторых, трикстеров отличает перформативность, превращающая любой жест и любое высказывание в спектакль. Шариков все время «играет» человека,

¹ «Зерно кинизма заключается в критической, иронической философии по отношению к так называемым потребностям, в выявлении их принципиальной бесконечности и абсурдности. <...> Только направляясь от кинизма, а не от морали, можно положить пределы цинизму. Только веселый кинизм целей никогда не поддастся искушению забыть, что жизни нечего терять, кроме себя самой» [Слотердаик 2009, с. 305–306].

но постоянно не выдерживает роль. Театральность практически всех действий Ивана проанализирована в статье Жолковского [Жолковский 1987, с. 105]. Именно открытое и, как правило, саморефлективное лицедейство трикстера ответственно за обязательную комедийную составляющую этого образа.

В-третьих, для трикстеров характерны особые отношения с сакральным — то, что Жолковский называет «провокааторски-евангельскими мотивами» или карнавальными чертами. Сюда же добавляются и двойнические отношения с богоподобными «отцами», прямо уподобляемыми жрецам. Двойничество Шарикова и Преображенского, по мнению ученого, укрепляется мотивами насилия и карнавальная трактовкой еды². Иван Бабичев также составляет двойническую пару своему сановному брату Андрею — так мифологический трикстер пародийно дублирует культурного героя, но его разрушительные поступки, тем не менее, являются формой созидания³.

Вполне ожидаемо, что структура философского повествования предполагает столкновение отцов/учителей и детей/учеников. Однако остается непонятным, почему в прозе 20-х годов это столкновение выдвигает в качестве важной составляющей фигуру трикстера — как одного из центральных участников дебатов о новом человеке и новом мире. Поставив рядом с повестями Олеси и Булгакова роман Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито» (1921) и «Одесские рассказы» (1921–24) Исаака Бабеля, легко заметить, что и в этих произведениях значительная роль принадлежит отношениям между сыном и отцом (отцами) — у Бабеля, и учителем и учениками — у Эренбурга. Причем в них также на первый план выходят фигуры трикстеров — Хулио Хуренито и Бени Крика.

Таким образом, перед нами четыре произведения, написанные если не одновременно, то с небольшим временным разрывом, в каждом из которых трикстер выступает в одной из четырех ролей, обнаруженных Жолковским в «Собачем сердце» и «Зависти». Он может быть «мудрым учителем» (Хулио

² Интересно, что обсуждение двойнических отношений между Преображенским и Шариковым в последнее время приобрело особую остроту, так как именно эта пара сохранила в культурном сознании роль модели отношений между интеллигенцией и «народом». В 2016 году психолог Л. Петрановская писала, оспаривая расхожее восприятие позиции Преображенского как оправдания презрения к «шариковым»: «У Булгакова Преображенский и Шариков — один другого стоят, они две части одного целого. Шариков — шарж на профессора, его Тень, он так же озабочен едой, так же самоуверен, так же успешно “устраивается” в новой жизни и даже так же занимается вивисекцией, только профессор режет кроликов, а Шариков — кошек. Преображенский “выдавливает из себя” отвратительного Шарикова, презирает его и самоутверждается за его счет, это называется механизмом проекции, когда все ненавидимое и не признаваемое в себе мы приписываем другим, “очищаясь” таким образом от внутреннего конфликта» [Петрановская 2016].

³ Приведенные мной характеристики трикстера опираются на следующие исследования: [Radin 1972; Babcock-Abrahams 1975, p. 161–165; Мелетинский 1975, с. 188–194; Carroll 1984; Hyde 1998; Mythical Trickster Figures 1993; The Picaresque 1996].

Хуренито) и «лжеучителем» (Иван Бабичев), нерадивым учеником/сыном-изгоем, лишаемым отцом права на равенство с собой (Шариков), и сыном-королем, празднующим свое торжество над поверженным отцом (и вообще «отцами») (Беня Крик). Выступая в каждой из этих «ролей», трикстер, разумеется, меняет семантику, сохраняя, тем не менее, ядро образа — позволяющее опознать его как трикстера.

Как изменяется трикстер в каждой из этих функций? Как изменяет каждую из функций? Что каждая из «ролей» трикстера говорит о становящейся советской модерности? Как они соотносятся друг с другом? Какие потенциальные возможности этого тропа обнаруживаются в каждой его модификации?

«Учителя»

На первый взгляд, кажется, нет ничего общего между победоносным, героическим Хулио Хуренито из «Необычайных походов Хулио Хуренито и его учеников...» Эренбурга и жалким, да еще и дополнительно униженным автором вралем-инженером Иваном Бабичевым из «Зависти» Олеси. Между Учителем — и королем пошляков. Однако, при ближайшем рассмотрении, сходство этих персонажей оказывается довольно значительным.

Эренбург в «Хуренито» представляет свой, масштабный проект интеллектуальной и культурной революции, которую можно интерпретировать как революцию, осуществляемую модернизмом в ответ на катастрофические сдвиги мировой истории. Воплощением этой революции становится главный герой романа — трикстер, впервые в истории русской литературы представленный как воплощенный философский дискурс. Философствующий трикстер Эренбурга, вместе с тем, плотно вписан в современность, в первую очередь — ее политические контексты: от Первой мировой войны до русской революции и большевистского террора.

Подобную роль играет и Иван Бабичев: шут из пивной, рассказчик небывших, он видит свою миссию в историческом возмездии — возмездии девятнадцатого века двадцатому: «Они жрут нас, как пищу, — девятнадцатый век втягивают они в себя, как удав втягивает кролика... машина моя — ослепительный кукиш, который умирающий век покажет рождающемуся» [Олеша 1974, с. 73]. Планируемый им бунт («заговор чувств») — это тоже проект революции. Только на первый взгляд речь идет о сопротивлении рационалистической («конструктивистской») модерности, олицетворяемой Андреем Бабичевым с его «Четвертаком» и Володей Макаровым с его поклонением машинам. Иван не случайно находит ученика и последователя в Кавалерове, чей метафорический талант прямо перекликается с визуальным авангардом XX века (см.: [Kanevskaya 2001]), а якобы созданная Бабичевым невидимая антимашина Офелия — похожа на арт-машины сюрреалистов. Таким образом, Иван

противопоставляет одномерному рационализму, понимаемому как существо современности, новый, обостренный аффективный режим, в котором каждое чувство доведено до своего предела и явлено как самодостаточная ценность.

Иван называет себя «королем пошляков», видя себя дирижером хора, водителем парада и вождем «мирного восстания» — «вот они, носители великих чувств, ныне признанных ничтожными и пошлыми» [Олеша 1974, с. 62]. Но и семеро учеников, собранных Хуренито, воплощают наипошлейшие национальные стереотипы. Француз-похоронщик Мосье Дэле олицетворяет гедонизм в сочетании со скупостью, немецкий студент Карл Шмидт — догматизм и фанатическое отношение к порядку, американский миссионер мистер Куль — цинизм, основанный на культуре доллара и Библии, русский интеллигент Алексей Тишина — «богоискательство» в сочетании со слезливым эгоизмом, итальянец Эрколе Бамбучи — лень, сенегалец Айша — все колониальные клише. Аналогично, если Кавалеров во многом подобен автору «Зависти»⁴, то седьмой, самый верный, ученик Хулио Хуренито носит имя «Илья Эрэнбург». Есть также несомненное созвучие между «завистью» Кавалерова и решительным «нет», которое выбирает из всех слов языка еврей Эрэнбург (за что Хуренито награждает его поцелуем, как впоследствии и «Великого Инквизитора» — Ленина)⁵.

«...Он никогда никого не учил; у него не было ни религиозных канонов, ни этических заповедей, у него не было и простенькой, захудалой философской системы... он был человеком без убеждений», — говорит о Хуренито его ученик Эрэнбург [Эрэнбург 1922, с. 4]. Отсутствие поддающихся суммированию идей предполагает перформативный характер философии Хуренито. Путем демонстрации противоречий и парадоксов, провокациями и розыгрышами этот герой, во-первых, обнажает «универсальный диффузный цинизм» (П. Слотердаjk), доминирующий как в западном обществе, перед и во время Первой мировой войны, так и в России, охваченной революцией. Во-вторых, он доводит все авторитетные дискурсы — от гуманизма до коммунизма — до их максимально абсурдного, саморазоблачительного осуществления, подвергает их ритуалу публичной растраты, чем предвосхищает практики концептуалистов. Его метод — гиперидентификация с авторитетным дискурсом, как когда он, например, создает республику Лабардан

⁴ Как известно, в речи на Первом съезде советских писателей Олеша говорил: «Мне говорили, что в Кавалерове есть много моего, что этот тип является автобиографическим, что Кавалеров — это я сам. Да, Кавалеров смотрел на мир моими глазами. Краски, цвета, образы, сравнения, метафоры и умозаключения Кавалерова принадлежали мне. И это были наиболее свежие, наиболее яркие краски, которые я видел. Многие из них пришли из детства, были вынуты из самого заветного уголка, из ящика неповторимых наблюдений» [Первый съезд 1990, с. 235].

⁵ Думается, Эрэнбург прямо отсылал к Ницше, писавшему: «В то время как всякая преимущественная мораль произрастает из торжествующего самоутверждения, мораль рабов с самого начала говорит Нет “внешнему”, “иному”, “несобственному”: это Нет и оказывается ее творческим деянием» [Ницше 1997, т. 2, с. 424].

или собирает деньги на памятник «Чемпиону цивилизации», украшенный ожерельем из человеческих зубов, которые Айша вырвал у немцев, убитых на поле боя. Эти и аналогичные комедийные перформансы, создаваемые Хуренито, квалифицируют его как законченного циника. Таким образом Хуренито разрушает фундаментальные оппозиции современной цивилизации — между цивилизацией и дикостью, миром и войной, демократией и тиранией, свободой и рабством, моралью и аморальностью. Он и сам говорит Эренбургу: «Неужели ты только что заметил, что я негодяй, предатель, провокатор, ренегат и прочее, прочее?» [Эренбург 1922, с. 267].

Лев Лунц писал о Хуренито: «Для него нет ничего святого, ничего абсолютного, он релятивист до конца. И напрасно в двух-трех местах он мельком говорит, что трубка — это реальность, и пухленькая проститутка — реальность. Надо было или сохранить цельность упрямого всеотвергающего скептицизма, или развить эти случайные фразы и создать из них свою положительную идеологию, нечто в роде знаменитого “credo” того же Рабле: “Fais ce que voudras!”» [Лунц 2003, с. 360]⁶.

Принцип «ничего святого» уподобляет Учителя Антихристу или даже дьяволу. Не случайно при первом появлении Хуренито в кафе «Ротонда» Эренбург принимает будущего учителя за сатану. Однако первый же урок звучит отрезвляюще: «Я знаю, за кого вы меня принимаете. Но его нет» [Эренбург 1922, с. 10]. Когда Эренбург восклицает: «“Хорошо, предположим, что его нет. Но хоть что-нибудь существует?..”, Хулио снова усмехнулся... и вежливо, почти виновато ответил: “Нет”. Это “нет” звучало так, как если бы я попросил у него спички или спросил бы его — читал ли он последний номер газеты “Комедия”?» [Там же, с. 11]. Продолжая, Хуренито добавляет: «...и добра тоже нет. И того, другого, с большой буквы. Придумали. Со скуки нарисовали. Какой же без черта бог?» [Там же]⁷.

Множество стилистических переключек с Ницше позволяет увидеть в перформансах Хуренито реализацию завета Заратустры: «Убивают не гневом, а смехом! Вставайте, помогите нам убить дух тяжести» [Ницше 1997, т. 2, с. 30]. Ср. слова Хуренито: «Оскорбляй святых, преступай заповеди, смейся,

⁶ Аналогично высказывалась и М. Шагинян: «Илья Эренбург отвергает и разрушает все сущее, потому что оно есть ложь, и не только ложь, но вдобавок ложь, прикидывающаяся правдой, т. е. лицемерие. Однако же сам Илья Эренбург не выставляет никаких абсолютных мерил и не фиксирует никаких абсолютных ценностей. Он ни во что не верит, никого не исповедует, ничего не проповедует, кроме разрушения лжи» [Шагинян 1923, с. 148].

⁷ В. Кантор видит в этой сцене «удивительную теодицею, оправдывая Бога тем, что его нет»: «Этому миру Эренбург попытался противопоставить иное понимание — трагической выморочности идей и идеологий, за которые умирать не надо, тем более ни к чему обвинять Бога в том, что он не совершал» [Кантор 2014].

громче смеяться, когда нельзя смеяться, смехом, мукой, огнем расчищай место для него, грядущего, чтобы было для пустого — пустое» [Эренбург 1922, с. 44]⁸.

Вместе с тем, несмотря на «дьявольское» неверие в добро, Хуренито довольно отчетливо уподобляется Христу, хотя и с заметным сдвигом. См. наблюдения Ж. Хетени:

События жизни Учителя подогнаны под общеизвестные эмблематические штампы жизнеописания Иисуса. Хуренито умирает весной в пасхальное время года, в 33 года. Родился он за 12 лет до конца века, умирает в 21-м году, 12 марта. <...> Итальянец Эрколе Бамбуччи становится его последователем в сцене, которая парафразирует и профанирует библейскую сцену чудотворства Христа «встань и иди». Хуренито в конце своей речи перед смертью съедает грушу и вытирает лицо платком — это своеобразная тайная вечеря в обществе учеников, которые скоро откажутся от него: рассказчик предаёт Учителя именно так, как апостол Петр отрекся от Христа. <...> Рассказчик называет обстоятельства смерти «величайшей мистерией», но в конце этой мистерии Учитель уходит в противоположном Христу и небу направлении — он не поднят на крест, а брошен в канаву [Хетени 2000, с. 318].

Сходное амбивалентное сплетение трансгрессивных и сакральных мотивов можно обнаружить и в репрезентации Ивана Бабичева. Его жизнеописание напоминает житие святого, в котором чудеса заменены сугубо трикстерскими проказами, вроде заказного сна о Фарсальской битве, мыльного пузыря величиной с воздушный шар и цветка, выросшего из бородавки. Если Хуренито своими провокациями демонстрирует отсутствие границы между противоположными категориями, относящимся к абстрактным основаниям политического дискурса, то у Ивана стратегия иная — он разрушает границу между фактом и фикцией, обманом и реальностью. Эффект, который проказы Ивана производят на его отца, директора гимназии и латиниста — олицетворение классической парадигмы в культуре — это эффект эпистемологического кризиса, когда невозможно рационально подтвердить или опровергнуть происходящее: «Отец был напуган. Долго затем искал его взгляда, но он прятал глаза <...> Он почернел, — я думал, что он умрет» [Олеша 1974, с. 53].

Более того, если первое из чудес разрешается амбивалентно: отцу не при снилась битва, но лошади снились кухарке, притом что «лошадь видеть ложь» [Олеша 1974, с. 53]. Второе чудо разоблачается самим Иваном — он знал, что «в этот день над городом пролетел аэронавт Эрнест Вителло <...> Надо вам сказать, что опыты мои над мыльными пузырями не привели к тем результатам, о которых я мечтал» [Там же, с. 54]. Однако тут вмещивается повествователь,

⁸ См. также суждение Б. Парамонова: «...Заратустра может считаться литературным предком Хуренито: взят сам тип мудреца-парадоксалиста, романа нет вне монологов Хуренито, он к ним и сводится» [Парамонов 1999, с. 406].

в свою очередь, в скобках подрывающий истинность признания Ивана: «(Факты говорят за то, что в те времена, когда Иван Бабичев был двенадцатилетним гимназистом, воздухоплавание не достигло еще широкого развития, и вряд ли над провинциальным городом устраивались в то время полеты. Но если это и выдумка — то что же! Выдумка — это возлюбленная разума.)» [Олеша 1974, с. 54]. Наконец, третье чудо, в результате которого из бородавки злобной тетки вырос цветок, «скромный полевой колокольчик» [Там же, с. 55] — реальность этого события никак не комментируется, и эпистемологический кризис переносится с персонажей на читателя.

Амбивалентность Ивана как трикстера, таким образом, помещает его в лиминальную зону между фактом и фикцией, а точнее, между рациональным и иррациональным. Как, например, в следующем описании: «Сочинял он стихи и музыкальные пьески, отлично рисовал, множество вещей умел он делать, даже придумал некий танец, рассчитанный на использование внешних своих особенностей: полноты, лености, — был он увалень (как многие замечательные люди в отроческие годы). Назывался танец “Кувшинчик”. Он торговал бумажными змеями, свистульками, фонариками; мальчики завидовали умелости его и славе. Во дворе получил он прозвище “механик”» [Олеша 1974, с. 55]. И далее:

Да был ли он когда-либо инженером? В тот год, когда строился «Четвертак», Иван занимался промыслом малопочтенным, а для инженера — просто позорным. Представьте, в пивных рисовал он портреты с желающих, сочинял экспромты на заданные темы, определял характер по линиям руки, демонстрировал силу своей памяти, повторяя пятьсот любых прочитанных ему без перерыва слов. Иногда он вынимал из-за пазухи колоду карт, мгновенно приобретая сходство с шулером, и показывал фокусы. Его угощали. Он присаживался, и тогда начиналось главное: Иван Бабичев проповедовал [Олеша 1974, с. 56].

В первом описании репутация «механика», умельца, впоследствии инженера, т. е. воплощения рациональности, здесь сочетается с описанием фокусов, более свойственных трикстеру, и проповедей, обличающих в нем потенциального пророка. Как ни странно, интегральным в этом переплетении противоречивых характеристик становится описание *танца* Бабичева как некоего эквивалента его личности. Для читателей Олеси, как и для всего его поколения, весьма сведущего в философии Ницше⁹, акцент на танце не мог не вызвать ассоциацию с известными строками из «Заратустры»: «Я бы поверил только в такого Бога, который умел бы танцевать» [Ницше 1997, т. 2, с. 29]. Разумеется, танец «Кувшинчик» — это, скорее, пародия

⁹ Григорий Фрейдин справедливо отмечал: «Ницше или, если угодно, ницшеанская парадигма была основной составляющей миросозерцания литературной интеллигенции, при этом сосуществовая в наивно-противоречивом согласии с народолобием...» [Фрейдин 1993, с. 233].

на танцующего бога Ницше. Но эта пародийная сакральность согласуется и с тем, как проповеди Ивана Бабичева окружаются ореолом театральности, намеренного остранения героя от занимаемой им позиции: «Да был ли он когда-либо инженером? Да не врал ли он? Как не вязалось с ним представление об инженерской душе, о близости к машинам, к металлу, чертежам! Скорее его можно было принять за актера или попа-расстригу. Он сам понимал, что слушатели не верят ему. Он и сам говорил с некоторым поигрыванием в уголке глаза» [Олеша 1974, с. 57].

Вместе с тем сакральность Ивана находит продолжение в «слухе» — а вернее, легенде — о его появлении на свадьбе у инкассатора на Якиманке:

Сочинен был рассказ о том, как пришел на свадьбу к инкассатору, на Якиманку, неизвестный гражданин (в котелке, — указывались подробности, — потертый, подозрительный человек — не кто иной, как он, Бабичев Иван) и, представ перед всеми в самом разгаре пира, потребовал внимания, с тем чтобы произнести речь — обращение к новобрачным. Он сказал:

— Не надо любить вам друг друга. Не надо соединяться. Жених, покинь невесту! Какой плод принесет вам ваша любовь? Вы произведете на свет своего врага. Он сожрет вас.

Жених полез будто в драку. Невеста грохнулась оземь. Гость удалился в большой обиде, и тотчас же будто обнаружилось, что портвейн во всех бутылках, стоявших на пиришественном столе, превратился в воду [Олеша 1974, с. 59].

Эта сцена, разумеется, пародирует первое чудо Христа — в Кане Галилейской. И не только тем, что Иван не превращает воду в вино, а наоборот, вино — в воду. Допрос в ГПУ, во время которого Иван называет себя «королем пошляков» (позднее он назовет себя «королем подушек»), аналогично резонирует с допросом Христа Пилатом и утвердительным ответом арестованного на вопрос о том, является он «царем иудейским».

Снижение, являясь источником комизма, имеет и иной смысл. Чудо в Кане Галилейской обращено на частную жизнь и поэтому обычно интерпретируется как «пробное», предварительное чудо Христа, который в ответ на просьбу Богоматери отвечает: «...что Мне и Тебе, жено? еще не пришел час Мой» (Иоанн, 2:4). Шутовской Христос в чаплинском котелке — это, конечно, не то же самое, что Великий Провокатор, но радикализм Ивана определяется как раз тем, что для него «невеликая» частная жизнь и есть самое главное «поле чудес»: именно здесь, по его убеждению, произошла антропологическая катастрофа, и именно о ней возвещают его проповеди. Смысл проповедей Ивана можно понять как противоположный эренбургскому тотальному скептицизму по отношению ко всему святому и укорененному в традиции. Однако это не так.

Появившись на воображаемом митинге в честь открытия «Четвертака» (в «Сказке о встрече двух братьев»), Иван произносит проповедь о подушке — сниженную версию Нагорной проповеди:

...Что говорил он [Андрей Бабичев]? Он издевался над кастрюлями вашими, над горшочками, над тишиной вашей, над правом вашим всовывать соску в губы детей ваших... Он учит вас забывать что? Что хочет вытолкнуть он из сердца вашего? Родной дом — дом, милый дом! Бродягами по диким полям истории он хочет вас сделать <...> Вот подушка. Я король подушек. Скажите ему: мы хотим спать каждый на своей подушке. Не трогай подушек наших! Наши еще не оперившиеся, куриным пухом рыжеющие головы лежали на этих подушках, наши поцелуи попадали на них в ночи любви, на них мы умирали, — и те, кого мы убивали, умирали на них. Не трогай наших подушек! Не зови нас! Не мани нас, не соблазняй нас. Что можешь ты предложить нам взамен нашего умения любить, ненавидеть, надеяться, плакать, жалеть и прощать?.. Вот подушка. Герб наш. Знамя наше. Вот подушка. Пули застревают в подушке. Подушкой задушим мы тебя... [Олеша 1974, с. 77].

Защищая повседневность и укорененность в ней индивидуальной (семейной) судьбы, Иван, в сущности, говорит о том же, о чем говорит Хуренито: «Не люди приспособились к войне, война приспособилась к людям. Из урагана она превратилась в сквозняк. <...> Зато уничтожить эту приспособившуюся войну нельзя. <...> Она будет менять свои формы, как ручей, порой скрываться под землей и напоминать до отвратительности трогательный мир. <...> Война не будет войной, она умело рассосется по сердцам; ограда города, забор дома, порог комнаты станут фронтами» [Олеша 1974, с. 167]. Обытовление войны и рутинизация насилия означают, с одной стороны, разрушение повседневности, а с другой — войну между членами одной и той же семьи. И то и другое происходит в «Зависти». Поэтому Бабичев не опровергает, а, скорее, уточняет и корректирует направление революции, олицетворяемой Хуренито.

Однако война поколений внутри семьи («Вы произведете на свет вашего врага»), которую прокликает Иван, начата его собственным поколением — его отношения с отцом и предполагаемые «бунты» его братьев (Андрея и погибшего брата-революционера Романа) тому свидетельством. Да и его собственная война с Андреем, а Вали с ним самим продолжает ту же логику. И если поколение братьев Бабичевых воплощает ницшевскую попытку «превзойти человека», сохраняя при этом верность ценностям индивидуальной свободы, то следующее за ним поколение Володи Макарова и Вали стремится «превзойти» и эти пределы — став безличной машиной, которая, как нетрудно догадаться, уничтожит отцов. Именно этот прогноз реализован, но не Четвертаком, а Офелией, которая в «Сказке о встрече двух братьев» убивает Андрея Бабичева, а в финальном бреде Кавалерова — Ивана. Если Андрей создает Четвертака как прообраз идеального общества, питающего человека и не претендующего на власть над ним, то Иван в Офелии создает пародийный и страшный образ «нового человека» — объединившего сверхвозможности машины с нормальными, неизбывными страстями рода человеческого. Такое сочетание порождает супер-убийцу, чья мощь обращена в первую очередь

на тех, кто создал и воспитал, на тех, кому принадлежит власть (по крайней мере, символическая) — на отцов и учителей.

А то, что возможности этого нового человека будут обращены именно на убийства, следует из рутинизации войны, о которой шла речь выше. И если Володя Макаров еще не убивает, а только играет в футбол и лишь полушутливо, из ревности к Кавалерову, угрожает Бабичеву: «Тогда я убью тебя, Андрей Петрович» [Олеша 1974, с. 46], то Хуренито видит нового человека как тип, много позже описанный Ханной Арендт в книге «Эйхман в Иерусалиме»: «...не хочется в последние мои часы прозреть иное, следующее, туманное. Вот идет человек с папкой бумаг. У него сзади в кармане браунинг. Не бойтесь, это не бандит, но честный чиновник. Утром он отстучал нечто на машинке за номером и расстрелял человека, с ним несогласного. Сейчас он пообедал и бодро идет на заседание» [Эренбург 1922, с. 207].

Тем не менее и Хулио Хуренито, и Иван Бабичев повержены их авторами — в первом случае трагически (хотя и не без снижающих обертонов), во втором — откровенно фарсово. Разочарованный Хуренито, вместо героического финала, выбирает «пошлую» смерть за пару английских сапог. Иван погибает от жала Офелии в видении Кавалерова, а наяву, оставшись в живых, унижительно сослан автором на кровать Анечки Прокопович.

Почему? В «Хулио Хуренито» герой убеждается в том, что даже самая сокрушительная революция заканчивается восстановлением той самой репрессивной рутины, против которой был направлен бунт:

Учитель нигде не работал, ничего не делал, курил беспрерывно махорку и глядел прямо перед собой невидящими, остановившимися глазами. Мне он сказал: «Один поэт написал книгу “Лошадь как лошадь”. Если продолжать, — можно добавить “Государство как государство”. Мистер Куль — в почете. Эрколе — курьер. На рассыпных папиросах и на морковном кофе герб мятежной республики “РСФСР”. Французы написали на стенах тюрем: “Свобода — Равенство — Братство”, здесь на десяти тысячных ассигнациях, которыми набивают себе карманы спекулянты и подрядчики, революционный клич: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Я не могу глядеть на этот нелетающий самолет! Скучно!» [Эренбург 1922, с. 303].

В «Зависти» же поворотным моментом становится отказ от *братоубийства*. Когда Иван понимает, что — сам не зная того — благословил Кавалерова на убийство Андрея, он сравнивает себя с Эдипом (параллель, «возбужденная» якобы случайным упоминанием Иокасты в начале повести) — причем Эдипом, ослепляющим себя, то есть принимающим самонаказание за невольное преступление: «Валя, выколи мне глаза. Я хочу быть слепым, — говорил он, задыхаясь, — я ничего не хочу видеть: ни лужаек, ни ветвей, ни цветов, ни рыцарей, ни трусов, — мне надо ослепнуть, Валя. Я ошибся, Валя...» [Олеша 1974, с. 82].

В сущности, Иван убеждается в том, что его бунт по своей логике ничем не отличается от того, против чего он восстает, — от переноса войны и вражды в семейные отношения, в повседневный быт. Аналогичный смысл приобретает и замечательное по своей пророческой силе объявление Хуренито о «торжественных сеансах уничтожения иудейского племени в Будапеште, Киеве, Яффе, Алжире и во многих иных местах» [Эренбург 1922, с. 110] — как обозначение того страшного горизонта, к которому устремлена цивилизация, привыкшая к войне.

Таким образом, и Хулио Хуренито, и Иван Бабичев, великолепные трикстеры-учителя, терпят поражение, когда убеждаются, что мир, впитавший в себя войну и превративший войну во внутрисемейный быт, этот мир не поддается их методам интеллектуального бунта. Являясь в известной степени последствием начатого ими подрыва заскоружлых устоев, новый мир, во-первых, воспроизводит всё те же устои, а во-вторых, сплетает их с циничным презрением к человеку и человеческой жизни. «Ученики», плоть от плоти нового мира, превосходят «учителей» в своем цинизме, перешагивая через границы, от которых «учителя» отшатываются (Бабичев и братоубийство, Хуренито и предвосхищаемый им Холокост), и, доводя до логического итога полученные ими уроки, «ученики» готовы к убийству «учителей».

«Ученики»

Как ни странно, но ближе всех к мифологическому трикстеру стоит Шариков Булгакова. Это странно именно потому, что трикстер в советской культуре однозначно воспринимается как привлекательный персонаж, тогда как Шариков столь же однозначно написан как герой, вызывающий отвращение и негодование автора и читателя. Но именно Шариков наиболее полно соответствует той модели трикстера, которую К.-Г. Юнг опишет почти через тридцать лет после создания «Собачьего сердца» в статье «О психологии образа трикстера», вышедшей в коллективной монографии 1956 года, с которой, собственно, и начинается научное изучение трикстера. По Юнгу, трикстер представляет собой отражение «абсолютно недифференцированного человеческого сознания, которое соответствует душе, едва оставившей животный уровень» [Радин 1999, с. 271]. Однако при этом трикстер также является «одновременно Богом, человеком и животным»:

Он и недочеловек, и сверхчеловек, бестия и божество, а самая главная и бросающаяся в глаза его черта — его бессознательность. Поэтому его и оставляют (очевидно, человеческие) товарищи — он опустился ниже уровня их сознания. Он настолько не осознает себя, что даже в его теле нет единства: его руки дерутся друг с другом. Он отделяет от себя анус и доверяет ему выполнение определенного задания. <...> Из своего пениса он делает всевозможные полезные растения. Это

демонстрирует нам его изначальную сущность Творца, ибо мир был создан из тела бога. С другой стороны, он во многих отношениях глупее животных и постоянно попадает то в одну, то в другую нелепую ситуацию. Хотя он и не зол по-настоящему, он вытворяет самые жестокие вещи лишь из откровенной бессознательности и несвязанности <...> Трикстер — это примитивное космическое существо божественно-животной природы, с одной стороны, превосходящее человека благодаря своим сверхчеловеческим качествам, а с другой — уступающее ему из-за своего неразумия и бессознательности [Радин 1999, с. 277–278].

Этот набор характеристик действительно многое объясняет в логике «Собачьего сердца». Трансформация животного в трикстера проливает свет на разрыв между симпатичным Шариком и бездумным разрушителем-Шариковым. Формула: «Бог + человек + животное» вполне описывает Шарикова как синтез Шарика, Клим Чугункина и творческого гения профессора Преображенского («Во время этих обедов Филипп Филиппович окончательно получил звание божества» [Булгаков 1999, с. 513]; «Профессор Преображенский, вы — творец!!» [Там же, с. 525]). Синтез, в котором, как доказывает Булгаков, побеждает Клим Чугункин, чьи черты активируют худшие свойства животного (бессознательного) и полностью вытесняют «супер-эго» рациональности, воплощенной Преображенским.

Преображенский, а вслед за ним и постсоветский читатель видит в Шарикове лишь недочеловека: «Вы стоите на самой низшей ступени развития, — перекричал Филипп Филиппович, — вы еще только формирующееся, слабое в умственном отношении существо, все ваши поступки чисто звериные, а вы в присутствии двух людей с университетским образованием позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой подавать советы космического масштаба и космической же глупости о том, как надо все поделить, и вы в то же время наглотались зубного порошку!..» [Булгаков 1999, с. 540]. Вместе с тем, в этом трикстере несомненны и черты «божества». Дело лишь в том, что демиургические свойства трикстера переведены Булгаковым на язык политики, и примитивные рефлексy человека-собаки представлены в повести как строительный материал, из которого создается (усилиями Швондера и ему подобных) новое советское мироздание.

Наконец, юнговская концепция трикстера также проливает свет на двойнические отношения, связывающие Шарикова и Преображенского («спасителя»): и тот и другой претендуют на роль божества, превзошедшего возможности обычного человека. Правда, если сверхсила Преображенского представлена как концентрированное выражение модерности с ее властью науки, то сверхсила Шарикова, напротив, состоит в полном отказе от каких бы то ни было ограничений, предполагаемых современной цивилизацией: «Всё у вас как на параде. <...> Мучаете себя, как при царском режиме» [Булгаков 1999, с. 538].

Думается, и Булгаков, а впоследствии Юнг, в своей интерпретации трикстера — как и Эренбург, Олеса, а также, конечно, Бабель, — во многом следовали за Ницше, а точнее, за его Заратустрой, учившим: «Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком — канат над пропастью. <...> В человеке важно, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход и гибель*» [Ницше 1997, т. 2, с. 9]. И далее: «Я говорю вам: нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас есть еще хаос» [Там же, с. 11] или: «Посмотри на добрых и праведных! Кого ненавидят они больше всего? Того, кто разбивает их скрижали ценностей, разрушителя, преступника — но это и есть созидатель!» [Там же, с. 16].

Трикстер с его хаотической амбивалентностью, трансгрессией и лиминальностью, перформативно явленной свободой, а также скрытой или явной сакральной семантикой, таким образом, наиболее полно реализует ницшеанскую концепцию личности. Прорастание такого понимания трикстера можно увидеть и в более ранних культурных феноменах, таких как «Мелкий бес» Сологуба (с дихотомией Передонова/Саши Пыльникова) или концепция театральности, созданная Николаем Евреиновым¹⁰, или блоковские декларации о «человеке-артисте». Негативный трикстер-революционер-провокактор Липпанченко появляется и в «Петербурге» Белого. Революция придает этой проблематике политическую остроту — прежде всего в связи с дебатами о «новом человеке».

С этой точки зрения Преображенский и Шариков представляют движение по канату в противоположные стороны — к сверхчеловеку (Преображенский) и к животному (Шариков). Однако и в том и в другом случае каждый из персонажей воплощает свою собственную концепцию свободы, и, собственно говоря, столкновение этих концепций и образует стержень «Собачьего сердца». Примечательно, что обе эти концепции понимаются Булгаковым как тупиковые.

Обратная операция над Шариковым, как бы стирающая первую (и сопровождаемая сожжением истории болезни), подтверждает вывод Преображенского: «Можно, конечно, привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лучшего и соорудить из собаки чрезвычайно высоко стоящего. Но на какого дьявола, спрашивается? Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно? <...> Мое открытие, черти б его съели, с которым вы носитесь, стоит ровно один ломаный грош...» [Булгаков 1999, с. 547]. Иначе говоря, Булгаков (возможно, неожиданно для самого себя) приходит к разочарованию в рациональности как основании модернистской свободы.

¹⁰ О связи теории Евреинова с Ницше пишет В. Максимов в статье «Философия театра Николая Евреинова» [Максимов 2002].

А Шариков как зеркальное — с наоборотной точностью — подобие Преображенского воплощает ницшевскую метафору: «Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором» [Ницше 1997, т. 2, с. 8]. С одной стороны, налюбовавшись на посмешище и мучительный позор, сверхчеловек Преображенский решает повернуть назад — к обыкновенному человеку. С другой — выходит, что Шариков этот самый обыкновенный человек и есть; обыватель — он же трикстер, то есть «и недочеловек, и сверхчеловек, бестия и божество».

В этом, собственно, и состоит важнейшее открытие «Собачьего сердца»: как доказывает Булгаков, благодаря революции трикстер, воплощение бес-сознательного, воплотил социальную *норму* существования — будучи персонализацией трансгрессии, он парадоксальным образом задал новые границы обыденности¹¹. В этой новой лиминальной обыденности модернистский бунт против отцов-учителей превращается в банальный донос, использующий политические обвинения («приказал своей социал-прислужнице Зинаиде Прокофьевой Буниной», «как явный меньшевик со своим ассистентом») для захвата жилплощади.

Происходит это, скорее всего, в силу того, что обыденность пропиталась чертами лиминальности — именно это состояние Эренбург описывал как призывание войны к людям, именно против нового быта — превратившего безытность катастрофы в повседневность — были направлены проповеди Ивана Бабичева. Именно против этой новой нормы, определяемой термином «разруха», протестует Преображенский — и своим размеренным бытом, и своим знаменитым монологом. Но и он обречен на поражение, о чем, собственно, и свидетельствует сюжет «Собачьего сердца».

Персонажи, подобные Шарикову, такие как герои Эрдмана и Зоценко, как правило, не вызывают ассоциаций с трикстером, даже несмотря на явную склонность к плутовству и трансгрессиям. Думается, это свидетельствует о том, что «юнговская» модель трикстерства почему-то не прижилась в советской культуре. Почему? Наверное, потому, что с трикстером и трикстерской свободой связывается прежде всего представление о сверхчеловеческом (в ницшевском смысле) преодолении «нормы» изнутри советской лиминальной

¹¹ К аналогичному пониманию приходит и Алексей Толстой в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1923). Елена Толстая отмечает, что главный герой «Ибикуса», «который замышлялся как еврейский нувориш, сделан русским “маленьким человеком”» [Толстая 2006, с. 439]. В этой трансформации мне видится существо замысла Толстого. Еврейское происхождение героя было отброшено как возможное обоснование его исключительности, тогда как автору важно было показать, как безумные обстоятельства с железной необходимостью превращают скромного обывателя, лишённого трикстерских склонностей и талантов, во вдохновенного и, в конечном счете, удачливого самозванца и плута.

обыденности — представление, персонифицированное Остапом Бендером и его последователями. Одесско-еврейско-криминальная генеалогия этого персонажа¹² прямо связывает его с «Одесскими рассказами» Бабеля, в которых образ трикстера младшего поколения, свергающего иго «отцов», окрашен в тона, контрастные по отношению к Шарикову.

Криминальная среда представляет собой прототип взаимопроникновения лиминальности и повседневности как той (революционной) почвы, на которой окрашенный в ницшеанские тона трикстер становится воплощением нормы. Однако бабелевский трикстер — Бенья Крик — ни в коем случае не воплощает норму. Напротив, он вырастает в фигуру плебейского сверхчеловека — короля криминальной Одессы.

При этом Бенья Крик меньше всего похож на трикстера — он никого не обманывает и не претерпевает превращений (он сразу же «дан» как готовый персонаж). И однако же он трикстер — не только по профессии (вор — традиционный вариант трикстера), но и в силу своей амбивалентности (грабитель и убийца как эпический герой), и по своим «проделкам» (поджог полицейского участка), и по своему *владению языком*. Э. Дуэйхи (Anne Doueïhi) утверждает, что «истории о трикстерах показывают, что обычно условная реальность — это иллюзорная конструкция, порожденная особой, однозначной интерпретацией знаковых явлений» [Doueïhi 1993, p. 198]¹³. Этот принцип вообще характерен для рассказов о трикстере и может быть понят как ключ к «неправильному», русско-еврейскому, комически-возвышенному стилю «Одесских рассказов»: «Черты, обычно приписываемые плуту, — противоречивость, сложность, обманчивость, лукавство — присущи самому рассказу. Если трикстер нарушает все правила, то и с языком рассказа происходит то же самое: он нарушает правила повествования самим порядком изложения истории» [Ibid., p. 200]¹⁴. Показательно, что в «Одесских рассказах» правила повествования явно и подчеркнута нарушены: середина Бениного пути предшествует его началу, причем и тут и там Бенья женится — хотя и на разных девушках. Бабель, по-видимому, имитирует фольклорный «куст» рассказов о любимом герое, который строится по парадигматическому, а не синтагматическому принципу.

Сам Бенья Крик добивается сходного эффекта обнажения языковой природы реальности несколько иным путем. Как известно, он «говорит мало, но говорит смачно» [Бабель 1990, т. 1, с. 128]. При этом практически каждая его фраза,

¹² См. об этом: [Одесский, Фельдман 2015, с. 52–63], а также «Алмазный мой венец» В. Катаева и статью Н. Камышниковой-Первухиной «Остап» [Камышникова-Первухина 2009].

¹³ Пер. с англ. Н. Н. Шабаловой. (Сходная интерпретация трикстера предлагается в статье: [Marin 1977].)

¹⁴ Пер. с англ. Н. Н. Шабаловой. (В принципе то же можно сказать и о Шарикове — его невладевание культурными и языковыми конвенциями обнажает лингвистическую конструкцию социальной реальности.)

звучащая в рассказах, прямо или косвенно дублируется либо повествователем, либо автором. Приведем несколько примеров.

— Папаша, — ответил Король пьяному отцу, — пожалуйста, выпивайте и закусывайте, пусть вас не волнует этих глупостей...

И папаша Крик последовал совету сына. Он закусил и выпил [Бабель 1990, т. 1, с. 124].

— Попробуй меня, Фроим, — ответил Бенья, — и перестанем размазывать белую кашу по чистому столу.

— Перестанем размазывать кашу, — ответил Грач, — я тебя попробую [Бабель 1990, т. 1, с. 128].

— Я подумаю, — ответил ей Бенья, закрывая простыней Катюшины голые ноги, — я подумаю, пусть старик обождет меня.

— Обожди его, — сказала Любка Фроиму, оставшемуся в коридоре, — обожди его, он подумает... [Бабель 1990, т. 1, с. 144].

Очень показательно этот прием разворачивается в рассказе «Король», где Бенья употребляет выражение «Это дважды два»: «— Если у меня не будет денег — у вас не будет коров, мосье Эйхбаум. Это дважды два» [Бабель 1990, т. 1, с. 122]. «Дважды два» сначала превращается в коров Эйхбаума, поделенных пополам (т. е. на два), а затем оборачивается двумя днями, после которых «Бенья без предупреждения вернул Эйхбауму все забранные деньги и после этого явился вечером с визитом» [Там же].

Это прием иронически воспроизводит библейскую риторику, подчеркивая отсутствие разрыва между Бениными словами — какими бы цветистыми они ни были — и реальностью. Его слова порождают реальность, реальность возникает как материализация Бениного языка — это и есть его «воля к власти» (Ницше):

— Что сказать тете Хане за облаву?

— Скажи: Бенья знает за облаву [Бабель 1990, т. 1, с. 121].

То, что «Бенья знает за облаву», моментально реализуется в поджоге полицейского участка в тот самый момент, когда новый пристав хочет устроить облаву на молдаванских бандитов, собравшихся на свадьбе у Бениной сестры Двойры. Обещание в письме к Эйхбауму такого, «что это не слышано, и вся Одесса будет о вас говорить» [Бабель 1990, т. 1, с. 121], оборачивается грандиозным налетом, закончившимся действительно невиданным: женитьбой Бени на дочери Эйхбаума.

Этот же прием «обнажен» и в следующей сцене, в которой Бенья просит руки Цили у ее отца:

— Слушайте, Эйхбаум, — сказал ему Король, — когда вы умрете, я похороню вас на первом еврейском кладбище, у самых ворот. Я поставлю вам, Эйхбаум,

памятник из розового мрамора. Я сделаю вас старостой Бродской синагоги. Я брошу специальность, Эйхбаум, и поступлю в ваше дело компаньоном. У нас будет двести коров, Эйхбаум. Я убью всех молочников, кроме вас. Вор не будет ходить по той улице, на которой вы живете. Я выстрою вам дачу на шестнадцатой станции... И вспомните, Эйхбаум, вы ведь тоже не были в молодости раввином. Кто подделал завещание, не будем об этом говорить громко?.. И зять у вас будет Король, не сопляк, а Король, Эйхбаум...

И он добился своего, Бенья Крик, потому что он был страстен, а страсть властвует над мирами [Бабель 1990, т. 1, с. 122].

Весь этот монолог кажется противоречивым, но на самом деле он весьма методично сокращает социальную дистанцию между налетчиком и богатым еврейским предпринимателем. Сначала Бенья самонадеянно распоряжается местами на кладбище (что звучит как плохо скрытая угроза), а самого Эйхбаума назначает старостой синагоги при кладбище. При этом себя он делает компаньоном будущего тестя («У нас будет двести коров, Эйхбаум»), а затем, несмотря на обещание «бросить специальность», объясняет будущий успех их совместного предприятия именно своими криминальными талантами: «Я убью всех молочников, кроме вас. Вор не будет ходить по той улице, на которой вы живете». Наконец, он напоминает Эйхбауму о его собственном криминальном прошлом: «Кто подделал завещание, не будем об этом говорить громко?..» Именно с помощью этих риторических жестов, *уравнивающих* Бенью и Эйхбаума, Бенья и добивается необходимого эффекта — он и Эйхбаум становятся *родственниками*, отчего Эйхбаум и присутствует на свадьбе Бениной сестры Двойры.

Вместе с тем к Бене, несмотря на его кажущуюся власть над реальностью, вполне приложимо бахтинское определение шута, плута и дурака — т. е. вариантов трикстера — из «Форм времени и хронотопа в романе»:

...Самое бытие этих фигур имеет не прямое, а переносное значение: самая наружность их, все, что они делают и говорят, имеет не прямое и непосредственное значение, а переносное, иногда обратное, их нельзя понимать буквально, они не есть то, чем они являются; в-третьих, наконец, — и это опять вытекает из предшествующего, — их бытие является отражением какого-то другого бытия, притом не прямым отражением. Это — лицедеи жизни, их бытие совпадает с их ролью, и вне этой роли они вообще не существуют [Бахтин 1975, с. 309].

Лицедейство Бени постоянно подчеркивается повествователем. Театрален сам наряд Короля, неотличимый от наряда его воинства: «Он был одет в оранжевый костюм, под его манжеткой сиял бриллиантовый браслет» [Бабель 1990, т. 1, с. 122]; «Аристократы Молдаванки, они были затянуты в малиновые жилеты, их плечи охватывали рыжие пиджаки, а на мясистых ногах лопалась кожа цвета небесной лазури» [Там же, с. 123]. В сущности, здесь можно увидеть

и ироническое (чересчур прямолинейное) осуществление тезиса Ницше о возможности только эстетического оправдания бытия: «...только как эстетический феномен бытие и мир *оправданы* в вечности...» [Ницше 1997, т. 1, с. 75]¹⁵. Тому подтверждением служат и многочисленные примеры театрализации жизни, рассыпанные по «Одесским рассказам».

Ограбление конторы Тартаковского сопровождается ремаркой: «и началась опера в трех действиях» [Бабель 1990, т. 1, с. 131]. Бенья разъезжает по городу в машине с музыкальным ящиком, играющим марш из оперы «Смейся, паяц!» (опера, конечно, называется просто «Паяцы»). Его монологи — обращенный к неутешной тете Песе, а затем над могилой Мугинштейна — это крайне театральные монологи, почти арии: «— Мосье Тартаковский, — ответил ему Бенья Крик тихим голосом, — вот идут вторые сутки, как я плачу за дорогим покойником, как за родным братом. Но я знаю, что вы плевать хотели на мои молодые слезы. Стыд, мосье Тартаковский, — в какой несгораемый шкаф упрятали вы стыд? Вы имели сердце послать матери нашего покойного Иосифа сто жалких карбованцев. Мозг вместе с волосами поднялся у меня дыбом, когда я услышал эту новость» [Там же, с. 132–133]. Разумеется, в высшей степени театральны и двойные похороны Мугинштейна и «неизвестного вам, но уже покойного Савелия Буциса» [Там же, с. 137], оборачивающиеся коронацией Бени:

Таких похорон Одесса еще не видала, а мир не увидит. Городовые в этот день одели нитяные перчатки. В синагогах, увитых зеленью и открытых настежь, горело электричество. На белых лошадях, запряженных в колесницу, качались черные плюмажи. Шестьдесят певчих шли впереди процессии. Певчие были мальчиками, но они пели женскими голосами [Бабель 1990, т. 1, с. 134].

Не менее театрален проход Бени перед горящим полицейским участком в рассказе «Король»:

Бенья, проходя мимо пристава, отдал ему честь по-военному.
— Доброго здоровьичка, ваше высокоблагородие, — сказал он сочувственно.
— Что вы скажете на это несчастье? Это же кошмар...
Он усталился на горящее здание, покачал головой и почмокал губами:
— Ай-ай-ай... [Бабель 1990, т. 1, с. 126]

Читатель помнит, что ради этого «театра для себя» Бенья не поленился оставить свадьбу. Но его «парад» («отдал ему честь по-военному») подготовлен военными мотивами, пронизывающими сцену свадьбы: «Нездешнее вино... вызывало отрыжку, звучную, как призыв боевой трубы. <...> Оркестр играл туш. Это было как дивизионный смотр. Туш — ничего кроме туша. <...> Лева Кацап разбил на голове своей возлюбленной бутылку водки, Моня Артиллерист

¹⁵ Курсив автора — Ф. Ницше.

выстрелил в воздух. <...> узкий, как шпага, язык пламени» [Бабель 1990, т. 1, с. 123].

Театральна демонстрация сексуальной мощи Бени в рассказе «Отец», представленная через восприятие единственного зрителя — вернее, слушателя этого спектакля — Фроима Грача, который хочет выдать за Бени свою перезревшую дочь. Его ожидание, конечно, является расплатой за издевательское испытание Бени на Тартаковском («все, в ком еще квартировала совесть, покраснели, услышав это решение» [Бабель 1990, т. 1, с. 128]), но не это главное. Являясь прямой реализацией слов Арье-Лейба: «Вы можете переночевать с русской женщиной, и русская женщина останется вами довольна» [Там же, с. 127] — эта сцена, вместе с тем, возбуждает ассоциативную связь и со следующей, «нищенской» характеристикой Бени: «Если бы к небу были приделаны кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы небо к земле» [Там же].

Последний пример особенно показателен, поскольку он проясняет природу Бениного лицедейства, «переносный смысл» всех его поступков. Перед нами трикстер, играющий нищенского сверхчеловека — так, как он его понимает, по оперному или военному образцу. «Преодоление человеческого», явленное Королем, вызывает не только восхищение, но и ужас: не случайно устроенные Бени похороны/коронация сопровождаются следующей реакцией: «...люди, тихонько отойдя от Савкиной могилы, бросились бежать, как с пожара. Они летели в фаэтонах, в телегах и пешком» [Бабель 1990, т. 1, с. 136].

Превосходство над нормой выражается, прежде всего, в том, как Бени расправляется с «отцами» — с собственным отцом Менделем Криком (рассказ и пьеса «Закат»), с главой бандитов Фроимом Грачом («Отец»), с социальными авторитетами — Тартаковским, Эйхбаумом, полицейским приставом. Бени безусловно стоит выше морали: в высшей степени показателен тот факт, что кажущееся противоречие — в рассказе «Отец» Бени женится на дочери Грача, а в рассказе «Король» на дочери Эйхбаума — никак не обсуждается рассказчиком. Король имеет на это право.

Надо заметить, что сверхчеловеческие амбиции Бени довольно часто резонируют с «все поделить» Шарикова. В сфере «королевской» деятельности находится не только «перераспределение» богатства внутри еврейской общины¹⁶, но и поддержание симметричного «баланса» обид и «ответок». Навязанная Бени женитьба на дочери Фроима Грача с лихвой уравнивается браком сестры Бени с купленным на деньги Эйхбаума мальчиком и женитьбой самого Бени на дочери Эйхбаума. Смерть Мугинштейна — смертью Савки Бучиса.

¹⁶ Илья Герасимов показывает, что Бабель весьма точно изображает логику еврейской преступности в Одессе 1910-х годов. Историк характеризует ее как особую форму социальной «самоорганизации и даже самоуправления (на уровне банд)» в ситуации национальной дискриминации и социального расслоения (см.: [Герасимов 2004]).

Власть отца, прозванного Погромом, останавливается зверским избиением Менделя его взрослыми детьми — Бней, Левкой и Двойрой. Отказ Каплунов женить сына на Басе Грач компенсируется данью и последующим разорением дома Каплунов, ставшими пунктами в «брачном контракте» между Фроимом Грачом и Бней.

Однако разрушительная энергия Шарикова в репрезентации Бени Крика вырастает в означающее сакрального, поскольку сакральное начало, присущее трикстеру, в «Одесских рассказах» реализуется через мотив траты — в том числе и человеческих жизней. Ретроспективно этот мотив резонирует с философией Ж. Батая, представляя собой демонстрацию предельной свободы — от всего, что почитается ценностью. По Батаю, потлач, т. е. трата, «позволяет дарящему субъекту превосходить себя, а взамен подаренного предмета приобретает превосходство. <...> Он обогащается презрением к богатству, и то, чего он алчет, становится результатом его щедрости» (см.: [Батай 2006, с. 149]). Для Бабеля этот мотив, несомненно, вызывал ассоциации с Ницше: с волей к власти и пафосом свободы от мещанских добродетелей.

У Бабеля трата пышна и эстетически самодостаточна. Ее выразительным ритуалом становится сцена налета на Эйхбаума в рассказе «Король»: «Девять пылающих звезд зажглись на скотном дворе Эйхбаума. Бенья отбил замки у сарая и стал выводить коров по одной. Их ждал парень с ножом. Он опрокидывал корову с одного удара и погружал нож в коровье сердце. На земле, залитой кровью, расцвели факелы, как огненные розы, и загремели выстрелы» [Бабель 1990, т. 1, с. 122]. Хронотопом траты становится в «Одесских рассказах» пир (в «Короле» и «Закате») и кладбище (в «Как это делалось в Одессе» и «Отце»). Кладбище недаром является местом Бениного триумфа — именно кладбищенский нищий становится эпическим рапсодом, воспевающим Бенины подвиги. И это не случайно: Бенина философия растраты распространяется и на человеческую жизнь, как это видно из его речи над могилой Мугинштейна. Здесь прямо дискредитируется представление о достоинстве честной жизни: «честный труженик, погибший за медный грош» и «за весь трудящийся класс» — в своей жизни он «видел пару пустяков. Чем занимался он? Он пересчитывал чужие деньги» [Бабель 1990, т. 1, с. 135]. «Честный труженик» «страдает за всех тех, кто пьет водку, не умея пить ее» [Там же, с. 136] — в отличие от тех, кто, подобно самому Бене, «получает удовольствие от горя и радости» [Там же]. Жизнь «честного труженика» поэтому предназначена для жертвоприношения. Как, впрочем, и жизнь его бездумного убийцы.

Сам Бенья Крик убит выстрелом в затылок в финале киносценария для одноименного фильма (1926). Но этот Бенья вовсе не трикстер, а «просто» бандит и убийца, практически неотличимый от Фроима Грача (они и убиты вместе). Что же касается Бени «Одесских рассказов», то он, укорененный в эстетически самодостаточной трате, в отличие от всех остальных трикстеров в литературе

этого периода — избегает прямого поражения. Два поздних рассказа, «Конец богадельни» (1932) и «Фроим Грач» (1933) обычно не включаются в цикл (хотя «Конец богадельни» печатался с подзаголовком «Из одесских рассказов»), но фактически завершают его. Во «Фроиме Граче» небрежно расстрелян красноармейцами «истинный глава сорока тысяч еврейских воров» [Бабель 1990, т. 2, с. 258], пришедший в ЧК договариваться о судьбе арестованных налетчиков. И если для расстрелявшего его красноармейца «все одинакие» [Там же], то для следователя ЧК Борового, не знающего ответа на вопрос «зачем нужен этот человек в будущем обществе» [Там же, с. 259], Фроим Грач дорог именно как *герой* трикстерского эпоса: «Он сделал усилие и прогнал от себя воспоминание. Потом, оживившись, он снова начал рассказывать чекистам, приехавшим из Москвы, о жизни Фроима Грача, об изворотливости его, неуловимости, о презрении к ближнему, все эти удивительные истории, отошедшие в прошлое...» [Там же]. В «Конце богадельни» советские начальники морят голодом, обманывают, а затем изгоняют с кладбища — важнейшего из хронотопов «Одесских рассказов» — *рапсодов и хранителей* этого эпоса, кладбищенских нищих и, среди них, Арье-Лейба.

Боровой подчеркивает, что «одноглазый Фроим, а не Бенья Крик был истинным главой сорока тысяч одесских воров. Игра его была скрыта, но все совершалось по планам старика — разгром фабрик и казначейства в Одессе, нападения на добровольцев и на союзные войска». Иначе говоря, Фроим сохранил роль «отца», несмотря на видимые триумфы Бени Крика. Та же роль «старших», хранителей памяти и учителей повествователя в «Короле» и «Как это делалось в Одессе» сохраняется и за кладбищенскими нищими. Следовательно, большевики лишь завершают тот бунт против отцов и авторитетов, который начинал Бенья. И та спокойная жестокость, с которой новые власти убивают Грача («— У меня они все одинакие, — упрямо повторил красноармеец помоложе, — все на одно лицо, я их не разбираю...» [Бабель 1990, т. 2, с. 258]), и с которой выгоняют на улицу стариков-нищих («И вот этих убрать. — Заведующий указал на нищих, выстроившихся у ворот» [Там же, с. 200]), — все это резонирует с «королевской» логикой растраты «пустяковых» жизней.

Итак, Бенины «стратегии», адаптированные советским режимом, оборачиваются против тех ценностей индивидуальной свободы, которые воплощала его версия нищестанства. Напротив, в новой версии они олицетворяют безразличие ко всему, что не укладывается в простые схемы классовой борьбы. Однако можно сказать и иначе: трикстерский произвол, настоянный на циничной растрате всего ценного, и прежде всего человеческих жизней, становится основанием советской *власти* — с которой Королю еще предстоит вступить в конкуренцию. Именно об этом будет написана диалогия Ильфа и Петрова.

Сходство финалов с «Хулио Хуренито», «Завистью», «Собачьим сердцем». По сути дела, вечное возвращение. Возвращение маленького человека. У них

у всех об этом: «– “Ах, человек вечно возвращается! Маленький человек вечно возвращается!” Нагими видел я некогда обоих, самого большого и самого маленького человека: слишком похожи они друг на друга, — слишком еще человек даже самый большой человек! Слишком мал самый большой! — Это было отвращение мое к человеку! А вечное возвращение даже самого маленького человека! — Это было неприязню моей ко всякому существованию! Ах, отвращение! отвращение! отвращение! — так говорил Заратустра, вздыхая и дрожа...» [Ницше, 1997, т. 2, с. 159–160]. И в то же время, согласно Ницше, «вечное Возвращение это величайшая формула “Да! — жизни”». Именно трикстеру, в известном смысле, удастся воплотить эти противоположные аспекты вечного возвращения во всех этих текстах. Трикстер воплощает эту диалектику.

Он становится главным духом революции, вместе с ней терпящим поражение — либо от того, что революция восстанавливает все то, против чего он бунтовал (случай учителей), либо потому, что адаптация трикстерских трансгрессий властью ведет к еще более репрессивному режиму, чем до революции (случай учеников). Таким образом, трикстер становится свидетелем провала революции и все же остается живым — всегда живым! — напоминанием о ее чаяниях. Его «Да! — жизни» можно проследить в непобедимой дерзости плута и его бессмертной способности ниспровергать и подрывать любую авторитетную или догматическую позицию.

Трикстер и русская модерность: вместо заключения

В чем же заключается смысл столкновения трикстеров-учителей, Хулио Хуренито и Ивана Бабичева, и учеников, Шарикова и Бени Крика? Сходства между их стратегиями предполагают, что через образ трикстера происходило усвоение и освоение ницшеанской — то есть модернистской — концепции личности, одновременно вписываемой в контекст новой социальной реальности, рождающейся в 1920-х годах. Научная литература о влиянии Ницше на советскую культуру обнаруживает эти влияния как в масштабных культурно-политических доктринах (богостроительство, богоискательство, социалистически реализм и т. п.), так и в индивидуальных художественно-философских системах символистов и футуристов, «перевальцев» и «комсомольских поэтов», Замятина и Пастернака, Евреинова и пролеткультовцев, Бахтина и Шпета, — что позволяет говорить о том, что Ницше оставался важнейшим философом модерности и в стране победившего марксизма (см.: [Rosenthal 2002; Nietzsche and Soviet Culture 1994; Kujundžić 1996; Clowes 1988]). Более того, можно полагать — хотя это, безусловно, тема для отдельного исследования, — что Ницше превращается в главного Трикстера советской эпохи. «Протаскивая» альтернативную, индивидуалистскую и контркультурную версию современного сознания, Ницше выступает в роли невидимого оппонента

советских «культурных героев» — Маркса, Ленина, Сталина. В сущности, каждый из трикстеров, обсуждаемых в настоящей статье, может быть прочитан как «маленький Ницше», а в совокупности они представляют всю парадигму ницшеанского трикстерства, которое станет скрытым лейтмотивом советской культуры — как в ее официальных, так и в неофициальных проявлениях.

Соединение ницшеанства с трикстерством создает возможность для критической позиции по отношению к любым формам авторитарности и догматизма, притом что предлагаемая критика остается не столько политической, сколько культурной, хотя и проблематизирует по ходу своего осуществления самые устойчивые аксиомы культурной «нормы». Иначе говоря, сама эта *адогматическая* позиция оказывается весьма радикальной — то есть революционной, — однако при этом лишенной четкой политической привязки (даже в случае Шарикова — его «большевизм» весьма сомнительного свойства).

Однако все эти тексты свидетельствуют о том, что брутальный и соединенный с грубым насилием трикстерский цинизм становится социальной нормой нового мира, и именно на этой почве возникает конфликт между трикстерами-отцами и учителями и их последователями в следующем поколении. По отношению к этой норме, олицетворяемой Шариковым, возникает новый Король — вор и убийца, чье могущество основано на безжалостной и пышной растрате всего ценного.

Два поколения трикстеров во многом отражают расщепление российской модерности, обостренное и обнаженное революцией. Один путь связан с развитием модернистской культуры, методичным и глубоким подрывом ею ценностей и дискурсов традиционалистского общества; это путь, который многие историки связывают, прежде всего, с интеллектуальной революцией Серебряного века: «...либеральный проект вызывает неизбежные сильные чувства в социальной и политической среде поздней имперской России. Пафос заключается, прежде всего, в разочаровании, которое либералы испытали, столкнувшись с архаичной и непокорной политической системой, ограничившей их жизнь. <...> Но главная драма их положения, возможно, жидется в неспособности нации войти в трудную и ущербную сферу постабсолютистской общественной жизни...» [Engelstein 1992, p. 8]¹⁷. Хулио Хуренито и Иван Бабичев воплощают именно этот сценарий.

Напротив, Шариков и Бенья Крик непосредственно связаны с другим типом русской модерности, который историк Илья Герасимов называет «плебейской», находя ее воплощение в самоорганизации городских «низов» конца XIX — начала XX в. Лишенное самостоятельного идеологического дискурса, это общество всегда балансировало на грани закона и криминальности: «Плебейское общество, практически нечувствительное к формальным нормам и институтам,

¹⁷ Пер. с англ. Н. Н. Шабаловой.

откликалось только на “язык жестов” социальных практик, включая практику символически значимого насилия» [Gerasimov 2018, p. 183–184]¹⁸. По мнению Герасимова, революция легитимировала и распространила на все общество состояние полулегальности, укорененное в городских низах, одновременно придав неформальным нормам этих сообществ статус универсальных социальных норм. Среди этих норм первостепенное значение принадлежит террору и вообще насилию: «задействование социальной практики насилия как элемента особого невербального языка сформировалось в рамках “бездискурсного” плебейского общества» [Ibid., p. 180]. Говоря о советском режиме 1920-х — 1930-х годов, Герасимов видит парадокс в том, что, «сознательно проводя политику с весьма модернистской повесткой дня, направленной на широкомасштабную человеческую инженерию», он опирается на «устойчивую практику политики тела, столь сильно напоминающую социальные практики плебейского общества» [Ibid., p. 181].

Неуязвимость Бени, трагическая смерть Хуренито, унижение Ивана Бабичева, wishful thinking, воплощенное во второй (обратной) операции над Шариковым, — явления одного порядка: они все свидетельствуют о торжестве плебейской модерности и поражении ее модернистского сценария. Однако, следуя теории переплетенных модерностей (см.: [Дэвид-Фокс 2016; Arnason 2003]), надо признать, что «поверженная» модернистская версия модерности сосуществовала с «плебейской», то выходя на первый план, то скрываясь в подполье (андеграунде). Примечательно, что обе модели находят свое воплощение в трансгрессивной фигуре трикстера, не совпадающего с властью и идеологией и непрерывно подрывающего любой авторитарный дискурс.

Это тяготение к трикстеру, по-видимому, может служить доказательством модерности и того и другого дискурса. По Делёзу, трикстер — в его терминологии «фальсификатор» — как формообразующий персонаж вызван к жизни новым, современным дискурсом истины и вытекающим из него «новым статусом повествования»: «Оно постулирует одновременность невозможных настоящих, или же сосуществование не абсолютно истинных прошлых» [Делёз 2004, с. 440]. По логике Делёза, существеннейший вклад в разработку этой проблематики внес Ницше: «в термине “воля к власти” он заменяет форму истинного потенциалом ложного и разрешает кризис истины» [Там же], а в последней книге «Заратустры» создает новый тип повествования, у которого «нет иного содержания, кроме выявления... фальсификаторов, их скольжения друг к другу, их метаморфоз» [Там же, с. 443]. Показательно, что если «одновременность невозможных настоящих, или же сосуществование не абсолютно истинных прошлых» лучше всего воплощена «модернистом» Иваном Бабичевым, то

¹⁸ Здесь и далее до конца абзаца все цитаты даны в переводе Н. Н. Шабаловой.

«волю к власти» как нарушение границы между реальностью и воображением наиболее полно воплощает «плебейский» Король Беня Крик.

Впоследствии трикстер «плебейской модерности» станет любимым персонажем соцреализма (от деда Щукаря до Василия Теркина и киноперсонажей Петра Алейникова) и его спутника — городского постфольклора (анекдот, воровские песни), а трикстер-модернист станет кумиром нонконформистской культуры (от Остапа Бендера до Дмитрия Пригова). Однако вернее будет сказать, что значение трикстера в советской культуре в том и состоит, чтобы медиировать между двумя типами модерности, сталкивая их предпосылки друг с другом (именно поэтому возможны и такие гибридные образования, как Абрам Терц — Андрей Синявский). При этом важно подчеркнуть, что в отличие от Шарикова и Бени Крика все последующие трикстеры, несмотря на двойственный статус медиатора, всё же отделены от героев плебейской модерности одним квалифицирующим свойством: они, как правило, лишены способности убивать и избегают насилия. И в этом они следуют примеру трикстеров-модернистов — Хулио Хуренито и Ивана Бабичева.

Список литературы

- Бабель 1990 — *Бабель И.* Сочинения : в 2 т. / сост. и подгот. текста А. Н. Пирожковой ; вступ. ст. Г. А. Белой ; коммент. С. Н. Поварцова. М. : Художественная литература, 1990.
- Батай 2006 — *Батай Ж.* Проклятая часть: Сакральная социология / сост., общ. ред. и вступ. ст. С. Н. Зенкина ; коммент. Е. Д. Гальцовой ; пер. с фр. Е. Д. Гальцовой и др. М. : Ладомир, 2006. 742 с.
- Бахтин 1975 — *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 502 с.
- Булгаков 1999 — *Булгаков М. А.* Сочинения. М. : Книжная палата, 1999. 1136 с.
- Герасимов 2004 — *Герасимов И.* Еврейская преступность в Одессе начала XX в.: От убийств к краже? Криминальная эволюция, политическая революция и социальная модернизация // Новая имперская история постсоветского пространства : сборник статей / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского и др. Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 501–544.
- Делёз 2004 — *Делёз Ж.* Кино : Кино-1 Образ-движение ; Кино-2 Образ-время / пер. с фр. Б. Скуратова. М. : Ad Marginem, 2004. 622 с.
- Дэвид-Фокс 2016 — *Дэвид-Фокс М.* Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная [Электронный ресурс] / пер. с англ. Т. Пирусской // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 19–45. URL: <http://nlobooks.ru/node/7551> (дата обращения: 10.03.2021).
- Жолковский 1987 — *Жолковский А. К.* Диалог Булгакова и Олеси о колбасе, параде чувств и Голгофе // Синтаксис. 1987. № 20. С. 90–117.
- Камышикова-Первухина 2009 — *Камышикова-Первухина Н.* Остап [Электронный ресурс] // Слово. 2009. № 64. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/64/ka8.html> (дата обращения: 10.03.2021).
- Кантор 2014 — *Кантор В.* Метафизика еврейского «нет» в романе Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито» [Электронный ресурс] // Гефтер. 19.12.2014. URL: <http://gefeter.ru/archive/13858> (дата обращения: 10.03.2021).

- Лунц 2003 — *Лунц Л.* Обезьяны идут: Проза, драматургия, публицистика, переписка. СПб. : Инапресс, 2003. 750 с.
- Максимов 2002 — *Максимов В. И.* Философия театра Николая Евреинова // Евреинов Н. Н. Демон театральности : сборник произведений / сост., общ. ред. и коммент. А. Ю. Зубкова, В. И. Максимова. М. : СПб. : Летний сад, 2002. С. 5–31.
- Мелетинский 1975 — *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М. : Наука, 1975. 407 с.
- Ницше 1997 — *Ницше Ф.* Сочинения : в 2 т. / сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян ; пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Н. Полилова, К. А. Свасьяна, В. А. Флеровой. М. : Мысль, 1997.
- Одесский, Фельдман 2015 — *Одесский М. П., Фельдман Д. М.* Миры И. А. Ильфа и Е. П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2015. 292 с.
- Олеша 1974 — *Олеша Ю. К.* Избранное / вступ. ст. В. Б. Шкловского ; примеч. В. В. Бадикова. М. : Художественная литература, 1974. 574 с.
- Парамонов 1999 — *Парамонов Б.* Конец стиля. СПб. : М. : Аграф, 1999. 464 с.
- Первый съезд 1990 — Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934 : стенографический отчет. Репринт. изд. М. : Советский писатель, 1990. 718 с.
- Петрановская 2016 — *Петрановская Л.* Комплекс профессора Преображенского. «Нация рабов» и бремя интеллигента // Спектр. 01.09.2016. URL: <http://spektr.press/kompleks-professora-preobrazhenskogo-naciyu-rabov-i-bremya-intelligenta/> (дата обращения: 10.03.2021).
- Радин 1999 — *Радин П.* Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи / пер. А. Тавровского, В. Кирющенко. СПб. : Евразия, 1999. 286 с.
- Слотердайт 2009 — *Слотердайт П.* Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ, 2009. 798 с.
- Толстая 2006 — *Толстая Е.* «Деготь или мед». Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2006. 684 с.
- Фрейдин 1993 — *Фрейдин Г.* Революция как эстетический феномен: С очками Ницше на носу и осенью в сердце у русских читателей Исаака Бабея (1923–1932) // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 228–242.
- Хетени 2000 — *Хетени Ж.* Энциклопедия отрицания: Хулио Хуренито Ильи Эренбурга // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2000. Vol. 45. Iss. 1–4. P. 317–323. DOI: 10.1556/sslav.45.2000.1–4.23.
- Шагинян 1923 — *Шагинян М.* Литературный дневник: Статьи 1921–1923 гг. 2-е изд., доп. М. : Петербург : Круг, 1923. 218 с.
- Эренбург 1922 — *Эренбург И.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников... М. : Берлин : Книгоиздательство «Геликон», 1922. 354 с.
- Arnason 2003 — *Arnason J. P.* Entangled Communisms: Imperial Revolutions in Russia and China // *European Journal of Social Theory*. 2003. Vol. 6. No. 3. P. 307–325. DOI: 10.1177/13684310030063003.
- Babcock-Abrahams 1975 — *Babcock-Abrahams B.* “A Tolerated Margin of Mess”: The Trickster and His Tales Reconsidered // *Journal of the Folklore Institute*. 1975. Vol. 11. No. 3. P. 147–186.
- Carroll 1984 — *Carroll M.* The Trickster as Selfish- Buffoon and Culture Hero // *Ethos*. 1984. Vol. 12. No. 2. P. 105–131.
- Clowes 1988 — *Clowes E. W.* The Revolution of Moral Consciousness: Nietzsche in Russian Literature, 1890–1940. DeKalb (Ill.) : Northern Illinois University Press, 1988. 286 p.
- Doueihi 1993 — *Doueihi A.* Inhabiting the Space between Discourse and Story in Trickster Narrative // *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms* / ed. by W. J. Hynes, W. G. Doty. Tuscaloosa and London : The University of Alabama Press, 1993. P. 192–201.
- Engelstein 1992 — *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca and London : Cornell University Press, 1992. 461 p.
- Gerasimov 2018 — *Gerasimov I.* Plebeian Modernity: Social Practices, Illegality, and the Urban Poor in Russia, 1906–1916. Rochester : University of Rochester Press, 2018. 288 p.

- Hyde 1998 — *Hyde L.* Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art. New York : North Point Press, 1998. 417 p.
- Kanevskaya 2001 — *Kanevskaya M.* The Crisis of the Russian Avant-Garde in Iurii Olesha's *Envy* // Canadian Slavonic Papers. 2001. Vol. 43. No. 4. P. 475–493. DOI: 10.1080/00085006.2001.11092290.
- Kujundžić 1996 — *Kujundžić D.* The Returns of History: Russian Nietzscheans After Modernity. New York : SUNY Press, 1996. XII, 219 p.
- Lipovetsky 2011 — *Lipovetsky M.* Charms of Cynical Reason: Transformations of the Trickster in Soviet and Post-Soviet Culture. Boston : Academic Studies Press, 2011. 296 p.
- Marin 1977 — *Marin L.* Puss-in-Boots: Power of Signs. Signs of Power // *Diacritics*. 1977. Vol. 7. No. 2. P. 54–63.
- Mythical Trickster Figures 1993 — *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms* / ed. by W. J. Hynes, W. G. Doty. Tuscaloosa and London : The University of Alabama Press, 1993. 328 p.
- Nietzsche and Soviet Culture 1994 — *Nietzsche and Soviet Culture: Ally and Adversary* / ed. by B. G. Rosenthal. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. XVI, 421 p.
- Radin 1972 — *Radin P.* The Trickster: A Study in American Indian Mythology. With commentaries by K. Kerényi and C. G. Yung. New York : Schocken Books, 1972. 211 p.
- Rosenthal 2002 — *Rosenthal B. G.* New Myth, New World: From Nietzsche to Stalinism. University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 2002. XV, 464 p.
- The Picaresque 1996 — *The Picaresque: Tradition and Displacement* / ed. by G. Maiorino. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996. 318 p.

References

- Arnason, J. P. (2003), “Entangled Communisms: Imperial Revolutions in Russia and China”, *European Journal of Social Theory*, vol. 6, no. 3, pp. 307–325. DOI: 10.1177/13684310030063005.
- Babcock-Abrahams, B. (1975), “A Tolerated Margin of Mess’: The Trickster and His Tales Reconsidered”, *Journal of the Folklore Institute*, vol. 11, no. 3, pp. 147–186.
- Babel’, I. (1990), *Sochineniya, v 2 tomakh* [Collected Works, in 2 vols], Khudozhestvennaya literatura, Moscow (in Russian).
- Bakhtin, M. M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 502 p. (in Russian).
- Bataille, G. (2006), *La part maudite*, translated by Gal’tsova, E. D., Ivanova, O. E., Itkin, I. B., Levina, T. A. and Solov’ev, A. V., Ladomir, Moscow, 742 p. (in Russian).
- Bulgakov, M. A. (1999), *Sochineniya* [Collected Works], Knizhnaya palata, Moscow, 1136 p. (in Russian).
- Carroll, M. (1984), “The Trickster as Selfish-Buffoon and Culture Hero”, *Ethos*, vol. 12, no. 2, pp. 105–131.
- Clowes, E. W. (1988), *The Revolution of Moral Consciousness: Nietzsche in Russian Literature, 1890–1940*, Northern Illinois University Press, DeKalb (Ill.), 286 p.
- David-Fox, M. (2016), “Russian-Soviet Modernity: None, Shared, Alternative, or Entangled?”, translated by Pirusskaya, T., *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (140), pp. 19–45, available at: <http://nlobooks.ru/node/7551> (accessed 10 March 2021) (in Russian).
- Deleuze, G. (2004), *Cinéma: Cinéma 1 L’image-Mouvement, Cinéma 2 L’image-Temps*, translated by Skuratov, B., Ad Marginem, Moscow, 622 p. (in Russian).
- Doueih, A. (1993), “Inhabiting the Space between Discourse and Story in Trickster Narrative”, in Hynes, W. J. and Doty, W. G. (eds), *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*, The University of Alabama Press, Tuscaloosa, London, pp. 192–201.
- Engelstein, L. (1992), *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*, Cornell University Press, Ithaca, London, 461 p.
- Erenburg, I. (1922), *Neobychainye pokhozhdeniya Khulio Khurenito i ego uchenikov...* [The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and His Students...], Gelikon, Moscow, Berlin, 354 p. (in Russian).

- Freidin, G. (1993), "Revolution as an Aesthetic Phenomenon: With Nietzsche Glasses on the Nose and in the Fall in the Heart of Russian Readers Isaac Babel (1923-1932)", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4, pp. 228-242 (in Russian).
- Gerasimov, I. (2004), "Jewish crime in Odessa at the beginning of the 20th century: From murder to theft? Criminal evolution, political revolution and social modernization", in Gerasimov, I. V., Glebov, S. V., Kaplunovskii, A. P., Mogil'ner, M. B. and Semenov, A. M. (eds), *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: sbornik statei* [New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles], Center for Research on Nationalism and Empire, Kazan, pp. 501-544 (in Russian).
- Gerasimov, I. (2018), *Plebeian Modernity: Social Practices, Illegality, and the Urban Poor in Russia, 1906-1916*, University of Rochester Press, Rochester, 288 p.
- Hetényi, Zs. (2000), "Encyclopedia of Denial: Julio Jurenito by Ilya Ehrenburg", *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 45, no. 1-4, pp. 317-323 (in Russian). DOI: 10.1556/sslav.45.2000.1-4.23.
- Hyde, L. (1998), *Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art*, North Point Press, New York, 417 p.
- Hynes, W. J. and Doty, W. G. (eds) (1993), *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms*, The University of Alabama Press, Tuscaloosa, London, 328 p.
- Kamyschnikova-Pervukhina, N. (2009), "Ostap", *Word*, no. 64, available at: <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/64/ka8.html> (accessed 10 March 2021) (in Russian).
- Kanevskaya, M. (2001), "The Crisis of the Russian Avant-Garde in Iurii Olesha's *Envy*", *Canadian Slavonic Papers*, vol. 43, no. 4, pp. 475-493. DOI: 10.1080/00085006.2001.11092290.
- Kantor, V. (2014), "Metaphysics of the Jewish 'no' in the novel by Ilya Ehrenburg 'Julio Jurenito'", *Gefter*, 19 December, available at: <http://gefter.ru/archive/13858> (accessed 10 March 2021) (in Russian).
- Kujundžić, D. (1996), *The Returns of History: Russian Nietzscheans After Modernity*, SUNY Press, New York, XII, 219 p.
- Lipovetsky, M. (2011), *Charms of Cynical Reason: Transformations of the Trickster in Soviet and Post-Soviet Culture*, Academic Studies Press, Boston, 296 p.
- Lunts, L. (2003), *Obez'yany idut: Proza, dramaturgiya, publitsistika, perepiska* [The Monkeys are Coming: Prose, Drama, Journalism, Correspondence], Inapress, Saint Petersburg, 750 p. (in Russian).
- Maiorino, G. (ed.) (1996), *The Picaresque: Tradition and Displacement*, University of Minnesota Press, Minneapolis, 318 p.
- Maksimov, V. I. (2002), "The philosophy of the theater of Nikolai Evreinov", in Evreinov, N. N. *Demon teatral'nosti: sbornik proizvedenii* [Demon of Theatricality: a Collection of Works], with commentaries by Zubkov, A. Yu. and Maksimov, V. I., Letnii sad, Moscow, Saint Petersburg, pp. 5-31 (in Russian).
- Marin, L. (1977), "Puss-in-Boots: Power of Signs. Signs of Power", *Diacritics*, vol. 7, no. 2, pp. 54-63.
- Meletinskii, E. M. (1975), *Poetika mifa* [Poetics of Myth], Nauka, Moscow, 407 p. (in Russian).
- Nietzsche, F. (1997), *Sochineniya, v 2 tomakh* [Collected Works, in 2 vols], translated by Antonovskii, Yu. M., Polilov, N., Svas'yan, K. A. and Flerova, V. A., Mysl', Moscow (in Russian).
- Odesskii, M. P. and Fel'dman, D. M. (2015), *Miry I. A. Il'fa i E. P. Petrova: Ocherki verbalizovannoi povsednevnosti* [The Worlds of I. A. Ilf and E. P. Petrov: Essays on the Verbalized Everyday Life], Russian State University for Humanities, Moscow, 292 p. (in Russian).
- Olesha, Yu. K. (1974), *Izbrannoe* [Selected Works], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 574 p. (in Russian).
- Paramonov, B. (1999), *Konets stilya* [End of Style], Agraf, Saint Petersburg, Moscow, 464 p. (in Russian).
- Pervyi Vsesoyuznyi s"ezd sovetskikh pisatelei. 1934: stenograficheskii otchet* [First All-Union Congress of Soviet Writers. 1934: verbatim record] (1990), reprint edition, Sovetskii pisatel', Moscow, 718 p. (in Russian).
- Petranovskaya, L. (2016), "Complex of Professor Preobrazhensky. The 'nation of slaves' and the burden of the intellectual", *Spektr*, 01 September, available at: <http://spektr.press/>

- kompleks-professora-preobrazhenskogo-naciya-rabov-i-bremya-intelligenta/ (accessed 10 March 2021) (in Russian).
- Radin, P. (1972), *The Trickster: A Study in American Indian Mythology. With commentaries by K. Kerényi and C. G. Yung*, Schocken Books, New York, 211 p.
- Radin, P. (1999), *The Trickster: A Study in American Indian Mythology. With commentaries by K. Kerényi and C. G. Yung*, translated by Tavrovskii, A. and Kiryushchenko, V., Evraziya, Saint Petersburg, 286 p. (in Russian).
- Rosenthal, B. G. (ed.) (1994), *Nietzsche and Soviet Culture: Ally and Adversary*, Cambridge University Press, Cambridge, XVI, 421 p.
- Rosenthal, B. G. (2002), *New Myth, New World: From Nietzsche to Stalinism*, Pennsylvania State University Press, University Park, PA, XV, 464 p.
- Shaginyan, M. (1923), *Literaturnyi dnevnik: Stat'i 1921–1923 gg.* [Literary Diary: Articles 1921–1923], 2nd ed., Krug, Moscow, Saint Petersburg, 218 p. (in Russian).
- Sloterdijk, P. (2009), *Kritik der zynischen vernunft*, translated by Pertsev, A., U-Faktoriya, Yekaterinburg, AST, Moscow, 798 p. (in Russian).
- Tolstaya, E. (2006), “*Degot' ili med*”. *Aleksei N. Tolstoi kak neizvestnyi pisatel' (1917–1923)* [Tar or Honey. Alexey N. Tolstoy as an Unknown Writer (1917–1923)], Russian State University for Humanities, Moscow, 684 p. (in Russian).
- Zholkovskii, A. K. (1987), “Dialogue between Bulgakov and Olesha about sausage, the parade of feelings and Calvary”, *Sintaksis*, no. 20, pp. 90–117 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 15.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 11.05.2021

Информация об авторе

Липовецкий Марк
доктор филологии, профессор
Колумбийский университет
10027 США, Нью-Йорк,
Амстердам авеню, 1130
E-mail: ml4360@columbia.edu
Авторский ORCID: 0000-0001-9402-6583

Information about the author

Lipovetsky, Mark
D. Sci. (Philology), Professor
University of Columbia
1130 Amsterdam Ave, New York, NY,
10027 USA
E-mail: ml4360@columbia.edu
Author's ORCID: 0000-0001-9402-6583

СОВЕТСКИЙ КИНОАВАНГАРД: ОТ УСЛОВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ К ЖИЗНЕННОМУ МАТЕРИАЛУ

Е. Я. Марголит

Госфильмофонд РФ
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей советского киноавангарда 20-х гг. прошлого века. В отличие от западной версии авангарда, не доверяющей физической реальности, советский киноавангард не отказывался от нее, наоборот, он обращал свое внимание на окружающую действительность как главный строительный материал нового искусства. Новая историческая реальность становится и новой художественной реальностью. Традиционный для искусства авангарда отказ от прошлого, в советском кинематографе представляет собой отказ от театрально-салонных сюжетов, экранизации классической литературы, молодые кинематографисты фокусируют свой взгляд на перестраиваемую реальность. Эта реальность — не выстроенные в павильонах мертвые декорации и жеманные герои, а живой поток городских улиц, предметов и лиц. Живое человеческое лицо присутствует и в массе, новом герое и открытии советского киноавангарда. Масса осознает себя единым телом через обретение лица. Именно в советском киноавангарде безликая массовка превращается в живого многоликого и разноликого коллективного субъекта. Обретение лица как одно из главных открытий киноавангарда рассматривается на материале фильмов Эйзенштейна, Вертова, Эрмлера, Роома, представителей объединения ФЭКС. Отечественный киноавангард реабилитировал все так называемые «низовые» жанры искусства, в первую очередь цирковую буффонаду, показав их возможности для выражения новой реальности. В качестве инструмента освоения новой реальности и критики прошлого советский киноавангард избирает стратегии карнавализации истории и современности. Эти стратегии выражаются в системе монтажных принципов, разработанных Эйзенштейном и Вертовым, которые базируются на дихотомии созидания/разрушения, жизни/смерти.

Ключевые слова: советский киноавангард, жизненный материал, карнавал, Эйзенштейн, Вертов, Эрмлер, Козинцев, ФЭКС.

Для цитирования: *Марголит Е. А.* Советский киноавангард: от условной реальности к жизненному материалу // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 1. С. 148–167. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.007

SOVIET CINEMA AVANT-GARDE: FROM NOTIONAL REALITY TO LIFE MATERIAL

E. Ya. Margolit

Gosfilmofond of the RF
Moscow, Russia

Abstract: The article emphasizes specific features of the Soviet film avant-garde of the 1920s. Whereas the Western version of the avant-garde did not trust physical reality, the Soviet film avant-garde did not abandon it. On the contrary, the domestic film avant-garde turned its attention to the surrounding reality and used it as building blocks of the new art. A new historical reality becomes a new artistic reality. In Soviet cinema, the rejection of the past, which is traditional for the art of the avant-garde, means the rejection of theatrical and cup-and-saucer plots, film adaptations of classical literature. Young filmmakers focus on the reality under renovation. This reality is far from being dead sets created on a sound-stage and simpering characters; it is a living stream of city streets, objects and faces. A live human face also appears in the mass, the new hero and the discovery of the Soviet cinema avant-garde. The mass becomes aware of itself as a single body through the acquisition of the face. It is in the Soviet film avant-garde that the faceless extras transform into a live multi-faceted and diverse collective subject. The author considered the attainment of the face as one of the main findings of the cinema avant-garde based on the material from the films of Eisenstein, Vertov, Ermler, Room, representatives of the FEKS association. The domestic film avant-garde rehabilitated all the so-called "grassroots" genres of the performing arts primarily, circus buffoonery, demonstrating their possibilities for expressing a new reality. The Soviet film avant-garde chooses strategies for the history and modernity carnivalization as a tool for mastering the new reality and criticizing the past. One can trace these strategies in a system of montage principles developed by Eisenstein and Vertov and based on the dichotomy of creation-destruction, life-death.

Keywords: Soviet film avant-garde, vital material, carnival, Eisenstein, Vertov, Ermler, FEKS.

For citation: Margolit, E. Ya. (2021), "Soviet Cinema Avant-Garde: from Notional Reality to Life Material", *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 148–167 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.007

Киноавангард:

«любовь к реальному материалу» и логике карнавала

В середине 20-х кинематографическая общественность живет в ожидании прорыва к новому материалу, внимательно вглядываясь в каждый новый фильм. Пока же советское кино овладевает новыми жанрами и новыми приемами. Историко-костюмная драма, начиная с «Дворца и крепости» (1923),

вполне уверенно осваивает киногоению исторического антуража — от костюмов до имперской архитектуры — и использует даже параллельный монтаж по социальному контрасту, заложенному в основе сюжета, как явствует из названия «боевика» Ивановского. Вернувшийся в Москву из Украины Гардин использует тот же принцип монтажа по контрасту в бытовой драме на культурно-просветительском материале «Особняк Голубиных» (1924), совершенствует монтажные приемы в авантюрном фильме «Четыре и пять» (1924), чтобы довести с их помощью уровень повествования до профессиональной изощренности в постановочном антирелигиозном боевике «Крест и маузер» (1925). Натуру в качестве фона охотно использует бытовая комедия, вынося действие на улицу провинциального городка («Закройщик из Торжка»), деревни в среднерусской полосе («Комбриг Иванов»), Москвы («Папиросница от Моссельпрома»)¹.

Однако опыт раннего русского кино, тяготевшего к условной экранной реальности вне времени и пространства, приучил режиссеров этого периода к инстинктивной осторожности в обращении с реальностью наличной. Неизменно традиционная фабульная схема призвана тут, по сути, нейтрализовать «самоигральный» в своей фактурности материал новой действительности, в которую ранний русский кинематограф искренне старается врать.

В этих фильмах постоянно ощутима дистанция по отношению к новому материалу — недаром свою нишу старшее поколение находит в исторических сюжетах и произведениях отечественной литературной классики, а также в экзотическом «восточном» материале. Вот почему новое кинематографическое поколение воспринимает старших как прямых своих антагонистов. Ибо молодежь, пришедшая в советское кино в середине 20-х, сформирована новой действительностью и ощущает себя полноправными хозяевами ее. Встретившие революцию совсем молодыми людьми, зачастую подростками, они не знали, в отличие от старшего поколения, проблемы приспособления к новой системе, поскольку попросту не успели по возрасту встроиться в предыдущую. Революция отменяла для них predeterminedность дальнейшего жизненного пути независимо от социального происхождения — будь то полуграмотный аптекарский ученик из местечка в Прибалтике Фридрих Эрмлер или сын городского архитектора Риги, действительного статского советника Сергей Эйзенштейн. Они оценили предоставленную им историческим катаклизмом возможность по собственному усмотрению строить собственную судьбу, перестраивая окружающую реальность. Поэтому реальный материал для них, как

¹ К середине 20-х появляются и еще более радикальные в этом отношении варианты. Так, авантюрную драму «Вздувайте горны» (1925), действие которой происходит на современном заводе, режиссер Владимир Касьянов снимает в реальных интерьерах одного из ленинградских заводов, причем часть персонажей играет сами себя — от руководства завода до агентов уголовного розыска вместе... с их служебно-розыскной собакой.

было отмечено выше, — прежде всего материал строительный в буквальном смысле слова. Прежняя система разрушается-расчленяется на составные части («кирпичи»), из которых мир будет создан заново, на принципиально новой основе. Именно на этом двуединстве — разрушение-созидание — и основано их понимание монтажа.

Соответственно, новое поколение ощущает себя детьми и одновременно движущей силой революционного переворота мира. Один из ключевых персонажей советского киноавангарда 20-х Григорий Козинцев записывает в рабочих тетрадях: «Для этого поколения “соцзаказ” был чем-то вроде клятвы на Воробьевых горах. Что могло быть более прекрасного, чем трудиться для заказа? Вы скажете: как-то уж все это слишком прозаично. Но все зависит от заказа. *Перевернуть вселенную!*» [Козинцев 1982, с. 327].

Образ перевернутой вселенной тут явственно восходит к празднично-карнавальному мировосприятию, его исток — в обрядово-зрелищных празднествах карнавального типа, которые «на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека» [Бахтин 1990, с. 14].

Логика карнавального обновления с непрерывными перемещениями верха и низа многое объясняет в феномене отечественного киноавангарда 20-х. Начиная с того, что важнейшим в новой системе искусств оказывается именно кино, в предшествующую дореволюционную эпоху самим императором расценивавшееся как «пустое, никому не нужное и даже вредное развлечение», «балаганный промысел». Отсюда же и настойчиво декларируемый в манифестах приоритет «низовой» культуры перед «высокой». Отсюда и демонстративное пристрастие к жанрам, в раннем русском кино считавшимся «низкими» — авантюрному сериалу и трюковой «комической», равно как и искреннее презрение к лежавшей в основе предыдущей жанровой системы «психологической» драме.

И отсюда, разумеется, ярко выраженное смеховое начало. Когда юный Козинцев в сборнике «Эксцентризм» (1922), из которого взята приведенная выше цитата, заявляет: «Зад Шарло нам дороже рук Элеоноры Дузе» [Эксцентризм 1922, с. 4], то формулировка тут едва ли не значимей содержания. Великой драматической актрисе недавно минувшей эпохи не просто противопоставляется кинокомик, чья звезда начинает восходить в послевоенном мире. «Высокое» и «низовое» визуализируются именно в контексте специфической брутальности карнавального смеха с его пафосом материально-телесного низа.

Их кино вырастает не просто из безудержной клоунады и эпатажного пародирования, но из эстетики массового низового зрелища — площадного по своей сути. Само слово «аттракцион» в названии манифеста Эйзенштейна 1923 г. «Монтаж аттракционов», где он так же не преминет уравнивать, кстати, «все составные части театрального аппарата (“говорок” Остужева не более

цвета трико примадонны, удар в литавры столько же, сколько и монолог Ромео, сверчок на печи не менее залпа под местами для зрителей), во всей своей разнородности приведенные к одной единице — их наличие узаконивающей — к их аттракционности» отсылает одновременно и к цирку, и к местам народных увеселений [Эйзенштейн 1964, с. 270]. Недаром и Козинцев провозглашает в «Эксцентризме» «культ парка аттракционов, чертовых колес и американских гор, поучающих подрастающее поколение *подлинному темпу* эпохи». [Эксцентризм 1922, с. 5].

Собственно, название и этого манифестированного направления связано, прежде всего, с набирающей популярность с середины XIX века разновидностью эстрадно-цирковой клоунады — эксцентрикой. Вполне логично, что в первом наборе театральный пока коллектив, который его создатели и руководители Козинцев и Трауберг назвали Фабрикой эксцентрического актера (ФЭКС), состоял преимущественно из артистов эстрады и цирка: клоунов, танцоров, куплетистов, акробатов. Театральные представления, с которых начинают свою деятельность многие из будущих режиссеров (Эйзенштейн, ФЭКС, Абрам Роом, Сергей Юткевич), строятся преимущественно на основе приемов эстрады и цирка, а также кинематографа. Именно в качестве фрагмента театрального представления кино и возникает впервые в их творчестве. И если ФЭКС вводит в свою «Женитьбу» кадры из «комической» раннего Чаплина (им здесь и становится Подколесин), то Эйзенштейн специально снимает для спектакля «Мудрец!» киноклоунаду «Дневник Глумова» — она-то и становится первым фильмом мастера.

Эта работа чрезвычайно показательна для логики развития отечественного киноавангарда 20-х — подобного рода эксцентрический короткометражный фильм обнаруживается в начале кинематографического пути подавляющего большинства будущих классиков (помимо перечисленных выше, это и Пудовкин, и Эрмлер, и Довженко). Эстетика его, за редкими исключениями, возвращает кино к эпохе «Политого поливальщика» и феерий Мельеса и представляет собой, по сути, сцепку клоунских кульбитов, комических погонь и элементарных технических трюков: например, мельесовский трюк с заменой посредством стоп-кадра и скрытого монтажа (на нем построен «Дневник Глумова»); пленка, пущенная обратным ходом (несохранившаяся «Скарлатина» Эрмлера, судя по описаниям); рапид («Ягодка любви» Довженко) и проч.

Верх и низ тут начинают меняться местами уже в буквальном смысле: крыши становятся ареной трюков — причем крыши знаковых архитектурных сооружений: особняка Морозова в «Дневнике Глумова» или, ни много ни мало, Исаакиевского собора в утраченных «Похождениях Октябрины» Козинцева и Трауберга.

Само кино начинается для нового поколения с чистого листа, заново — как и мир в целом. Карнавальная праздничность рождена здесь радостью

тотального обновления мира. Как писал, уже в 60-х, Козинцев, «через много лет я узнал новое течение в искусстве: разгневанные молодые люди. Мы были обрадованные молодые люди» [Козинцев 1982, с. 316]. По сути, новый мир — есть они сами. Отсюда, соответственно, дистанция между человеком и материалом реальности тут рушится, как рушится неременная для кино предыдущего периода дистанция между камерой и объектом. Камера очень скоро, в первых же их полнометражных работах, не просто окажется внутри экранного пространства — по сути, объектив тут создает, лепит его. Почти физическая осязаемость фактуры, спрессованность предметной среды на экране есть, по существу, зрительное выражение восхищения миром как строительным материалом, предоставленным в полное распоряжение молодым [Уиддис 2011–2012, с. 35–59]. Кулешовская формулировка «необычайная любовь кинематографа к реальному материалу» — общий лейтмотив авангарда. Ведущий публицист «Правды» Михаил Кольцов, например, пишет в своей рецензии на «Стачку» Эйзенштейна: «Именно так, с насыщенной жадной любовью к бытию, шныряет по жизни объектив оператора “Стачки”, направляемый ее режиссером» [Кольцов 1925].

Мир предстает тут как находящееся в непрерывном движении-обновлении единое целое — преображающее и преображаемое одновременно. Это единое тело в буквальном смысле слова. Тело и мир синонимичны. Владение телом как основной принцип воспитания киноактера в авангардном кино — есть владение миром. Именно поэтому главным героем и ключевым образом советского кинематографического авангарда 20-х становится масса, коллектив как движущая сила сюжета. Масса как единый живой организм — пульсирующий, постоянно меняющий свои очертания, умирая в одном качестве, одном состоянии и одновременно возрождаясь в новом.

Применительно к образу единого тела этот обрядово-праздничный карнавальный сюжет смерти-возрождения выступает в виде жертвенного расчленения-воссоединения аграрного божества, в котором Эйзенштейн видел исток монтажного метода [Эйзенштейн 2000, с. 201–229].

В таком контексте абсолютно закономерным оказывается стремительный в творчестве этого кинематографического поколения скачок от карнавальной эксцентрической клоунады к неизбежно трагедийному героическому действию, которое являет собой в действительности жанр монтажной историко-революционной эпопеи. Ибо в основе тут сюжет перехода человеческого сообщества на новый социальный уровень. И достигается он опять-таки через неизбежную смерть в прежнем социальном качестве, т. е. через преодоление внешних сил, этому социальному обновлению-единению препятствующих.

И канонической кульминацией поэтому становится не решающая классовая битва, а временное поражение — насилие внешних враждебных сил над человеческой массой. У Эйзенштейна это «Ликвидация» в «Стачке» (1924),

«Одесская лестница» в «Броненосце «Потёмкин» (1925), разгон июльской демонстрации и разведение мостов в «Октябре» (1927). У Пудовкина — разгон демонстрации и гибель героини в «Матери» (1926), у ФЭКСов — ночь после разгрома восстания декабристов в «С.В.Д.» (1927) и расстрел коммунаров на кладбище Пер-Лашез в «Новом Вавилоне» (1929). У Довженко — подавление восстания рабочих в «Арсенале» (1928). Причем строятся все эти сцены именно на мотиве расчленения. В «Стачке» струи воды из пожарных брандспойтов рассекают толпу забастовщиков на отдельные части, после чего начинаются избивание и расстрел. Поэтому параллельный монтаж разгрома с забоем быка и последующим подробным показом освеживания туши в финале сцены — вовсе не наивная визуализация словесной метафоры «бойня», но прямое указание на мотив сакральной жертвы, лежащий в основе сюжета. Целиком построен на нем и сюжет «Потёмкина»: сначала власти пытаются разделить экипаж на жертв и палачей; затем не дать толпе, приветствующей на лестнице мятежный корабль, воссоединиться с ним; наконец, направляют против восставшего броненосца всю эскадру. И расчленение это преодолевается ценой жертвы (Вакуленчук, горожане на лестнице), чтобы в финале от насилия отказалась эскадра, посланная на усмирение мятежного корабля.

По сути, этим мотивом расчленения-воссоединения обусловлен шокировавший западного зрителя жестокий натурализм сцен насилия в советском кино 20-х. Он оказывается неотъемлемой частью новой образной системы, о чем догадался тогда цитированный Луначарским немецкий театральный критик Альфред Керр: «Русский фильм... не боится грубости. Наша западная цензура трусит перед этой татарской безудержностью. Между тем жизнь груба, и подлинное искусство не смеет подсахаривать ее, замалчивать ее ужасные стороны... И посмотрите, как живут в русском фильме массы! Ведь это настоящее выявление подлинной жизни. Их мастера — настоящие коренные натуралисты, и их искусство можно было бы назвать новым натурализмом» [Луначарский 1928, с. 27].

Таким образом, выход массы на новый уровень здесь есть *осознание* себя единым целым — единым телом. И дается он, как правило, через обретение лица. Так «Стачка» завершается вслед кадру гекатомбы расстрелянных сверхкрупным планом человеческих глаз с титром «Помни, пролетарий!»². В «Потёмкине» этот принцип идет через всю картину — от долгого кадра Вакуленчука, решающегося выкрикнуть «Братья!», до напряженного лица матроса, озаряющегося улыбкой (тот же титр — «Братья!»), в финальной «Встрече с эскадрой». Аналогичную роль в «Матери» играет крупный план героини с гордо поднятой

² Здесь возможна параллель с кинофрагментами из «Мудреца!», которые завершались кадрами самого автора спектакля, раскланивающегося с экрана. Финальный кадр «Стачки» в таком случае можно рассматривать и как прямое авторское обращение к залу.

головой и красным знаменем в руках, равно как и финальный портрет большевика Тимоша, неуязвимого для вражеских пуль, в «Арсенале» или монолог парижской коммунарки перед казнью в «Новом Вавилоне».

Противопоставление живого человеческого лица в его предельной фактурности разнообразным проявлениям безликости — одно из ключевых в образной системе советского киноавангарда 20-х. Отсутствие лица здесь означает принадлежность миру смерти, равно как и замена лица плакатной социальной маской. Такова в «Потёмкине» шеренга солдат, расстреливающих толпу на одесской лестнице, с головами, срезанными верхней рамкой кадра. Ту же роль исполняет брезент, которым накрывают взбунтовавшихся матросов перед расстрелом, — они тем самым оказываются обречены миру смерти. Подчеркнутая — до утрированности — маскообразность отличает игру Григория Александрова в роли офицера Гиляровского — убийцы Вакуленчука, или карлика — судебного врача. Гайдамаки, в финале «Арсенала» скалящиеся в победном плясе, отсылают к мертвому оскалу солдат, погибших в газовой атаке, из начала фильма — это маска смерти. В «Новом Вавилоне» контрастом живому, с выразительной мимикой, лицу юной продавщицы огромного универсального магазина, затем героини Парижской коммуны в исполнении Елены Кузьминой служит гротескная внешность хозяина магазина (Давид Гутман), монтажно рифмуемая с химерами собора Нотр-Дам.

Обретение лица и есть то, что превращает традиционную массовку, состоящую из статистов, в массу как главного героя. Массовка безлика — масса принципиально разно- и многолика. Она в произведениях советского киноавангарда не просто принадлежит реальному материалу, но является, по сути, его квинтэссенцией. Статисты, изображающие толпу, заменяются типажам, составляющими реальную массу. Типаж-непрофессионал, в том смысле, в каком он сыграл принципиальную роль в советском кино 20-х, представляет собой не социальную маску, а конкретную биографию.

Эта черта, в качестве одной из основополагающих, сразу же была отмечена зарубежной критикой. «Особое преимущество русских картин заключается в том, что они умеют выдвинуть из массовок, которыми владеют в совершенстве, отдельные интересные лица», — писал, например, в 1928 году критик органа немецких социал-демократов газеты «Форвертс» (цит. по: [Чвялёв 1929, с. 33]). Здесь можно опять-таки увидеть торжество единства мира как тела в обрядово-праздничном действе, где нет жесткого разделения на зрителей и актеров — каждый так или иначе является его участником и творцом⁵. Несколько позднее, уже в 30-х годах, это точно сформулировал известный голливудский режиссер

⁵ Истоки установки на активное взаимодействие сцены с залом (разрушение пресловутой «четвертой стены») явственно просматриваются, по свидетельствам рецензентов и мемуаристов, уже в первых театральных работах Эйзенштейна и ФЭКСов.

Уильям Дитерле: «...я понял тайну, благодаря которой советские фильмы так отличаются от остальных. Лица, которые мы видим в советских фильмах, они те же, что и лица людей, которых встречаешь на улицах. И этим они отличаются от актерских масок в буржуазных фильмах: у тех даже морщины на лице — и те фальшивые» (Дитерле, цит. по: [Авенариус 1939, с. 57]).

Сама идея равенства всех со всеми, равно характеризующая и карнавальное действо, и демократическую революцию, превращает образ массы в набор «равных друг другу единиц» (В. Паперный), что само по себе отменяет иерархическое деление персонажей на «главных» и «второстепенных».

Новая реальность в системе традиционных жанров кино

Поскольку, в определенном смысле, сюжет советского киноавангарда 20-х может быть представлен как панорама разнообразных человеческих лиц, заполняющих собой жадно вбираемое объективом камеры реальное пространство, постольку и традиционные жанровые границы теряют свою определенность. Именно поэтому хроника из документа превращается в советском кино 20-х в полноценный вид искусства. Чрезвычайно показательным оказывается первый полнометражный фильм Дзиги Вертова — «Киноглаз» (1924). Сюжет его, намеченный пунктирно, можно прочесть как проход пионерского отряда. Ребенок как протагонист камеры — прием, позволяющий увидеть мир новыми глазами. В течение обыденной жизни детский взгляд выхватывает, с одной стороны, то, что связано с повседневными заботами родителей (закупка матерями провизии, например, вырастающая в одну из главных тем картины; жизнь подмосковного села, возле которого пионеры разбивают свой лагерь). С другой — выбивающееся из повседневного ряда, т. е. отмеченное чертами эксцентрики: от бродячего фокусника-китайца и слона, которого ведут по улице, до пациентов психиатрической лечебницы. Но важно здесь то, что герои не просто дети, а — юные пионеры, которые сами по себе есть воплощение нового мира. Таким образом, перед нами мир, описывающий и преображающий самого себя самим процессом описания. Описание носит заведомо игровой характер — ребенок познаёт мир в процессе игры. Поэтому элементарные (на уровне Люмьеров и Мельеса) трюки с обратной съемкой и стоп-кадрами здесь совершенно органичны и становятся основой столь же ударных сцен фильма, как и знаменитый монтажный эпизод подъема флага в пионерском лагере, разбитый на 53 кадра в течение минуты экранного времени.

Но прежде всего монтажный метод (и в кинематографе Вертова на всем протяжении его это проявляется с нарастающей наглядностью и яркостью) служит средством для выявления образа мира как единого тела. Показательно, что основные персонажи эпизода «Время обратным ходом» — бык и хлеб, т. е. жертвенные тела — животное и знак, данные в том же восходящем к обряду

контексте расчленения-воссоединения. Образный ход этот прямо предвосхищает тему быка в кинематографе Эйзенштейна («Стачка», «Старое и новое», «Да здравствует Мексика!»), с одной стороны, и тему нивы как инобытия рода у Довженко (эпизод приготовления хлеба в «Земле») — с другой.

Причем в образе мира-тела в кинематографе Вертова явственно превалируют женские черты. Это тело материнское — поглощающее и рожающее. По сути, оно может восприниматься как ключевой для советского кино 20-х образ наличной реальности.

Погружение в ее лоно традиционных жанровых моделей дает чрезвычайно интересный результат. Взаимодействие с реальностью кардинально преобразует жанровую иерархию. Событие отныне не инсценируется — оно возникает на экране в процессе съемок как реакция реальности на «фабульный анекдот» (термин Михаила Блеймана) в качестве предлагаемых обстоятельств. Традиционные модели описания наглядно демонстрируют свою неэффективность, ибо сама реальность в этот период пребывает в процессе грандиозного исторического смещения, сдвига, разрушения былых иерархий. В новой художественной системе «каждый центр является периферией и каждый пункт периферии — центром» [Паперный 2009, с. 233]⁴.

Почти случайно, по свидетельству Г. Козинцева, возникающее в кругу создателей ФЭКС слово «эксцентризм» (буквально: отклонение, сдвиг в сторону от центра) становится в очень скором времени одним из основных терминов киноавангарда, поскольку фиксирует сдвиг как определяющую черту эпохи. «...Эксцентризм основан на выборе впечатляемых моментов и на новой, не автоматической их связи. Эксцентризм — это борьба с привычностью жизни, отказ в ее традиционном восприятии и подаче», — формулирует в те годы Виктор Шкловский (цит. по: [Недоброво 1928, с. 6]). Но «борьбу с привычностью жизни» в данной ситуации успешно ведет сама жизнь. Эксцентризм здесь оказывается наиболее адекватным методом описания стремительно меняющейся реальности. Соответственно, метаморфозы традиционных жанровых структур становятся неизбежны и причудливы.

В этом уже отдавали себе отчет наиболее внимательные современники-критики. Так, Арнольди в книге «Авантюрный жанр в кино» отмечает: «Трактуя современный быт, характеризующийся ломкой прежних жизненных условий, распад старых бытовых отношений, связанных с ломкой убеждений и мировоззрений, киноискусство, отражая нашу действительность, не могло оставить без внимания все эти положения. Необычайность психологических ситуаций сплошь и рядом переходит в необычайность жизненных положений, в авантюрный план» [Арнольди 1929, с. 69–70].

⁴ Показательно в этом контексте, что юные мастера киноавангарда декларируют опору на жанры, опять-таки считавшиеся ранее «низовыми» (авантюрный жанр, комедия).

Само несоответствие, на первых порах даже невольное, между традиционной жанровой моделью и материалом реальности осознается как плодотворное. Так, по поводу не вяжущейся с каноном авантюрного фильма эпичностью «Красных дьяволят» Арнольди пронизательно замечает: «Разноголосие между формой и ее воплощением придало фильму своеобразную прелесть, сделавшую приключения наших красноармейцев похожими на похождения героев легенд и былин» [Арнольди 1929, с. 63–64].

Еще выразительнее другое его наблюдение. Рассматривая первый полнометражный фильм Кулешова «Необычайные похождения мистера Веста в стране большевиков» (1924), где американский благотворитель приезжает в Москву начала 20-х вместе с ковбоем-телохранителем и, прежде чем увидеть достижения новой власти, попадает в руки шайки авантюристов из «бывших», разыгрывающей перед наивным американцем «ужасы ЧеКа», Арнольди отмечает: «Элемент ковбойских телохранителей на фоне современной Москвы привел к переключению материала в необычный ряд и заострил несоответствие между действием и обстановкой, что придало фильму^{5*} комедийный характер» [Арнольди 1929, с. 64].

Не дошедший до нас фильм Козинцева и Трауберга «Братишка» (1926) был задуман как эксцентрическая трюковая комедия на злободневную тему «режима экономии»: шофер борется за восстановление своего старенького грузовичка, который директор-бюрократ хочет списать, и параллельно за руку и сердце очаровательной вагоновожатой. Сами авторы осторожно определяли его как «фильму о грузовике в 6-ти частях». Большинство критиков склоняется к комедийному жанру. Но именно склоняются. Рецензент ленинградской «Вечерней красной газеты», например, утверждает: «Фильм пропитан не только подлинным юмором, но ошибочно думать, что «Братишка» — комедия. Во всяком случае, это — минимум превосходно выполненная мелодрама, со столь необычайным для этого жанра сюжетом...» [Гессен 1927].

Совершенно те же черты наблюдаем мы и в одной из самых известных картин 20-х — «Третьей Мещанской» (1927) Роома. Второе название ее «Любовь втроем» отсылает нас к классической коллизии мелодрамы. Между тем современник характеризует ее так: «“Третья Мещанская” — одна из первых наших картин, не только снятая на фоне быта, но и пытающаяся поставить бытовой вопрос. Знакомые предметы домашнего обихода, характерные черточки общежития поданы в картине как незнакомые. Быт показан режиссером как необычный, экзотический материал. Правда, и сюжет этого фильма нетипичен. Факт, положенный в основу сценария, необычайно резок и выпадает из бытового плана» [Блейман 1973, с. 77]. Показательна в этом смысле для

⁵ В 20-х годах прошлого века слово «фильм» употреблялось в женском роде — «фильма». — *Прим. ред.*

«Третьей Мещанской» отмеченная Гращенковой подробность: «Даже жанр фильма прокатные организации не могли точно определить, и фильм вышел на экран как комедия» [Гращенкова 1977, с. 108].

Такая диффузия, взаимопроникновенность жанров сама по себе чрезвычайно характерна для советского кино 20-х в противовес раннему русскому кино. Она обусловлена всё тем же ощущением мира как единого целого, чего дореволюционное кино с его жесткой иерархией жанров было совершенно лишено. Там жанровые пространства четко отделены друг от друга по всем параметрам и коллизиям. Здесь коллизия, выстраивающаяся на соотношении замкнутого и разомкнутого пространства, при внимательном рассмотрении оказывается универсальной для любого материала. В том числе для исторического.

В фильмах на историческом материале (точнее — историко-революционном, ибо речь в первую очередь идет о становлении классового сознания) мы видим ту же модель — выход из замкнутого пространства в разомкнутое. Однако здесь разомкнутое пространство принадлежит будущему, а не настоящему. Это царство свободы, ощущение которого постепенно возникает в сознании героя (героев). Оно ассоциируется в первую очередь с пространством природным — наличное же социальное пространство оказывается пространством тотальной несвободы и, соответственно, стремится к замкнутости, невзирая на свои масштабы. Герой в завязке повествования представлен как пленник этого пространства. Он может быть подавлен в равной степени нищетой и скудостью своего жилища, как в «Матери» (1926) или «Конце Санкт-Петербурга» (1927) Пудовкина, «Арсенале» (1929) Довженко — и богатством, роскошью имперской столицы, как в том же «Конце Санкт-Петербурга» или фильме о Парижской коммуне с многозначительным названием «Новый Вавилон» (1929) Козинцева и Трауберга. Подавление возникающего протеста передается преимущественно через попытку вернуть героя (героев) из разомкнутого пространства в замкнутое («Стачка», «Броненосец «Потёмкин», «Конец Санкт-Петербурга», «Новый Вавилон»).

Трагедийный мотив смерти героя в авангардной модели историко-революционного кино 20-х неизбежен — неважно, дан ли он напрямую, как в «Стачке», «Потёмкине», «Матери», «Новом Вавилоне», или метафорически, как в той же «Бухте смерти», «Конце Санкт-Петербурга» или «Потомке Чингис-хана» (1929) Пудовкина. Но для того, чтобы освободиться от своей былой угнетенности, перейти в новое качество, такой герой обязательно должен пройти через мучения и смерть в качестве прежнем. Образ, восходящий к жертвенному расчленению, делает, по сути, неизбежным присутствие в этих фильмах мотива ужасного — кровавого насилия и пыток, — шокировавшего, как отмечалось выше, зарубежного зрителя в «Броненосце «Потёмкин» или «Бухте смерти»⁶.

⁶ «Бухта смерти» первоначально была запрещена в Германии как «жестокая ужасающая фильма, способная повлиять на слабонервных и еще более развратить огурубелых жестокосердных людей».

И если модель, основанная на соотношении разомкнутого и замкнутого пространств, едина для всего советского киноавангарда 20-х, то можно утверждать, что смеховое и ужасное здесь — два полюса единого целого. Поэтому кино 20-х строится на постоянном взаимопроникновении, взаимообращении элементов смехового и ужасного.

У них общий объект: мир окостеневший, неподвижный и настаивающий на своей незыблемости. Ключевой образ этого мира — имперский монумент из камня или металла. Уже совмещение в одном кадре человеческой фигуры и монумента создает контраст масштабов. Но этот контраст, как правило, подчеркивается монтажными ракурсами. Это либо точка съемки снизу, подчеркивающая давящую мощь изваяния, либо сверху, — она окончательно вдавливает вниз человеческую фигуру. Так снят в «Потёмкине» памятник Ришелье на одесской лестнице: съемка сверху превращает, как отметил Наум Клейман, жест дарителя в жест, направляющий на толпу строй солдат-убийц. Так сняты петербургские монументы в «Шинели» (1926) Козинцева и Трауберга, и в «Конце Санкт-Петербурга». Но собственно монументами тема далеко не исчерпывается. Ее прообраз можно увидеть в кадрах ребенка, ползающего под копытами казацких лошадей в «Стачке». Черты монумента на пьедестале приобретает командир Голиков в первых частях «Потёмкина». По тому же принципу снят городской в «Матери». На контрасте этих двух ракурсов снята сцена приема Акакия Акакиевича Значительным Лицом в «Шинели». А в «Конце Санкт-Петербурга» городской (на сей раз конный) напрямую рифмуется с петербургскими статуями. Но точно так же — снизу — в первых сценах «Матери» снят пьяный тиран-отец, против которого встает на защиту героини сын. Бунт против империи оказывается восстанием юных детей против отцов. Понятия «Отец» и «Отечество» обнаруживают свое прямое родство с образом имперского гнета. Разумеется, они восходят в отечественной культурной традиции к образу Медного всадника — с ним непосредственно монтажно рифмуется фабрикант в «Конце Санкт-Петербурга».

Но еще важнее то обстоятельство, что достаточно распространенная наклонная точка съемки снизу, обостряя ощущение угрозы, которое несет монумент, одновременно лишает его абсолютной устойчивости, на которую тот претендует. Ракурс содержит в себе, если угодно, указание на постоянно присутствующую возможность низвержения-развенчания «кумира» — и именно посредством того или иного кинематографического трюка, применяемого, прежде всего, в «комической». Так, план Вандомской колонны в «Новом Вавилоне» с помощью резкого поворота камеры блистательно имитирует ее низвержение парижскими коммунарами. Крушение самодержавия в «Октябре» дано через низвержение монумента Александра III, снятое рапидом. Комическая природа этого трюка наглядно проявляется в одном из последующих эпизодов — «Корниловский мятеж», — где угроза

возвращения монархии дана через те же кадры разрушения монумента, но пущенные обратным ходом.

Смех оказывается тут одним из важнейших средств развенчания претензий старого мира на незыблемость. Он именно низ-вергается движением сверху вниз — будь то свержение монумента с пьедестала в «Октябре»; рушащийся под откос поезд, украшенный флагами Второй империи в «Новом Вавилоне»; или заводские власти в «Стачке» — мастер, инженер, которых взбунтовавшиеся рабочие, вывезя на тачке, вываливают с косогора в грязный пруд, или выбрасываемые за борт офицеры в «Потёмкине», наконец.

Более того, и встречное движение снизу вверх — восхождение-возвышение — в той же мере связано тут со смеховой стихией. Самые возвышенные трагедийные и эпические образы можно рассматривать как превращенные комические трюки, как это ни парадоксально на первый взгляд. Первые кадры кинопоэмы Александра Довженко «Звенигора» (1928) — всадники-запорожцы, снятые рапидом, задают повествованию эпический ритм. А между тем этот прием Довженко впервые использует в своей дебютной эксцентрической короткометражке «Ягодка любви». Там герой торопит извозчика, но чем больше тот нахлестывает коней, тем медленней они перебирают ногами, пока не начинают плыть по воздуху. Собственно, и один из самых трагических образов мирового кинематографа — коляска с младенцем на одесской лестнице из «Потёмкина» — обнаруживает свой исток, как неоднократно отмечалось, в сюжетах погонь из самых ранних комедий. Всякое, по сути, конкретное событие — как бытовое, так и историческое — он превращает в праздничное действие переворота-преображения.

Киноавангард и культурная традиция

Основной антитезой «революционному вихрю, сметающему всех ему сопротивляющихся», выступают образы имперской культуры — прежде всего скульптуры и архитектуры — в силу своей предельной неподвижности-незыблемости. Развенчанием объектов культуры прошлого дело не ограничивается, что наглядно продемонстрировал Эйзенштейн в «Октябре». Они не только не устранились из новой культурной системы, но, попав в принципиально новый контекст, становятся объектами свободной и фамильярной игры. При чем происходит это на всем пространстве отечественного киноавангарда 20-х, а не только в фильмах на историко-революционном материале. Патетическое и комическое слиты воедино. Так, например, строится в «Катке Бумажный Ранет» сцена, где бездомный люмпен-интеллигент пытается, расстелив носовой платок вместо простыни, расположиться на ночлег у подножия памятника Екатерине Второй. Но начинается дождь, с монумента на героя стекает вода, и он встает, буркнув памятнику: «Стерва». Трагикомическая сцена одновременно

смотрится сниженным вариантом пушкинского «Ужо тебе» из «Медного всадника».

Аналогичный пример находим в «Третьей Мещанской», где герой Николая Баталова, прораб на стройке, восседает с бутылкой молока и куском булки на одном из коней квадриги Аполлона с фронтона Большого театра. И восседает при этом лицом к хвосту, подобно Иванушке-дурачку из народных сказок.

В отличие от идеологов Пролеткульта или РАППа отечественный киноавангард никоим образом не отрицает опыт классической мировой культуры, он погружает этот опыт в праздничное пространство новой революционной реальности и тем самым открывает и высвобождает неизменно присутствующее в нем живое, динамичное, жизнетворящее начало.

Так, Эйзенштейн в «Мудреце» превращает драму Островского о молодом умном и беспринципном плуте, входящем в доверие к самодовольным и тупым противникам реформ, в сатиру на... белую эмиграцию со злободневными куплетами и репризами. ФЭКСы заменяют Подколёсина на Чарли Чаплина, Агафью Тихоновну превращают в американку мисс Агату, женихов — в управляемые разным способом механизмы (слово «робот» еще не вошло в обиход), и вводят пару клоунов-слуг просцениума, одного из которых зовут Альберт, а другого — Эйнштейн.

Здесь развенчивается, умерщвляется не авторитет классика и его произведения, а традиционное представление о них, омертвевшее и заслоняющее живую суть. В «Женитьбе» ФЭКСов это умерщвление-воскрешение дано буквально и произведено по всем канонам карнавального действия. В финале на сцене появляется Гоголь, умирающий от разрыва сердца при виде интерпретации его пьесы, после чего клоуны оживляют его с помощью электричества (отсюда подзаголовок спектакля — «Электрификация Гоголя») и объявляют о его воскресении.

Собственно, по тому же принципу вводятся в новую систему объекты архитектуры и скульптуры — в качестве знаков не только исторического, но и культурного прошлого. И точно так же становятся объектами карнавальной игры. Не случайно часть действия дебютной короткометражной клоунады ФЭКСов «Похождения Октябрины» разворачивается на крыше Исаакиевского собора, а в титрах возникает ироническая надпись: «Архитектор фильма Монферран». Адресат иронии — фильм «Дворец и крепость», открывающий ряд историко-костюмных боевиков в постановке режиссеров старшего поколения («Девятое января», «Декабристы», «Поэт и царь»), активно эксплуатирующих киногению имперской архитектуры и скульптуры.

Показательно, что тема монумента в советском киноавангарде 20-х начинается именно с памятника Петру в эпизоде, снятом Эйзенштейном для эпопеи «1905 год», из которой вырос «Броненосец «Потёмкин». Равно как и то, что первым толчком к замыслу «Конца Санкт-Петербурга», по свидетельству

Головни, стала пушкинская «петербургская повесть». Но еще существеннее заданное в «Медном всаднике» единство этих двух начал. Наличие одного неизбежно влечет за собой другое. В этом контексте родственным бедному Евгению оказывается не только Башмачкин в фэкссовской «Шинели», но и Парень в том же «Конце Санкт-Петербурга». Причем тема монумента разработана тут едва ли не более выразительно, чем противоположная ей тема отдельной человеческой судьбы в имперском пространстве⁷.

Тем ценнее опыт разработки последней в фильмах Фридриха Эрмлера с участием Федора Никитина. В отличие от прочих актеров коллектива Эрмлера, пришедший из театра (выпускник школы МХТ) Никитин концентрирует как в облике, так и в манере игры черты определенного типа героев классической русской литературы. В новом контексте он воспринимается как персонаж из «бывших» и в этом качестве неизбежно оказывается комически снижен как человек «не от мира сего». Но в силу многозначности данного определения снижение оборачивается возвышением. Герой Никитина у Эрмлера, прежде всего — «блаженный». Никитин в своих ролях проигрывает основные версии канонического сюжета о пробуждении сознания — от интеллигента («Катюша-Бумажный Ранет», «Дом в сугробах») до пролетария («Обломок империи»). Но именно блаженная «неотмирность» объединяет всех без исключения его персонажей. В этом смысле ключевым в ряду героев Никитина — Эрмлера оказывается глухонемой Кирик в фильме с откровенно парадоксальным названием «Парижский сапожник», в одиночку против всего городка отстаивающий честь обманутой и оклеветанной героини. Именно эта черта героев Никитина делает актера в фильмах Эрмлера воплощенным этическим (и эстетическим) критерием. Уже в 60-х гг., рассказывая о совместной работе, Эрмлер вспоминал: «Если бы кто-нибудь слышал, как я говорил ему: “Федя, в этих кадрах нужны глаза Христа”. И он понимал» [Эрмлер 1974, с. 113–114].

Будучи принципиальными атеистами, авангардисты Эйзенштейн и Эрмлер, тем не менее, обращаются к новозаветным сюжетам.

Развенчание царей, героев и богов происходит по одному и тому же принципу — как разоблачение объектов поклонения. Разоблачение — в буквальном смысле, если вспомнить монтажную фразу «За бога и родину» в эпизоде корниловского мятежа в «Октябре». Там монументальный Корнилов на коне монтажно срифмован с миниатюрной фарфоровой статуэткой Наполеона. А ряд изображений божеств, преимущественно скульптурных, дан в последовательности от изваяний в пышных одеяниях к изображениям все более упрощающимся и завершается примитивными фигурками языческих божеств

⁷ Возможно, именно интерес к теме монумента, не присутствующей напрямую в повести Гоголя, объясняет обращение Козинцева и Трауберга к русской классике, совершенно не характерное для киноавангарда, считавшейся приоритетом «традиционалистов».

из грубых кусков дерева. Избыточность акцентирована и во внешнем облике благословляющих неправое дело священнослужителей, их облачении, атрибутах. Крест в руках священника из «Потёмкина», призывающего к смирению приведенных на расстрел матросов, начинает выглядеть орудием казни и вонзается в палубу, как топор в плаху, а смертельно раненный Вакуленчук в «Броненосце «Потёмкин» повисает на канатах, раскинув руки, как распятый. Композиция кадра, где матросы поднимают убитого на палубу, выстроена как снятие с креста, а фигуры женщин у тела Вакуленчука на молу отсылают к композициям «Пьеты». Окружающих объединяет добровольная жертва героя («Вакуленчук решается», — гласит титр) во имя преодоления насилия и всеобщего братства. «Братья», как неоднократно отмечалось, тут ключевое слово. Его новозаветный контекст становится явственным в выступлении женщины на молу над телом Вакуленчука: «Матери и братья, пусть не будет различия и вражды между нами!», отсылающем к известному Посланию к Колоссянам апостола Павла о единстве в новой вере всеобщего братства. Именно по этой логике выстраивается финал фильма, где ожидание выстрела по мятежному броненосцу сменяется ликующим «Братья!». Как отмечал Наум Клейман, «практике Насилия предпочтен Идеал Братства» [Клейман 2004, с. 48].

В этом контексте снятый с нижней точки финальный кадр надвигающегося на камеру носа корабля читается как образ вознесения⁸.

Соответственно, революционное восстание подается здесь как подлинный приход и воскресение Спасителя. Такое восприятие события распространено в ту эпоху — достаточно вспомнить «Двенадцать» Александра Блока или «Христос и мы» Андрея Платонова.

В таком контексте проясняется действительный смысл приведенной выше фразы Эрмлера о глазах Христа, обращенной к Никитину на съемках «Обломка империи». Один из самых известных кадров этой картины — распятие на поле боя в эпизоде возвращения памяти, шедевре ассоциативного монтажа. Лик Спасителя скрыт противогазом. Отсутствие лица здесь (как и у Эйзенштейна — главного авторитета для Эрмлера) есть знак смерти. В своем прежнем качестве бог умер. Он становится очередным *скульптурным* неподвижным изваянием⁹. Поэтому раненого солдата, на коленях безуспешно молящего о спасении перед распятием, вдавливают в землю танк. Крупным планом дан Георгиевский крест, вдавленный гусеницами в грудь. Тогда открывается действительный смысл

⁸ На это указывает и нереализованный замысел Эйзенштейна: при первом показе фильма в Большом театре нос корабля разрезал надвое экран, превращая его в раздвигающийся занавес, открывающий находящихся на сцене участников восстания. Он ассоциируется с завесой, раздирающейся в Иерусалимском храме в момент смерти Христа на Голгофе (Мф.27:50-5).

⁹ Это цитата из серии рисунков известного немецкого художника-экспрессиониста Георга Гросса. Показательно, что динамический графический образ Эрмлер заменяет подчеркнута статичным скульптурным.

начальной сцены фильма, где блаженный герой Никитина спасает умирающего красноармейца и трогательно ухаживает за ним — он-то и оказывается тем, в ком дело Христа оживает¹⁰.

Традиционная же религиозная атрибутика выступает как мнимо-христианская, языческая по своей сути. Священника из «Потёмкина», у которого крест выглядит орудием убийства, восставшие низвергают в трюм со словами: «Убирайся, халдей!»

Советский киноавангард 20-х гг. прошлого века — явление уникальное. Он отличается от европейского авангарда, во-первых, своим интересом к жизненному материалу, который выступал истоком художественных творений. В отечественном авангарде идея преобразования жизни находила свое подтверждение в самой новой физической реальности быта, улиц, лиц. Во-вторых, советский киноавангард обращается к логике карнавала с его амбивалентностью, когда созидание и разрушение оказываются объяснительными моделями нового, становящегося мира. В-третьих, отечественный авангард отказывается от тотального неприятия прошлой культуры, относится к ней избирательно. Он ниспровергал, пользуясь принципами карнавальской инверсии, то, что выступало как знак официальной культуры, застывшей, возведенной на пьедестал. Советский киноавангард реабилитировал действительность с ее витальной и карнавальской стихиями.

Список литературы

- Авенариус 1939 — *Авенариус Г.* Уильям Дитерле // Искусство кино. 1939. № 10. С. 56–61.
- Арнольди 1929 — *Арнольди Э. М.* Авантюрный жанр в кино. М. : Л. : Театропечать, 1929. 96 с.
- Бахтин 1990 — *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 543 с.
- Блейман 1973 — *Блейман М.* О кино — свидетельские показания. М. : Искусство, 1973. 588 с.
- Гессен 1927 — *Гессен Д.* Братишка // Вечерняя Красная газета (Ленинград). 1927. 18 июня.
- Гращенкова 1977 — *Гращенкова И. Н.* Абрам Роом. М. : Искусство, 1977. 265 с.
- Клейман 2004 — *Клейман Н.* Формула финала: статьи, выступления, беседы. М. : Эйзенштейн-центр, 2004. 448 с.
- Козинцев 1982 — *Козинцев Г.* Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1 : Глубокий экран. О своей работе в кино и театре. Л. : Искусство, 1982. 560 с.
- Кольцов 1925 — *Кольцов М.* Стачка // Правда. 1925. 14 марта.

¹⁰ Сходный вариант находим в «Новом Вавилоне». Превращение забитой продавщицы из огромного универсального магазина в героиню революционных баррикад дано через смену двух ее символов. В начале это маячащая за ее спиной огромная кукла-манекен — то, во что, с точки зрения хозяина, должна превратиться в идеале героиня. Затем мы видим манекен сгорающим в пламени подожженной баррикады, на которой героиня сражается. В финальной сцене расстрела коммунаров на кладбище Пер-Лашез в кадре возникает деревянная мадонна с каплями дождя, стекающими, как и у героини, по лицу. Тем самым героиня обретает новую ипостась — мадонны революции.

- Луначарский 1928 — *Луначарский А. В.* Альфред Керр о русском кино // Луначарский А. В. Кино на Западе и у нас. Л. : Гос. тип. им. Евг. Соколовой, 1928. С. 24–31.
- Недоброе 1928 — *Недоброе В.* ФЭКС. Григорий Козинцев. Леонид Трауберг / вступ. ст. В. Шкловского. М. : Кинопечать ; Л. : Тип. им. тов. Бухарина, 1928. 79 с.
- Паперный 2009 — *Паперный В.* Культура Два. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 233 с.
- Уиддис 2011–2012 — *Уиддис Э.* Фактура: поверхность и глубина в кинодекорационном искусстве раннего советского кино / пер. с англ. Н. Рябчиковой // Киноведческие записки. 2011–2012. № 99. С. 35–59.
- Чвялёв 1929 — *Чвялёв Е. Д.* Советские фильмы за рубежом. М. : Теакинопечать ; Л. : Центр. тип. Наркомвоенмора, 1929. 88 с.
- Эйзенштейн 1964 — *Эйзенштейн С. М.* Избранные произведения : в 6 т. Т. 2 / сост. П. М. Аташева, Н. И. Клейман, Ю. А. Красовский и др. М. : Искусство, 1964. 564 с.
- Эйзенштейн 2000 — *Эйзенштейн С. М.* Дионис и Озирис // Эйзенштейн С. М. Монтаж. М. : ВГИК, 2000. С. 221–229
- Эксцентризм 1922 — Эксцентризм. Эксцентрополис (бывш. Петроград) : 5-я Государственная типография, 1922. 15 с.
- Эрмлер 1974 — *Эрмлер Ф.* Документы, статьи, воспоминания / общ. ред., вступ. статья и примеч. И. В. Сэпман. Л. : Искусство. Ленингр. отд-ние, 1974. 344 с.

References

- Arnoldi, E. M. (1929), *Avantyrnyi zhanr v kino* [Adventurous Genre in Cinema], Teakinopechat', Moscow, Leningrad, 96 p. (in Russian).
- Avenarius, G. (1939), "William Dieterle", *Iskusstvo kino*, no. 10, pp. 56–61 (in Russian).
- Bakhtin, M. M. (1990), *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais' Creativity and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 543 p. (in Russian).
- Bleiman, M. (1973), *O kino — svidetel'skie pokazaniya* [About Cinema — Testimony], Iskusstvo, Moscow, 588 p. (in Russian).
- Chvyalev, E. D. (1929), *Sovetskie fil'my za rubezhom* [Soviet Films Abroad], Teakinopechat, Moscow, Tsentral'naya tipografiya Narkomvoenmora, Leningrad, 88 p. (in Russian).
- Eizenshtein, S. M. (1964), *Izbrannye proizvedeniya: v 6 tomakh. Tom 2* [Selected Works, in 6 vols, Vol. 2], Iskusstvo, Moscow, 564 p. (in Russian).
- Eizenshtein, S. M. (2000), "Dionysus and Osiris", in Eizenshtein, S. M., *Montazh* [Montage], VGIK, Moscow, pp. 221–229 (in Russian).
- Ermler, F. (1974), *Dokumenty, stat'i, vospominaniya* [Documents, Articles, Memories], Iskusstvo, Leningrad, 44 p. (in Russian).
- Gessen, D. (1927), "Bratishka", *Vechernyaya Krasnaya gazeta*, Leningrad, 18 June (in Russian).
- Grashchenkova, I. N. (1977), *Abram Room*, Iskusstvo, Moscow, 265 p. (in Russian).
- Kleiman, N. (2004), *Formula finala: stat'i, vystupleniya, besedy* [Final formula. Articles, speeches, conversations], Eizenshtein-Center, Moscow, 448 p. (in Russian).
- Kol'tsov, M. (1925), "Strike", *Pravda*, 14 March (in Russian).
- Kozintsev, G. (1982), *Sobranie sochinenii, v 5 tomakh. Tom 1* [Collected Works, in 5 vols, Vol. 1], Iskusstvo, Leningrad, 560 p. (in Russian).
- Kozintsev, G., Kryzhitskii, G., Trauberg, L. and Yutkevich, S. (1922), *Ekstsentrizm* [Eccentrism], 5 Gosudarstvennaya tipografiya, Ekstsentropolis (Petrograd), 15 p. (in Russian).
- Lunacharskii, A. V. (1928), "Alfred Kerr on Russian cinema", in Lunacharskii, A. V., *Kino na Zapade i u nas* [Cinema in the West and with us], Gosudarstvennaya tipografiya imeni E. Sokolovoi, Leningrad, pp. 24–31 (in Russian).
- Nedobrovo, V. (1928), *FEKS. Grigorii Kozintsev. Leonid Trauberg* [FEKS. Grigory Kozintsev. Leonid Trauberg], Kinopechat', Moscow, Tipografiya imeni tovarishcha Bukharina, Leningrad, 79 p.

- Papernyi, V. (2009), *Kul'tura Dva* [Culture Two], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 233 p. (in Russian).
- Widdis, E. (2011–2012), “Texture: Surface and Depth in the Cinematographic Art of Early Soviet Cinema”, translated by Ryabchikova, N., *Kinovedcheskie zapiski*, no. 99, pp. 35–59 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 17.04.2021

Принята к публикации / Accepted: 25.05.2021

Информация об авторе

Марголит Евгений Яковлевич
кандидат искусствоведения
Госфильмофонд Российской Федерации
142050 Россия, Московская обл.,
Домодедово, Белые Столбы,
пр. Госфильмофонда
E-mail: emargolit@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-3539-9221

Information about the author

Margolit, Evgeny Yakovlevich
Cand. Sci. (History of Art)
Gosfilmofond of the Russian Federation
Gosfilmofond Prospect, Belye Stolby,
Domodedovo, Moscow Oblast, 142050
Russia
E-mail: emargolit@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-3539-9221

Социологическая диагностика проблем социального развития

DOI 10.15826/koinon.2021.02.1.008

УДК 378.1(571.12) + 378.14.014.13

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВУЗОВ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

О. С. Кудинова

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

Л. Г. Скульмовская

Тюменский государственный институт культуры
Тюмень, Россия

Аннотация: Цель статьи заключается в выявлении проблем, приоритетов и направлений стратегического развития вузов Тюменского региона в современных условиях. В статье обосновывается необходимость разработки и реализации гибких стратегий развития образовательных организаций высшей школы. Авторами дан краткий ретроспективный обзор публикаций по проблематике управления образовательными системами. На основе анализа данных экспертного опроса выявлены проблемы организации и функционирования вузов Тюменского региона и определены ключевые направления их развития. Сопоставление данных экспертного опроса и анализа проблем высшей школы, отраженных в публикациях ведущих современных социологов, подтверждает актуальность темы исследования и позволяет сделать вывод как о наличии проблем системного характера, ожидающих решения в течение многих лет, так и о новых факторах, угрожающих стабильности функционирования и развития региональных вузов. В заключение авторы называют

аспекты, относящиеся к развитию высшей школы региона: необходимость расширения практико-ориентированного обучения, создания активной и интерактивной образовательной среды для студентов; междисциплинарность вузовской подготовки и переподготовки специалистов, использование возможностей дистанционного формата обучения, в том числе для привлечения профессорско-преподавательского контингента нужной квалификации на постоянной, временной или экспериментальной основе. Остается дискуссионным и требующим изучения вопрос о влиянии дистанционного обучения на качество высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование, образовательная система, стратегия развития, региональный вуз, проблемы образования.

Для цитирования: Кудинова О. С., Скульмовская Л. Г. Актуальные проблемы и направления развития вузов Тюменского региона в современных условиях // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 168–181. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.008

ISSUES OF CONCERN AND DEVELOPMENT DIRECTIONS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE TYUMEN OBLAST' IN PRESENT- DAY CONTEXT

O. S. Kudinova

Tyumen State University
Tyumen, Russia

L. G. Skulmovskaya

Tyumen State Institute of Culture
Tyumen, Russia

Abstract: The article focuses on the problems, priorities and directions of strategic development of higher education institutions in the Tyumen region in today's conditions. The article substantiates the need to develop and implement flexible strategies for the development of higher education institutions. The authors give a brief retrospective review of publications on the problems and the formation of the management of educational systems. Based on the analysis of the expert survey data, they also identify the problems concerning the organization and functioning of higher education institutions in the Tyumen region and the key directions of their development. The comparison between the data of the expert survey and the analysis of the problems of higher education, reflected in the publications of leading contemporary sociologists confirms the relevance of the research. It also allows us to conclude that there are systemic problems that have been seeking solutions for many years and new factors that threaten the stability of the functioning and development of regional universities. Finally, the authors indicate aspects

that contribute to the development of higher education in the region: the need to expand practice-oriented training, create an active and interactive educational environment for students, the interdisciplinarity of university training and retraining of specialists, the use of distance learning opportunities, including the attraction of the teaching staff of the necessary qualifications on a permanent, temporary or experimental basis. The question of the impact of distance learning on the quality of higher education remains debatable and requires further study.

Keywords: higher education, educational system, development strategy, regional university, problems of education.

For citation: Kudinova, O. S. and Skulmovskaya, L. G. (2021), "Issues of Concern and Development Directions of Higher Education Institutions of the Tyumen Oblast' in Present- Day Context", *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 168–181 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.008

Введение

Система высшего образования в России, как любая открытая система, постоянно подвергается изменениям, связанным с новыми вызовами, в том числе технологического характера. Это влечет за собой ряд проблем в теории и практике подготовки студентов, а также обнажает проблемы управления образовательными учреждениями. Период перехода к новой концепции образования, характеризовавшейся введением двухуровневой высшей школы (бакалавриат и магистратура), был для российских вузов одновременно периодом выживания и периодом возможностей. Именно тогда возникла настоятельная потребность в разработке стратегии развития каждого вуза страны, определении приоритетов и направлений специализации. Дальнейшие процессы, связанные с укрупнением и оптимизацией образовательных учреждений высшей школы, обострили проблему стратегического управления учреждениями высшего образования. Изменение рынка труда, цифровизация и пандемия становятся новыми вызовами, меняющими условия функционирования и развития образовательных учреждений высшей школы. Указанные факторы, степень их влияния и их последствия требуют изучения в течение длительного периода.

Цель исследования — выявление приоритетов и направлений стратегического развития вузов Тюменского региона в современных условиях.

Методология и методы исследования

Основы управления образовательными учреждениями отражены в работах Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Н. А. Корфа, В. И. Водовозова, Н. Ф. Бунакова и др. Многие постулаты Н. И. Пирогова, провозглашенные еще в конце XIX века, остаются актуальными до сих пор: необходимость

доступности образования для любой категории населения, многоуровневый характер системы образования, ориентация на возможности применения полученных знаний. В отношении организации и управления учреждениями высшей школы — углубление специализации университетов, связанное, по мнению Н. И. Пирогова, с развитием науки, необходимость организации подготовки научно-педагогических кадров для университетов, обязательная научная деятельность преподавателей, конкурсный отбор для кандидатов на вакантные должности [Пирогов 2020]. Основой профессионального обучения Н. И. Пирогов считал широкое общее образование, но выступал против ранней специализации детей. Как Н. И. Пирогов, так и К. Д. Ушинский и их последователи придавали особое значение процессам обучения и воспитания, считая, что воспитание неотделимо от единого нравственно-научного просвещения на любом уровне образования. На наш взгляд, в современных условиях именно этот постулат подвергся наиболее серьезному изменению под влиянием развития информационных технологий и дистанционных форматов обучения: дистанционное обучение возможно, а дистанционное воспитание — нет. Это один из главных вызовов современной действительности в сфере образования.

Выдвинутые Н. И. Пироговым, К. Д. Ушинским, Н. А. Корфом идеи в области управления образовательными системами были поддержаны и развиты многими отечественными учеными-исследователями и трансформировались в целый ряд направлений: от «школоведения» А. Н. Волковского и М. П. Малышева [Школоведение 1955], где впервые вводится понятие «управление школой», до социального управления, проблемам которого посвящены работы А. К. Белых [Белых 1982], М. Маркова [Марков 1978], А. М. Омарова [Омаров 1980], Л. Н. Суворова и А. Н. Аверина [Суворов, Аверин 1984].

В дальнейшем, в период с 1980-х по 2000-е гг., активно разрабатываются научные подходы к управлению образованием, получившие отражение в работах Ю. А. Конаржевского [Конаржевский 1986], В. С. Пикельной [Пикельная 1990], В. С. Лазарева, М. М. Поташника, А. М. Моисеева [Управление развитием школы 1995], Т. И. Шамовой, Т. М. Давыденко, Г. М. Шибановой [Шамова, Давыденко, Шибанова 2007], Е. С. Березняка [Березняк 1983]. Постепенно происходит трансформация идей в управлении образовательными системами от обобщения и передачи успешного опыта к идее управления развитием образовательного учреждения и системы образования в целом. Исследователи отмечают, что следует различать управление образовательной системой и управление образовательными учреждениями. По нашему мнению, эти процессы следует рассматривать во взаимосвязи. Проблемы, связанные с функционированием и развитием образовательных учреждений определенного уровня образования или относящиеся к определенной территории, оказывают влияние на систему образования в целом.

Современные исследования в области управления и функционирования российской системы образования и образовательных организаций касаются выявления ряда проблем, с которыми сталкиваются образовательные организации, система образования в целом. Проблемам системы образования и поиску решений для их преодоления посвящены работы Ю. Р. Вишневецкого, Д. Ю. Нархова [Вишневецкий, Нархов 2019], В. В. Гаврилюк [Гаврилюк 2003], Е. В. Грунт, А. В. Меренкова, Н. Л. Антоновой [Grunt, Merenkov, Antonova 2019a; Grunt, Merenkov, Antonova 2019b], В. В. Давыдова [Давыдов 2004], В. П. Засыпкина, Г. Е. Зборовского [Засыпкин, Зборовский 2010], Г. Е. Зборовского, Е. А. Шуклиной [Зборовский, Шуклина 2003], А. А. Кирилловых [Кирилловых 2018], В. В. Комлевой [Комлева 2018], Н. А. Лоншаковой [Лоншакова 2002; Лоншакова 2007], С. Н. Михайличенко [Михайличенко 2018], Т. А. Павловой, М. Н. Уваровой [Павлова, Уварова 2018], Г. Ф. Шафранова-Куцева [Шафранов-Куцев 2012; Шафранов-Куцев 2016], Е. В. Ширинкиной, Н. Ю. Кауфман [Ширинкина, Кауфман 2018] и др.

Основными проблемами, по мнению ряда исследователей, стоящими перед современной системой образования, являются:

— «нарушение социально справедливых условий доступа различных слоев населения к разным уровням образования, отсутствие оптимального механизма финансирования образовательных программ, недостаточно отвечающее современным требованиям качество образования, слабая ориентация подготовки специалистов на приобретение инновационных навыков, сложности трудоустройства выпускников образовательных учреждений» [Василенко 2007, с. 4];

— «изменение качественных характеристик профессорско-преподавательского состава вузов» [Уварова, Павлова 2017];

— сложная эпидемиологическая обстановка в стране, связанная с распространением коронавируса (COVID-19) [Зеленова 2020, с. 28];

— необходимость использования и освоения всеми участниками образовательного процесса возможностей информационных образовательных платформ для электронного обучения, дистанционного формата обучения и др.

Перечисленные проблемы представлены в обобщенном виде, поэтому следует учитывать специфику отдельно взятого вуза, особенности региона и регионального рынка труда. Регионализация высшего образования, по мнению Н. А. Лоншаковой, заключается, в том числе, в «обеспечении взаимодействия рынка образования и рынка труда», «формировании образовательного потенциала региона и оказании влияния на социальную структуру населения региона» [Лоншакова 2007, с. 7].

Материалом для анализа явились данные социологического исследования, проведенного методом глубинного интервью экспертов (30). В качестве экспертов выступили представители органов власти Тюменской области и города Тобольска, представители руководства вузов (гг. Москва, Тюмень, Тобольск),

педагогического сообщества, проживающие в этих же населенных пунктах, работодатели. Также использовался метод анализа документов, определяющих развитие высшей школы России в настоящее время.

Результаты исследования и их обсуждение

В Тюменском регионе высшая школа представлена образовательными учреждениями разной направленности, имеющими свою специфику и готовящими специалистов для определенных сфер экономической деятельности: топливно-энергетического комплекса, строительства, сферы культуры и искусства, образования, медицины, военно-промышленного комплекса. Специфика системы образования Тюменского региона — в наличии опорного вуза, готовящего кадры для нефтегазовой отрасли (нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности) и топливно-энергетического комплекса в целом, предприятия которого расположены не только в Тюменском регионе.

Результаты экспертного опроса позволяют сделать вывод о необходимости дальнейших изменений в деятельности, организации учебного процесса региональных вузов (90 % экспертов высказались за необходимость изменений, обусловленную влиянием внешних факторов). Большинство (60 %) экспертов считают наличие стратегии развития вуза обязательным условием его функционирования. Необходимость определения направления развития вузов отметили 80 % экспертов. Эксперты назвали факторы, оказывающие особое влияние на систему высшего образования в регионе и стране в целом:

- изменение рынка труда;
- несоответствие сложившейся модели образования современным запросам общества;
- изменение требований работодателей к выпускникам вузов;
- снижение качества подготовки выпускников;
- недостаточность обеспечения кадрами системы высшего образования, особенно в регионах;
- необходимость «непрерывного образования на протяжении всей жизни человека» для успешной деятельности вуза в направлении дополнительного образования, профессиональной переподготовки кадров региона;
- информатизация и цифровизация образовательного процесса, имеющие свои отдельные «плюсы» и «минусы».

Отметим, что чуть более 10 % экспертов высказались за необходимость возврата к советской системе высшего образования, ссылаясь на его универсальность, профессиональную востребованность и «выживаемость выпускников советских вузов в любых условиях». Мнения экспертов, разделяющих такую точку зрения, сводились, в том числе, к отрицанию необходимости проводимых образовательных реформ, поскольку «они ведут лишь к снижению качества

образования» и «нам нечему учиться у западных коллег». Однако трансформационные процессы затрагивают все сферы жизнедеятельности общества, и, по нашему мнению, последствий изменений избежать не удастся. Поэтому нам представляется особенно важной стратегическая составляющая деятельности вузов на данном этапе.

Перечисленные экспертами факторы можно отнести как к проблемам, характерным для высшей школы Тюменского региона на современном этапе, так и к задачам, требующим выработки стратегических решений, и к возможностям, способным задать общие направления развития системы высшего образования.

Эксперты отметили, что трудно переоценить роль высшей школы в формировании человеческого капитала. Между величиной, характеризующей производство человеческого капитала, и величиной валового национального продукта существует зависимость, близкая к линейной: чем больше уровень производства человеческого капитала в стране, тем больше валовой национальный продукт. Не противоречит этому и предположение о том, что, реализуя свои способности, талант, используя знания, навыки и умения, а также условия и возможности внешней среды, человек способен увеличивать свой доход [Кудинова 2016]. В качестве первоочередных задач, стоящих перед высшей школой на современном этапе, эксперты отметили следующие:

- обеспечение предприятий и организаций квалифицированными кадрами;
- профессиональную переподготовку кадров в соответствии с меняющимися внешними условиями, требованиями работодателей;
- обеспечение возможностей для саморазвития студентов и подготовки их к изменениям, адаптации к внешним вызовам;
- формирование положительного имиджа вуза;
- формирование на базе вузов центров общественной, образовательной, интеллектуальной жизни города; поддержание общественной, образовательной и интеллектуальной активности в условиях пандемии;
- содействие трудоустройству выпускников;
- проведение научных исследований и продвижение инноваций, в том числе педагогического характера, связанных с изменением формата обучения;
- поиск уникальности каждого вуза;
- патриотическое воспитание студентов.

Мнения экспертов в отношении внесения модернизационных изменений в деятельность вузов разделились почти поровну. Около 40 % экспертов высказались за такие изменения, но с учетом кадровых потребностей региона, а также рисков изменений, реализуемых в деятельности вузов. Почти 37 % участников опроса — за расширение и углубление специализации вузов, против кардинальных трансформаций, за поэтапное осуществление необходимых каждому вузу изменений. По нашему мнению, вузы Тюменского региона

действительно являются уникальными и разноплановыми, поэтому при разработке стратегии развития вуза необходимо учитывать не только внешние вызовы, но и внутренние возможности, потенциал и преимущества. И если для одного вуза будет стратегически оправданным решение о проведении научных исследований и продвижении инноваций, то другой вуз перед такой задачей окажется «невооруженным» ввиду отсутствия научных кадров требуемого уровня подготовки, финансирования и необходимого материально-технического оснащения.

Отдельно эксперты выделили план создания «активной среды для студентов, способствующей развитию инновационных и востребованных в будущем компетенций и навыков». С помощью такой среды станет возможной «реализация высокого уровня профессиональной активности студента — научной, социальной, культурной». По мнению экспертов, необходимо демонстрировать на практике возможности будущей профессии, в том числе через участие в проектной деятельности вуза, научно-исследовательской деятельности кафедр, создание и укрепление взаимодействия с работодателями. Большинство экспертов считает необходимой дальнейшую реализацию практико-ориентированного подхода в образовании.

Экспертам было предложено оценить современную ситуацию на рынке труда, и, поскольку часть экспертов являлась потенциальными и реальными работодателями для выпускников вузов Тюменского региона (представители ООО «Сибур-Тобольск», руководители банков, производственных предприятий г. Тюмени и г. Тобольска, средств массовой информации и др.), полученная информация имеет большое значение для настоящего исследования. 60 % экспертов считают, что регион нуждается в специалистах-универсалах, работниках «широкого профиля с высоким потенциалом к обучению на рабочем месте». Данное мнение косвенно подтверждает наличие проблемы соответствия квалификации выпускников высшей школы современным требованиям рынка труда. Вместе с тем подтверждается и наше мнение о необходимости выстраивания непрерывной образовательной траектории для каждого обучающегося самостоятельно на протяжении всей жизни. Наряду с возможностью реализации трудового потенциала в выбранной профессии такая пожизненная образовательная траектория дает возможности самореализации в соответствии как с меняющимися потребностями самого индивида, так и с изменением ситуации на рынке труда. Идеи непрерывного образования и самообразования были выдвинуты, в числе прочих, Г. Ф. Шафрановым-Куцевым, и автор обосновывает их устареванием знаний, которое для выпускников XXI в. наступает каждые 2–3 года. Поэтому данное обстоятельство требуется учитывать при разработке программ профессионального образования, программ дополнительного образования и курсов повышения квалификации, а также в новой парадигме образования [Шафранов-Куцев 2012, с. 97].

Эксперты (70 %) считают, что для большинства работодателей привлечение специалиста требуемой квалификации на рынке труда предпочтительнее и выгоднее, чем заключение с вузом договоров на подготовку нужных специалистов. Это объясняется тем, что специалист требуемой квалификации нужен немедленно, а не через 4–6 лет. И хотя 4–6-летнее планирование, по мнению некоторых экспертов, уже можно считать средне-, а не долгосрочным, для большинства малых и средних производственных предприятий, и особенно для предприятий сферы услуг, ожидание прихода подготовленного специалиста в течение 4–6 лет означает скорее упущенную выгоду, чем приобретенные возможности. Но, по нашему мнению, часть наиболее ожидаемых требуемых вакансий все же может быть закрыта с помощью целевого обучения. На наш взгляд, эти возможности в полной мере пока не изучены ни работодателями, ни абитуриентами.

Деятельность вузов региона, по мнению экспертов, не должна быть «оторвана от жизни». Несмотря на то что создание новых образовательных программ является неотъемлемой частью деятельности педагогических коллективов, в которой они тоже выступают как эксперты, необходимо привлекать к оценке новых образовательных программ вуза другие образовательные организации (30 %), представителей крупных промышленных предприятий (20 %), представителей органов власти (20 %), абитуриентов и их родителей (15 %), представителей малого и среднего бизнеса (10 %), представителей различных этнических групп (10 %).

В качестве главных стратегических направлений развития вузов региона эксперты выделили следующие:

- более детальное изучение внутренней среды вуза, ее сильных и слабых сторон, концентрацию на сильных сторонах и кадровом потенциале;
- учет кадровых потребностей региона;
- создание «активной среды для студентов, способствующей раскрытию инновационных, творческих и других способностей»;
- практико-ориентированное обучение;
- планирование целевого обучения;
- более активное включение школьников в образовательную среду вуза, развитие проектной деятельности с привлечением школьников, студентов, работодателей;
- расширение международного сотрудничества (практика студентов за рубежом, повышение квалификации для преподавателей);
- междисциплинарную подготовку студентов;
- развитие студенческих инновационных предприятий (создание социальных или некоммерческих организаций);
- обеспечение естественной смены кадров, привлечение молодых преподавателей, в том числе из-за рубежа, в том числе дистанционно;

— развитие системы дополнительного образования, профессиональной переподготовки кадров региона;

— сохранение традиций классического высшего образования.

Результаты проведенного исследования показали, что в системе регионального высшего образования имеется ряд проблем, часть из которых не теряют своей актуальности уже более века. Многие постулаты, касающиеся организации образовательной и воспитательной деятельности вузов, провозглашенные Н. И. Пироговым, К. Д. Ушинским и другими выдающимися учеными-педагогами, реализованы (конкурсная основа замещения вакантных должностей профессорско-преподавательского состава, усиление специализации вузов и т. п.), многие спрогнозированные ситуации стали реальностью (необходимость получения базовых знаний для дальнейшего профессионального саморазвития, невозможность глубокого познания каждой области науки в связи с накоплением большого массива знаний и т. п.). Проведенное исследование позволило выделить еще несколько проблем, обусловленных современными факторами:

— необходимость использования онлайн-технологий для образовательного процесса не в качестве дополнительных, а в качестве основных, разделяет процессы образования и воспитания, приводя к утрате эффективности последнего;

— необходимость непрерывного профессионального образования каждого человека в течение всей жизни, вызванную динамикой научно-технического прогресса, рынка труда, общественных процессов;

— наличие положительных и отрицательных последствий всепроникающего процесса цифровизации и информатизации, которые необходимо отслеживать и изучать.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о сохраняющей актуальность необходимости практико-ориентированного обучения, создания активной и интерактивной образовательной среды для студентов, междисциплинарной вузовской подготовки и переподготовки специалистов, использования возможностей дистанционного формата обучения, в том числе для привлечения профессорско-преподавательского контингента нужной квалификации на постоянной, временной или экспериментальной основе. Обозначенные направления развития вузов региона, их количество и перспективные возможности не оставляют сомнений в необходимости разработки реальных, гибких, выполнимых стратегий развития учреждений высшего образования.

Список литературы

- Белых 1982 — *Белых А. К.* Развитой социализм: сущность и закономерности. Л. : Лениздат, 1982. 183 с.
- Березняк 1983 — *Березняк Е. С.* Руководство современной школой. М. : Просвещение, 1983. 207 с.

- Василенко 2007 — *Василенко Н. В.* Институциональные основы управления образовательными системами и организациями. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 137 с.
- Вишневский, Нархов 2019 — *Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю.* Парадоксы модернизации высшего образования: итоги 20-летнего мониторинга в Свердловской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2019. Т. 19. № 2. С. 289–301. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-289-301.
- Гаврилюк 2003 — *Гаврилюк В. В.* Социология образования : учеб. пособие. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2003. 232 с.
- Давыдов 2004 — *Давыдов В. В.* Проблемы развивающего обучения : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М. : Академия, 2004. 288 с.
- Засыпкин, Зборовский 2010 — *Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е.* Модернизация образования как фактор изменения требований к профессии педагога [Электронный ресурс] // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2010. № 4 (11). С. 98–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-obrazovaniya-kak-faktor-izmeneniya-trebovaniy-k-professii-pedagoga> (дата обращения: 01.03.2021).
- Зборовский, Шуклина 2003 — *Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Профессиональное образование и рынок труда // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 99–106.
- Зеленова 2020 — *Зеленова Д. А.* Высшая школа: актуальные проблемы и их решение на современном этапе // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 10-2 (100). С. 28–31. DOI: 10.23670/IRJ.2020.100.10.040.
- Кирилловых 2018 — *Кирилловых А. А.* Управление вузом в условиях международного рынка образовательных услуг: публично-правовой аспект // Право и образование. 2018. № 3. С. 86–90.
- Комлева 2018 — *Комлева В. В.* Международная конкуренция государственных политик в области высшего образования: позиции России // Обозреватель. 2018. № 1 (336). С. 69–87.
- Конаржевский 1986 — *Конаржевский Ю. А.* Педагогический анализ учебно-воспитательного процесса и управление школой. М. : Педагогика, 1986. 143 с.
- Кудинова 2016 — *Кудинова О. С.* Развитие кадрового потенциала специалистов гостиничного сервиса : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург : УрФУ, 2016. 21 с.
- Лоншакова 2002 — *Лоншакова Н. А.* Высшее образование: проблемы регионализации в современной России. Чита : Поиск, 2002. 272 с.
- Лоншакова 2007 — *Лоншакова Н. А.* Регионализация высшего образования : учеб. пособие для студентов специальностей Социология, Регионоведение, Государственное и муниципальное управление, Международные отношения. Чита : Читинский гос. ун-т, 2007. 144 с.
- Марков 1978 — *Марков М.* Теория социального управления. М. : Прогресс, 1978. 447 с.
- Михайличенко 2018 — *Михайличенко С. Н.* Нюансы образовательного процесса и их значение для реформы высшего образования // ЭКО. 2018. № 8 (530). С. 133–147.
- Омаров 1980 — *Омаров А. М.* Социальное управление: некоторые вопросы теории и практики. М. : Мысль, 1980. 269 с.
- Павлова, Уварова 2018 — *Павлова Т. А., Уварова М. Н.* Актуальные проблемы развития и качества образования в высшей школе на примере Орловской области // Инновации в образовании. 2018. № 3. С. 42–49.
- Пикельная 1990 — *Пикельная В. С.* Теоретические основы управления: (Школовед. аспект). М. : Высшая школа, 1990. 173 с.
- Пирогов 2020 — *Пирогов Н. И.* Избранные педагогические сочинения. М. : Юрайт, 2020. 387 с.
- Суворов, Аверин 1984 — *Суворов Л. Н., Аверин А. Н.* Социальное управление: опыт философского анализа. М. : Мысль, 1984. 232 с.
- Уварова, Павлова 2017 — *Уварова М. Н., Павлова Т. А.* Актуальные проблемы развития и качества образования на современном этапе [Электронный ресурс] // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4 (77). С. 341–344. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-razvitiya-i-kachestva-obrazovaniya-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 01.03.2021).

- Управление развитием школы 1995 — Управление развитием школы : пособие для руководителей образовательных учреждений / под ред. М. М. Поташника, В. С. Лазарева. М. : Новая школа, 1995. 462 с.
- Шамова, Давыденко, Шибанова 2007 — Шамова Т. И., Давыденко Т. Н., Шибанова Г. Н. Управление образовательными системами : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Педагогика и психология», «Педагогика». 4-е изд., стер. М. : Академия, 2007. 382 с.
- Шафранов-Куцев 2012 — Шафранов-Куцев Г. Ф. Профессиональное образование в условиях современного информационного взрыва // IV Всероссийский социологический конгресс «Социология в системе научного управления обществом» : материалы конгресса, Москва, 2–4 февраля 2012 года / под ред. М. К. Горшкова, В. И. Жукова, Г. В. Осипова. М. : ИСПИ РАН, 2012. С. 97–99.
- Шафранов-Куцев 2016 — Шафранов-Куцев Г. Ф. Социология современного образования. М. : Логос, 2016. 432 с.
- Ширинкина, Кауфман 2018 — Ширинкина Е. В., Кауфман Н. Ю. Многопараметрическое исследование влияния процессов реформирования на формирование образовательного капитала // Экономика образования. 2018. № 1 (104). С. 28–42.
- Школоведение 1955 — Школоведение : сборник статей / под ред. А. Н. Волковского, М. П. Малышева. 2-е изд., перераб. М. : Учпедгиз, 1955. 519 с.
- Grunt, Merenkov, Antonova 2019a — Grunt E., Merenkov A., Antonova N. Russian Younger Generation Lecturers' Professional Culture in Conditions of Bologna Process // 13th International Technology, Education and Development Conference (INTED2019 Proceedings) / ed. by L. G. Chova, A. L. Martinez, I. C. Torres. International Academy of Technology, Education and Development, 2019. P. 6368–6373. DOI: 10.21125/inted.2019.1545.
- Grunt, Merenkov, Antonova 2019b — Grunt E., Merenkov A., Antonova N. Russian Younger Generation Lecturers' Professional Culture in Reproduction of their Human Capital // EDU World 2018 — 8th International Conference (The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences) / ed. by E. Soare, C. Langa. Future Academy, 2019. P. 1729–1736. DOI: 10.15405/epsbs.2019.08.03.2.

References

- Belykh, A. K. (1982), *Razvitoi sotsializm: sushchnost' i zakonomernosti* [Developed Socialism: the Essence and Regularities], Lenizdat, Leningrad, 183 p. (in Russian).
- Bereznyak, E. S. (1983), *Rukovodstvo sovremennoi shkoi* [Leadership of the Modern School], Prosveshchenie, Moscow, 207 p. (in Russian).
- Davydov, V. V. (2004), *Problemy razvivayushchego obucheniya* [Problems of Developing Learning], Akademiya, Moscow, 288 p. (in Russian).
- Gavrilyuk, V. V. (2003), *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education], Publishing House of the Tyumen State University, Tyumen, 232 p. (in Russian).
- Grunt, E., Merenkov, A. and Antonova, N. (2019a), “Russian Younger Generation Lecturers' Professional Culture in Conditions of Bologna Process”, in Chova, L. G., Martinez, A. L. and Torres, I. C. (eds), *INTED2019 Proceedings (13th International Technology, Education and Development Conference)*, International Academy of Technology, Education and Development, pp. 6368–6373. DOI: 10.21125/inted.2019.1545.
- Grunt, E., Merenkov, A. and Antonova, N. (2019b), “Russian Younger Generation Lecturers' Professional Culture in Reproduction of their Human Capital”, in Soare, E. and Langa, C. (eds), *EDU World 2018 — 8th International Conference (The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences)*, Future Academy, pp. 1729–1736. DOI: 10.15405/epsbs.2019.08.03.2.
- Kirillovykh, A. A. (2018), “University Management in the International Market of Educational Services: Public Law Aspect”, *Pravo i obrazovanie*, no. 3, pp. 86–90 (in Russian).

- Komleva, V. V. (2018), "Russia's Higher Education in the Clutches of the West and Asia: State Policies Competition in the Internationalization Sphere", *Observer*, no. 1 (336), pp. 69–87 (in Russian).
- Konarzhevskii, Yu. A. (1986), *Pedagogicheskii analiz uchebno-vospitatel'nogo protsessa i upravlenie shkoi* [Pedagogical Analysis of the Educational Process and School Management], Pedagogika, Moscow, 145 p. (in Russian).
- Kudinova, O. S. (2016), *Razvitie kadrovogo potentsiala spetsialistov gostinichnogo servisa* [Development of Personnel Potential of Hotel Service Specialists], Abstract of Ph.D. dissertation, Ural Federal University, Yekaterinburg, 21 p. (in Russian).
- Lonshakova, N. A. (2002), *Vysshee obrazovanie: problemy regionalizatsii v sovremennoi Rossii* [Higher Education: Problems of Regionalization in Modern Russia], Poisk, Chita, 272 p. (in Russian).
- Lonshakova, N. A. (2007), *Regionalizatsiya vysshego obrazovaniya : uchebnoe posobie* [Regionalization of Higher Education: a Textbook], Chita State University, Chita, 144 p. (in Russian).
- Markov, M. (1978), *Teoriya sotsial'nogo upravleniya* [The Theory of Social Management], Progress, Moscow, 447 p. (in Russian).
- Mikhailichenko, S. N. (2018), "Peculiarities of Educational Process and Their Meaning for the Higher Education Reform", *ECO*, no. 8 (530), pp. 133–147 (in Russian).
- Omarov, A. M. (1980), *Sotsial'noe upravlenie: nekotorye voprosy teorii i praktiki* [Social Management: Some Questions of Theory and Practice], Mysl', Moscow, 269 p. (in Russian).
- Pavlova, T. A. and Uvarova, M. N. (2018), "Actual Problems of Development and Quality of Higher Education on the Example of the Orel Region", *Innovation in Education*, no. 3, pp. 42–49 (in Russian).
- Pikel'naya, V. S. (1990), *Teoreticheskie osnovy upravleniya: (Shkolovedcheskii aspekt)* [Theoretical Foundations of Management (School aspect)], Vysshaya shkola, Moscow, 173 p. (in Russian).
- Pirogov, N. I. (2020), *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical Works], Yurayt, Moscow, 387 p. (in Russian).
- Potashnik, M. M. and Lazarev, V. S. (eds) (1995), *Upravlenie razvitiem shkoly : posobie dlya rukovoditelei obrazovatel'nykh uchrezhdenii* [School Development Management: A Manual for Heads of Educational Institutions], Novaya shkola, Moscow, 462 p. (in Russian).
- Shafranov-Kutsev, G. F. (2012), "Professional Education in the Context of the Modern Information Explosion", in Gorshkov, M. K., Zhukov, V. I. and Osipov, G. V. (eds), *IV Vserossiiskii sotsiologicheskii kongress «Sotsiologiya v sisteme nauchnogo upravleniya obshchestvom»: materialy kongressa, Moskva, 2–4 fevralya 2012 goda* [4th All-Russian Sociological Congress "Sociology in the system of scientific management of society", materials of the congress, Moscow, February 2–4, 2012], ISPI RAS, Moscow, pp. 97–99 (in Russian).
- Shafranov-Kutsev, G. F. (2016), *Sotsiologiya sovremennoogo obrazovaniya* [Sociology of Modern Education], Logos, Moscow, 432 p. (in Russian).
- Shamova, T. I., Davydenko, T. N. and Shibanova, G. N. (2007), *Upravlenie obrazovatel'nymi sistemami: uchebnoe posobie* [Management of Educational Systems: a Textbook], 4th ed., Akademiya, Moscow, 382 p. (in Russian).
- Shirinkina, E. V. and Kaufman, N. Yu. (2018), "Multiparametric Research of Influence of the Reforming Processes on Formation of Educational Capital", *Ekonomika obrazovaniya*, no. 1, pp. 28–42 (in Russian).
- Suvorov, L. N. and Averin, A. N. (1984), *Sotsial'noe upravlenie: opyt filosofskogo analiza* [Social Management: The Experience of Philosophical Analysis], Mysl', Moscow, 232 p. (in Russian).
- Uvarova, M. N. and Pavlova, T. A. (2017), "Urgent Problems of Development and Quality of Education at the Modern Stage", *Scientific Notes of Orel State University*, no. 4 (77), pp. 341–344, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-razvitiya-i-kachestva-obrazovaniya-nasovremennom-etape> (accessed 01 March 2021) (in Russian).
- Vasilenko, N. V. (2007), *Institutsional'nye osnovy upravleniya obrazovatel'nymi sistemami i organizatsiyami* [Institutional Foundations of Management of Educational Systems and Organizations], Publishing House of the Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, 137 p. (in Russian).

- Vishnevskii, Yu. R. and Narkhov, D. Yu. (2019), "Paradoxes of Modernization of Higher Education: Results of 20-year Monitoring in the Sverdlovsk Region", *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, vol. 19, no. 2, pp. 289–301 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-289-301.
- Volkovskii, A. N. and Malyshev, M. P. (eds) (1955), *Shkolovedenie: sbornik statei* [Shkolovedenie: a Collection of Articles], 2nd ed., Uchpedgiz, Moscow, 519 p. (in Russian).
- Zasyppkin, V. P. and Zborovsky, G. E. (2010), "Modernization of Education as a Factor of Changing of the Requirements for the Teaching Profession", *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, no. 4 (11), pp. 98–106, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-obrazovaniya-kak-faktor-izmeneniya-trebovaniy-k-professii-pedagoga> (accessed 01 March 2021) (in Russian).
- Zborovsky, G. E. and Shuklina, E. A. (2003), "Professional Education and the Labor Market", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 99–106 (in Russian).
- Zelenova, D. A. (2020), "Higher School: Current Problems and Their Solution at the Modern Stage", *International Research Journal*, no. 10-2 (100), pp. 28–31 (in Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2020.100.10.040 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 16.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторах

Кудинова Ольга Сергеевна
кандидат социологических наук, старший
преподаватель
Тюменский государственный университет
626150, Россия, Тюменская обл., Тобольск,
ул. Знаменского, 58
E-mail: 4kudinovoy@mail.ru

Скульмовская Любовь Григорьевна
доктор социологических наук,
профессор
Тюменский государственный институт
культуры,
625003, Тюменская область, г. Тюмень,
ул. Республики, д.19
E-mail: skolimovska@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-3873-7297

Information about authors

Kudinova, Olga Sergeevna
Cand. Sci. (Sociology), Senior Lecturer
Tyumen State University
58 Znamenskogo St., Tobolsk, Tyumen
region 626150 Russia
E-mail: 4kudinovoy@mail.ru

Skulmovskaya, Lubov Grigorevna
Doc. Sci (Sociology), Professor
Tyumen State Institute of Culture
19 Republic St, Tyumen, Tyumen region
625003 Russia
E-mail: skolimovska@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0003-3873-7297

РОЛЬ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ «НАРОДНЫЙ ФРОНТ «ЗА РОССИЮ» В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ

М. Н. Макарова

Удмуртский государственный университет
Ижевск, Россия

А. К. Искибаева

Удмуртский государственный университет
Ижевск, Россия

Аннотация: В настоящей статье авторы стремятся выявить роль Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию» в реализации принципов гражданского общества на региональном уровне. Основными исследовательскими задачами настоящей статьи являются показ основных направлений деятельности Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию» в Удмуртской Республике; определение форм идентификации активистов общественного движения с гражданским обществом. Особенностью российского гражданского общества является повышенный контроль государства над организациями «третьего сектора», вследствие чего формируются организации, занимающие промежуточное положение между гражданским обществом и государством, которые, несмотря на тесную связь с государством, аккумулируют общественную активность и осуществляют гражданский контроль. Одной из таких организаций является Общероссийский народный фронт, созданный в 2011 году по инициативе В. В. Путина. В качестве методов эмпирического анализа были использованы контент-анализ, анализ данных социальной сети «ВКонтакте», полуформализованные интервью с лидерами и активистами движения. Для Удмуртской Республики актуальны проблемы ЖКХ, строительства, благоустройства, образования, молодежной политики, а также экологические проблемы. В качестве основной мотивации участия в общественном движении активисты выделяли, прежде всего, соответствие сферы деятельности ОНФ жизненным и социальным приоритетам участников; активную жизненную позицию; привлекательность деятельности Общероссийского народного фронта в решении конкретных дел, связанных с задачами регионального развития. Информанты отмечают частичную реализацию данных принципов в деятельности Общероссийского народного фронта, а именно: развитие

гражданской активности, налаживание диалога граждан и власти, осуществление общественного контроля, развитие добровольчества и социального доверия. Консолидируя политические и гражданские ресурсы, Общероссийский народный фронт встраивает гражданское общество в вертикаль власти, что позволяет ему быть эффективным посредником между государством и гражданским обществом, способствовать реализации гражданским обществом своих интересов.

Ключевые слова: гражданское общество, общероссийский народный фронт, гражданская активность, государство, активисты.

Для цитирования: Макарова М. Н., Искибаева А. К. Роль Общероссийского общественного движения «Народный фронт “За Россию”» в развитии гражданского общества в регионе // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 182–199. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.009

THE ROLE OF THE ALL-RUSSIA “PEOPLE’S FRONT — FOR RUSSIA” IN DEVELOPING CIVIL SOCIETY IN THE REGION

M. N. Makarova

Udmurt State University
Izhevsk, Russia

A. K. Iskibaeva

Udmurt State University
Izhevsk, Russia

Abstract: The article finds out the main directions of activity of the All-Russia social movement People’s Front For Russia (All-Russia People’s Front) in implementing principles of civil society on a regional level. The main research objectives are as follows: finding out the main activities of the All-Russian People’s Front in Russia and the Republic of Udmurt; defining the main ways of activists’ identification with civil society. The specific of Russian civil society is the enhanced state control of the ‘third sector. As a result, there emerge organizations, which identify themselves as the mediator between the state and civil society. Despite the close linkage with the state, they accumulate civic activity and exercise public control. Among these organizations is the All-Russian People’s Front. It was founded in 2011 on the initiative of Vladimir Putin. As methods of empirical analysis, the authors exploited the content analysis of websites, social network VKontakte, and semi-structured interviews with leaders and activists of the movement. The main activities of the Udmurt regional branch include addressing the following problems: housing and public utilities; constructions; improvement of territories; educational and environmental projects; youth policy, etc. Active social position,

the attractiveness of the movement's goals in solving the problems of regional development determine the activists' motivation of being involved in the cause. They indicated the realization of principles of civil society in the framework of All-Russian People's Front activities such as the development of civic activeness, public control, volunteering, and improving social trust. By consolidating political and public resources, the movement integrates civil society into a vertical of authority. By Representing and protecting public interests, this cause becomes an effective mediator between the state and civil society.

Keywords: civil society; social movement, All-Russian People's Front, public activity, state, activists.

For citation: Makarova, M. N. and Iskibaeva, A. K. (2021), "The Role of the All-Russia "People's Front — for Russia" in Developing Civil Society in the Region", *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 182–199 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.009

Вводные замечания

В настоящее время в связи с происходящими глобализационными процессами взаимодействие общества и государства претерпевает существенные изменения. Мировые тенденции нацелены на объединение различных общественных субъектов для эффективности их функционирования в предоставлении услуг и обеспечении социального диалога. Активность гражданского общества является залогом эффективного социально-экономического развития, формирования системы взаимного контроля социума и государства. При этом важную роль играют общественные объединения, действующие во многих странах мира. Эти объединения не только поднимают вопросы социального развития и решают ряд социальных проблем, но и оказывают помощь государствам в их преодолении. В то же время способы их функционирования и взаимодействия с государственными структурами варьируются в различном социально-политическом контексте.

Развитие третьего сектора в России началось относительно недавно, что обуславливает возникновение множества проблем в реализации некоммерческими организациями своей деятельности. Было проведено немало преобразований во всех сферах общественной жизни за последние несколько лет, что позволило создать благоприятные социальные и юридические условия для реализации личностью, общественными объединениями и обществом в целом своих общественных и политических интересов.

Одним из таких существенных изменений, произошедших в последнее время в России, стала смена концепции существования и реализации деятельности общественных организаций. Одной из крупнейших общественных объединений в России является Общероссийское общественное движение «Народный фронт «За Россию», созданное в мае 2011 года по предложению Владимира

Путина как консолидация разнонаправленных политических субъектов с целью продвижения России на мировой арене совместными усилиями. В данную ассоциацию входит множество других общественных объединений. ОНФ выступает в качестве широкой дискуссионной площадки и точки консолидации всех сил, поддерживающих курс президента, обладающего сильным влиянием на процессы, происходящие в регионах России.

Эти обстоятельства побуждают к выяснению роли Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию» (далее — Общероссийский народный фронт, ОНФ) в реализации принципов гражданского общества на региональном уровне, поскольку движение имеет собственные отделения в регионах страны. В данном контексте речь пойдет об основных направлениях деятельности ОНФ в реализации принципов гражданского общества в Удмуртской Республике, в том числе о формах самоидентификации с гражданским обществом активистов регионального отделения движения.

Обзор литературы: специфика российского гражданского общества

Теоретическое осмысление проблем гражданского общества, его формирования и функционирования занимает важное место в социологической науке. Гражданское общество определяется как форма социума, основанного на членстве свободных граждан в общественных организациях [Howard 2002, p. 285]. С. Салменниemi [Салменниemi 2009] выделяет три подхода к анализу гражданского общества: оценочный, исторически привязанный и эмпирически-сравнительный, которые сформированы из пространственной и функциональной классификации.

Оценочный подход предполагает анализ гражданского общества посредством исследования общественных организаций как элементов, которые рассматриваются как основа гражданского общества. Этот подход обратил внимание общественности на некоторые общественно значимые проблемы становления демократии и гражданского общества [Henderson 2003, p. 13]. Его недостатки заключаются в том, что проводится оценка российской гражданственности относительно сформированного западного гражданского общества, вследствие чего становится невозможно определить цели и задачи гражданских активистов, не анализируется понятие «западное гражданское общество», деятельность российских гражданских организаций оценивается по бинарной системе (сильный/слабый, успех/неудача и т. д.).

Эмпирически-сравнительный подход основывается на эмпирическом анализе гражданского общества посредством сравнения, выявления сходств и различий и объяснения их причин. Представителем данного подхода является М. Ховард, который представил альтернативное исследование гражданского общества,

в рамках которого он определяет гражданское общество как общество, основанное на членстве свободных граждан в общественных организациях. Основой анализа становится сравнение различных обществ, объяснение их сходных и различных черт [Howard 2002, p. 288]. Однако недостатком этого подхода является отсутствие анализа гражданского общества в культурном аспекте, также не учитывается деятельность граждан, не состоящих в формальных организациях.

Наиболее часто исследователи выделяют следующие признаки гражданского общества: формирование эффективных каналов связи между гражданами и властью, что способствует устойчивости демократических практик; создание благоприятных условий для реализации индивидами личных интересов и их защита; совокупность социальных связей и коммуникаций, реализуемая посредством структур и институтов гражданского общества; самоорганизация, формирование общественных объединений и некоммерческих организаций; развитие гражданской культуры (политической и гражданской ответственности, практик самоуправления, патриотизм, культурное развитие) [Зырянов, Лукин 2017; Макарова 2019].

Вопрос о существовании гражданского общества в России до сих пор остается открытым. Среди современных социологов существуют две противоположные точки зрения. Одни считают, что гражданского общества, как системы самостоятельных негосударственных институтов и отношений, взаимодействующей с государством, в России не существует, или она недостаточно развита и не оказывает значительного влияния на жизнь страны. Другие отстаивают противоположную точку зрения, особенно лидеры реально действующих в России общественных объединений. Кроме того, «за» гражданское общество в России (хотя и весьма осторожно) высказываются и некоторые авторитетные российские ученые [Туркулец, Туркулец, 2010, с. 468].

Становление гражданского общества в России преодолело уже немалый путь: создана правовая и социальная база, увеличивается включенность населения в политическую жизнь страны, формируется пласт общества, готовый к активному взаимодействию с государственными институтами, но оно еще не завершено и требует множества преобразований в различных сферах. Гражданское общество в качестве основных агентов включает некоммерческие организации, общественные движения, сообщества по интересам, общественные ассоциации и т. д., то есть тех, кто защищает свои права независимо от государства. В России, как и в большинстве стран, действуют общественные организации, которые противопоставляют себя властным структурам и порой вступают в конфликт с государством. Но даже организации, представляющие оппозицию власти, бывают вынуждены согласовывать свои действия с органами государственного управления.

В последние годы наблюдается рост количества некоммерческих организаций и расширение влияния «третьего сектора» в России. В. В. Рябев замечает,

что большинство таких организаций неопытны, малочисленны, разрознены, почти не связаны друг с другом и нуждаются в государственной поддержке, в связи с чем появляется необходимость расширения поддержки государством «третьего сектора», однако наблюдается селективный подход к поддержке некоммерческих организаций [Рябев 2010, с. 441].

М. Ховард, указывая на низкую гражданскую активность российских граждан, которые реже, чем в других постсоветских странах, состоят в некоммерческих организациях, выделяет три причины, по которым люди не склонны вступать в гражданские организации: «неприязнь к псевдо-общественным организациям прошлого, устойчивость неформальных личных связей и разочарованность посткоммунистической действительностью» [Ховард 2009, с. 124].

Особенностью российского гражданского общества является повышенный контроль государства над организациями «третьего сектора». Например, Федеральный закон № 121 определяет правовой статус некоммерческих организаций, получающих финансирование из-за рубежа. Этот закон обязывает иностранные СМИ и НКО, получающие зарубежное финансирование, указывать, что они являются «иностранцами агентами», также такие организации подвержены максимальному контролю [Федеральный закон 2012]. Поскольку деятельность некоммерческих организаций является важнейшим показателем развития гражданского общества в государстве, для поддержания действующего гражданского общества государство создает подконтрольные организации, изначально сформированные в соответствии с целями государства. Эти организации имеют большой ресурсный потенциал, находятся на более высоком уровне нормативно-правовой организованности.

Одним из примеров подобного рода организаций является Общероссийское общественное движение «Народный фронт «За Россию», которое было создано в мае 2011 года по инициативе В. В. Путина. В состав Общероссийского народного фронта вошли некоторые крупные организации, такие как «Опора России», «Деловая Россия», «Молодая гвардия Единой России», «Союз женщин России», РСПП, «Свобода выбора», трудовые коллективы «РЖД», «Почта России» и многие другие.

С. Г. Сергеев отмечает, что с самого начала институционализации Общероссийского народного фронта имеют место два обстоятельства, которые влияют на его функционирование и отношение к нему: основателем является действующий на тот момент Председатель Правительства РФ, лидер партии «Единая Россия», что указывает на «прогосударственное» начало движения, и то, что ОНФ был создан как ассоциация общественных организаций. Также на спорное отношение к движению повлияло то, что изначально оно не было зарегистрировано; регистрация была проведена только 12 сентября 2013 года [Сергеев 2011]. Тем не менее исследования Левада-Центра показывают некоторое улучшение отношения граждан к деятельности Общероссийского народного

фронта с начала его существования [Левада-Центр 2015]. Основными целями Общероссийского народного фронта являются содействие развитию России, обеспечение взаимодействия между гражданами и органами власти, контроль над исполнением государственных программ, вовлечение гражданского общества в работу по выявлению основных направлений развития России. Ключевыми вопросами определены: права и свободы человека, здравоохранение, образование, культура, семья, сфера жилищно-коммунального хозяйства, экология, бизнес и предпринимательство, добровольчество, проблемы миграции и дороги [Устав ОНФ 2018].

Общероссийским народным фронтом реализуются 13 проектов. «Народная оценка качества» — это независимая оценка качества работы социальных организаций, которая функционирует через обращения граждан, действует с марта 2017 года. «Равные возможности — детям» — проект, позволяющий обеспечить каждого ребенка возможностью посещать любую секцию или кружок по выбору бесплатно. Основной задачей проекта является содействие принятию закона о персональном финансировании дополнительного образования, действующего с марта 2017 года. «Центр мониторинга благоустройства городской среды» — благоустройство дворовых территорий и городской среды, которое основывается на мнении людей, функционирует через обращения граждан. «Патриотические проекты ОНФ» — проекты, направленные на поддержание памяти героев, формирование интереса к истории родного края. В число патриотических проектов входят: «Урок Победы “Бессмертный полк”», «Имя героя — школе», «Вечные огни», «Патриотическое граффити “Наша Победа”», «Патриотическая карта», «Региональные инициативы». «За честные закупки» — это программа по борьбе с коррупцией и неэффективным использованием средств бюджета на государственные закупки, работа началась в сентябре 2013 года. «Дорожная инспекция ОНФ» / «Карта убитых дорог» — проект, направленный на выявление первоочередных дорог для ремонта с помощью мнения граждан. «Генеральная уборка» — проект, направленный на участие граждан в регулировании экологической ситуации региона, предотвращение неупорядоченного складирования мусора. «Центр правовой поддержки журналистов» — проект, направленный на юридическую и иную поддержку журналистов, поднимающих социально важные вопросы, работает с июня 2014 года. «Центр ОНФ по мониторингу качества и доступности здравоохранения» — проект, призванный контролировать исполнение указов об обеспечении медицинской помощью, доступности и надлежащего качества медицинских услуг. «Центр мониторинга технологической модернизации и научно-технического развития» — проект, направленный на определение основных направлений научно-технического развития, поддержку передовых проектов в этой сфере, создан 25 декабря 2013 года. «За права заемщиков» — проект по защите интересов потребителей финансовых услуг, работает

с 2014 года. «Центр общественного мониторинга ОНФ по проблемам экологии и защиты леса» — проект по защите экологии и леса от нелегальных действий и действий, несущих угрозу, работает с обращениями граждан, создан в марте 2015 года. «Профстажировки» — проект, направленный на помощь студентам и выпускникам инженерно-технических специальностей по нахождению мест для стажировки и трудоустройства, работает с марта 2017 года. В период пандемии коронавируса ОНФ стал одним из инициаторов движения «Мы вместе», оказавшего большое влияние на развитие волонтерской помощи в России.

В ноябре 2016 года ВЦИОМ провел исследование о наиболее приоритетных направлениях деятельности ОНФ, по мнению граждан. Согласно этому исследованию, наиболее важными направлениями деятельности для ОНФ граждане считают здравоохранение и медицину (46 %), безработицу и занятость молодежи (45 %), сферу ЖКХ (41 %), экологию (40 %). Также приоритетными остаются уровень жизни и рост цен (35 %), коррупция (30 %) и образование (29 %). Наименее востребованными являются защита предпринимательства (6%), деятельность органов правопорядка (9 %) и проблемы миграции (9 %) [ВЦИОМ 2016].

Общероссийский народный фронт является важным субъектом общественной активности в современной российской действительности. Это крупнейшее общественное движение, в состав которого входит множество организаций. Его деятельность порождает ряд противоречий, что обуславливает неоднозначность восприятия ОНФ. С одной стороны, Общероссийский народный фронт сформирован государственным лицом и реализует идеи определенной политической партии, но, с другой стороны, ОНФ реализует множество проектов, направленных на улучшение качества жизни граждан, развитие государства и гражданского общества. Остается вопрос о приоритетных направлениях деятельности, деятельности ОНФ на региональном уровне и непосредственной реализации данных проектов.

Общероссийский народный фронт позиционирует себя как «общественное движение», «новая форма институционализации политического участия» [Устав ОНФ 2018] и является общественно-политическим движением, выступающим связующим звеном между гражданским обществом и государством, инициатива его формирования исходила не от самого государства, но от В. В. Путина, являющегося ключевой фигурой российской политической системы [Кандыба 2015]. Подобного рода гражданское объединение является одним из примеров интеграции гражданского общества в вертикаль власти и одним из примеров «организованных государством негосударственных организаций», или «потемкинских НКО» [Nemment 2012].

Несмотря на то что Общероссийский народный фронт не является общественной организацией, он несет в себе функции гражданского общества и позиционирует себя как его часть, так как Общероссийский народный фронт

является субъектом общественной активности, что соответствует одному из важнейших признаков гражданского общества, заключающемуся в формировании общественных объединений и самоорганизации граждан.

В ходе дальнейшего анализа деятельности Общероссийского народного фронта сосредоточим внимание на реализации принципов, соответствующих функциям гражданского общества, таких как поддержка и обеспечение прямого и постоянного диалога между гражданами и Президентом страны, общественного мониторинга и гражданского контроля; вовлечение граждан, организаций и институтов гражданского общества в постоянную совместную работу; поддержка общественной самоорганизации, социального творчества, добровольчества.

Методы исследования

Социологическое исследование, проведенное в Удмуртской Республике (УР), обусловлено необходимостью обобщенного анализа приоритетных направлений деятельности регионального отделения общественного движения за 2018–2019 гг. Для этой цели был выбран метод контент-анализа, который позволяет получить количественную информацию о реализуемых проектах, изучить данные за продолжительный период времени относительно объективного содержания. Публикации находятся в свободном доступе на официальном сайте ОНФ по УР. Был проведен сплошной отбор 116 публикаций за период с 30.04.2018-го по 30.04.2019 г. Для контент-анализа были выбраны следующие категории: дата выхода публикации; направления деятельности (экология; состояние и ремонт дорог; образовательные проекты; работа с молодежью; доступная среда и равные возможности; антикоррупция, проведение закупок; проблемы ЖКХ, строительства, благоустройства; патриотизм; общие вопросы развития региона; мероприятия ОНФ; научно-техническое развитие; здравоохранение). В анализе предполагались разделение на публикации проблемного и беспроблемного характера; субъекты, ответственные за появление проблемы (в случае проблемного характера публикации), среди которых указывались: федеральная власть; региональная власть; муниципальная власть; представитель государственного предприятия, организации (коммунальной компании, университета, школы, театра); лица (лицо), связанные с органами власти (родственники, члены семьи, друзья и т. д.); представитель бизнеса; представитель НКО. Также в исследовании учитывались действия представителей ОНФ по решению проблемы (для публикаций с обозначенной проблемой), а также оценка последствий действий движения, оценка результатов предпринятых действий участниками ОНФ в рамках определенного направления деятельности. Помимо официального сайта отделение ОНФ в Удмуртской Республике имеет официальную группу в социальной сети «ВКонтакте». В связи с этим

был проведен анализ аудитории Общероссийского народного фронта представленной социальной сети.

С целью выявления специфики деятельности ОНФ в Удмуртской Республике было выбрано полуформализованное интервью с руководителями и активистами отделения организации в регионе. Было проведено 8 интервью в период с 20 мая по 11 июня 2020 г. В числе основных задач исследования были: выяснение мотивации участия в деятельности общественного движения; определение источников и ресурсов формирования проектов и организации мероприятий общественного движения; выявление способов вовлечения граждан в деятельность общественного движения; определение приоритетных направлений деятельности активистов общественного движения в УР, соотношения деятельности активистов общественного движения с декларируемыми в уставе движения принципами гражданского общества.

**Результаты исследования:
направления деятельности регионального отделения
Общероссийского общественного движения
«Народный фронт «За Россию» в Удмуртской Республике**

Рассмотрим наиболее упоминаемые в публикациях направления деятельности Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию» в Удмуртской Республике (табл. 1).

**Таблица 1. Направления деятельности ОНФ в УР,
представленные в публикациях**

Table 1. Areas of the Activities in the Udmurt Republic Presented in Publications

Направление деятельности	Количество публикаций по данному направлению	Доля в количестве всех публикаций, %
Проблемы ЖКХ, строительства, благоустройства	31	26,7
Образовательные проекты, работа с молодежью	25	21,6
Экология	21	18,1
Патриотизм	15	12,9
Мероприятия ОНФ	14	12,1
Дороги	9	7,8
Здравоохранение	7	6,0
Доступная среда, равные возможности	5	4,3
Противодействие коррупции	3	2,6
Общие вопросы развития региона	2	1,7
Научно-техническое развитие	1	0,9

В число самых упоминаемых в публикациях направлений деятельности ОНФ вошли проблемы ЖКХ, строительства, благоустройства (26,7 %); образовательные проекты, работа с молодежью (21,6 %); экология (18,1 %): Значительно реже в публикациях упоминаются научно-техническое развитие (0,9 %); общие вопросы развития региона (1,7 %); противодействие коррупции (2,6 %).

Из 116 публикаций 43 содержали определенную проблематику. Чаще всего участниками ОНФ выявляются проблемы, связанные со сферой ЖКХ, строительством, благоустройством (44,2 %); экологией (25,6 %): строительством и ремонтом дорог (16 %).

Публикации с обозначенной проблемой были исследованы по параметру «действия членов ОНФ по решению проблемы». Самыми часто упоминаемыми действиями стали: обращение в другие властные органы (55,8 %): рейды и проверки (46,5 %). Оценка последствий действий движения чаще всего определяется как положительная (45,7 %). В 20,7 % обследованных случаев оценка нейтральная. Отсутствуют публикации с отрицательной оценкой. Однако заметна часть публикаций с неясной оценкой (18,9 %), что свидетельствует об отсутствии или неоднозначной оценке последствий деятельности движения.

В ходе исследования были обнаружены упоминания в публикациях об 11 направлениях деятельности, что позволило провести сопоставления направлений деятельности в УР и реализуемых проектов ОНФ по России в целом.

Таблица 2. Соотношение ряда направлений деятельности ОНФ в УР и реализуемых проектов ОНФ

Table 2. The Proportion of the ONF activities in the Udmurt Republic and the Projects Implemented by ONF

Проект ОНФ	Направление деятельности в УР
Народная оценка качества	Проблемы ЖКХ, строительства, благоустройства
Равные возможности — детям	Доступная среда, равные возможности
Центр мониторинга благоустройства городской среды	Проблемы ЖКХ, строительства, благоустройства
Патриотические проекты ОНФ	Патриотизм
За честные закупки	Антикоррупция, честные закупки
Дорожная инспекция ОНФ/Карта убитых дорог	Дороги
Генеральная уборка	Экология
Центр правовой поддержки журналистов	—
Центр ОНФ по мониторингу качества и доступности здравоохранения	Здравоохранение
Центр мониторинга технологической модернизации и научно-технического развития	Научно-техническое развитие

Окончание табл. 2

Проект ОНФ	Направление деятельности в УР
За права заемщиков	—
Центр общественного мониторинга ОНФ по проблемам экологии и защиты леса	Экология
Профстажировки	Образовательные проекты, работа с молодежью
—	Общие вопросы развития региона
—	Мероприятия ОНФ

Основные принципы деятельности сообществ могут быть изучены посредством исследования основных социальных характеристик его участников и их восприятия социальной роли сообщества и собственного места в нем.

Согласно данным на 1 апреля 2020 г., в сообществе Общероссийского народного фронта в Удмуртской Республике состоит 1 484 пользователя, большинство которых (84,64 %) из России. Портрет участников сообщества по наибольшему числу друзей, что обеспечивает передачу информации наибольшему числу лиц: женщина 35–40 лет из Ижевска, состоит в браке, имеет 2 детей. Портрет лидеров мнений по показателю их притягательности внутри сообщества, то есть лиц, имеющих наибольшее количество связей внутри социальной сети: мужчина в возрасте 40–45 лет, состоящий в браке, имеющий одного-двух детей и около 5 000 друзей. Портрет лидеров-модераторов, отражающий, насколько они контролируют коммуникацию между участниками и между сообществами и степень распространения информации между ними: мужчина в возрасте 40 лет, состоит в браке, имеет одного-двух детей и около 5 000 друзей. Лидеры мнений являются опытными сотрудниками или руководителями в сфере государственных органов, бизнеса или НКО, что позволило им заниматься общественной деятельностью в ОНФ. Наибольшее внимание привлекают сообщения о проведении мероприятий, опросы и флешмобы, вовлекающие участников сообщества в деятельность общественного движения.

В качестве основной мотивации участия в общественном движении активисты выделяли, прежде всего, соответствие сферы деятельности ОНФ жизненным и социальным приоритетам участников; активную жизненную позицию; привлекательность деятельности Общероссийского народного фронта в решении конкретных дел, связанных с задачами регионального развития: *«Они занимаются точно, берут дело, так скажем, под особый контроль и точно занимаются, добиваются реального результата»* (председатель регионального отделения ОНФ в УР).

Инициатива по организации проектов Общероссийского народного фронта общероссийского масштаба исходит из главного Штаба, однако создание

«подпроектов» в рамках основных направлений деятельности возможно и на региональном уровне. Среди способов вовлечения граждан в деятельность общественного движения респонденты выделяют средства массовой информации и деятельность интерактивных площадок на региональном сайте ОНФ, таких как, например, «Карта убитых дорог», где граждане могут выкладывать свои снимки участков дорог, находящихся в ненадлежащем состоянии, а также посредством групп в социальных сетях. Также респонденты указывают на тот факт, что вовлечение в общественную деятельность осуществляется посредством привлечения граждан, которые приходят за решением личных вопросов, но впоследствии остаются в качестве активистов: *«С каждым годом в рядах активистов, членов штаба ОНФ становится все больше и больше людей»* (председатель регионального отделения ОНФ в УР).

ОНФ позиционирует себя как коалиция общественных объединений, и поэтому он активно взаимодействует с другими общественными организациями: *«Объединения многодетных и прочее, общество детей-инвалидов, общество образовательных учреждений, общество ветеранов локальных конфликтов»* (член штаба ОНФ в УР, г. Ижевск).

Взаимодействие с бизнесом происходит в рамках организации спонсорства, фандрайзинга: *«Например, благотворительные проекты... мы просим бизнес оказать поддержку в виде финансирования или просто чего-то»* (Колесников М. А., член Штаба ОНФ, г. Воткинск), в рамках проектов по поддержке малого и среднего предпринимательства: *«Со всеми категориями бизнеса мы встречаемся на своих площадках и на своих круглых столах, общаемся как с представителями малого бизнеса, так и с представителями крупного бизнеса»* (председатель регионального отделения ОНФ в УР).

Принцип поддержки общественной самоорганизации реализуется через включение граждан в процедуры общественного контроля и мониторинга: *«Инициатива в реализации многих проектов, направленных на улучшение жизни граждан, жилищных условий, здравоохранения, ЖКХ идет как раз таки от рядовых граждан»* (член штаба ОНФ в УР, г. Ижевск).

Поддержка добровольчества происходит в рамках сотрудничества с волонтерскими организациями: *«"Мы вместе" — это проект адресной помощи пожилым людям в ситуации пандемии коронавируса, который был создан как раз при участии организации "Волонтеры медики" с ОНФ совместно»* (волонтер проекта «Мы вместе» ОНФ, г. Ижевск). Также поддержка добровольчества осуществляется путем организации волонтерской деятельности в рамках Общероссийского народного фронта, особенно в период пандемии. В ходе реализации деятельности ОНФ информанты отмечают такие проблемы, как большие объемы работы, недостаточная материальная и ресурсная обеспеченность, недостаточность работы по информированию населения о деятельности организации.

Частое использование информантами в ходе беседы местоимений «мы», «наша организация», «нас» и т. д. указывает на активную самоидентификацию активистов с движением. Члены штаба в наибольшей степени соотносят личные цели с целями движения. Волонтеры демонстрируют активную гражданскую позицию и стремятся помогать людям, но им не вполне ясны цели движения в целом, что связано с тем, что волонтеры сотрудничают с организацией в рамках определенных проектов (например, акция «Мы вместе» в период пандемии) и вследствие этого недостаточно вовлечены в деятельность движения.

В качестве основных ролей Общероссийского народного фронта в современном российском обществе выделяют именно те, которые связаны с вовлечением населения в гражданскую активность и развитием диалога общественности с государственными структурами: *«Задача в гражданском обществе — научить людей правильно формулировать свои претензии, и им самим добиваться»* (член штаба ОНФ, г. Воткинск); *«убрать пропасть между гражданином и органом власти»* (член штаба ОНФ, г. Ижевск). Кроме того, отмечаются такие функции, как развитие правовой грамотности граждан, разъяснительная работа; общественный контроль, развитие добровольчества и социального доверия: *«Сейчас у людей понимание такое, немного опасливое что ли, некоторые даже в принципе не думают, что люди могут в принципе другим людям безвозмездно помогать. Своей организацией мы как раз доказываем, что это не так»* (волонтер проекта «Мы вместе» ОНФ, г. Ижевск).

Заключение

Общероссийский народный фронт является крупнейшим общественным движением, выступающим посредником между гражданским обществом и государством. ОНФ реализует множество проектов, направленных на улучшение качества жизни граждан, развитие государства и гражданского общества. Наиболее продуктивна деятельность движения на муниципальном и региональном уровнях, так как муниципальные и региональные органы власти наиболее приближены к гражданам. По данным результатов контент-анализа, основные направления деятельности ОНФ в УР связаны с проблемами ЖКХ, строительством, благоустройством, образовательными проектами, молодежной политикой, экологией. Анализ социального портрета лидеров мнений показывает, что среди активистов ОНФ имеются как работники государственных органов, так и представители общественных организаций и бизнеса, что указывает на промежуточное положение организации между гражданским обществом и государством.

Согласно результатам интервью, был выявлен ряд проблем в ходе реализации деятельности активистов ОНФ, а именно: большие объемы работы,

недостаточная материальная и ресурсная обеспеченность, недостаточная информированность граждан о деятельности движения. Также следует отметить функции движения, отмеченные информантами: способствовать гражданской активности, диалогу общественности и власти, повышению правовой грамотности граждан; осуществлять общественный контроль, развивать добровольчество и укреплять социальное доверие. В целом оценка деятельности ОНФ является положительной, движение работает с обращениями граждан и в значительной степени способствует решению выявленных проблем. Общероссийский народный фронт, имея большой объем ресурсов и доступ к государственным структурам, обеспечивает российское гражданское общество мощным рычагом воздействия на власть в решении важнейших проблем.

Трудность формирования гражданского общества в России обусловливается последствиями тоталитаризма, а именно общественной несамостоятельностью и безответственностью, а также недоверием к государственным институтам, низкой гражданской активностью, апатией к социальной жизни части граждан, малочисленностью «среднего класса». Исследование некоммерческих организаций как основного элемента гражданского общества показало, что «третий сектор» развивается, растет число зарегистрированных некоммерческих организаций, но большинство из них не имеют достаточных ресурсов для выполнения главной функции — обеспечения взаимодействия между государством и гражданами.

Контент-анализ основных направлений деятельности ОНФ в Удмуртской Республике показал, что в целом оценка деятельности ОНФ является положительной, организация работает с обращениями граждан и в значительной степени способствует решению выявленных проблем. Консолидируя политические и гражданские ресурсы, Общероссийский народный фронт показывает пример интеграции гражданского общества в вертикаль власти, что позволяет ему быть эффективным посредником между государством и гражданским обществом, способствовать реализации гражданским обществом своих интересов и всестороннему развитию России.

Исходя из полученной информации, при определении роли Общероссийского народного фронта во взаимодействии государства и гражданского общества и анализе основных направлений деятельности ОНФ в УР, Общероссийский народный фронт способствует реализации некоторых из закреплённых в Уставе движения принципов гражданского общества. Однако выявленные проблемы в осуществлении деятельности активистов указывают на недостаточную эффективность организации процесса и неудовлетворительное материально-техническое обеспечение. Очевидна необходимость дальнейшего изучения аспектов влияния Общероссийского народного фронта на властные структуры, рассмотрения конкретных примеров реализации движением своих проектов и действий, направленных на решение выявленных проблем.

Список литературы

- ВЦИОМ 2016 — Общероссийский народный фронт: ожидания россиян : аналитический обзор // ВЦИОМ. 23.11.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=467> (дата обращения: 23.05.2019).
- Зырянов, Лукин 2017 — *Зырянов С. Г., Лукин А. Н.* Основные функции гражданского общества: теоретический аспект // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 15–20.
- Кандыба 2015 — *Кандыба Р. А.* Общероссийский народный фронт как новая форма институционализации гражданского активизма и политического участия // Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны : сборник научных трудов по итогам междунар. науч.-практ. конференции (Санкт-Петербург, 14 января 2015 г.) / редкол.: И. А. Арефьева и др. Санкт-Петербург : Инновационный центр развития образования и науки, 2015. Вып. 2. С. 29–32.
- Левада-Центр 2015 — Общероссийский народный фронт: узнаваемость и оценка деятельности [Электронный ресурс] // Левада-Центр. 07.09.2015. URL: <http://www.levada.ru/2015/09/07/obshherossijskij-narodnyj-front-uznavaemost-i-otsenka-deyatelnosti/> (дата обращения: 22.05.2019).
- Макарова 2019 — *Макарова Е. П.* Анализ сущности и признаков гражданского общества: теоретический аспект // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). С. 93–99. DOI: 10.22394/1818-4049-2019-87-2-93-99.
- Рябев 2010 — *Рябев В. В.* Гражданское общество современной России: проблемы и перспективы становления // Вестник МГТУ (Труды Мурманского государственного технического университета). 2010. Т. 13. № 2. С. 439–445.
- Салменниemi 2009 — *Салменниemi С.* Теория гражданского общества и постсоциализм // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 439–464.
- Сергеев 2011 — *Сергеев С. Г.* Особенности институционализации и политический потенциал Общероссийского народного фронта // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 3 (28). С. 62–71.
- Туркулец, Туркулец 2010 — *Туркулец С. Е., Туркулец А. В.* Гражданское общество в современной России и национальная идея // Российское общество в современных цивилизованных процессах : материалы Всерос. науч. конференции «Четвертые чтения по истории российской социологии», 18–19 июня 2010 г. / под ред. В. В. Козловского, Р. Г. Браславского. СПб. : Интерсоцис, 2010. С. 468–476.
- Устав ОНФ 2018 — Устав Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию» [Электронный ресурс] // Общероссийский народный фронт. 2018. URL: <https://onf.ru/structure/documents-0/> (дата обращения: 23.05.2019).
- Федеральный закон 2012 — Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ (дата обращения: 10.03.2021).
- Ховард 2009 — *Ховард М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / пер. с англ. И. Е. Кокарева. М. : Аспект Пресс, 2009. 190 с.
- Hemment 2012 — *Hemment J.* Nashi, Youth Voluntarism, and Potemkin NGOs: Making Sense of Civil Society in Post-Soviet Russia // Slavic Review. 2012. No. 71 (2). P. 234–260. DOI: 10.1017/S0037677900013607.
- Henderson 2003 — *Henderson S. L.* Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support to Grassroots Organizations. Ithaca, NY : Cornell University Press. 2003. 224 p.
- Howard 2002 — *Howard M.* Postcommunist Civil Society in Comparative Perspective // Demokratizatsiya. 2002. Vol. 10. No. 3. P. 285–306.

References

- Federal'nyi zakon ot 20 iyulya 2012 goda № 121-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v chasti regulirovaniya deyatel'nosti nekommercheskikh organizatsii, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta»* [The Federal Law of 20 July, 2012 No 121-FZ On Amendments to Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Regulation of the Activities of Non-Profit Organizations Performing the Function of a Foreign Agent] (2012), Konsul'tantPlyus, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ (accessed 10 March 2021) (in Russian).
- Hemment, J. (2012), "Nashi, Youth Voluntarism, and Potemkin NGOs: Making Sense of Civil Society in Post-Soviet Russia", *Slavic Review*, no. 71 (2), pp. 234–260. DOI: 10.1017/S0037677900013607.
- Henderson, S. L. (2003), *Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support to Grassroots Organizations*, Cornell University Press, Ithaca, NY, 224 p.
- Howard, M. (2002), "Postcommunist Civil Society in Comparative Perspective", *Demokratizatsiya*, vol. 10, no. 3, pp. 285–306.
- Howard, M. M. (2009), *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*, translated by Kokarev, I. E., Aspekt Press, Moscow, 190 p. (in Russian).
- Kandyba, R. A. (2015), "The All-Russian Popular Front as a New Form of Institutionalization of Civil Activism and Political Participation", in Aref'eva, I. A., Archebasova, N. A., Bilogur, V. E., Bondarenko, G. I., Bresler, M. G., Vartumyan, A. A. et al. (eds), *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk v sovremennykh usloviyakh razvitiya strany: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 14 yanvarya 2015 goda). Vypusk 2* [Pressing Issues of Social Sciences in Today's Country development: Coll. Papers of International Scientific and Practical Conference (St.-Petersburg, 14 January, 2015). Issue 2], ITsRON, Saint Petersburg, pp. 29–32 (in Russian).
- Levada-Center (2015), *Obshcherossiiskii narodnyi front: uznavaemost' i otsenka deyatel'nosti* [The All-Russia People's Front: Recognizability and Evaluation of Activities], available at: <http://www.levada.ru/2015/09/07/obshherossiiskij-narodnyj-front-uznavaemost-i-otsenka-deyatelnosti/> (accessed 22 May 2019) (in Russian).
- Makarova, E. P. (2019), "Analysis of the Nature and Characteristics of the Civil Society: Theoretical Aspect", *The Power and Administration in the East of Russia*, no. 2 (87), pp. 93–99 (in Russian). DOI: 10.22394/1818-4049-2019-87-2-93-99.
- Ryabev, V. V. (2010), "Civil Society in Modern Russia: Problems and Prospects of Formation", *Vestnik of MSTU (Scientific Journal of Murmansk State Technical University)*, vol. 13, no. 2, pp. 439–445 (in Russian).
- Salmenniemi, S. (2009), "Civil Society Theory and Post-Socialism", *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 439–464 (in Russian).
- Sergeev, S. G. (2011), "Features of the Institutionalization and Political Potential of the All-Russia Peoples Front", *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, no. 3 (28), pp. 62–71 (in Russian).
- "The All-Russian Popular Front: Russians' Expectations: An Analytical Review" (2016), *Russian Public Opinion Research Center (VCIOM)*, 23 November, available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=467> (accessed 23 May 2019) (in Russian).
- Turkulets, S. E. and Turkulets, A. V. (2010), "Civil Society in Modern Russia and the National Idea", in Kozlovskii, V. V. and Braslavskii, R. G. (eds), *Rossiiskoe obshchestvo v sovremennykh tsivilizovannykh protsessakh: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Chetvertye chteniya po istorii rossiiskoi sotsiologii», 18–19 iyunya 2010 goda* [Russian Society in Present-Day Civilized Processes: Proceedings of All-Russia Scientific Conference «The Fourth Readings on History of the Russian Sociology», 18–19 June, 2010], Intersotsis, Saint Petersburg, pp. 468–476 (in Russian).

Ustav Obshcherossiiskogo obshchestvennogo dvizheniya «Narodnyi front «Za Rossiyu» [The Charter of the All-Russia Public Movement «People’s Front for Russia»] (2018), Obshcherossiiskii narodnyi front, Moscow, available at: <https://onf.ru/structure/documents-0/> (accessed 23 May 2019) (in Russian).

Zyryanov, S. G. and Lukin, A. N. (2017), “The Main Functions of Civil Society: Theoretical Aspect”, *Society and Power*, no. 2. (64), pp. 15–20 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 12.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторах

Макарова Марина Николаевна
доктор социологических наук, доцент
Удмуртский государственный университет
426034, Россия, Ижевск, ул.
Университетская, 1
E-mail: makmar11@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-6905-1485

Искибаева Анастасия Константиновна
студент магистратуры по направлению
«Социология управления», 1 курс
Удмуртский государственный университет
426034, Россия, Ижевск,
ул. Университетская, 1
E-mail: ana.iskibaeva@gmail.com

Information about authors

Makarova, Marina Nikolaevna
D. Sci. (Sociology), Associate Professor
Udmurt State University
1 Universitetskaya St., Izhevsk, 426034
Russia
E-mail: makmar11@mail.ru
Author’s ORCID: 0000-0002-6905-1485

Iskibaeva, Anastasia Konstantinovna
Master's Student in the Direction
“Sociology of Management”, 1 course
Udmurt State University
1 Universitetskaya St., Izhevsk, 426034
Russia
E-mail: ana.iskibaeva@gmail.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЖУРНАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В. Р. Хафизова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Целью данной статьи является исследование трансформации профессиональных ориентаций журналистов в условиях медиатизации общества. Медиатизация определяется как двусторонний процесс, развивающийся в период распространения цифровых технологий, Интернета и новых медиа, в рамках которого медиа и социальные институты оказывают друг на друга взаимное влияние. Началу процесса медиатизации способствует развитие цифровых технологий, повышение доступности Интернета, смартфонов и социальных сетей для значительной части населения. Наибольшему влиянию медиатизации подвержены институт журналистики и профессиональная деятельность журналиста. Для исследования трансформации профессиональных ориентаций журналистов в условиях медиатизации общества мы провели в период с 2020-го по 2021 год серию глубинных интервью с журналистами (N = 10), а также обратились к вторичному анализу данных международных и российских социологических исследований, проведенных с 2012-го по 2016 год. Результаты проведенного анализа позволили заключить, что в условиях медиатизации общества журналист, прежде всего, ориентирован на аудиторию, которая, в свою очередь, привлекает рекламодателей. Кроме того, происходит десакрализация образа журналиста в связи с тем, что аудитория вовлекается в процесс производства новостей. В условиях борьбы за внимание и доверие аудитории актуализируются принципы оперативности и фактчекинга. Что касается этики журналиста, в приоритет ставятся неформализованные правила поведения, принятые в конкретной редакции, в то время как нормы, закрепленные в профессиональных кодексах, отходят на второй план. Снижается уровень свободы и независимости журналиста, что сами профессионалы связывают с политическим и экономическим давлением и нормативно-правовыми ограничениями. Влияние на деятельность журналиста оказывают редакторы, владельцы СМИ, редакционная политика издания, внутренние убеждения и личные ценности. По мнению журналистов, образ профессионала обретает в глазах общества негативную окраску в силу снижения доверия к работникам СМИ. Наконец, процессы медиатизации приводят к ситуации переизбытка информации, отчего возрастает риск профессионального выгорания журналистов.

Ключевые слова: профессиональные ориентации, медиатизация, новые медиа, журналистика, социальная роль, профессиональные принципы.

Для цитирования: Хафизова В. Р. Профессиональные ориентации журналистов в условиях медиатизации общества // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 200–211. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.010

PROFESSIONAL ORIENTATIONS OF JOURNALISTS IN THE FACE OF THE MEDIATIZATION OF SOCIETY

V. R. Khafizova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article studies the transformation of professional orientations of journalists in the context of the mediatization of society. Researchers define mediatization as a two-way process that refers to the development of digital technologies, the spread of the Internet and new media within which media and social institutions mutually influence each other. The advancement of digital technologies, the increased availability of the Internet, smartphones, and social networks for a wider population trigger the mediatization process. The institute of journalism and the professional activity of a journalist is the most vulnerable to mediatization. To study the transformation of professional orientations of journalists in the context of the mediatization of society, we carried out a series of in-depth interviews with journalists (N = 10) in 2020–2021. We also analyzed data from international and Russian sociological studies made between 2012 and 2016. The results showed that under the mediatization of society, it is the audience that guides a journalist. And this, in turn, attracts advertisers. In addition, there occurs ‘a desacralization’ of the image of the journalist since the audience is involved in the news production process. In the face of the struggle for the attention and trust of the audience, there emerges the necessity to update the principles of efficiency and fact-checking. As for the ethics of a journalist, the informal rules of conduct, adopted in a particular publication are the priority, while the norms enshrined in professional codes fade into the background. The freedom and independence of the journalist are declining, which professionals themselves associate with political and economic pressure and regulatory restrictions. Editors, media owners, the editorial policy of a publication, inner convictions, and personal values — all of this affects the journalist’s activities. According to journalists, the image of a professional acquires a negative colouring in the public eye due to the erosion of the credibility of media practitioners. Finally, mediatization processes lead to over-information, which increases the risk of journalists’ burnout.

Keywords: professional orientations, mediatization, new media, journalism, social role, professional principles.

For citation: Khafizova, V. P. (2021), “Professional Orientations of Journalists in the Face of the Mediatization of Society”, *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 200–211 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.010

Введение

Сегодня медиатизация оказывает существенное влияние на социальные практики и институты, видоизменяет или производит новые типы поведения людей [Назаров 2014], определяет логику общественной жизни, опосредуя собой многие социальные процессы [Дукин 2016]. С. Хьярвард утверждает, что медиатизация — это явление, которое относится к конкретному историческому моменту — развитию цифровых технологий в конце XX века, когда новые медиа стремительно институционализировались и начали оказывать существенное воздействие на другие социальные институты [Hjarvard 2008]. Аналогичным образом рассуждает А. Н. Гуреева, полагая, что в основе медиатизации XXI века лежат именно новые медиа [Гуреева 2016].

Наступление эпохи новых медиа, в свою очередь, — это результат мощного технологического сдвига, вызванного распространением Интернета, социальных сетей, смартфонов и, что более важно, — повышением уровня их доступности для широкой части населения. По мнению социолога медиа В. П. Коломийца, «цифровизация позволила инкорпорировать медийную компоненту внутрь социальных институтов и процессов, более того, в определенном смысле навязать свою медийную логику» [Коломиец 2014]. Новые технологии, «проникающие в социальную среду, трансформируют мышление человека и тем самым заменяют реальную действительность на медиатизированную» [Наседкина 2018].

Социолог коммуникации Е. Г. Ним [Ним 2017] выделяет набор характеристик, определяющих процесс медиатизации: *продолжительность*, то есть медиатизация понимается как длительный кумулятивный процесс, *универсальность* — процесс медиатизации характеризует почти любое общество, в котором технические медиа превалируют в социальном пространстве; *тотальность*, подразумевающая, что медиатизация охватывает все аспекты общественной жизни и представлена на макро-, мезо-, микроуровне социального пространства (в то же время все уровни и сферы социальной реальности могут иметь различную степень медиатизации и формы ее выражения, как и в случае с различными культурами и обществами); *трансформативность* медиатизации — новые медиатехнологии меняют коммуникативные практики, что, в свою очередь, приводит к кардинальным социальным и культурным преобразованиям; *медиа-социо-центрированность медиатизации* — значение имеют не медиа как таковые, а связанные с ними изменения в обществе и культуре.

Анализ зарубежных и отечественных исследований позволяет понимать медиатизацию как двусторонний процесс, в ходе которого медиа и различные сферы общественной и культурной жизни оказывают друг на друга взаимное влияние.

В частности, медиатизация публичной политики выражается «в перемещении реальной политической ситуации в символическое медиапространство. Медийные технологии становятся инструментом формирования новой политической реальности, а политическая сфера все больше перемещается в медийное пространство» [Гуреева 2020].

Если рассмотреть медиатизацию образования, то этот процесс представляет собой усиливающуюся тенденцию использования цифровых технологий в процессе образования. Медиатизированное образование существенно влияет на структуру глобального образовательного ландшафта: меняется способ получения профессии; задаются определенные образовательные тренды на популярные и непопулярные профессии.

Институт журналистики и средства массовой информации оказываются наиболее подвержены влиянию медиатизации. Так, В. Шульц отмечает, что медиатизация относится к изменениям, связанным со средствами массовой информации и их развитием [Schulz 2004]. Под влиянием медиатизации трансформируется профессиональная деятельность журналиста, его культура, принципы и ценностные ориентации. В нашем исследовании мы как раз пытаемся проследить изменения профессиональных ориентаций журналистов в условиях медиатизации общества.

Методология исследования

С целью исследования профессиональных ориентаций журналистов в условиях медиатизации общества мы изучили восприятие медиатизации глазами журналистов, профессиональные принципы журналистов, верность профессиональной этике, личное понимание журналистами своей социальной роли, а также оценку журналистами своего образа среди аудитории.

Методология исследования включала глубинные интервью с современными журналистами (N = 10), проведенные с 2020-го по 2021 год. Также был проведен вторичный анализ масштабных исследований, посвященных личности современного журналиста, проводившихся с 2012-го по 2016 год. Источниками послужили международное исследование «Миры журналистики» (2012–2016 гг.), Всероссийский проект «Представления журналистов о профессии и профессиональном сообществе» фонда «Медиастандарт» (2017 г.).

Результаты и обсуждение

Вопрос изменений в журналистике впервые был поднят в ходе международного исследования «Миры журналистики» (2012–2016) [Worlds of Journalism Study 2016]. Участниками исследования стали 27 500 журналистов из разных стран мира, в том числе 390 российских журналистов, представлявших разные типы СМИ (табл. 1).

Таблица 1. Влияние изменений на журналистику, 2012–2016 гг., N = 390 (100 %)*
Table 1. Impact of changes on journalism, 2012–2016, N = 390 (100 %)

Источники изменений	Усилилось / увеличилось, %	Ослабло / уменьшилось, %
Использование поисковых систем	90,2	2,1
Важность технических навыков	81,4	4,2
Социальные сети	80,7	6,7
Отклик аудитории	73,3	7,4
Запросы рекламодателей	71,9	5,6
Участие аудитории в производстве новостей	71,6	7,7
Пользовательский контент, блоги	70,5	8,4
Желание получить выгоду	66,7	7,0
Конкуренция	59,6	15,1
Взаимодействие журналистов со своей аудиторией	58,9	14,7
Погоня за сенсациями	58,6	10,2
Исследования аудитории	53,7	15,8
Продолжительность рабочего времени журналистов	47,7	12,6
Уважение к журналистам	17,2	52,6
Важность высшего журналистского образования или в смежной области	16,1	51,9
Время на фактчекинг	12,7	51,4
Важность высшего образования	17,2	48,1
Свобода журналистов принимать редакционные решения	13,3	47,4
Этические стандарты	24,9	47,4
Значимость журналистики для общества	32,6	34,0

Результаты интервью с журналистами свидетельствуют о возросшем влиянии поисковых систем, социальных сетей. Вместе с тем журналист все больше внимания уделяет аудитории, понимает важность ее исследования и при этом учитывает запросы рекламодателей, так как именно величина аудитории привлекает рекламодателей. При этом мы наблюдаем, что аудитория становится участником производства новостей, растет пользовательский контент, множатся

* В таблице указана доля (%) опрошенных, оценивших степень влияния изменений по каждому источнику.

блоги. Таким образом, журналист теряет монополию на распространение новостей, что ведет к десакрализации его образа. На это указывает и раскол в оценке журналистами своей значимости для общества: треть профессионалов считает, что значимость повысилась, треть говорит об обратном.

Что касается рабочих условий, то мы видим, что растет продолжительность рабочего времени, а времени на фактчекинг, наоборот, не хватает. Снижается влияние этических стандартов, исчезает свобода журналистов принимать редакционные решения.

Информанты наших глубинных интервью подтверждают некоторые выводы исследования, в большей степени касающиеся вовлечения аудитории в производство контента: *«Любой может создавать контент, в том числе фейковый»* (муж., 52 года, стаж работы в СМИ 14 лет). Другой информант поддерживает эту точку зрения: *«Журналистом сегодня может считать себя каждый. Телеграмм-канал может завести каждый и постить там свои новости. В результате в Интернете появляется много непроверенной, некорректной информации»* (жен., 28 лет, стаж работы в СМИ 10 лет).

Медиатизация, по мнению информантов, породила ситуацию переизбытка информации: *«Журналистам стало сложнее пробираться через дебри новой информации. Поэтому многие журналисты выгорают и не выдерживают такого темпа, обращаются к помощи психологов, психотерапевтов»* (жен., 30 лет, стаж работы в СМИ 11 лет). Таким образом обостряется проблема профессионального выгорания современных журналистов.

Далее детально рассмотрим тенденцию повышения значимости аудитории как фактора, влияющего на профессиональную деятельность журналиста. По мнению наших информантов, аудитория играет основополагающую роль в ежедневной практике журналиста: *«Нас учат детально описывать портрет аудитории. Издания, которые понимают, на кого они работают, имеют большие охваты и просмотры. Кто сейчас идет по пути аудитории, тот сейчас выигрывает»* (жен., 30 лет, стаж работы в СМИ 11 лет). Другой информант объясняет: *«СМИ живет за счет рекламы. Когда к тебе приходит рекламодатель, чтобы купить рекламу, ты ему должен показать медиакит и рассказать, кто твоя аудитория, кто пойдет покупать его товары и услуги»* (жен., 28 лет, стаж работы в СМИ 10 лет).

В борьбе за внимание аудитории в условиях переизбытка информации и жесткой конкуренции особое значение приобретает принцип оперативности, который порой вредит достоверности и точности. Перед современным журналистом нередко встает выбор: оперативность при допущении ошибок, наносящих ущерб репутации издания, либо проверка фактов и качественные новости, но упущенная аудитория. Об этом рассуждает и наш информант: *«Сейчас каждого журналиста буквально дрессируют, чтобы на отработку оперативной информации у него уходило не больше 5 минут, за это время он*

должен пообщаться с источником, подтвердить информацию и написать новость. Погоня за трафиком приносит вред репутации издания. Я говорю так: не важно, кто дал [новость] первый, главное, какую фактуру дал. Если дашь на минуту позже остальных, при этом напишешь круто и правильно, от этого только выиграешь. Хотя бывают редакции, где, если опоздал на 30 секунд, тебя увольняют» (жен, 28 лет, стаж работы в СМИ 10 лет).

Таким образом, оперативность актуализирует и другой принцип — фактчекинг, который приобретает особое значение еще и в связи с распространением фейковых новостей: *«Главное — проверяй информацию, бери ее из проверенных источников, имей своих спикеров»* (жен., 30 лет, стаж работы в СМИ 11 лет).

Профессиональные принципы журналиста затрагивают вопросы этических правил и стандартов. Во всероссийском исследовании журналистов, проведенном в 2016 году исследовательской группой ЦИРКОН по заказу фонда «Медиастандарт» (N = 492) [Представления журналистов 2017], половина (53 %) респондентов согласились с суждением, что журналист соблюдает профессиональную этику при любых обстоятельствах. Однако много и тех респондентов (37 %), кто считает, что журналист может отступать от норм профессиональной этики. Примечательно, что в вопросе о критериях профессионализма большинство (71 %) журналистов поставили на первое место знание и соблюдение коллективных норм, ценностей и стандартов поведения в профессиональном сообществе. Такие результаты свидетельствуют о том, что часть респондентов, заявляя о высокой приверженности нормам профессиональной этики, на практике не всегда их соблюдает. Поэтому профессиональные кодексы журналистской этики не пользуются особым уважением со стороны подавляющей части журналистского сообщества.

Эти выводы подтверждают и наши информанты: *«Этика каждого журналиста зависит от самого журналиста, его личных моральных правил. Я требую от своего коллектива всегда соблюдать плюрализм мнений, проверять информацию. И всегда учу: не навреди»* (жен., 28 лет, стаж работы в СМИ 10 лет). Другой информант на своем примере рассказала, как она осваивала правила поведения на новом месте работы: *«Знать нормы необходимо, но в практике они не пригождаются. Когда я пришла в редакцию, за мной наблюдали, как я работаю, разговариваю с людьми. Наставница меня контролировала. Кодексы — универсальная вещь, знать нужно. Но правила поведения формируются внутри конкретного коллектива, редакции»* (жен., 26 лет, стаж работы в СМИ 5 лет).

Полученные результаты совсем не означают, что в профессиональном сообществе журналистов полностью отсутствуют ценности, так как, с одной стороны, силу имеют внутренние нравственные регуляторы, с другой — действуют внешние неформальные правила, устанавливаемые редакцией.

Что касается степени ощущаемой свободы и ограничителей деятельности, то во всероссийском исследовании журналистов, проведенном исследовательской группой «ЦИРКОН» в 2016 году (N = 492) [Представления журналистов 2017], лишь 15 % опрошенных заявили о достаточной степени свободы и самостоятельности, остальные (81 %) выразили противоположное мнение. В качестве внешних ограничителей больше половины (60 %) респондентов выделили владельцев СМИ (сюда входят частные лица и государственные структуры) и вышестоящие структуры (63 %). Треть опрошенных важными внешними ограничителями считает законодательную базу и регулирующие органы власти.

Наши информанты чаще всего говорили о правовых и экономических ограничениях, редакционной политике издания: *«Журналист несвободен. Над ним редакторы, корректоры, учредители СМИ. Писать все, что хочешь, ты не можешь. Ты не пойдешь против политики редакции, против закона»* (жен., 26 лет, стаж работы в СМИ 5 лет). Порой журналистам даже приходится консультироваться с юристами перед публикацией материалов: *«С каждым годом свобода теряется. Если пишешь на криминальные темы, легко могут привлечь за распространение порочащей информации об организации или человеке»* (жен, 28 лет, стаж работы в СМИ 10 лет).

В условиях медиатизации диверсифицируются и социальные роли журналистов. В международном исследовании «Миры журналистики» [Worlds of Journalism Study 2016] по результатам опроса журналистов лидирующие позиции заняли задачи, связанные с предоставлением объективной информации, просвещением аудитории и определением политической повестки дня (табл. 2). Последнее, возможно, связано с тем, что в 2011–2013 годах в России заметно возросла протестная активность. Плюс к тому, оказывается, что поддержку государственной политики и создание положительного образа политической элиты в СМИ считает нужными незначительное меньшинство опрошенных. В то же время недооцененной оказалась задача противостоять правительству. Таким образом, журналисты не видят своей роли как в поддержке политики правительства, так и в борьбе с ней, и в то же время стремятся определять политическую повестку дня и способствовать социальным изменениям. С одной стороны, противоречивость может отражать то обстоятельство, что в опросе участвовали журналисты, представлявшие разные типы СМИ по формату, масштабу распространения, тематике и направленности. С другой стороны, наблюдается ориентация на объективное отражение действительности без навязывания мнений.

В целом спектр задач журналиста довольно диверсифицирован, фиксируются роли информатора, просветителя, ориентира, стороннего наблюдателя, выразителя общественного мнения.

Таблица 2. Журналистские роли, 2012-2016 гг., N = 390 (100 %)

Table 2. Journalistic roles, 2012-2016, N = 390 (100 %)

Журналистские роли	Доля опрошенных, считающих эту роль важной, %
Сообщать о фактах, как они есть	78,7
Образование аудитории	75,4
Определять политическую повестку дня	67,0
Давать советы, ориентировать людей в повседневной жизни	66,4
Способствовать социальным изменениям	66,2
Рассказывать новости, привлекающие наибольшую аудиторию	66,2
Анализировать текущие события	63,3
Быть сторонним наблюдателем	61,3
Выражать общественное мнение	59,2
Содействовать терпимости и культурному разнообразию	58,2
Поддерживать национальное развитие	51,9
Влиять на общественное мнение	45,4
Развлекать аудиторию	24,9
Противостоять правительству	17,2
Поддерживать государственную политику	11,3

О диверсификации журналистики рассуждает и наш информант: «Журналист — это проводник между облаком информации и конечным потребителем. Мы формируем отношение общественности к каким-то вещам, мы воспитываем, просвещаем, оказываем моральную помощь. Для меня это одна из приоритетных задач» (жен., 28 лет, стаж работы в СМИ 10 лет). Таким образом, сегодня журналист видит себя в роли помощника, консультанта, информатора, генератора идей, комментатора, модератора диалога, контролера и критика.

В вопросе о мотивах деятельности авторы всероссийского исследования журналистов 2016 года зафиксировали противоречие в вопросе о том, как журналисты воспринимают свою деятельность [Представления журналистов 2017]. Респондентам предлагалось ответить, принадлежит ли их профессия к важной общественной деятельности или к бизнесу: половина респондентов склонилась в сторону коммерческой основы журналистики (N = 492). К аналогичным выводам привели и результаты наших глубинных интервью. По мнению информантов, журналистов, воспринимающих свою деятельность как миссию, очень мало: «Журналистика — социально значимая деятельность, но мы все для чего-то живем, ради своих детей. Совсем быть бессребреником в этой профессии было бы глупо. Хотя есть такие люди, которые невероятно ценны для общества, которые действительно готовы служить обществу и готовы жизнь отдать за эту деятельность. Это уникальные люди, но их мало» (муж.,

52 года, стаж работы в СМИ 14 лет). Другой информант указывает на низкую заработную плату журналистов, что побуждает, в первую очередь, искать пути заработать, а не отстаивать справедливость: *«Главная проблема в давлении на СМИ не столько в правовом поле, сколько в экономическом. Редакциям приходится заключать контракты с компаниями, чтобы прокормиться. На одной голой рекламе не вывезешь, нужны проплаченные тексты. Конечно, хотелось бы сказать, что мы боремся за справедливость, мы пятая власть. Это звучит красиво. Но по факту сделать удастся мало, когда реально чего-то добиваешься»* (жен., 26 лет, стаж работы в СМИ 5 лет).

Общество, по мнению информантов, по-разному относится к журналистам, но отмечается тенденция к негативному восприятию: *«Больше в негативе. Все люди понимают, во что сейчас превращается журналистика. Объективности нет. Общая политическая ситуация в России к этому привела»* (жен., 30 лет, стаж работы в журналистике 11 лет). Помимо политической ситуации, негативное отношение к профессионалам со стороны общества объясняется снижением доверия к журналисту, а также неэтичным поведением некоторых коллег: *«Раньше люди обращались к журналистам, воспринимали как авторитет, доверия было больше. Теперь тебя скорее “пошлют”, чем дадут комментарии. Некоторые журналисты дискредитируют других, поступают неэтично, перекручивают информацию, дают желтуху. У людей формируется отношение, что журналист — враг, стервятник. В погоне за сенсацией многие теряют лицо человека»* (жен., 28 лет, стаж работы в СМИ 10 лет).

Выводы

Итак, медиатизацию мы определили как двусторонний процесс, в рамках которого медиа и социальные институты оказывают друг на друга взаимное влияние. Медиатизацию мы отнесли к периоду развития цифровых технологий, распространения Интернета и новых медиа и установили, что под влиянием этого метапроцесса трансформируются профессиональная деятельность журналиста и его ориентации. С помощью глубинных интервью с журналистами и вторичного анализа данных всероссийских и международных исследований нам удалось выявить конкретные эффекты медиатизации в деятельности журналиста.

Во-первых, журналисты отмечают возросшую роль аудитории, массовость которой привлекает рекламодателей. Сама аудитория вовлекается в производство контента, развивается блогосфера, что ведет к десакрализации образа журналиста, утрате монополии журналиста на распространение информации. Во-вторых, в условиях фейковых новостей и борьбы за внимание и доверие аудитории в работе журналиста актуализируются принципы оперативности и фактчекинга. Журналист сталкивается с дилеммой: подать новость быстро

и завоевать внимание аудитории, но при этом нанести вред репутации издания в случае публикации неточной или лживой информации, либо потратить время на проверку фактов и потерять аудиторию, но сохранить достигнутый уровень своей работы и доверие ценителей доброкачественной информации. Что касается поведения журналиста, то закрепленные в кодексах нормы профессиональной этики уступают место неформальным правилам редакционной политики, существующим в конкретной редакции.

При этом, по мнению журналистов, с каждым годом исчезают свобода и независимость СМИ, главными ограничителями выступают правовые и экономические факторы. Кроме того, журналисты считают, что общество негативно воспринимает представителей журналистской профессии. На это влияют широкий доступ к информации, неэтичное поведение коллег, утрата доверия к журналистам. Сами журналисты, с одной стороны, воспринимают свою профессию как миссию или социально значимую деятельность, с другой стороны, подходят прагматично и рассматривают журналистику как коммерческую деятельность по продаже контента, так как порой редакции живут за счет рекламодателей и контрактов с крупными государственными корпорациями.

Наконец, процессы медиатизации, по мнению журналистов, порождают переизбыток информации, которую профессионалы должны уметь не только фильтровать и проверять, но и оригинально упаковывать, используя различные мультимедийные форматы. При этом возрастают рабочая нагрузка журналиста и риск профессионального выгорания.

Список литературы

- Гуреева 2016 — *Гуреева А. Н.* Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.
- Гуреева 2020 — *Гуреева А. Н.* Роль медиаактивности российской молодежи в процессе медиатизации политики // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 325–334. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(2).325-334.
- Дукин 2016 — *Дукин Р. А.* Медиатизация современного общества: влияние социальных медиа // Теория и практика общественного развития. 2016. № 2. С. 24–26.
- Коломиец 2014 — *Коломиец В. П.* Медиа социология: теория и практика. М. : НИПКЦ Восход-А, 2014. 328 с.
- Назаров 2014 — *Назаров М. М.* Информационные технологии и медиатизация общества // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 37–52.
- Наседкина 2018 — *Наседкина Н. И.* Сущность медиатизации как явления современного общества // Universum: филология и искусствоведение. 2018. № 9 (55). С. 15–17.
- Ним 2017 — *Ним Е. Г.* Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 8–25. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5361.
- Представления журналистов 2017 — Представления журналистов о профессии и профессиональном сообществе [Электронный ресурс] : общий аналитический отчет по результатам научно-исследовательских работ. Комитет гражданских инициатив, 2017. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/dd6/zhumalisty_otchet.pdf (дата обращения: 12.01.2021).

- Hjarvard 2008 — *Hjarvard S. The mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change* // *Nordicom Review*. 2008. Vol. 29. No. 2. P. 105–134.
- Schulz 2004 — *Schulz W. Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept* // *European Journal of Communication*. 2004. Vol. 19. No. 1. P. 87–101. DOI: 10.1177/0267323104040696.
- Worlds of Journalism Study 2016 — Data and key tables: WJS2 (2012–2016) [Electronic resource] // *Worlds of Journalism Study*. 2016. URL: <https://worldsofjournalism.org/data-d79/data-and-key-tables-2012-2016/> (access date: 12.01.2021).

References

- “Data and key tables: WJS2 (2012–2016)” (2016), *Worlds of Journalism Study*, available at: <https://worldsofjournalism.org/data-d79/data-and-key-tables-2012-2016/> (accessed 12 January 2021).
- Dukin, R. A. (2016), “Mediatization of the Modern Society: Impact of Social Media”, *Theory and Practice of Social Development*, no. 2, pp. 24–26 (in Russian).
- Gureeva, A. N. (2016), “Theoretical Understanding of Mediatization in the Digital Environment”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 6, pp. 192–208 (in Russian).
- Gureeva, A. N. (2020), “The Role of Russian Youth’s Media Activism in Mediatization of Politics”, *Theoretical and Practical Issues of Journalism. Scientific Journal of Baikal State University*, vol. 9, no. 2, pp. 325–334 (in Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(2).325-334.
- Hjarvard, S. (2008), “The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change”, *Nordicom Review*, vol. 29, no. 2, pp. 105–134.
- Kolomiets, V. P. (2014), *Mediasotsiologiya: teoriya i praktika* [Media Sociology: Theory and Practice], NIPKTs Voskhod-A, Moscow, 328 p. (in Russian).
- Komitet grazhdanskikh initsiativ (2017), *Predstavleniya zhurnalistov o professii i professional'nom soobshchestve: obshchii analiticheskii otchet po rezul'tatam nauchno-issledovatel'skikh rabot* [Representations of Journalists about the Profession and Professional Community. General Analytical Report on the Results of Research Work], available at: http://www.zircon.ru/upload/iblock/dd6/zhurnalisty_otchet.pdf (accessed 12 January 2021) (in Russian).
- Nasedkina, N. I. (2018), “An Essence of Mediatization as the Phenomenon of the Modern Society”, *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, no. 9 (55), pp. 15–17 (in Russian).
- Nazarov, M. M. (2014), “Information Technology and Mediatization of Society”, *Socio-humanitarian Knowledge*, no. 6, pp. 37–52 (in Russian).
- Nim, E. G. (2017), “Exploring Mediatization of Society: The Concept of Mediatized Worlds”, *Sociological Journal*, vol. 23, no. 3, pp. 8–25 (in Russian). DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5361.
- Schulz, W. (2004), “Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept”, *European Journal of Communication*, vol. 19, no. 1, pp. 87–101.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 14.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторе

Хафизова Виктория Рауфовна
аспирант, социолог
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: vikakhaf@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-5377-0960

Information about author

Khafizova, Viktoria Raufovna
Postgraduate Student, Sociologist
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: vikakhaf@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-5377-0960

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЛАНЕТЫ: ЛЮДИ, СТРАНЫ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В хронотопе Средиземноморья

DOI 10.15826/koinon.2021.02.1.011

УДК 94(4) + 94(73) + 94(510) + 94(470) + 327.7(4-13) + 327.2

EUROPE, THE MEDITERRANEAN AREA AND THE INFLUENCE OF WORLD POLICIES

F. Attinà

University of Catania
Catania, Italy

Abstract: Since the European Union began to play a growing role in the relationships between the Member States and the Non-EU Mediterranean countries, the policymakers in Brussels have devoted a great deal of attention to devise and implement actions and programmes aimed at promoting *peace, stability and growth* to the area. The effects of such involvement have been not as significant as expected but not even insignificant. Tension has almost always floated over the Mediterranean waters because crises and violent conflicts have followed one another though never breaking all relations down. The present paper takes a cue from this feature of the Mediterranean area and proposes to watch the territory from a different angle of view. Contrary to the prevailing view of the Mediterranean as an area unaffected or scarcely affected by the dominant world policies, the paper analyses the impact of the world policy-making institutions and policies on the Mediterranean area. It also draws the readers' attention towards the participation and, in significant cases, the non-participation of the governments of the area in the world institutions and policies. Accordingly, the first section highlights the concepts useful to analyze the world as the political space in which policymaking institutions have been established for building policies that respond to world-scale problems. The second section outlines the significant security and economic world policies that have been established for responding to world problems and, consequently, for bringing

order to the world, the Mediterranean area included. In the third section, the focus is on forecasting the world and Mediterranean politics of the coming years by drawing the readers' attention to the confrontation of three big powers, the USA, China and Russia. The difficulty to keep unaltered the Western coalition could not impede the renewal of the US hegemony should disorder be unsustainable to loads of countries. The Chinese model of economic openness and the non-interference of the investing companies may not work in all the Mediterranean countries. By acting as a troublemaker and game-changer in security complex settings like the Mediterranean area by bolstering authoritarian regimes, Russia mostly wants to create a situation in which the United States and the European countries find it impossible to make any decisions without its participation. Accordingly, the paper's conclusions call for building knowledge about the reconfiguration of the world coalitions and the change of the existing order and institutions. Especially the revisionism of the three states competing for world leadership requires careful investigation. Research on the influence of such a global process on the wider Mediterranean area and the involvement of the Mediterranean countries in such a process is of paramount importance.

Keywords: Wider Mediterranean area, USA, China, Russia, World politics, Order transition, World policies.

For citation: Attinà, F. (2021), "Europe, the Mediterranean Area and the Influence of World Policies", *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 212–232. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.011

ЕВРОПА, СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ВЛИЯНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Ф. Аттина

Катанийский университет
Катания, Италия

Аннотация: С тех пор, как Европейский союз стал играть растущую роль в отношениях между государствами-членами и средиземноморскими странами, не входящими в ЕС, политики в Брюсселе стали уделять большое внимание разработке и реализации действий и программ, направленных на поощрение мира, стабильности и развития в регионе. Эффект от такого участия оказался не столь значительным, как ожидалось, но, тем не менее, ощутимым. Напряжение почти всегда витало над водами Средиземного моря, потому что кризисы и жестокие конфликты следовали один за другим, но никогда не разрушали все отношения. Настоящая статья основана на этой особенности Средиземноморья и предлагает взглянуть на этот регион под другим углом зрения. Вопреки преобладающему мнению о Средиземноморье как о зоне, не затронутой или почти не затронутой основными мировыми событиями,

в работе анализируется влияние международных институтов и действий, влияющих на Средиземноморский регион. Автор также привлекает внимание читателей к активной, а в некоторых случаях — к пассивной позиции правительств региона в мировых институтах и международной политике. Соответственно, первый раздел предлагает вниманию читателей концепции, пригодные для анализа мира как политического пространства, в котором были созданы институты для проведения политики, реагирующей на проблемы мирового масштаба. Во втором разделе излагаются основные международные подходы к безопасности и экономической политике, которые были разработаны для реагирования на мировые проблемы и, следовательно, для наведения порядка в мире, включая Средиземноморский регион. В третьем разделе основное внимание уделяется прогнозированию мировой и средиземноморской политики ближайших лет с учетом противостояния трех великих держав — США, Китая и России. Препятствия для сохранения в неизменном виде западной коалиции не могут помешать возобновлению гегемонии США, если беспорядок окажется неприемлемым для большого числа стран. Китайская модель экономической открытости и нейтральности компаний-инвесторов может работать не во всех странах Средиземноморья. Нарушая спокойствие и изменяя правила игры в сложных условиях безопасности, таких как Средиземноморье, поддерживая авторитарные режимы, Россия стремится создать ситуацию, в которой Соединенные Штаты Америки и европейские страны не могли бы принимать никаких решений без ее участия. Соответственно, выводы статьи призывают к накоплению знаний о реконфигурации мировых коалиций и изменении международного положения. Особенно тщательно следует исследовать политику ревизионизма трех государств, соревнующихся за мировое лидерство. Первостепенное значение имеют исследования влияния такого глобального процесса на более обширный район Средиземноморья и на участие средиземноморских стран в этом процессе.

Ключевые слова: Большое Средиземноморье, США, Китай, Россия, мировая политика, преобразование правопорядка, мировые стратегии.

Для цитирования: *Attinà F. Europe, the Mediterranean Area and the Influence of World Policies // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 212–232. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.011*

The policymakers of the European Union and of the Member States share the opinion of the Mediterranean area as the geopolitical area that is the less subordinated to the world political order and, therefore, the less affected by the policies of the world institutions. The present paper disputes such view and frames the analysis of Mediterranean politics within the political science knowledge about the world institutions and public policies that bind all the countries of the world. Second, the present paper deals with the greater Mediterranean area which encompasses all the countries from the Sahara Desert to the Persian Gulf and up north to Scandinavia and Russia. Since the end of World War II, the European

approach towards the Mediterranean area has been changing in line with the changing of the world order. Europe recognizes that the area is embedded in the world political system which has a structure of institutions designated to make policies applying to all the states irrespective of the area the states are located in. This does not mean that compliance with the world public policies, which regularize the interaction of the states and bring order to the world, does not vary across space, i.e. from region to region, and over time, i.e. over the life cycle of the world order.

It is likely that the number of collective problems that are efficaciously solved at the world political level will grow in the next future as the environmental and cyber security problems, not to say the health and great diseases problems, today are demonstrating. The states recognize to few world policy-making institutions the authority to issue policies towards a limited number of collective problems concerning security, sovereignty, finance, trade, and the free circulation of the seas, oceans, and air. Although political order is visibly lower in today's world than it was about forty or thirty years ago, one should not disclaim that also at times of decreasing order and growing defiance to world policies and rules, like the present one, most governments abide to the policies that have been issued by the world policy-making institutions. Accordingly, the present paper draws the readers' attention towards the impact of the world policy-making institutions and policies on the Mediterranean area and as well towards the participation of the governments of the area in the world institutions and policies. The first section outlines the concept scheme for the analysis of world politics and the current phase of order transition. The second section profiles the security and economic world policies of the contemporary world politics. In the three subsections, the impact of these policies on the wider Mediterranean area is emphasized. In the concluding section, focus is on forecasting world politics in the next years.

Concepts for the analysis of world policies

In any society of equal and autonomous units, each unit copes with problems on its own. When a collective problem comes to the surface, i.e. a problem that affects all the units and is optimally got under control by binding all the units to the same response, a political space comes into existence because all the units share the interest to act and as well share the interest to act as the members of a political system generating the appropriate response to the collective problem. Should each unit respond to the collective problem on its own, disorder will spread out in the society. Should each unit respond to collective problems by the policy response produced by the common political system, order will spread around because the reaction of every unit to the collective problems is 'regular', i.e. conformed to only one of all possible responses. In other terms, sharing the policy response to the collective problem brings into existence political order, i.e. the 'generalized' convergence of all

the members of the society on the decisions and policies that have been agreed within the institutions of the shared political system.

As it comes to the contemporary world political space, the present argument is that the states consent to respond to few collective problems by complying with world 'public' policies. In the post-world-war-two world, the problems of the finance and trade area and the area of the problems of state security from aggression are the first set of collective problems the states decided to rule by means of public policies made by world policy-making institutions, namely the IMF, WB, GATT/WTO, and the UN. In the following decades, collective problems such as climate change, transnational crime, mass migration, and the control of major diseases have been put on the policy agenda of the world political system. Agreement to respond to such problems by approving international law treaties has been reached, but true public policies have not been made.

The world public policies are optionally abided by the states, in other terms abidance is a matter of choice of the individual state. In the present discourse, abidance by the sovereign states means that each state will make the national policy and legislation consistent with the world policy. Serious violation, i.e. missing convergence on the world policy, is sanctioned by the states that support the policy and by the international institutions that have been empowered to sanction the violation of the policy. Sanctions consist in economic and diplomatic actions. Coercive sanctions, i.e. the use of force and military intervention, are adopted only to respond to the violent aggression to the territorial sovereignty of a state when the UN Security Council decided so. Despite the weak sanctioning mechanisms, in normal situations the majority of the states comply with the world policies. Breaking the world policies is politically significant, instead, when it is made for de-legitimising political order and propping up order transition [Attinà 2021].

The institutions that have been mandated to make the world policies towards, finance, trade, and security have been created on the initiative of a coalition of countries and are defended especially by the countries that profit the most from the action of the institutions. Such institutions are taken in due account because order is preferable to dis-order since it makes possible living in predictable conditions. On the other hand, these institutions are the object of the de-legitimising opposition of the countries that profit from lessening the strength of the existing order. Such revisionist countries promote dis-order and could come to the decision to form a coalition against the status quo coalition and to struggle for establishing the new world order (See Fig.1).

Any political order changes through a life cycle, that is, it develops through a process that goes from the onset to the end phase. A good way of representing the life cycle is one that distinguishes four phases [Modelski 1999]. In the onset phase, the coalition of the countries that have prevailed in the confrontation of the last phase of the previous cycle generate the new world order. They select the main collective

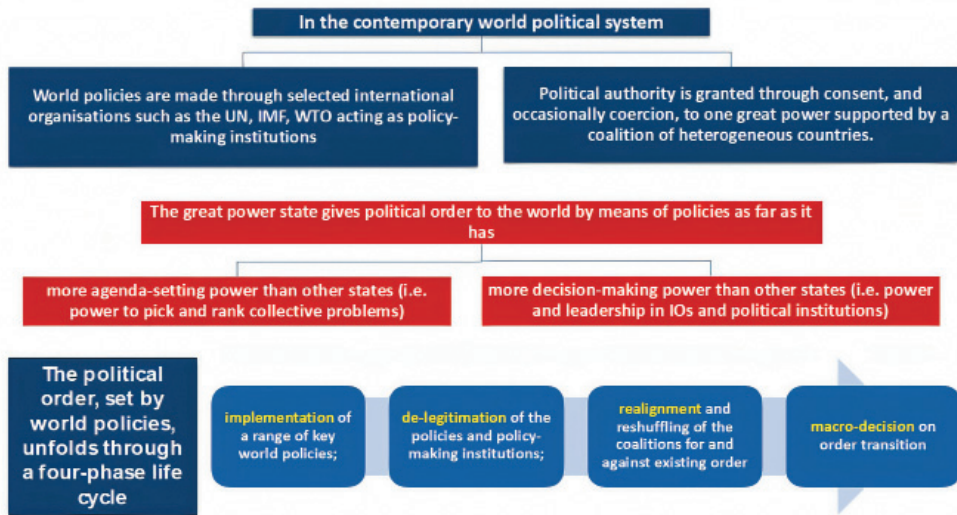

Fig. 1

problems and create the institutions that make and implement the new public policies. The lead of the process creating the institutions and designing the policies is taken by the coalition of the countries that has won the confrontation with the status quo coalition that defended the previous world order. The onset phase is followed by the de-legitimation phase, a period of decreasing effectiveness of the world institutions, lessening impact of the public policies, and increasing opposition by antagonistic countries. In the third phase, the revisionist countries agree on the design of the next world order and form the coalition that want to knock down the existing order. The two coalitions confront each other in the fourth macro-decision phase. The historians and political scientists of the international hegemony school have demonstrated that the conflict between the revisionist and status quo coalition of the past centuries was always a world war, and that the victorious coalition was led by the most powerful country that was able to determine the political institutions and the fundamental policies of the new order.

The countries of the Mediterranean area and the main world policies

The West European countries have been involved in the making of the main world policies and have supported such policies more than other countries. The countries on the Southern side of the Mediterranean area, instead, did not participate in the making of those policies. Some of them have participated instead in the de-legitimation of the policies. In the past thirty years, the de-legitimation of the world policies and of the policymaking institutions has been increasing.

Consequently, the United States ability and power to continue leading the world order has been questioned. Political scientists have discordant views about whether the American decline is absolute or relative, irreversible or contingent [Cronin 2001; Datta 2009; Ikenberry 2001; Nau 1990; Norrlof 2018; Nye 1990; Puchala 2005; Russett 1985; Skidmore 2005; Thompson 1990; Thompson 2006]. But they agree on downgrading the performance of the American hegemony since the late 1960s. In present times, a heated debate is open about the impact of the confrontation between USA and China on the future world order and the inclusion of Russia in such confrontation.

The impact of the world policies of the American world order on the Mediterranean area and the involvement of the Mediterranean countries in the world order life cycle (which are summarized in Fig. 2) are examined in the present section.

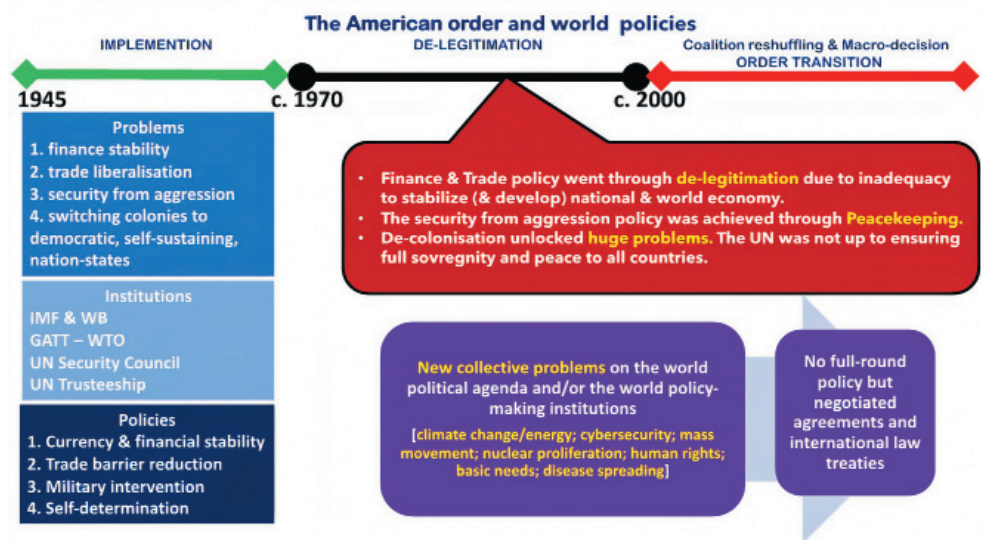

Fig. 2

In the early years after World War II, the world policymaking institutions undertook the task of making policies towards two problems that the Western policymakers considered as the most important source of instability and conflict in the world. The institutions were mandated by the leading countries of the world to (a) build sovereign and democratic nation-states in all the areas of the world and (b) create the conditions for growth of all national markets within the world liberal capitalist economy. Such objectives were consistent with the values and principles the world war winning coalition governments had agreed on during the war negotiation. The world order had to be based on the values of the equal sovereignty of the nation-states, the primacy of law and diplomacy, and the human

rights. The corresponding principles were constitutionalism, democracy, national self-determination, and international cooperation.

Building sovereign, national, and democratic states in the vast area of the colonized world required to put in place two policies, the policy towards ending the colonial rule, and the policy towards inhibiting aggression and strengthening the security of the single state and the whole world. Implementing both policies was the remit of the United Nations. The former policy was accomplished in quite a short time by enforcing the self-determination principle. In many instances such policy had disappointing results. Especially in Africa and also in Asia and the Middle East, the new states had to cope with conditions generating political disorder and economic inefficiency. The task to address the latter policy and ensure the security of the states, instead, achieved better results. The UN Secretary General and the Security Council overcame obstacles to the full enforcement of Chapter VII of the Charter and put multilateral security into practice by creating the peacekeeping operation mechanism. Such operations, either organised or endorsed by the United Nations, changed the security of the states into a public good that was provided by the UN and UN-endorsed organisations as the actors of last resort of the security good [Attinà 2011; Attinà 2014].

During this phase, the colonies existing in the Mediterranean area turned into independent states. In March 1945, Egypt, Iraq, Jordan, Lebanon, Saudi Arabia, and Syria created the Arab League. Yemen joined the League in May. The League was unable to play as the venue of negotiation and mediation in the interstate violence that erupted from the Jewish decision to form the state of Israel. The League was as well scarcely productive in preventing the violent turn of domestic political and economic conflict. Domestic conflict between political factions sometimes enlaced with confrontation between the country political leaders and the foreign-owned companies that controlled important economic resources. This was the case of Iran for the oil industry, and Egypt for the Suez Canal. Briefly, the fragile state building action of the United Nations in all the colonial areas of the world turned up also in the South-Mediterranean area (Fig. 3). The United States played the leading role in the complex situation by involving the world security organisation, the United Nations, and various political allies in and out of the area. The United Nations acted as the security provider of last resort by sending peacekeeping missions to contain violence in the area. The political allies of the United States joined in to prevent the feared connection between the local anti-Western political forces and the Soviet Union. This was the case of the Baghdad Pact, signed in 1955 by Iraq, Iran, Pakistan, Turkey, and the United Kingdom.

The United Nations involvement was decisive for the security of the South-Mediterranean states, Israel included. The region was indeed the place where peacekeeping firstly entered into use as the instrument providing security to states at risk of fatal collapse because of external aggression and civil war. The UN

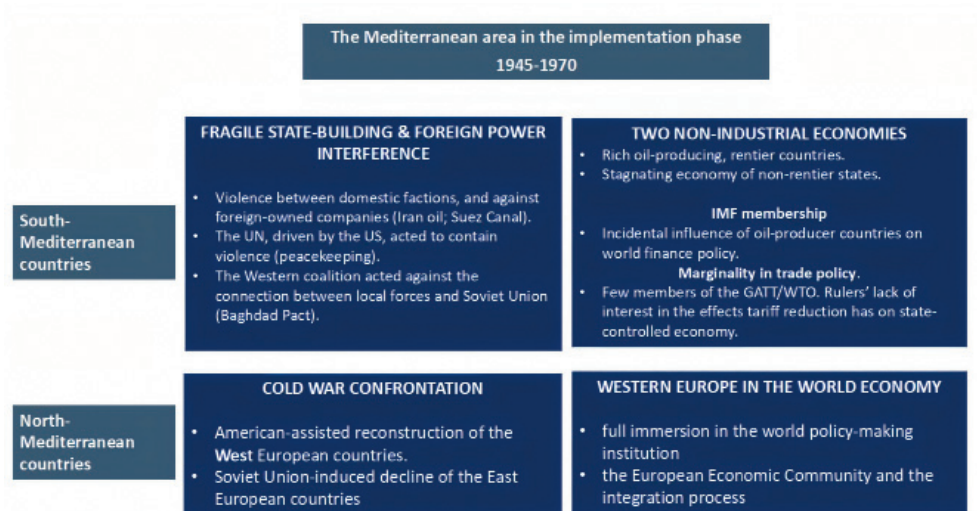

Fig. 3

Truce Supervision Organisation, UNTSO, was the true first UN peacekeeping mission. It was dispatched to monitor the end of the fighting of the first Israeli-Arab war in 1948. In this phase, the UN sent to the area four missions, the UNEF 1, UNOGIL, UNYOM, and UNFICYP mission, to monitor respectively the post-Suez crisis situation, the Lebanese Israeli border, the Yemen and the Cyprus domestic situation. From 1945 to 1970, the world security organisation, the UN, created five peacekeeping missions (the four just mentioned and UNTSO), on the total of 14 missions, to oversee the security of Mediterranean countries. The decision to organise peacekeeping missions is the power of the UN Security Council. But the UN General Assembly made the decision of sending UNEF 1, as it had six years before with respect to Korea [Diehl 1988]. Two peacekeeping missions, UNTSO and UNFICYP, are active in 2020.

Briefly, in all the phases of the contemporary world politics, everywhere and the in Mediterranean area, the UN acted as the institution of last resort to protect the life of the states. The UN do not prevent territorial wars but any state death as the outcome of an armed aggression (see more in: [Attinà 2011, p. 115–119]).

The second set of goals of the new world order, building economic stability and sustaining growth, was the remit of the International Monetary Fund (IMF), the World Bank (WB), and the General Agreement on Trade and Tariffs (GATT). The IMF had to monitor and drive the fixed exchange rate of the national currencies to the dollar, which was claimed to be convertible to gold. The WB had to provide investment capital to sustain national economies in need of financial resources. In 1945, Iran and Iraq were of the group of the thirty IMF original members. Lebanon, Syria, and Turkey joined two years later. All the remaining countries

of the Mediterranean area joined IMF in the following years. Consequently, in 1971, the year of the end of the fixed exchange rate and the flag date of the demise of the first phase of the American world order, all the Mediterranean governments were forced to adjust their currency to the flexible exchange rates.

By contrast, the states of the wider Mediterranean area did not share the same approach toward the world trade policy. The European communist states and few of South Mediterranean countries joined the GATT, the acting world trade organisation that in 1995 turned into the World Trade Organisation, WTO. Turkey became a member of the GATT in 1951, Israel in 1962, Kuwait in 1963, Egypt in 1970. Morocco and Tunisia became members in 1987 and 1990. All of these countries joined the WTO at the time of the establishment of this organisation, 1995. As of today, Algeria, Iran, Iraq, Lebanon, Libya, and Syria are in the process of accession to WTO. The East European states entered the GATT after the end of communism with the exception of Yugoslavia, Poland and Romania. They acceded to the GATT, respectively, in 1966, 1967, and 1971.

The governments of South Mediterranean states poor in hydrocarbon resources and those of states rich in oil and gas had little interest in the effects of free trade on the state-controlled economy. Oil revenues in the major producer states like Algeria, Iraq, and Saudi Arabia, permitted economic growth and investment in infrastructure, education, health, welfare, and state-owned business. But the upheaval of the world financial policy that epitomised the end of the first phase of the American world order put an end also to the attitude of the governments towards the world economic institutions. In the following world order phase, the effects of the end of the Bretton Woods policy on the currency reserves of the oil-producing, rentier countries and as well on the poor economy of the non-rentier states changed the economic policies of all the South Mediterranean countries.

In the late 1960s, the growth of the richest economies reached its highest. Afterward, turbulence hit the financial markets with consequences on the developed economies and as well on the developing and stagnant ones. Economic problems had negative impacts on politics. France accused the United States of destabilizing the world currency market because of their monetary policy, damaging the European industries with the unbalanced flows of trade between the two sides of the Atlantic, and as well binding the European states' foreign policy to the American policy which was unable to respond to the end of the military pacts that in the 1950s the United States had built in the Middle East and in South-Asia. The Non-Aligned Countries Movement was joined by the Group of the Seventy-Seven, established in 1964 within the United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD, in formal recognition of the need for reforming the world economy and boosting the growth of the backward economies against the world policies that advantaged the Western economies.

At the very beginning of the 1970s, all these events and process brought into existence the second phase of the contemporary world politics, the phase

of de-legitimation of the American world order (Fig. 4). In general, the flaws of the post-World War policies towards building sovereign, national, democratic, and self-sustaining states in all the areas of the world delegitimated the world order and affected its stability. In many countries of Africa, Asia, and in Central and Southern America, external interference in the national politics and markets turned the sovereignty of the states into a mere artefact. The local rulers were deprived of the power to build the post-colonial state. In general, the political class of the new independent states was unable to face the tremendous problems of ruling the multi-national, multi-ethnic society inherited from the colonial powers. In almost all the Third World countries, economic problems, external interference, and the inability of the policymakers to run the political and institutional regime, which was modelled like the European state, caused the fall of the new-born democratic regime and the rise of autocrats and dictators. Failure to respond to such problems gave rise to the de-legitimation process of the American world order.

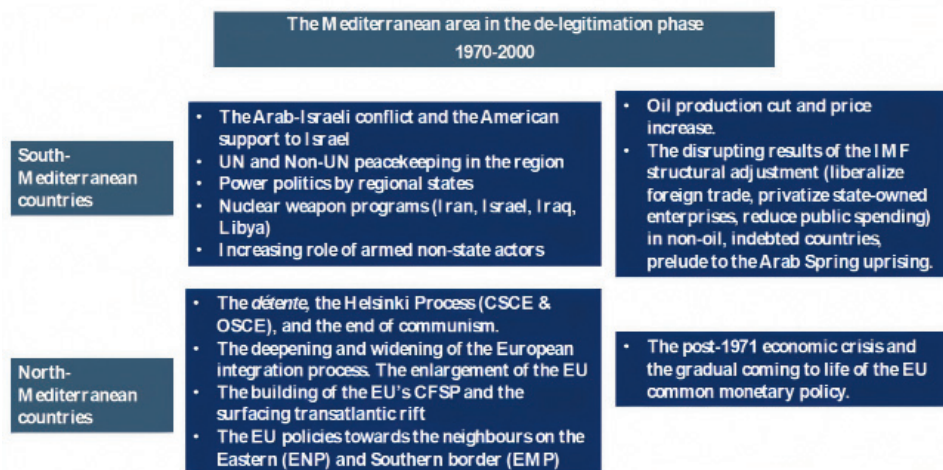

Fig. 4

The step change of the world order from the implementation to the de-legitimation phase impacted heavily on the Mediterranean area. The decision of the American president to end the convertibility of the dollar into gold and to let the dollar value fluctuate in the currency market caused the financial crisis of the countries with large dollar currency reserve. Saudi Arabia and other oil-producers decided to cut oil production and to enact embargo on oil export against the United States and other European countries, thereby driving up the oil price. They claimed that the decision was their political response to the American support to Israel in the 1973 October War where the Israeli military defeated the Egyptian army that had launched a surprise attack in order to get again in control of the Sinai Peninsula.

Since the Seventies, the United States and the Western allies intervened in South Mediterranean countries directly and through the UN peacekeeping mechanism to control international and internal conflicts. On the whole, the UN peacekeeping missions achieved the objective of limiting violence and keeping stability. At the same time, peace-keeping unilateralism has been pushed up by regional organisations and groups of *willing* states that launched Non-UN-organised peace operations [Attinà, 2014]. Generally, the countries participating in unilateral peace-keeping missions add the individual goal of interfering in local conflicts to the general interest of containing violence. The most advanced democracies like the European Union states turned towards unilateralism by organising CSDP operations, i.e. operations of the EU's Common security and defence policy, and diminishing their contribution to the UN-organised peace operations [Bellamy, Williams 2009].

Unilateral security was applied to intervention in the Middle East but the United Nations continued to be the major security provider institution. This time, the UN acted in two war theatres, the Israeli-Arab and the Gulf theatre because of two aggression wars launched by Iraq against Iran in 1980, till 1988, and against Kuwait in 1990. After the 1973 Yom Kippur war, UN sent the UNEF II mission to monitor the cease-fire, and the UNDOF mission to do the same at the Israeli Syrian border. UNEF II ended after the signature of the Camp David peace agreement. UNDOF is still active like it is UNIFIL, the mission sent in 1978 to assist the Lebanese government in re-establishing sovereignty after the penetration of the Israel Defence Forces in Southern Lebanon. Furthermore, from 1982 to 1983, USA, France, Italy and the United Kingdom organised the Multinational Force in Lebanon, MNF, to divide the Palestinian and Syrian armed groups from the Israeli army. Such Non-UN force failed to accomplish its mission, which was transferred to UNIFIL.

The control of nuclear energy for military purpose was also a source of de-legitimation of the American hegemonic government. In addition to Pakistan, North Korea and South Africa, two countries of the wider Mediterranean area, Iraq and Iran, advanced their nuclear weapons efforts in relative secrecy. The Iraqi nuclear weapons program, despite the IAEA inspections, was revealed after the Iraqi defeat in the 1991 Gulf War. In 2003, the IAEA reported about the Iranian clandestine nuclear activities in violation of its safeguard's agreement. In 2003, also Libya closed the WMD programs, including a secret nuclear weapons program, and accepted the IAEA inspections. The Arab states stood up against the Israel's non-NPT status and assumed possession of nuclear weapons. In this time, also the establishment of the Middle East as a zone free of weapons of mass destruction was discussed at the level of the NPT review conference for several years but ever achieved to an agreement.

In the de-legitimation phase, unilateralism overcame multilateralism also in the economic sector. With the end of the Bretton-Woods monetary regime, the world economic institutions were no longer able to fix the financial regime

and revert to fixed exchange rates. Private investors overpowered the IMF efforts to stabilize financial markets. The Group of the Seventy-Seven raised the demand to replace the capitalist market policies and institutions with the project of a New International Economic Order. But things turned out differently. The governments of the leading Western economies opted for structural adjustment policies, a set of measures including the liberalization of foreign trade, the privatization of state-owned enterprises, and the reduction of public spending that the Bretton Woods institutions imposed on the countries in debt as condition to aid them to exit from budget deficit. Morocco was the first Mediterranean state to sign a lending program with the IMF in 1984, followed by Tunisia in 1986, Jordan in 1989, and Egypt in 1991. But the improvement of the macroeconomic indicators these programs brought to these countries did not match the negative effects on the society. Unemployment, poverty, and inequality grew all along with the people resentment that ended with the 2011 uprising known as the Arab Spring [Mossallam 2015].

The de-legitimation of the world American order was also the effect of the foreign policy decisions of the US Presidents of that time. Policies such as the anti-communist and anti-Chinese policy in Asia and the anti-Palestinian policy in the Middle East caused trouble also to the countries of the core of the American coalition. The first move of the European states to distance their foreign policy from the progressively de-legitimized American foreign policy was the “Declaration on European Identity” that was released in Copenhagen, on 14 December 1973. The Community members claimed that the European identity, not the Atlantic identity, was the guiding principle of the common foreign relations. Briefly, since the early Seventies, de-legitimation of the American order has been the joint effect of the institution failure to respond to the problems on agenda and of the antagonistic opposition of governments that wanted to destabilize the world leading state. The inadequacy of the world institutions to accomplish the founding goals of the world order, namely protecting the sovereignty and developing the economy of all the states and not only those of the dominant coalition, generated the problems that stirred up the de-legitimizing disappointment of governments within and outside the American coalition. In the economic sector, the rise of the oil price changed the energy market and affected the trade relations and economic plans of the developed and developing countries. In the technological sector, industrial production generated environment pollution. Overpopulation, migration, inter-cultural strife, and growing transnational crime impacted on the society of many states. The policy response by the world institutions was not always up to the problems on agenda. Mostly, governments looked for short-range solutions. Some states negotiated common policies at the region level and with likeminded countries. This pushed up minilateral networks and further shook the existing coalitions.

Transition from the phase of de-legitimation of the American order to the coalition-reconfiguration phase began as early as some established alliances and

alignments such as the Soviet bloc and the Non-Alignment Movement started to slack down, and the foreign policy elasticity and volatility of important countries produced critical diplomatic change such as the institution of the G20 meetings, the China’s membership of the UN and IMF, and the China and Russia accession to the WTO. For sure, the increasing number of loose alliances and trans-regional alignments, and the elasticity and volatility of the foreign policy of many states are symptoms of coalition reconfiguration but such process is still slow and unclear today (Fig. 5). The ball is definitely in the great powers’ court. Gap between the United States and European allies is widening but the American leaders are not able to build up vital coalition ties with new partners. Russia strives to build a front of friend countries but is unable to turn it into a solid coalition. The Russia close friends are mainly countries placed on the Russia’s near abroad while the Moscow leaders strive for building special relations with African and Mediterranean countries as they have done with the Syrian regime. The response of an increasing number of governments, especially of Africa and Central and Southeast Asia, to the Chinese offer of investment capital at no political conditions demonstrates the China’s intention to de-legitimize the American hegemony but this is not enough to demonstrate that China leaders have decided to form the coalition of the countries ready to remove the existing order.

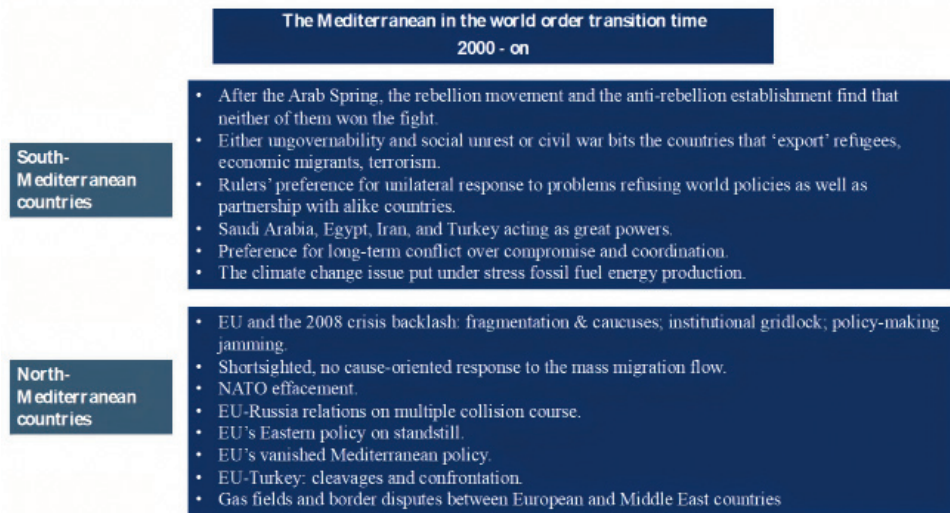

Fig. 5

It is widely believed that disorder will last for long, and that coalition reconfiguration is not even on sight. The sources of the long-run disorder are nationalism, populism and the political leaders’ discourse on *my country-first*. They cause trade conflict and the fading of multilateralism as option of policymaking for

responding to security problems and re-launching economic growth in the world. I argue, instead, that statesmen prefer order to disorder because world functioning policies generate the predictable environment that makes easier to achieve economic growth and political stability. The problem they have is with whom to build the coalition of culture and interest that will forward the political order and public policies they prefer.

Knowing that also in the past centuries, countries formed coalitions of interest and culture under the leadership of major powers to promote political order and make the world a predictable world, the key question now is whether or not coalitions are in the making under the leadership of which country or countries in order to address the revision or overturning of the de-legitimized world order. The present section proposes to increase knowledge about which countries are inclined to revisionism in today's world politics, what coalition potential they have, and how this affect security and politics in the wider Mediterranean area.

Do the biggest countries of today, the United States, China, and Russia, have the ambition, resources and qualities to close the present order cycle and become the leader of the next one? Which country is the resolute revisionist that is fitted with the coalition power that is necessary to win out the confrontation over the leadership of the next world order? Revisionist states want to change the principles, rules and institutions of the existing order in view of enhancing their own values and interests in the policy making. To achieve such goal, the revisionist state develops its economy and financial power, engages itself in armament buildups, and strives to enlarge the circle of the friend states, especially those discontented with the existing order and policies. Therefore, the revisionist state has to equip itself with the ideational, entrepreneurial and leadership qualities that are valuable to integrate the values and ideologies of the coalition members and as well to shape the institutions and policies fitting the interests of the largest possible number of countries.

Since the World War Two gave to the **United States** the opportunity for building a tremendous culture and interest coalition of states, they have been able to gather around themselves numerous and varied countries from all the areas of the world. They created military alliances, bilateral and trilateral diplomatic pacts, and special relationships. The cohesion of the different groups and networks of countries of the American coalition has not been homogeneous. The cohesion of the group of the European states was very strong in the first phase of the order cycle. In the successive phases, cohesion decreased but the inter-member strains did not impair the solidity of the Euro-Atlantic coalition. The cohesion of the Latin American group also has been generally high. The remaining groups of allied countries, instead, have been little cohesive and mostly volatile.

Generally speaking, the cohesion of the American coalition is lower today than it has been in the past. The commonality of culture of the United States and the core members — i.e. the European countries, Canada, Japan, Australia, and

New Zealand — is remarkably high. But this inner circle is shaken by economic and political problems. Some leaders tend to stress their distance from the other coalition members and to underrate shared interest in the economy, trade, and security sectors. The countries of the outer circle of the American coalition, instead, share interest rather than culture with the United States. Generally speaking, partnership has been volatile except that of many Latin America countries, a few countries of the Asia-Pacific such as South Korea, Indonesia, and the Philippines, and countries like Egypt, Israel, Jordan, and Morocco in the Mediterranean area. Relations with Saudi Arabia have been always important to the United States due to shared interest in the oil and security sectors. The American administrations took Saudi Arabia as a strategic partner, but bilateral relations faced crises and were never in complete harmony. In spite of the common objective of regional stability and of containing Iran, they differ on core issues such as the Israeli-Palestinian conflict, intervention in Yemen, and the fight against terrorism.

The difficulty to keep unaltered the coalition role in the world policy-making institutions would not impede the renewal of the US hegemony if disorder is considered unsustainable by a large number of countries, and if China and Russia temper their own revisionism and withdraw from building the antagonist coalition. Indeed, for the time being, the American army is much ahead of the China's and Russia's army in terms of lethality, technology, and force projection. This asset is very much taken into consideration by the coalition members, the ones of the Mediterranean area included, which are worried for the security threats originated by hostile neighbours. It is taken into consideration also by the non-coalition countries that are menaced by American foes and may choose either to join the American coalition for interest or give their *external* adhesion to it as free riders. Furthermore, the US economy has many pluses compared to the economy of China and of Russia. The American dollar continues to be the world strongest reserve currency. The American companies continue to be dominant in foreign direct investment. In 2019, the US economy is high growing, and it is the leading economy in key sectors like biotechnology and nanotechnology. It is also on the front line of higher education and research.

China shared with the non-aligned and developing countries the goal of restructuring the world government to give to all the nation-states equal voice in the world policy-making institutions. But, in the late 1980s, after Mao's death, China's foreign policy changed enormously. The new Chinese leaders turned to adapting the country's foreign relations to the rules of the US-dominated world institutions in the belief that China gains the most from acting peacefully within the structural constraints of the existing order. China's compliance with the UN rules and policies is demonstration of the China's willingness for playing inside the existing order and avoiding significant disruptions in the world political system. This does not mean that China rules revisionism out. China wants to exercise world policy-making leadership at coequal status to the United States. Concurrently, China's

diplomacy tends to create close relations with states that could become the members of a coalition that could reshape the existing world order. Additionally, it is in China's interest to turn its own economic power into political power.

China's coalition power is expected to grow after the Belt and Road Initiative (BRI), which is aimed at promoting trade, economic development, and transport links and consequently to fertilize political relations between China and countries in Eurasia and Africa. Yet, the China's search for status on the forefront of the world order begins in Asia. The growing Chinese economy and finance power could draw many Asian countries into the Beijing's future world coalition. The second reservoir of the China's coalition power is Africa. The African rulers appreciate the China's policy of respecting African autonomy and ownership in conflict resolution operations.

The Belt and Road investment opportunities and the need of energy for China's growing consumption and industrial production are crucial to the relations between China and the Middle East countries. The region's economic importance to China lies in the fact that almost half of China's oil imports and 20 per cent of Chinese exports to the Middle East, North Africa and Europe travel through either the Strait of Hormuz or Babel-Mandeb at the entrance to the Red Sea [Dorsey 2018]. These relations demand that the whole Mediterranean area is safe. Hence the decision to create the military base in Djibouti, effective in 2017, and to run a dynamic military activity in the region after the abstention from the UN Security Council Resolution 1973, in 2011, which enabled the toppling of Mohammad Gadhafi and entailed a loss of billions of Chinese investments and geopolitical assets.

Dorsey maintains that China shares with the United States the policy approach towards the Mediterranean area consisting in keeping stability rather than promoting equitable political reform [Dorsey 2018, p. 3–4]. But, supporting stability by backing autocratic regimes brings the population resentment against China, same as against the Western countries. In various Middle Eastern countries such resentment taps into the perception of threats involved by the Belt and Road investment. In other terms, the Chinese model of economic openness and non-interference of the investing companies, may not work in all the Mediterranean countries.

Russia's leader Vladimir Putin, a decade after the fall of the Soviet Union, succeeded in raising the national economy, stabilizing the domestic politics, and restoring the international status of the country. Since the early 2000s, Putin aims to make Russia on the lead of the group of the states comprising India, China, and Iran that claim to make the world a multipolar system, and oppose the United States and the Western coalition. The challenge to Western dominance was apparent in 2014 with the annexation of Crimea and, later, the invasion of Ukraine's eastern provinces.

Intervention in Syria is exemplary of Putin's assertive foreign policy. The control of the Middle Eastern country by giving military and economic support to the anti-Western leader of Syria gives to Russia influence in the region and, thereby, a role

in world politics. Furthermore, in the wider Mediterranean area, cooperation with the governments of the oil producing countries is vital to Russian economic power since such cooperation provides control on the world energy prices.

By acting as a troublemaker and game-changer in security complex settings like the Mediterranean area and by bolstering authoritarian regimes, Russia mostly wants to create a situation in which the United States and the European countries find impossible to make any decisions without its participation.

Conclusions

The analysis of the Mediterranean countries' strategy towards the world political order and policies reveals three remarkable aspects. First, only the West European countries had an important role in the establishment of the world policy-making institutions. The East European and South Mediterranean countries were not members of the war-winning coalition and, even though some of the latter like Iran were soon co-opted, they were not of the core-member group of the American coalition. Some of them did not become members of the world economic institutions for a long time. Some are still in the WTO accession process. The Mediterranean security politics, instead, has been heavily conditioned by the United Nations. The UN multilateral security mechanism was, indeed, experimented firstly in the region in the 1950s and 1960s. Since then, the UN prevented that the aggressor country achieves the goal of the aggression. Furthermore, there are no signs that the UN multilateral security mechanism will be removed from the Mediterranean area. Even though, the UN intervention will be influenced by the current confrontation between the three major powers on the future of the world order, none of them is biased against the UN role in the area. Second, the oil-economy countries have been capable of defending their wealth when financial crises repeatedly hit the world economy, but the non-rentier, non-oil-economy countries of the region have been disadvantaged by the policies of the world financial institutions. Furthermore, the world trade liberalisation policy does not give to the South Mediterranean countries chance of defending their non-industrial economy. Third, on the whole, the South Mediterranean countries are neither primary actors of the world policy-making process nor politically active members of the leading coalition. Indeed, they are not involved in the emerging coalition reconfiguration process. On the whole, the level of compliance with the rules and policies of the existing world order is low in the region while some countries side by the group of the countries that de-legitimise the current order.

Researchers should pay attention to the causes and consequences of such patterns of relations between the South Mediterranean countries and the world political institutions and policies because the world is moving towards the re-construction of the world order and policy-making institutions. The present paper has drawn attention towards the emergence of confrontation between three big powers (Fig. 6).

THE THREE-POWER TRANSITION POLITICS		
	Revisionism & Coalition power	Mediterranean policy
United States	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Discontent with institutions and policies (e.g. trade policy) ✓ Determined to maintain economic and military superiority over China and Russia ✓ Decreasing coalition power 	<ul style="list-style-type: none"> ➢ Declared politics: Disengagement ➢ Blaming European countries for culture and interest distance ➢ Attention to interest sharing with South Mediterranean Partners (Egypt, Jordan, Israel, Morocco, Saudi Arabia)
China	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Supporting the policies and institutions that favored the nation rise. ✓ Between indifferent and hostile towards world order principles such as liberalism, democracy, human rights. ✓ Growing financial and commercial power convertible into coalition power 	<ul style="list-style-type: none"> • Growing finance and trade intervention. • Concern for energy and maritime routes across the Straits of Hormuz and Babel-Mandeb. • Preference for partnership relations with low political content (stability of the regimes over promotion of social reforms).
Russia	<ul style="list-style-type: none"> ✓ No clear revisionist programmes but strong preference for multipolarism. ✓ Capable of rallying anti-American countries 	<ul style="list-style-type: none"> • Influence on oil and gas energy prices. • Free passage of the Black Sea to the military fleet. • Profit from anti-American hostility (Syria).

Fig. 6

It is important to develop knowledge about the reconfiguration of the worldwide coalitions that could change the existing world order and policymaking institutions. The revisionism of the states competing for world leadership must be carefully investigated. Research on the influence of such global process on the wider Mediterranean area and on the involvement of the Mediterranean countries in such process is of paramount importance. The political and economic strategies of the governments of this area are crucial to the coalition reconfiguration and the world economy reconversion after the increasing use of renewable energy resources. Mediterranean experts, instead, tend to develop knowledge on the discontinuity of the politics of the area from the politics of the world order. World order is sought by the big states and is preferred to disorder by most countries. Therefore, the present politics and future development of the Mediterranean area must be studied within the framework of the world order politics.

References

- Attinà, F. (2011), *The Global Political System*, Palgrave Macmillan, Houndmills, Basingstoke, 272 p.
- Attinà, F. (2014), "Multilateralism and Conflict Management: Assessing Peace Operations", in Telò, M. (ed.), *Globalisation, Multilateralism, Europe. Towards a Better Global Governance?*, Ashgate, Farnham, pp. 373–387.
- Attinà, F. (ed.) (2021), *World Order Transition and the Atlantic Area. Theoretical Perspectives and Empirical Analysis*, Springer, Cham, 256 p.
- Bellamy, A. J. and Williams, P. (2009), "The West and Contemporary Peace Operations", *Journal of Peace Research*, vol. 46, no. 1, pp. 39–57.

- Cronin, B. (2001), "The Paradox of Hegemony: America's Ambiguous Relationship with the United Nations", *European Journal of International Relations*, vol. 7, no. 1, pp. 103–130. DOI: 10.1177/1354066101007001004.
- Datta, M. D. (2009), "The Decline of America's Soft Power in the United Nations", *International Studies Reviews*, vol. 10, no. 3, pp. 265–284. DOI: 10.1111/j.1528-3585.2009.00376.x.
- Diehl, P. F. (1988), "Peacekeeping Operations and the Quest for Peace", *Political Science Quarterly*, vol. 103, no. 3, pp. 485–507.
- Dorsey, J. M. (2018), *The Greater Middle East: China's Reality Check*, Alsharq Forum, Istanbul, 13 p.
- Ikenberry, G. J. (2001), *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*, Princeton University Press, Princeton, 312 p.
- Modelski, G. (1999), "From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics", in Bornschieer, V. and Chase-Dunn, C. (eds), *The Future of Global Conflict*, Sage, London, pp. 11–39.
- Mossallam, M. (2015), *The IMF in the Arab World: Lessons Unlearned*, Bretton Woods Project, London, 22 p.
- Nau, H. R. (1990), *The Mith of America's Decline: Leading the World Economy into the 1990s*, Oxford University Press, New York, 424 p.
- Norrlof, C. (2018), "Hegemony and Inequality: Trump and the Liberal Playbook", *International Affairs*, vol. 94, no. 1, pp. 63–88.
- Nye, J. S. (1990), *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*, Basic Books, New York, 370 p.
- Puchala, D. (2005), "World Hegemony and the United Nations", *International Studies Review*, vol. 7, pp. 571–584.
- Russett, B. (1985), "The Mysterious Case of Vanishing Hegemony: or, is Mark Twain Really Dead?", *International Organization*, vol. 39, no. 2, pp. 207–231. DOI: 10.1017/S0020818300026953.
- Skidmore, D. (2005), "Understanding the Unilateralism Turn in U.S. Foreign Policy", *Foreign Policy Analysis*, vol. 1, no. 2, pp. 207–228. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2005.00010.x.
- Thompson, W. R. (1990), "Long Waves, Technological Innovation, and Relative Decline", *International Organization*, vol. 44, no. 2, pp. 201–234. DOI: 10.1017/S0020818300035256.
- Thompson, W. R. (2006), "Systemic Leadership, Evolutionary Processes, and International Relations Theory: The Unipolarity Question", *International Studies Review*, vol. 8, no. 1, pp. 1–22. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2006.00551.x.

Список литературы

- Attinà 2011 — Attinà F. *The Global Political System*. Houndmills, Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011. 272 p.
- Attinà 2014 — Attinà F. *Multilateralism and Conflict Management: Assessing Peace Operations // Globalisation, Multilateralism, Europe. Towards a Better Global Governance? / ed. by M. Telò. Farnham : Ashgate, 2014. P. 373–387.*
- Attinà 2021 — *World Order Transition and the Atlantic Area. Theoretical Perspectives and Empirical Analysis / ed. by F. Attinà. Cham : Springer, 2021. 256 p.*
- Bellamy, Williams 2009 — Bellamy A. J., Williams P. *The West and Contemporary Peace Operations // Journal of Peace Research. 2009. Vol. 46. No. 1. P. 39–57.*
- Cronin 2001 — Cronin B. *The Paradox of Hegemony: America's Ambiguous Relationship with the United Nations // European Journal of International Relations. 2001. Vol. 7. No. 1. P. 103–130. DOI: 10.1177/1354066101007001004.*
- Datta 2009 — Datta M. D. *The Decline of America's Soft Power in the United Nations // International Studies Reviews. 2009. Vol. 10. No. 3. P. 265–284. DOI: 10.1111/j.1528-3585.2009.00376.x.*
- Diehl 1988 — Diehl P. F. *Peacekeeping Operations and the Quest for Peace // Political Science Quarterly. 1988. Vol. 103. No. 3. P. 485–507.*
- Dorsey 2018 — Dorsey J. M. *The Greater Middle East: China's Reality Check. Istanbul : Alsharq Forum, 2018. 13 p.*

- Ikenberry 2001 — *Ikenberry G. J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton : Princeton University Press, 2001. 312 p.
- Modelski 1999 — *Modelski G.* From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics // The Future of Global Conflict / ed. by V. Bornschieer, C. Chase-Dunn. London : Sage, 1999. P. 11–39.
- Mossallam 2015 — *Mossallam M.* The IMF in the Arab World: Lessons Unlearned. London : Bretton Woods Project, 2015. 22 p.
- Nau 1990 — *Nau H. R.* The Mith of America's Decline: Leading the World Economy into the 1990s. New York : Oxford University Press, 1990. 424 p.
- Norrlof 2018 — *Norrlof C.* Hegemony and Inequality: Trump and the Liberal Playbook // International Affairs. 2018. Vol. 94. No. 1. P. 63–88.
- Nye 1990 — *Nye J. S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York : Basic Books, 1990. 370 p.
- Puchala 2005 — *Puchala D.* World Hegemony and the United Nations // International Studies Review. 2005. Vol. 7. P. 571–584.
- Russett 1985 — *Russett B.* The Mysterious Case of Vanishing Hegemony: or, is Mark Twain Really Dead? // International Organization. 1985. Vol. 39. No. 2. P. 207–231. DOI: 10.1017/S0020818300026953.
- Skidmore 2005 — *Skidmore D.* Understanding the Unilateralism Turn in U.S. Foreign Policy // Foreign Policy Analysis. 2005. Vol. 1. No. 2. P. 207–228. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2005.00010.x.
- Thompson 1990 — *Thompson W. R.* Long Waves, Technological Innovation, and Relative Decline // International Organization. 1990. Vol. 44. No. 2. P. 201–234. DOI: 10.1017/S0020818300035256.
- Thompson 2006 — *Thompson W. R.* Systemic Leadership, Evolutionary Processes, and International Relations Theory: The Unipolarity Question // International Studies Review. 2006. Vol. 8. No. 1. P. 1–22. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2006.00551.x.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 28.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 11.05.2021

Информация об авторе

Аттина Фульвио
доктор политологии, профессор
Катанийский университет
95131, Италия, Катания, пр. Витторио
Эмануэле, 49
E-mail: attinaf@unict.it
Авторский ORCID: 0000-0001-7347-7078

Information about the author

Attinà, Fulvio
Ph.D., Professor
University of Catania
49, via Vittorio Emanuele, Catania,
95131 Italy
E-mail: attinaf@unict.it
Author's ORCID: 0000-0001-7347-7078

DOI 10.15826/koinon.2021.02.1.012

УДК 354(569.4) + 314.156.2(=161.1)(569.4) + 39(=161.1)(569.4) + 2-184.2

«ХАРЕДОФИЛЫ» И «ХАРЕДОФОБЫ» В БОРЬБЕ ЗА «РУССКУЮ УЛИЦУ» НА ВЫБОРАХ В КНЕССЕТ 2019–2021 гг.

В. (З.) Ханин

Университет Бар-Илан, Ариэльский университет
Иерусалим, Израиль

Аннотация: Двухлетний электоральный марафон в Израиле 2019–2021 годов сделал очевидными не только издержки и перекосы местной парламентской демократии, но и наличие в обществе серьезных разногласий по поводу норм, правил и пониманий, действующих в рамках сложившегося на заре израильской государственности так называемого светско-религиозного статус-кво. А также, в опосредованном виде, о понимании смысла — этнонационального или религиозного, — вкладываемого сторонниками различных подходов в идею еврейского характера Государства Израиль. Символом этого размежевания в каком-то смысле была община выходцев из бывшего СССР, которая вновь, после десятилетнего перерыва, стала критическим фактором внутривнутриполитического расклада в стране и фокусом процессов, имеющих мало общего с традиционным размежеванием между «правыми» и «левым» флангом израильской политики.

Ключевые слова: израильский парламентаризм, выборы, этнонациональная и религиозная идентичность, «русский Израиль».

Для цитирования: Ханин В. «Харедофилы» и «харедофобы» в борьбе за «русскую улицу» на выборах в Кнессет 2019–2021 гг. // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 233–247. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.012

“CHAREDIM-PHILES” AND “CHAREDIM-PHOBES” IN THEIR FIGHT FOR THE “RUSSIAN STREET” IN THE 2019–2021 KNESSET ELECTIONS

V. (Z.) Khanin

Bar-Ilan University, Ariel University
Jerusalem, Israel

Abstract: The two-year electoral marathon in Israel in 2019–2021 has made apparent not only the costs and distortions of local parliamentary democracy, but also a serious bone of contention in society concerning the norms, rules and understandings that function within the established at the dawn of Israeli statehood framework of the so-called secular-religious status. And, besides, in an indirect way, this disagreement relates to the understanding of the meaning — ethno-national or religious- that the supporters of various approaches to the idea of the Jewish character of the State of Israel put. In a sense, the symbol of this division was the community of the former USSR origin, which again, after a ten-year break, has become a critical factor in the internal political situation in the country and the focus of processes that have little in common with the traditional divide between the “right” and “left” flanks of Israeli politics.

Keywords: Israeli parliamentarism, elections, ethnic and religious identity, «Russian Israel».

For citation: Khanin, V. (2021), ““Charedim-philés” and “Charedim-phobes” in their Fight for the “Russian Street” in the 2019–2021 Knesset Elections”, *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 233–247 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.012

Взаимоотношения религии и государства вновь стали одной из центральных тем выборов в израильский парламент — Кнессет в сентябре 2019-го и марте 2020 года. Данная тема заняла столь заметное место в национальной повестке дня во многом благодаря усилиям лидера партии «Наш дом — Израиль» (НДИ), бывшего министра обороны страны Авиغدора Либермана. Именно его отказ войти после выборов в апреле 2019 уже в пятую по счету коалицию лидера правоцентристской партии «Ликуд» («Сплоченность») Биньямина Нетаньяху и привел к роспуску только что избранного Кнессета, а затем — к еще двум новым досрочным выборам. Формальным камнем преткновения было требование Либермана принять без изменений разработанный его министерством и уже прошедший первое чтение в Кнессете закон о призыве в ЦАХАЛ молодежи ультрарелигиозного сектора (т. н. «харедим»). Против чего настойчиво возражали представляющие интересы этого сектора блок ашкеназских еврейских ультра-ортодоксов «Ядудт ха-Тора» («Еврейство Торы», ЯТ) и возглавляемая сефардскими ультра-ортодоксами социально-популистская партия

евреев — выходцев из стран Востока ШАС. А также солидарные с «харедим» по данному вопросу представители т. н. «национально-ультрарелигиозного лагеря», задававшие тон в блоке религиозно-сионистских правых партий.

Та же тема звучала и на четвертых, за последние два года, досрочных выборах в Кнессет 24-го созыва в марте 2021 года. На эти выборы страна пошла после развала созданного с большим трудом за 10 месяцев до этого «правительства компромисса», во главе с Биньямином Нетаньяху и его, до недавнего времени, основным соперником, «сменным премьер-министром» Бенни Ганцем — главой распавшегося после третьих выборов блока центристских и левоцентристских партий «Кахоль-Лаван» («Бело-голубые», по цветам израильского флага). Актуальность этой тематики объяснялась не только популярностью в обществе идеи «равного распределения гражданского и налогового бремени», но еще и тем, что закон о призыве являлся лишь верхушкой айсберга. На самом деле речь шла обо всем комплексе норм, правил и пониманий, действующих в рамках сложившегося на заре израильской государственности так называемого светско-религиозного статус-кво. Включая личный статус граждан, браки и разводы, определение еврейства, права различных религиозных общин на осуществление процесса перехода в иудаизм, порядок проведения необходимых работ и деятельность предприятий сферы услуг и развлечений в Шаббат и другие. А также, в опосредованном виде, о понимании смысла — этнонационального или религиозного, — вкладываемого сторонниками этих двух различных подходов в идею еврейского характера Государства Израиль.

Иными словами, Авигдор Либерман нащупал тогда крайне актуальную для большинства евреев-израильтян «болеву точку» общественной политики и сумел превратить НДИ в «партию тренда». Все это существенно подняло и статус русскоязычной общины Израйля, представители которой составляют подавляющее большинство избирателей НДИ. В итоге борьба за «русский голос», которому еще накануне первых в этой череде выборов в апреле 2019 года выборов многие политики и журналисты отказывали в статусе хоть сколько-нибудь значимой электоральной силы, стала едва ли не ведущим эпизодом избирательной кампании в Кнессет 22 и 23-го созывов (2019 и 2020 гг.), вновь определявшим личность хозяина резиденции премьер-министра на иерусалимской улице Бальфур.

Потому разрушение традиционной электоральной базы НДИ было сформулировано в качестве главной задачи кампании «Ликуда», чьи лидеры заверили — как это, например, сделала в интервью радиостанции «Галей ЦАХАЛ» приближенная к главе партии замминистра иностранных дел Ципи Хотовели, — что «в случае новых выборов Авигдор Либерман и его партия “Наш дом — Израиль” просто исчезнет» (цит. по: [Israel Naom 2019]). Однако, хотя на решение этой задачи, по данным прессы, ликудовским пропагандистам была выделена беспрецедентная сумма в 20 млн шекелей (более 5 млн евро),

по причинам, которые мы рассматривали в наших других публикациях, успеха эта линия не принесла.

Кампания нарративов

Остановимся лишь на одном моменте: неверно выбранном тоне «русской» кампании «Ликуда» и союзных с ним партий. Вместо обсуждения актуальной для общества проблемы взаимоотношения религии и власти по ее сути, позиция, которую озвучивало немало штатных и добровольных пропагандистов право-религиозного блока, была построена вокруг сомнительного, с точки зрения фактов и восприятия адресной аудитории, утверждения, что проблемой якобы являются отнюдь не харедим, которые, как считают их защитники, и есть «соль земли израильской», хранители настоящего еврейского образа Страны, и, по тем же мнениям, вовлечены в рынок труда ровно в той степени, в которой он в них нуждается, а в армии не служат только потому, что она сама якобы не заинтересована в их призыве. А именно русскоязычные избиратели НДИ, в их стереотипно-гротескном образе, агрессивно растиражированном на многочисленных (в том числе «фейковых») страницах в социальных сетях. Там эти избиратели определены как пожилые «иждивенцы», пробравшиеся в страну для того, чтобы обеспечить свое благосостояние за счет «налогов молодых работающих израильтян» и голосующие «за партию, которая желает шантажировать израильское общество».

Подобные сентенции нередко сопровождалась весьма некорректными, чтобы не сказать аморальными, определениями избирателей оппонентов, как «зашоренные глупцы», «бабушки в деменции» и «агрессивные совки и ватники» (то есть носители советской и постсоветской тоталитарной идеологии), и прочими высказываниями такого рода, которыми на протяжении прошедших полутора лет был наполнен израильский сегмент Рунета. Не говоря уже о практически лишенной минимальной логики характеристике людей, голосующих за НДИ, одновременно как «путиноидов» (любителей политики и методов президента РФ В. В. Путина) и (в основном, в адрес репатриантов последней волны) как «клизтирной алии, приехавшей залечивать раны, полученные в борьбе с кровавым режимом». В этой связи не приходится удивляться отсутствию особых успехов «русского штаба» «Ликуда» и религиозных партий по привлечению на свою сторону людей из электоральной базы НДИ.

Справедливости ради заметим, что в адрес ультрарелигиозных партий и их избирателей тоже звучало множество неприемлемых, агрессивных и просто возмутительных, практически расистских высказываний, либо действительно озвученных активистами НДИ, либо приписываемых им оппонентами. По распространенному мнению, абсолютное большинство таких заявлений, сделанных в эмоциональном накале выборов, следует отнести на счет маргинальных

элементов либо прямых провокаторов, преследующих цели диффамации партий, от имени которых они якобы выступают. Видимо, на счет таких агентов и следует отнести львиную долю высказываний об избирателях НДИ как о «стариках-быдле», «гоях-предателях» и «русских паразитах и иждивенцах», которых «нужно депортировать из страны», — как и не менее нелицеприятных определений в адрес активистов «Ликуда», ЯТ и ШАС как «защитников религиозного диктата паразитов-харедим». И прочие подобные демарши, в которых организаторам политических кампаний противоборствующих сторон было трудно преодолеть искушение рассматривать в качестве идеологии настроения «мейнстрима» своих оппонентов.

В ходе избирательной кампании в Кнессет 23-го созыва, начавшейся в октябре 2019 года, сразу после того, как ни лидер «Ликуда» Биньямин Нетаньяху, ни лидер соперничающего с ним блока «Кахоль-Лаван» Бенни Ганц, ни кто-либо иной из депутатов Кнессета не сумели собрать необходимого числа голосов для формирования коалиции, подобная риторика продолжилась. И даже в какой-то мере обострилась — хотя в «Ликуде» на сей раз подчеркнута лояльно работали с «русскими» (не вполне понимая, как признал в интервью агентству Ynet один из лидеров этой партии, что же движет этим сектором и «откуда Либерман берет себе мандаты») [Азулай 2020]. Например, масла в огонь подлил и главный сефардский раввин Израиля и духовный руководитель партии ШАС Ицхак Йосеф.

В конце декабря 2019 года, на состоявшемся в Иерусалиме собрании раввинов-посланников в еврейские общины диаспоры, раввин Йосеф подверг резкой критике Закон о возвращении и политические силы, которые, используя этот Закон, привезли, по его словам «сотни тысяч или десятки тысяч гоев (не-евреев)», которые якобы «не принимают или ненавидят религию». Причем значительная часть этих людей, по убеждениям раввина, вообще «коммунисты» и «христиане, которые посещают церкви каждое воскресенье». И все это сделано затем, чтобы они «сбалансировали политическую силу ортодоксального населения путем голосования за “антирелигиозные” партии, подстрекающие против ортодоксов и против религии» [Нахшони 2020].

Хотя раввин Йосеф явно имел в виду избирателей НДИ (что, по имеющимся у нас социологическим данным, тоже однозначно расходится с фактами), данное заявление было небезосновательно воспринято как выпад против алии из бывшего СССР в целом. Незамедлительно последовал шумный скандал и ожидаемые осуждения со стороны НДИ, чей глава Авиغدор Либерман жестко раскритиковал Главного раввина, «который должен быть духовным примером для всего общества, [но] позволяет себе грубые оскорбления в адрес существенной части израильтян». И потребовал незамедлительно отстранить раввина Йосефа от должности, так как его слова, по мнению лидера НДИ, «невозможно квалифицировать иначе как расизм и антисемитизм, и они не могут остаться безнаказанными».

Но критику разной степени жесткости озвучили также другие политики как центристской и левой, так и правой части политического спектра, включая некоторых союзников ШАС по право-религиозному блоку, которые поспешили отмежеваться от высказываний Ицхака Йосефа (см. например: [ИТВ-9 2020]).

В итоге главный сефардский духовный лидер посчитал нужным уточнить свою позицию, которую, по его словам, «исказили СМИ». Но лишь ухудшил впечатление, заметив, что им движет «лишь забота о духовном состоянии репатриантов, не являющихся евреями, которые в еврейском государстве сталкиваются с чуждым и неприемлемым для себя образом жизни». И потребовал исправления «Закона о возвращении, в первую очередь, ради самих репатриантов»¹. Все это вызвало новую порцию критики.

Харедим и харедофилы

Со своей стороны, у Ицхака Йосефа нашлись и единомышленники, в частности из числа ашкеназских ультра-ортодоксов (например, тогдашний глава Минздрава и лидер хасидской части блока ЕТ «Агудат Исраэль» Яаков Лицман, близкий по взглядам к наиболее непримиримому флангу этой партии). А также некоторые влиятельные фигуры «хардаль» (консервативного крыла религиозного сионизма), такие как директор йешивы «Атерет Йерушалаим» раввин Шломо Авинер. Эти духовные и политические авторитеты согласились с теми или иными высказываниями Ицхака Йосефа, включая требование ужесточения Закона о возвращении и критику «конвейерного», по его словам, гиюра лиц смешанного происхождения², который якобы продвигают религиозные либералы раввины Давид Став и Хаим Амсалем. (Случайно или нет, оба были упомянуты Авидгором Либерманом как «наилучшие кандидаты на пост, соответственно, главного ашкеназского и главного сефардского раввина Израиля».)

Парадоксальным образом, раввина Ицхака Йосефа поддержали и на «русской улице» Израиля. Его тамошние защитники представляли разнородный спектр общественных и политических активистов — от таких символических фигур, как бывший участник так называемого «Самолетного дела» раввин Иосиф Менделевич³, и прочих деятелей, идеологически и политически близ-

¹ Интервью раввина Ицхака Йосефа Израильской корпорации общественного вещания «КАН-Решет бет», 7 января 2020 г.

² Согласно критериям традиционного еврейского права — Галахи, евреем считается человек, рожденный матерью-еврейкой или прошедший обряд перехода в иудаизм (гиюра), что означает присоединение к еврейскому народу как в религиозном, так и в этническом смысле

³ Речь идет о попытке захвата в июне 1970 года пассажирского самолета группой активистов подпольного сионистского и правозащитного движения в СССР, пытавшихся таким образом привлечь внимание к проблеме евреев, лишенных властями СССР возможности выезда в Израиль. Участников акции арестовали до посадки в самолет и приговорили к длительным

ких к ядру «хардаль» блока «Ямина» (ныне состоящие в блоке «Религиозный сионизм») и ультра-ортодоксальным партиям, — и до умеренно-религиозных, и особенно светски акцентированных, «антилиберманистов» из «русского» крыла движения «Ликуд», считающих для себя необходимым в любом случае встать на защиту ультра-ортодоксальных союзников своего партийного лидера⁴.

По сути, мы здесь имеем дело с социологическим феноменом в лице группы, которую публицист Софья Рон-Мория удачно, на наш взгляд, обозначила как «русские светские харедофилы». Индикатором данного феномена стала готовность участников данной группы объявлять антисемитским демаршем любое требование о либерализации общественной политики в сфере взаимоотношений религии и общества, отвергая с порога суждения тех, кто (правомерно, на наш взгляд) полагал некорректным использовать подобный жупел в дебатах внутри еврейского дискурса. Одной из наиболее известных «жертв» таких реакций стала сама Софья Рон-Мория (одна из видных фигур либерального крыла «русского» религиозного сионизма и, кстати, многолетний идеологический оппонент Авигодора Либермана). После изложения своей позиции на проликудовском 20-м канале ИТВ, она получила вал агрессивно-возмущенных откликов и фактически подверглась публичному «шеймингу» в социальных сетях.

Из организованных этими кругами информационных проектов борьбы с «русским антисемитизмом» в Израиле некоторую известность получил сайт «Саканат Бейтену» (игра слов: «опасность от нашего Дома», то есть НДИ, или «нашему дому»). Создатель сайта, бывшая советская «отказница», сотрудница Открытого Университета Израиля (и, как вскоре выяснилось, активистка «русского штаба» блока «Яхадут Ха-Тора») Наталья Ротенберг выкладывала на него переводы на иврит пропагандистских клипов партии НДИ и комментарии реальных или вымышленных сторонников партии в социальных сетях. Целью этого проекта было, как она сообщила в интервью журналисту газеты «Маарив», «показать ивритоговорящим израильтянам, что происходит на “русской улице” и убедить их в том, что «НДИ — это партия “антисемитов”, представляющая угрозу для Израиля». И «помешать НДИ запугивать людей опасностями, которые якобы исходят от харедим» [103FM 2020].

В свою очередь, представители окружения Либермана подали жалобу в полицию, обвинив инициаторов и спонсоров сайта в организации кампании

срокам тюремного заключения. Эти события считаются важной вехой в движении евреев-«отказников» в борьбе за право на эмиграцию. (См.: [Менделевич, 1987]).

⁴ О настроениях в этой среде можно судить по мнениям, публикуемым в ликудовской русской-язычной группе «Выборы в Кнессет». В частности, на вопрос либерального религиозного сиониста Leonid Sliosberg «можно ли считать 1 220 381 человека (голосовавших в марте 2020 года за блок “Кахоль-Лаван”) предателями?», абсолютное большинство участников дискуссии ответило утвердительно. А отношение к Либерману и избирателям его партии варьировалось от «расстрелять» до «выслать назад в Россию» [Выборы в Кнессет 2020].

очернения партии путем публикации заведомо ложных обвинений в адрес высшего эшелона НДИ в том, что они якобы «поощряют иммиграцию в Израиль антисемитов, неевреев и ненавистников религии». И потребовали прекратить, по их словам, «кампанию диффамации русскоязычных граждан страны» [ИТВ-20 2020]. Частью той же жалобы стала информация об итогах расследования подозрений о деятельности зарубежной интернет-компании, управлявшей парком ложных аккаунтов, созданных с целью организации провокаций против активистов НДИ и негативной кампании в социальных сетях. И потребовали от Центральной избирательной комиссии вмешаться в деятельность проекта «Саканат Бейтейну», которая, по мнению лидеров партии, официально объявляя себя внепартийной инициативой, фактически ведет незаконную предвыборную пропаганду.

Иск НДИ был отклонен, и примерно за неделю до выборов в Кнессет сложившаяся вокруг этой и иных подобных инициатив группа русскоязычных общественных активистов организовала конференцию «по проблемам борьбы с антисемитизмом русских [без кавычек] иммигрантов». (По сути, предвыборного митинга, по некоторым утверждениям, профинансированного из бюджета партий право-религиозного блока.) Среди прочего, на этом мероприятии были представлены данные контент-анализа материалов русскоязычного Интернета, подготовленного сотрудниками Ариэльского Университета д-ром Еленой Римон и д-ром Роном Шлейфером, и позднее опубликованные в виде интервью с его авторами газетой, близкой к консервативной фракции лидеров ЯТ «Ятед Неэман» [Рабинович 2020].

Их выводы сводились к нескольким академически сомнительным, с нашей точки зрения, но охотно подхваченным заинтересованными субъектами политического конфликта простым и вполне стереотипным для этих кругов декларациям. Во-первых, выходцы из бывшего СССР развили, по мнению Римон и Шлайфера, «отрицательное отношение к религиозным евреям из-за антисемитизма, который они впитали в стране исхода», включая «советскую атеистическую пропаганду и гнев на еврейскую Традицию», не готовы принять статус-кво и продолжают «вдохновляться российскими антисемитскими сайтами». Причиной, полагают авторы отчета, являются «трудности и разочарования эмиграции, включая неудачу в изучении нового языка и культуры». Наконец, носителями подобных, в понимании спонсоров обзора, антисемитских настроений являются не только этнические русские, приехавшие в Израиль по Закону о возвращении, но и «немало евреев» (в определении Елены Римон, «авто-антисемиты»), которые, будучи воспитаны агрессивной атеистической пропагандой, якобы «воспринимают всё, что связано с еврейским характером государства Израиль, как бессмыслицу».

Из чего следовал вывод, развеявший последние сомнения в политическом смысле того мероприятия и озвученный на нем же адвокатом, активной

участницей проектов движения «Арвут» (общественно-политическое крыло неокаббалистической организации «Бней Барух») Тали Тамарин: виновной в сложившейся ситуации является не кто иной, как «партия НДИ, которая долгие годы контролирует Министерство абсорбции». И, по мнению оратора, «вместо выделения бюджета на ознакомление новоприбывших с еврейской историей и традицией» направляет «деньги, выделенные на репатриацию и абсорбцию, на охрану границ культурного гетто».

Показательно, что своеобразную поддержку данной трактовки образа общины репатриантов из бывшего СССР высказал и Председатель Палестинской автономии Махмуд Аббас. Выступая на саммите ЛАГ в Каире с критикой нового американского плана Ближневосточного урегулирования, глава ПА, среди прочего, упомянул невозможность принять содержащееся в нем требование признать Израиль государством еврейского народа. Это, по мнению Аббаса, невозможно хотя бы потому, что очень большую часть его населения составляют не-евреи, к которым глава ПНА причислил 1–1,5 миллиона выходцев из России (и Эфиопии), которые якобы «заплатили деньги, чтобы их называли евреями» [ТОИ 2020; Wachner 2020]. Причем ряд израильских комментаторов и политиков тут же отметили, что данное заявление главы ПА являлось явной реминисценцией выступления раввина Ицхака Йосефа; резче других, как и ожидалось, это сделал лидер НДИ Авигдор Либерман⁵.

Наконец, если не контекст и способ выражения, то, во всяком случае, пафос высказывания раввина Ицхака поддержали многие представители левых израильских постсионистских кругов, солидаризирующихся с арабами в требовании к Израилю отказаться от еврейского национального характера и превратиться в «государство всех его граждан». Но если в обществе и его политических элитах такие суждения пока считаются маргинальными, то в интеллектуальном авангарде постсионизма — например, в некоторых творческих кругах, и особенно в академическом сообществе, где тон сегодня нередко задают так называемые «новые историки» и «новые социологи», — это сегодня является мейнстримом.

Выступление главного сефардского раввина как аргумент в пользу своей позиции упомянул, например, один из наиболее ярких представителей израильских «новых» социологов — профессор Хайфского Университета Маджид Аль-Хадж в ходе презентации своей книги «Русские в Израиле — новая этническая группа в племенном обществе» [Al-Haj 2019], которая, по совпадению, прошла именно в те дни. Эта книга, подводящая итоги 30-летних исследований автора алии из бывшего СССР, представляет, как и следует из ее названия, почти весь набор характерных для «новых социологов» стереотипов в отношении данной

⁵ Интервью А. Либермана 12-му каналу израильского телевидения, 10 февраля 2020 г. (News Channel 12 of Israeli TV).

группы израильского населения, рассматривающих русскоязычных израильтян не как репатриантов, а в качестве ино-этнических иммигрантов. В силу чего, по мнению этих авторов, в Израиле живут три разных народа — евреи, арабы и русские (без всяких кавычек) выходцы из бывшего СССР.

Заметим, что именно из этого убеждения исходил нашумевший в свое время призыв проф. Аль-Хаджа к израильским арабам «искать союза с русскими, как будущей элитой Израиля, способной оттеснить от власти старые элиты “Первого Израиля”»⁶. Идея была, в общем, не нова: еще во второй половине 90-х гг. немало представителей израильской арабской элиты отошли от огульной критики «этноцентризма», в их понимании, израильского Закона о возвращении, предоставляющего немедленное гражданство евреям и членам их семей по прибытии в Израиль. Причиной были надежды, что светская и якобы несионистски настроенная «русская» алия, с существенной долей галахических не-евреев, может стать союзником израильских арабов в их борьбе за инфляцию еврейского статуса Государства. И были весьма разочарованы, когда ничего подобного не случилось (подробнее см.: [Khanin 2005]). Однако накануне выборов в 23-й Кнессет организаторы избирательной кампании Объединенного арабского списка (ОАС), вдохновленные, как полагают некоторые обозреватели, ремарками рабби Йосефа и Махмуда Аббаса, решили вновь обратиться к этой идее. Они выпустили рекламные ролики и плакаты на русском языке, с обещанием содействия русскоязычным гражданам в достижении ими равенства и гражданских прав в случае голосования за ОАС [Sverdlov 2020] — впрочем, вновь без особого в том успеха.

Этно-общинный фактор

В любом случае, вся эта «внутри-ашкеназская» (с небольшим арабским орнаментом), по сути, полемика, почти проигнорированная основными СМИ, осталась в целом на периферии общественного внимания. Намного больший резонанс вызвала однозначная поддержка демарша главного сефардского раввина лидером партии ШАС, главой МВД Арье Дери и нынешним главой Совета мудрецов Торы и духовным руководителем этой партии раввином Шломо Когеном. Данную историю, которые многие обозреватели рассматривали как личное столкновение прежде близких друг другу, но ныне находящихся в крайне натянутых отношениях Арье Дери и Авигдора Либермана, следует понимать намного шире. А именно как еще одно подтверждение известного постулата израильской политики: тема взаимоотношения государства и религии

⁶ Доклад Маджида Аль-Хаджа «Статус палестинцев в Израиле в тени Интифады», представленный Центру стратегических исследований (Иордания, 27 августа 2002 г.) (Al-Haj M. «The Status of the Palestinians within Israel under the Shadow of the Intifada»).

(и сфокусированных на ней социально-экономических, культурно-идеологических и гражданских ценностей различных групп) работает особенно четко, если она приобретает политическую коннотацию в сочетании с общинно-секторальными и социально-общинными интересами и конфликтами.

Этот периодически обостряющийся конфликт разных культурно-политических сегментов израильского общества и их элит сегодня вновь, после почти десятилетнего перерыва, стал фоном противостояния между крупными общинными группами. На этот раз сторонами этого конфликта, по крайней мере на символическом уровне, среди прочих стали, с одной стороны, «сефарды» (евреи — выходцы из стран Азии и Африки и их потомки — так называемой «Второй Израиль») и поддерживающие их в данном вопросе ашкеназские «харедим». И с другой — выходцы из стран бывшего СССР («Третий Израиль»)⁷.

Отдельные эпизоды этого конфликта, признаки постепенного нарастания которого были видны на протяжении нескольких последних лет, привлекли повышенное общественное внимание. В 2013 году это были вызвавшие мощный общественный резонанс и направленные против НДИ предвыборные ролики партии ШАС, в которых многие усмотрели расистский выпад в отношении репатриантов из бывшего СССР. Следующим эпизодом, в котором комбинация вопросов взаимоотношений государства и религии и общинно-секторальных интересов проявилась особенно выпукло, стал т. н. «Ашдодский казус». Именно в этом городе, конкурирующем с Хайфой за статус «неофициальной столицы русского Израиля», накапливающееся недовольство «законодательным активизмом» ультрарелигиозных фракций вырвалось наружу в виде регулярных (в начале — практически еженедельных) демонстраций против «религиозного диктата».

Поводом в ряде случаев стала, по мнению протестующих, абсолютное большинство которых были русскоязычные жители города, чересчур широкая трактовка муниципалитетом «Закона о супермаркетах», содержащего жесткие ограничения на коммерческую деятельность в субботу и продавленного в Кнессете ультрарелигиозными партиями ЕТ и ШАС. (Этот закон поддержали Объединенный арабский список и, в порядке правительственной дисциплины, все коалиционные партии, за исключением голосовавшей против фракции НДИ.) Эта история имела хороший шанс многократно повториться в других городах на муниципальных выборах осенью 2018 года — что, как и показали события, действительно имело место (подробнее см.: [Ханин 2018, с. 30–45]).

И именно тогда стало еще более понятно, что тема имеет очевидный партийный запрос, сделав муниципальные выборы своего рода введением в тему избирательной кампании в Кнессет 21-го созыва. Во время той кампании из уст

⁷ Обсуждение концепции «Первого», «Второго» и «Третьего Израиля» см.: [Ханин 2014].

лидера ШАС и прозвучало упомянутое выше скандальное заявление («знакомый рефрен», как заметила в своем анализе бывший депутат Кнессета Ксения Светлова, намекая на избирательный ролик ШАС 2013 года) о необходимости брать у репатриантов из бывшего СССР «ДНК-тесты на принадлежность к еврейству» [Svetlova 2020]. А продолжением этой линии были вброшенные уже в ходе избирательной кампании в Кнессет 23-го созыва в декабре 2019 года в СМИ ложные сведения о «катастрофически низкой» доле евреев в алии последнего десятилетия, что было обосновано ссылкой на информацию из «источников в МВД», которую на следующий день опровергла пресс-служба этого ведомства.

Как можно заметить, заявление раввина Ицхака Йосефа и его активную поддержку, и тиражирование в информационном пространстве лидерами ШАС и их партнерами можно считать просто очередными залпами того же конфликта. Некоторые комментаторы к тому же посчитали, что его заявление во многом является эхом заявления его покойного отца, знаменитого духовного авторитета евреев-сефардов и партии ШАС, раввина Овадии Йосефа, также прославившегося нелицеприятными высказываниями в адрес репатриантов из стран бывшего СССР и объявлявшим любую поддержку партии Либермана «сатанинским действием» (цит. по: [Ynet 2009]). Контекстом тогдашнего высказывания был неожиданный взрыв накануне выборов в Кнессет 2009 года симпатии к Либерману, который тогда стал одним из символов протеста социальной и географической периферии общества против «всевластия старых ашкеназских элит», со стороны многих сефардов-традиционалистов, которые обычно делили свои голоса между «своей» социально-популистской партией ШАС и правыми списками. И ультрарелигиозных лидеров ШАС тогда серьезно беспокоило, что эта партия, согласно некоторым данным, могла потерять в пользу НДИ 2–3 мандата.

Видимо, впечатления десятилетней давности и стали стимулом усилий лидеров ШАС по делегитимации НДИ и избирателей Либермана. Что, надо полагать, помогло команде Арье Дери удержать при себе выходцев из стран Азии и Африки. Однако о том, чтобы склонить русскоязычных репатриантов из твердого ядра и привлеченного электората НДИ проголосовать за «Ликуд» или его союзников, в этих условиях не могло быть и речи.

Вывод из выборных кампаний 2019–2020 гг.

Таким образом, в серии выборов 2019 и 2020 гг. русско-еврейская община Израиля стала фокусом процессов, имеющих мало общего с традиционным размежеванием между «правыми» и «левым» флангом израильской политики. И даже не между светским и религиозным населением, как это пытались представить пропагандисты различных партий

Водораздел борьбы по поднятым тогда национально-гражданским вопросам проходил между сионистским большинством (включающим светских и соблюдающих традицию еврейских граждан страны, а также большинство религиозных сионистов и даже рациональную часть ультрарелигиозных евреев) и неформальным блоком арабских антисионистов, ультралевых постсионистов и наиболее консервативной части не-сионистов-«харедим». Если это так, то не приходится удивляться, что до времени латентная и неожиданно, на первый взгляд, вышедшая на поверхность в промежутке между выборами в апреле и сентябре 2019 года (и снова получившая резонанс на четвертых, в этом электоральном марафоне, выборах в марте 2021 года) тема политического статуса религиозных общин и справедливого распределения «гражданского и экономического бремени» встретила столь заинтересованную реакцию израильского общества.

Список литературы

- Азулай 2020 — Азулай М. Три пункта, которые могут принести победу [на выборах] [Электронный ресурс] // Ynet. 28.02.2020. URL: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5686153,00.html#autoplay> (дата обращения: 02.03.2020)⁸.
- Выборы в Кнессет 2020 — Выборы в Кнессет [Электронный ресурс] // Facebook. URL: https://www.facebook.com/search/top/?q=%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B%20%D0%B2%20%D0%BA%D0%BD%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%82%20sliosberg&era=SEARCH_BOX (дата обращения: 10.05.2020).
- ИТВ-9 2020 — Практически все политические силы Израиля осудили высказывание раввина Йосефа [Электронный ресурс] // 9 канал ИТВ. 07.01.2020. URL: <https://www.9tv.co.il/item/7336> (дата обращения: 07.01.2020).
- ИТВ-20 2020 — Исраэль Бейтейну пожаловалась в полицию на Наталью Ротенберг [Электронный ресурс] // 20 канал ИТВ. 24.02.2020. URL: <https://www.20il.co.il> (дата обращения: 24.02.2020)⁹.
- Менделевич 1987 — Менделевич И. М. Операция «Свадьба». Иерусалим : Гешер а-Тшува, 1987. 488 с.
- Нахшони 2020 — Нахшони К. Главный раввин жестко атакует репатриантов: «массы гоев, ненавидящих религию» [Электронный ресурс] // Ynet. 07.01.2020. URL: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5655465,00.html#autoplay> (дата обращения: 08.01.2020)¹⁰.
- Рабинович 2020 — Рабинович Б. Борьба с антисемитизмом в Израиле [Электронный ресурс] // Хроники Иерусалима. 2020. URL: <https://gazeta.rjews.net/2020/rimon7.php> (дата обращения: 07.03.2021).
- Ханин 2014 — Ханин В. (З.) «Третий Израиль»: русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI в. М. : Институт Ближнего Востока, 2014. 241 с.
- Ханин 2018 — Ханин В. (З.) Израиль накануне и в год своего 70-летия: актуальные аспекты внешней и внутренней политики. М. : Институт Ближнего Востока, 2018. 260 с.
- 103FM 2020 — Общественный деятель Наталья Ротенберг получила жалобу в полицию после того как перевела тексты членов НДИ [Электронный ресурс] : интервью // Радио 103FM.

⁸ אולאי מ', שלוש נקודות שיוכלו להוביל להכרעה ברגע האחרון

⁹ ישראל ביתנו' התלוננה במשטרה נגד נטליה רוטנברג.

¹⁰ נחשוני ק', הרב הראשי במתקפה חריפה על העולים: "מסות של גויים שונאי דת"

- 25.02.2020. URL: <https://103fm.maariv.co.il/programs/media.aspx?ZrqvnVq=HLJLFM&c41t4nzVQ=FJE> (дата обращения: 25.02.2020)¹¹.
- Israel Hayom 2019 — Хотовели Ц. Интервью радиостанции «Галей ЦАХАЛ» // Israel Hayom. 29.05.2019. С. 1–3¹².
- Ynet 2009 — Раввин Овадия: голосование за Либермана — поддержка Сатаны [Электронный ресурс] // Ynet. 07.02.2009. URL: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3668104,00.html> (дата обращения: 07.02.2021)¹³.
- Al-Haj 2019 — *Al-Haj M.* The Russians in Israel: A New Ethnic Group in a Tribal Society. London : Routledge, 2019. 258 p.
- Bachner 2020 — *Bachner M.* Rivlin chides Abbas for claiming Russian, Ethiopian immigrants aren't Jews [Electronic resource] // The Times of Israel. 02.02.2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/rivlin-chides-abbas-for-claiming-russian-ethiopian-immigrants-arent-jews/> (access date: 02.02.2020).
- Khanin 2005 — *Khanin V. (Z.)* The Vision of Return: Reflections on the Mass Immigration to Israel from the Former Soviet Union // *Exile and Return: Predicaments of Palestinian Arabs and Jews* / ed. by I. Lustick, A. Lesch. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2005. P. 183–203.
- Sverdlov 2020 — *Sverdlov L.* Joint List sets off election campaign in Yiddish, Russian, Amharic. The anti-Zionist party decided to join forces with minorities within Israel's Jewish population [Electronic resource] // The Jerusalem Post. 16.02.2020. URL: <https://www.jpost.com/Israel-News/Politics-And-Diplomacy/Joint-List-sets-off-election-campaign-in-Yiddish-Russian-Amharic-617782> (access date: 07.03.2021).
- Svetlova 2020 — *Svetlova K.* Incitement against Russian-Israelis resurges in election campaign [Electronic resource] // Al-Monitor. 07.01.2020. URL: www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/01/israel-russia-avigdor-liberman-rabbi-ovadia-yosef-immigrants.html (access date: 11.01.2020).
- TOI 2020 — Savaging Trump plan, Abbas says Palestinians cutting all ties with Israel, US [Electronic resource] // The Times of Israel. 01.02.2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/arab-fms-meet-in-cairo-as-palestinians-seek-support-against-trump-plan/> (access date: 08.02.2020).

References

- “Almost all political forces in Israel condemned the statement of Rabbi Yosef”, *9tv*, 07 January, available at: <https://www.9tv.co.il/item/7336> (accessed 07 January 2020) (in Russian).
- Al-Haj, M. (2019), *The Russians in Israel: A New Ethnic Group in a Tribal Society*, Routledge, London, 258 p.
- Azulai, M. (2020), “Three points that can bring victory [in the election]”, *Ynet*, 28 February, available at: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5686153,00.html#autoplay> (accessed 02 March 2020) (in Hebrew).
- Bachner, M. (2020), “Rivlin chides Abbas for claiming Russian, Ethiopian immigrants aren't Jews”, *The Times of Israel*, 02 February, available at: <https://www.timesofisrael.com/rivlin-chides-abbas-for-claiming-russian-ethiopian-immigrants-arent-jews/> (accessed 02 February 2020).
- “Israel Beiteinu complained to the police about Natalia Rotenberg” (2020), *20il*, 24 February, available at: <https://www.20il.co.il> (accessed 24 February 2020) (in Hebrew).
- Khanin, V. (Z.) (2005), “The Vision of Return: Reflections on the Mass Immigration to Israel from the Former Soviet Union”, in Lustick, I. and Lesch, A. (eds), *Exile and Return: Predicaments of Palestinian Arabs and Jews*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, pp. 183–203.
- Khanin, V. (Z.) (2014), «Tretii Izrail'»: *russkoyazychnaya obshchina i politicheskie protsessy v evreiskom gosudarstve v nachale XXI veka* [“Third Israel”: Russian-speaking community and political

¹¹ הפעילה החברתית נטליה רוטנברג קיבלה תלונה במשטרה אחרי שתרגמה טקסטים של אנשי ישראל ביתנו ¹¹

¹² “חוטובלי צ’, ראיון לתחנת רדיו “גלי צה”ל” ¹²

¹³ הרב עובדיה: “הצבעה לליברמן - תמיכה בשטן” ¹³

- processes in the Jewish state at the beginning of the XXI century], Institut Blizhnego Vostoka, Moscow, 241 p. (in Russian).
- Khanin, V. (Z.). (2018), *Izrail' nakanune i v god svoego 70-letiya: aktual'nye aspekty vneshnei i vnutrennei politiki* [Israel on the eve and in the year of its 70th anniversary: topical aspects of foreign and domestic policy], Institut Blizhnego Vostoka, Moscow, 260 p. (in Russian).
- Khotovely, Z. (2019), Interview to Israeli Army Radio, *Israel Hayom*, 29 May, pp. 1–3 (in Hebrew).
- “Knesset elections” (2020), *Facebook*, available at: https://www.facebook.com/search/top?q=%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B%20%D0%B2%20%D0%BA%D0%BD%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%82%20sliosberg&epa=SEARCH_BOX (accessed 10 May 2020) (in Russian).
- Mendelevich, I. M. (1987), *Operatsiya «Svad'ba»* [Operation “Wedding”], Gesher a-Tshuva, Jerusalem, 488 p. (in Russian).
- Nakhshoni, K. (2020), “The chief rabbi harshly attacks the repatriates: ‘the masses of the goyim who hate religion’”, *Ynet*, 07 January, available at: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5655465,00.html#autoplay> (accessed 08 January 2020) (in Hebrew).
- “Public figure Natalia Rotenberg received a complaint to the police after translating the texts of the NDI members: interview” (2020), *103FM*, 25 February, available at: <https://103fm.maariv.co.il/programs/media.aspx?ZrqvnVq=HLJLFM&c41t4nzVQ=FJE> (accessed 25 February 2020) (in Hebrew).
- Rabinovich, B. (2020), “Fight anti-Semitism in Israel”, *Khroniki Ierusalima*, available at: <https://gazeta.rjews.net/2020/rimon7.php> (accessed 07 March 2021) (in Russian).
- “Rabbi Obadiah: vote for Lieberman — support for Satan” (2009), *Ynet*, 07 February, available at: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3668104,00.html> (accessed 07 February 2020) (in Hebrew).
- “Savaging Trump plan, Abbas says Palestinians cutting all ties with Israel, US” (2020), *The Times of Israel*, 01 February, available at: <https://www.timesofisrael.com/arab-fms-meet-in-cairo-as-palestinians-seek-support-against-trump-plan/> (accessed 08 February 2020).
- Sverdlov, L. (2020), “Joint List sets off election campaign in Yiddish, Russian, Amharic. The anti-Zionist party decided to join forces with minorities within Israel’s Jewish population”, *The Jerusalem Post*, 16 February, available at: <https://www.jpost.com/Israel-News/Politics-And-Diplomacy/Joint-List-sets-off-election-campaign-in-Yiddish-Russian-Amharic-617782> (accessed 07 March 2021).
- Svetlova, K. (2020), “Incitement against Russian-Israelis resurges in election campaign”, *Al-Monitor*, 07 January, available at: www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/01/israel-russia-avigdor-liberman-rabbi-ovadia-yosef-immigrants.html (accessed 11 January 2020).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 10.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторе

Ханин Владимир (Зеэв)
доктор политологии, профессор
Университет Бар-Илан, Ариэльский
университет
529002 Израиль, Рамат-Ган, кампус
Университета Бар-Илан
E-mail: z.khanin@eajc.org

Information about the author

Khanin, Vladimir (Ze'ev)
Ph.D., Associate Professor
Bar-Ilan University, Ariel University
Bar-Ilan University Campus, Ramat-Gan,
529002 Israel
E-mail: z.khanin@eajc.org

Научное издание

KOINON

2021. Т. 2. № 1

Редакторы	<i>С. В. Фельдман</i> <i>А. В. Соловьева</i>
Редактор перевода	<i>Н. Н. Шабалова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>

Свободная цена

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Дата выхода в свет 25.06.2021. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 20,15. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ 185.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

